

3 (22)

2013

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 3 (22)
2013**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
А.Н. Багашев

Редакционный совет:
акад. В.И. Молодин (председатель),
чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, С.В. Васильев, В.Н. Логвин, Н.А. Миненко,
О.М. Рындина, Н.А. Томилов, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина,
Ю.К. Чистов, Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), В.А. Зах, В.П. Ключева,
Н.А. Лискевич (ответственный секретарь), Д.В. Московченко,
Н.Е. Рябогина, А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2013

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1	4
Тигеева Е.В. Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Притоболья	31
Зими́на О.Ю., Илюшина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья	40
Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье	54
Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства)	68
Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы — средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС)	79
Серегин Н.Н. Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона	87

Антропология

Тур С.С. Биомеханический подход к изучению физической активности древних скотоводов лесостепного Алтая	95
Кириченко Д.А. Сарматы Венгрии по данным антропологии	103
Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана	113

Этнология

Хаховская Л.Н. Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения	132
Адаев В.Н. История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг.: становление этнотерриториальной группы	142
Байдуж М.И., Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири	148
Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития	156
Царева Е.Г. Ковер как исторический источник: к истории формирования художественного облика и структурных особенностей туркменского ковра XVI — начала XX в.	165
Клюева В.П. Религия в последнее советское десятилетие: воспоминания тюменских христиан о 1980-х гг.	175

Палеоэкология

Рябогина Н.Е., Борисов А.В., Иванов С.Н., Занина О.Г., Савицкий Н.М. Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)	182
Вниманию авторов	195
Список сокращений	198

На передней стороне обложки: слитки и ножи с поселения эпохи бронзы Устье 1 в Южном Зауралье; корякская женская гагагла для игры в бубен, вид сзади (фото Л.Н. Хаховской).

Contents

Archaeology

Vinogradov N.B., Degtyareva A.D., Kuz'minykh S.V. Metallurgy and metalwork in the life of inhabitants from a fortified settlement of Ustje 1	4
Tigeyeva Ye.V. A chemical-and-metallurgical description regarding metal of the Alakul culture from the Middle Low Tobol basin	31
Zimina O.Yu., Ilyushina V.V. Pottery of the Barkhatovo culture from the subtaiga Low Tobol basin	40
Zakh V.A., Tsembal'uk S.I. Complexes of the Early Iron Age and Early Middle Ages regarding a fortified settlement of Kalachik 1 in the Low Tobol basin	54
Matveeva N.P., Kobeleva L.S. On the question of the initial components of the Early Middle Ages cultural genesis regarding forest-and-steppe Trans Urals (following pottery investigation data)	68
Berlina S.V., Kostomarov V.M., Popov N.A. Fortified settlements of the forest Tobol-and-Ishim basin in the Bronze Age — Middle Ages (an experience of classification and analysis using GIS)	79
Seregin N.N. Children's burial places with the Early Middle Ages Turks from Altai-and-Sayans region	87

Anthropology

Tur S.S. A biomechanical approach to studying physical activity among ancient pastoralists from the forest-and-steppe Altai	95
Kirichenko D.A. Hungarian Sarmatians following anthropological data	103
Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Loman V.G. Craniological data of the Bronze Age from Kazakhstan	113

Ethnology

Khakhovskaya L.N. A ritual sling with Verkhny Paren' Koryaks as an attribute of shaman vestment	132
Adayev V.N. History of Ugansk Khanty at the Demyanka river in 1970–2000: development of an ethnoterritorial group	142
Bajduzh M.I., Liskevich N.A., Masharipova A.Kh. Traditional notions on a goblin with Komi from the south of West Siberia	148
Bakieva G.T., Kvashnin Yu.N. The Low Volga Tartars in West Siberia: particulars of migration and ethnocultural development	156
Tsareva Ye.G. A carpet as a historical source: on the history of development regarding artistic look and structural features of a Turkmen carpet of XVI — early XX century	165
Kluyeva V.P. Religion in the last Soviet decade: memoirs of the Tyumen Christians about the 1980th	175

Paleoecology

Ryabogina N.Ye., Borisov A.V., Ivanov S.N., Zanina O.G., Savitsky N.M. Environmental conditions in the south of Central Russian Upland in Khazar time (IX–X cc.)	182
---	-----

Memo to the Authors	195
Abbreviations	198

АРХЕОЛОГИЯ

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА В ЖИЗНИ ОБИТАТЕЛЕЙ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬЕ 1¹

Н.Б. Виноградов*, А.Д. Дегтярева**, С.В. Кузьминых***

Опубликованы материалы, полученные в процессе исследования укрепленного поселения Устье 1 рубежа III–II тыс. до н.э., связанные с металлопроизводством. На основании морфолого-типологического исследования цветного инвентаря, результатов атомно-эмиссионного спектрометрического, спектрального и металлографического анализов произведена культурная идентификация синташтинского и петровского металла. Обобщение аналитических данных позволило выявить четкую корреляцию химико-металлургических групп (сплавов) и технологических схем изготовления цветного инвентаря. Изделия, входившие в группы «чистой» меди, оловянной, частично оловянно-мышьяковой бронзы, связываемых нами с петровским металлопроизводством, получали по традиционным схемам, присущим петровским технологическим процессам. Предметы из низколегированной мышьяковой бронзы изготавливали по схемам, которые являлись индикаторными для синташтинской металлопроизводства. Приведенные данные об артефактах, обнаруженных при исследовании культурного слоя памятника, связанных с металлопроизводством, свидетельствуют об особо значимой роли металлургии и металлообработки в жизни его обитателей.

Эпоха бронзы, Южное Зауралье, металлопроизводство, поселение Устье 1, морфология металла, анализ состава меди и бронз, металлографический анализ.

Среди памятников рубежа III–II тыс. до н.э. Южного Зауралья особое место принадлежит укрепленному поселению Устье 1, в процессе исследования которого в 80-е гг. XX в. обнаружены уникальные и обширные коллекции, связанные с металлургическим и металлообработывающим производством (вскрыто более 3000 м² [Виноградов, 2011, с. 25–26]). Автор раскопок памятника считает, что именно уральские рудные источники были одним из решающих факторов локализации укрепленных поселений синташтинской и петровской археологических культур, поскольку металлопроизводство, наряду со скотоводством, играло ведущую роль в хозяйственной деятельности населения этих культур. Состав находок в культурном слое поселения Устье 1 подтверждает этот важный вывод.

На памятнике открыты медеплавильные комплексы, найдено свыше 1200 предметов, связанных с синташтинским и петровским металлопроизводством (металлургические шлаки, куски руды, тигли, льячки, сопла, изделия из цветного металла — слитки, сплески, орудия труда, украшения, прутковые и полосовые заготовки) [Там же, с. 86]. В ходе полевых работ была исследована серия остатков по меньшей мере двух типов теплотехнических сооружений, безусловно связанных с выплавкой и плавкой металла. Это либо небольшие углубления, в одном случае с отходящей от них канавкой (дымоходом), заполненной специфической сажей — «крупкой» (котлован петровского помещения 3), либо каменные выкладки, устойчиво располагающиеся рядом с колодцами. Наиболее интересное сооружение выявлено в котловане петровского помещения 10.

Всего в ходе раскопок экспедицией ЧГПИ исследованы остатки 16 каменных выкладок. Восемь из них — овальные в плане; семь — округлые; одна (участки П, Р/20) имеет подтреугольную форму. Размеры овальных выкладок колеблются от 0,85×0,6 м до 1,4×1,0 м; округлых — 0,35–1,25 м в диаметре. Общим для всех выкладок является то, что камни лежат в один слой. Все имеют явные следы растрескивания от действия высоких температур. Два теплотехнических сооружения находятся на площади, некогда перекрытой стеной петровского периода истории Устья, и, безусловно, функционировали в синташтинское время. Другие, локализованные в северной части котлована петровского помещения 3, скорее всего, как предполагает автор раскопок, также относятся к синташтинскому поселку. Каменные выкладки, находившиеся рядом с петровскими колодцами, связаны с производством петровского этапа. Рядом с остатками теплотехнических сооруже-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ, проекты 11-06-00034, 11-06-00145.

ний постоянно встречались явные следы выплавки и плавки металла, в частности слитки, шлаки, капли меди, сплески, обломки керамики со следами действия высоких температур.

В ходе раскопок обнаружено свыше 130 довольно мелких кусочков медьсодержащих минералов (малахит и азурит) общим весом 620 г, кроме того — большое количество обломков рудовмещающей железосодержащей породы — бурого железняка со следами «медной помазки» (4,4 кг). Эти данные свидетельствуют о том, что либо выплавка металла из руды в теплотехнических сооружениях внутри помещений поселения не производилась совсем, либо ее масштабы были сильно ограничены. В горнах производственных помещений, вероятнее всего, осуществлялись плавка черновой меди, ее рафинирование, переплавка лома, литье готовых изделий. Тем не менее относительное (в сравнении с поселением горняков и металлургов позднего бронзового века Горный 1 в Оренбуржье) изобилие металлургического шлака в культурном слое Устья предполагает широкие масштабы металлургического производства на поселении Устье 1. Из его слоя извлечено 1146 обломков металлургического шлака общим весом 13,5 кг, причем выборка отражает как синташтинский, так и петровский периоды истории памятника.

На площади поселения в различных его частях сделаны, кроме того, разнообразные находки, связанные с процессом металлопроизводства (более 200 ед. хранения). Прежде всего, речь идет о каплях и сплесках меди (183 экз. общим весом 88 г). Из слоя памятника происходят изложницы, сопла, тигли, также связанные с процессом получения металла. Из заполнения колодца петровского периода извлечена часть лепной керамической «тарелки» на невысоком поддоне. Поверхности светло-серые, внутри — красноватые пятна с невыраженными границами. Обломок этой же ошлакованной «тарелки» обнаружен в слое на участке X/24. Определение этих фрагментов как частей изложницы подтверждено аналитическими данными, полученными с помощью портативного спектрометра исследователем археометаллургии Р. Дунаном (R. Doonan, университет Шеффилда, Великобритания), которому удалось выявить на внутренней стороне изложницы следы меди. Обнаружены также остатки двух сопел. Одно из них представляло собой слегка сужающуюся к одному из концов глиняную трубку (длина 5,5 см, внешний диаметр 2,7 см, внутренний 1,4–1,55 см), разделенную утолщением-фиксатором, позволявшим крепить сопло к горну. С двух сторон утолщение декорировано поясом полулунных вдавлений. Второе сопло в виде обломка толстостенной (около 0,8 см) глиняной трубки, декорированной несколькими поясами наклонно заштрихованных равнобедренных треугольников. Культурный слой памятника сохранил, кроме того, значительную серию фрагментов «технологической» керамической посуды. Она была отобрана по наличию характерных следов ошлаковки, т.е. морфологических изменений керамического теста вследствие воздействия высоких температур. Отобранные экземпляры предварительно определены как обломки тиглей (более 50 экз.).

Обнаруженные металлические изделия (173 экз. общим весом 1,6 кг) в основном представлены заготовками, стержнями, проволокой, в меньшей степени готовыми изделиями. В среднем в каждом из котлованов помещений поселения Устье 1 петровского периода найдено по 4–6 металлических предметов. В помещениях 3 и 5 обнаружено наибольшее количество медных и бронзовых вещей (14 и 23 экз. соответственно), что, возможно, характеризует их как мастерские по обработке металла [Виноградов, 2011, с. 125]. Однако не исключено и иное объяснение — попадание предметов в помещение в процессе перепланировок и строительных работ.

В данной статье наше внимание обращено к изделиям из цветного металла поселения Устье, которые прошли аналитическое исследование методами спектрометрического, атомно-эмиссионного (118 экз.) и металлографического анализов (75 экз.) в лабораториях естественно-научных методов ИА РАН, Института неорганической химии СО РАН, Института проблем освоения Севера СО РАН. При этом следует учитывать, что в ходе раскопок не удалось произвести однозначную культурную идентификацию артефактов. Поэтому одной из ведущих задач было уточнение культурной атрибуции медных и бронзовых изделий на основании аналитических результатов, поскольку морфология орудий труда в данной ситуации не являлась определяющей, так как типы орудий поселения Устье представлены общеевразийскими формами, присущими металлу культур I фазы ЕАМП — синташтинской, абашевской, петровской, покровско-раннесрубной.

Исследованный металлический инвентарь распределяется по основным категориям-классам следующим образом: орудия труда — 35 %, прутковые и полосовые заготовки — 30,8 %, слитки, сплески — 27,5 %, украшения — 6,7 % (рис. 1, А). Подобное соотношение металлических изделий неоднократно отмечено в поселенческих комплексах петровской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья, в то время как в синташтинских памятниках (преимущественно

погребальных) слитки отсутствуют или известны в небольшом количестве, преобладают орудия труда, достаточно много украшений и скоб (рис. 1, А, В).

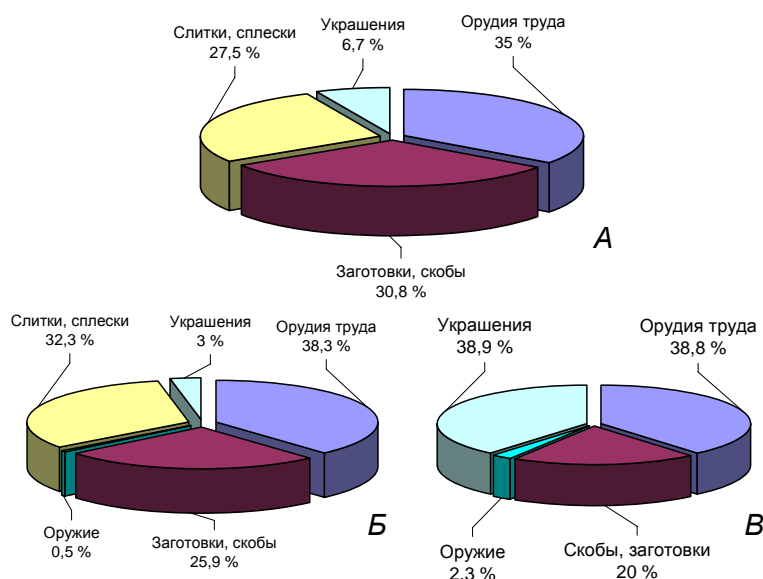

Рис. 1. Распределение медных и бронзовых изделий по категориям:

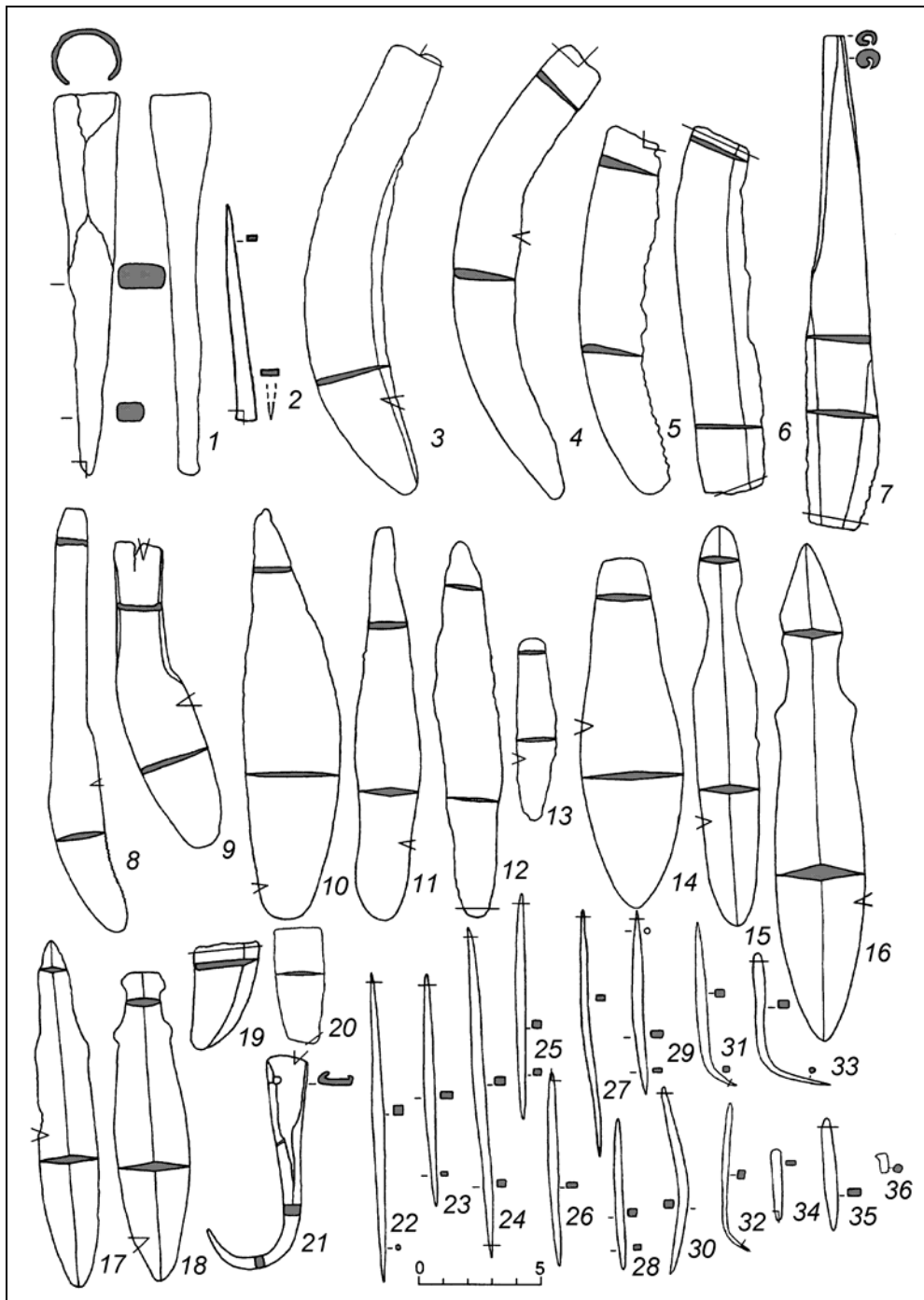
А — пос. Устье; Б — поселения петровской культуры Среднего Притоболья; В — синташтинские памятники

Орудия труда представлены долотами, серпами, ножами, крюком, шильями. **Втульчатое долото** относится к типу орудий **с разомкнутой кованой втулкой с поперечным лезвием** (длина 15,1 см, диаметр втулки 2,6 см, толщина бруска рабочей части 1 см) (рис. 2, 1). Орудия этого типа, как и долота с желобчатой и прямолезвийной рабочей частью появляются в ряде очагов Циркумпонтийской металлургической провинции, включая катакомбные (учтено более 25 экз.) [Черных, 1966, рис. 36, 475; 1978, табл. 28, 11; Chernykh, 1992, fig. 36, 6; 42, 19; 44, 34; 45, 28; 46, 3; Авилова, Черных, 1989, рис. 8; Моргунова, Кравцов, 1994, рис. 9, 4; Васильев, 1999, с. 42–43; Гак, 2005, с. 14]. Кованые долота с желобчатым, реже прямолезвийным рабочим окончанием известны также в материалах абашевских, петровских, потаповских комплексов ранней фазы ЕАМП (клады Верхнекизыльский и Куш-Тау, поселения Тюбак, Кулевчи 3, Петровка 2 (2 экз.), Новоникольское 1, могильники Бестамак, Утевка 6, Левобережный Березовский) [Bortvin, 1928, fig. 2, 12; Сальников, 1967, рис. 6, 11; 8, 6; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 27, 3; Горбунов, 1992, рис. 15, 15; Зданович Г.Б., 1988, рис. 10Г, 16; 1997, рис. 9, 9; Аванесова, 1991, рис. 37, 3А–4А; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 13, 10; Дегтярева и др., 2001, рис. 3, 4; Логвин, Шевнина, 2008, рис. 2, 1]. Еще 5 экз. происходят из синташтинских погребений могильников Большекараганский и Танаберген 2 [Боталов и др., 1996, рис. 17; Аркаим..., 2002, рис. 33, 11; Ткачев В.В., 2007, рис. 9, 2] и с культового места Шайтанское озеро II (в составе металлокомплекса сейминско-турбинского типа) [Сериков и др., 2008, рис. 1, 8; Корочкова, Стефанов, 2013, рис. 6, 6].

Производство кованных долот с прямой и желобчатой рабочей частью продолжалось на последующих этапах ЕАМП, особенно много их в срубных древностях (Новопавловский могильник, поселения Мосоловское, Отроженское, Максимовское, Шелехметь, клады Ибракаевский, Ильдеряковский, Москательникова) [Черных, 1970, рис. 52, 19, 20; Скарбовенко, 1981, рис. 4, 3; Корневский, 1983, рис. 2, 10; Обыденнов, Обыденнова, 1992, рис. 48, 5; Пряхин, 1996, рис. 26, 1; Седова, 2000, рис. 3, 5]. На ряде поселений срубной общности (Усово озеро, Капитаново 2, Мосоловка, Липовый Овраг, Усть-Курдюм, Горный 2) найдены многочисленные глиняные литейные формы для отливки трапециевидных или прямоугольных заготовок долот этого типа [Агапов, Иванов, 1989, рис. 4, 1; Березанская, 1990, рис. 15, 26; Пряхин, 1996, рис. 21; Лопатин, Хоркин, 1997, рис. 1, 8, 9; Пряхин и др., 2000, рис. 16, 2; Кузьминых, 2004, рис. 5.9, 5.10]. Литейная форма обнаружена также на поселении ранней фазы общности культур валиковой керамики Мельгуново 3 [Екимов, 1993, с. 25]. Известны они в редких случаях в комплексах алексеевско-саргаринской культуры поселений Высокая Грива, Петровка 2, Саргары [Потемкина, 1985,

Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1

рис. 48, 4; Зданович Г.Б., 1988, табл. 10Г, 16; Агапов, 1990, с. 102, 103; Аванесова, 1991, рис. 37, 1Б]. К этому же времени относятся случайные находки многофигурных литейных форм с негативами заготовок для формовки подобных орудий — из станицы Кундравинская Миасского района Челябинской области и с. Зирган Мелеузовского района Башкортостана [Тихонов, 1960, табл. XX, 14; Обыденнов, 1996, рис. 1, 1, 2]. Однако в целом в эпоху поздней бронзы кованые долота, в том числе с плоской рабочей частью, вытесняются литыми орудиями с закрытой, «слепой» втулкой.

Рис. 2. Орудия труда поселения Устье (секущими линиями обозначены срезы на шлифы):
 1, 2 — долота (ан. 571, 489); 3–7 — серпы (ан. 454, 459, 457, 482); 7–20 — ножи (ан. 480, 460, 461, 456, 479, 486, 587, 452, 468, 455, 462, 463, 605, 582); 21 — крюк (ан. 484); 22–35 — шилья (ан. 466, 599, 591, 593, 581, 488, 602, 598, 609, 589, 603, 608, 604); 36 — шпенок-гвоздик

Другое орудие относится к категории **узких стержневидных долот с черенковым насадом, с незначительно расширенным узким продольным прямым лезвием** (длина 10,1 см; рис. 2, 2). Аналогичные орудия появились в очагах Циркумпонтийской металлургической провинции, в частности они известны в майкопской, ямной, вольско-лбищенской, катакомбной культурах [Черных, 1966, рис. 34, 455; Chernykh, 1992, fig. 24, 1–6; Пестрикова, 1979, рис. 3, 11; Кореневский, 1983, рис. 1, 7, 8; Васильев, 1999, с. 70–71]. Эти изделия, длиной 8–20 см, были характерны для абашевского, сейминско-турбинского, синташтинского, петровского производства ранней фазы Евразийской провинции (поселения Береговское 1, Синташта, Аркаим (2 экз.), Кулевчи 3 (3 экз.), Икпень 2 (2 экз.), могильники Бестамак, Бозенген, Репьевка, Ростовка, Сейма, Юринский, Каменный Амбар 5 (2 экз.)) [Пряхин, 1976, рис. 29, 7, 8; Черных, 1970, рис. 60, 44; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 71, 9, 10; Виноградов, 1982, рис. 3, 6; Генинг и др., 1992, рис. 41, 13; Зданович Г.Б., 1997, рис. 9, 4, 9; Дегтярева и др., 2001, рис. 3, 1–3; Епимахов, 2002, рис. 7, 4; 2005, рис. 58, 3; Соловьев, 2003, рис. 2, 17; Ткачев А.А., 2002, рис. 26, 4–5; 94, 10; Калиева, Логвин, 2008, рис. 9, 1]. Они бытовали в течение всего позднего бронзового века, но при этом заметно уменьшалась доля орудий с желобчатым рабочим окончанием. Подобные формы встречены в материалах алакульской, срубной, атабаевской, алексеевско-саргаринской культур [Черных, 1970, рис. 60, 42, 43, 46; Халиков, 1969, рис. 55, 131; Агапов, 1990, с. 88, 93]. Стержневидные долота с черенковым насадом являются реминисценцией стереотипов ЦМП и в целом распространены в большинстве культур ЕАМП, но на ранней фазе провинции сосредоточены преимущественно на Южном Урале (более 2/3 находок).

На поселении Устье обнаружены **серпы двух типов: без выделенного черенка, сравнительно узкие и длинные, со слабо изогнутыми асимметричными спинкой и лезвием** (рис. 2, 5, 6) **и с заметно изогнутыми асимметричными или симметричными спинкой и лезвием** (рис. 2, 3, 4). Длина изделий 14–18,5 см, одно из них с мелкозубчатой передней лезвийной частью (рис. 2, 5). Вполне возможно, это усиливало режущую функцию орудия, но не исключено, что оно служило и пилой. В очагах металлообработки ЦМП первые серпы появляются в Закавказье и на Северном Кавказе, хотя и не принадлежали здесь к типичной продукции; отсюда, по всей видимости, они могли проникнуть на юг Восточной Европы [Chernykh, 1992, fig. 19, 3, 4; 42, 11, 12]. Однако связь их с ранними сериями волго-уральских серпов начала ЕАМП, в число которых входят и орудия из Устья, остается проблематичной. Отметим, что серпы первого типа из Устья могут соотноситься с группой типа Береговка, а второго — с группой типа Петровка, выделенными В.А. Дергачевым и В.С. Бочкаревым в волго-уральской серии серпов Восточной Европы [2002, с. 31–41].

Серпы, аналогичные находкам из Устья, и прежде всего слабоизогнутым, характерны для абашевских памятников Южного Урала и Подонья (могильники Староябалаклинский, Метев-Тамак, поселения Малокизыльское, Баланбаш (2 экз.), Барковское, Мельгуново 3, Береговское 1 (4 экз.), Тюбьяк (3 экз.), Ивановское (2 экз.), Верхнекизыльский (6 экз.) и Красноярский клады) [Сальников, 1967, рис. 4, 2–5; 6, 1–6; Черных, 1970, рис. 55, 3–8; Пряхин, 1976, рис. 26, 1–15; Моргунова, Порохова, 1989, рис. 5, 1, 2; Горбунов, 1992, рис. 25, 54; Екимов, 2001, рис. 1, 13; Тюбьяк..., 2001, рис. 75, 1–3]. Два орудия этого типа известны в сейминско-турбинских могильниках Турбино 1 и Заосиново 4 [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 61, 12, 14]. В поселенческих и погребальных комплексах петровской культуры Зауралья, Тоболо-Ишимья, Центрального Казахстана (13 экз.) обнаруживают аналогии орудия из Устья второго типа (с заметно изогнутыми спинкой и лезвием) (Высокая Грива, Конезавод 3, Петровка 2, Кулевчи 3 (3 экз.), Новоникольское 1, Явленка, Боголюбово 1, Семиозерное, Икпень 2, могильник Бестамак (3 экз.)) [Виноградов, 1982, рис. 3, 9–11; Аванесова, 1991, рис. 18, 19; Ткачев А.А., 2002, рис. 26, 3; Логвин, Шевнина, 2008, с. 192; Калиева, Логвин, 2008, рис. 9, 10]. Подобные же орудия выявлены в могильниках синташтинской культуры (Синташтинский 1 (2 экз.), Каменный Амбар 5 (2 экз.), у горы Березовой, а также в слоях поселений Аркаим (3 экз.), Синташта; на Аркаиме найдена створка литейной формы из талька с негативами аналогичных серпов) [Генинг и др., 1992, рис. 41, 18; 148, 20; 159, 6; Зданович Г.Б., 1995, рис. 7; 1997, рис. 9, 1–3; Халяпин, 2001, рис. 2, 19; Епимахов, 2002, рис. 9, 2; 2005, рис. 89, 6]. Еще одно орудие этого типа известно в погребении потаповского типа Утевка 6 [Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 13, 8]. Пять серпов происходят из подъемных сборов с площади поселения Шибяево I, содержащего материалы синташтинской, петровской культур [Нелин, 2004, рис. 7, 4–8]. Традиция изготовления подобных серпов продолжалась и в алакульской культуре (поселения Алкау 2, Варакосово, Кинзерское, Ушкатты 1, Ук 3, мо-

гильник Бектениз [Аванесова, 1991, рис. 18, 19; Корякова и др., 1991, рис. 14, 4, 5]. Наиболее поздним комплексом ранней фазы ЕАМП, в котором 4 экз. узких слабоизогнутых орудий сопровождаются двумя серпами с крюками, является известный Ерыклинский клад в Закамье [Смолин, 1926, фото 1–8; Археологические памятники..., 1990, № 762; Обыденнов, Обыденнова, 1992, рис. 47, 1–3]. Традиция изготовления серпов и серповидных изделий без выделенного черенка сохраняется в конце бронзового века на южной периферии азиатской зоны ЕАМП [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. IX, 29, 30, 35; Итина, 1977, рис. 67, 6; 78, 7, 8].

Основной ареал серпов, выявленных в Устье, совпадает с Южным Уралом (свыше 57 % изделий), откуда орудия этих типов распространялись в Тоболо-Ишимье, Волго-Камье, Подонье и далее в Среднюю Азию. Находки орудий данного типа связаны прежде всего с абашевской (46,9 % изделий), затем петровской (34,7 %) и синташтинской (18,4 %) культурами.

Из орудий труда самые представительные серии — это ножи и шилья, которые по численности составляют примерно две трети этой категории. Ножи подразделяются на две группы: с обособленной рукоятью (3 экз.) и черенковые (9 экз. и 2 обломка).

В первой группе единственным экземпляром является **однолезвийный нож с длинной выделенной массивной рукоятью** (рис. 2, 9). Длина рукояти составляет примерно половину от общей длины орудия. Рукоять отделена от рабочей части выступом за счет растяжки лезвийной кромки клинка, общая длина изделия 12,4 см. Характерная изогнутость спинки и лезвия и способ формовки рукояти свидетельствуют о том, что мы имеем дело с вторичным использованием сломанного и перекованного серповидного или пластинчатого орудия, сродни известным в Устье (рис. 2, 3–6). Подобные ножи распространены достаточно широко в системе ЕАМП и во времени, и в пространстве. Они известны в материалах петровских поселений Кулевчи 3, Камышное 2, Петровка 2 (3 экз.), Конезавод 3, Новоникольское 1, Икпень 1 [Зданович Г.Б., 1983, рис. 3, 15; Евдокимов, 1983, рис. 2, 13; Виноградов, 1982, рис. 3, 12; Потемкина, 1985, рис. 33, 2; Аванесова, 1991, рис. 31, 1, 2, 4, 8, 9; Ткачев А.А., 2002, рис. 29, 7]. Аналогичное орудие найдено в насыпи могильника Синташтинский 1 [Генинг и др., 1992, рис. 41, 16]. Они обнаружены в алакульских поселениях Притоболья — Волосниково, Усть-Сурское 3, Высокая Грива [Потемкина, 1985, рис. 48, 6; 52, 2; 53, 1, 2] и в срубных Среднего Поволжья — Лебединское 10, Михайло-Овсянка и др. [Кузьминых, 1981, рис. 4, 9; Седова, 2000, рис. 3, 4]. Эта форма получила дальнейшее развитие в конце ПБВ, прежде всего в азиатской зоне ЕАМП в очагах общности культур валиковой керамики, а также в зоне ее стыка с Ирано-Афганской (Чуст, Дальверзин, Бургулюк, Джаркутан) и Центрально-азиатской (ирменская, карасукская и лугавская культуры) металлургическими провинциями [Агапов и др., 2012, с. 54–57].

Ножи с длинной выделенной рукоятью, двулезвийные, с асимметричными раскованными спинкой и лезвием также имеют выделенную рукоять длиной до половины от общей длины изделия (рис. 2, 7, 8). У второго из них рукоять плоская, сформована ковкой, равномерной ширины по всей длине (чуть заужена на конце), отделена уступом от клинка. У первого изначально плоская рукоять, отделенная также уступом от клинка, на конце свернута и заужена и в итоге приобрела трубчатую форму. Лезвие и спинка у обоих орудий — с режущими краями, вероятно сформованными ковкой. Заготовками для этих ножей, судя по всему, послужили пластинчатые однолезвийные слабо изогнутые (серповидные) орудия. Оба ножа отличаются достаточной массивностью — длина достигает 19,8 см. Эти орудия относятся к числу полифункциональных, использовавшихся в качестве режущих инструментов (серп, нож), а иногда и пилы (на вогнутой рабочей части второго из них пропилены абразивом зубчики).

Аналогичные орудия встречены в абашевских (Береговское 2, Сокольское, Масловское 1) и петровских поселенческих комплексах (Кулевчи 3 (2 экз.), Новоникольское 1, Петровка 2, Камышное 2, Синеглазово), в сейминско-турбинских и синташтинских могильниках (Турбинский 1, Каменный Амбар 5), в покровских (могильник Новолиповка, Ерыклинский клад) и андроновидных (могильник Черноозерье I) древностях [Пряхин, 1976, рис. 26, 16, 17; 27, 19; Бадер, 1964, рис. 77; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58, 12; Виноградов, 1982, рис. 3, 2; Потемкина, 1985, рис. 33, 1; Аванесова, 1991, рис. 18; Зданович Г.Б., 1988, табл. 10А, 20, 21; Дегтярева и др., 2001, рис. 2, 6; Смолин, 1926, фото 6, 7; Памятники..., 1993, табл. 14, 13, Генинг, Стефанова, 1994, рис. 23, 1; 26, 1; Епимахов, 2002, рис. 7, 10].

Оба типа ножей с массивной выделенной рукоятью следует связывать с производством петровских племен.

В коллекции Устья доминируют **двулезвийные ножи с выделенным черенком**. По характеру оформления черенка и сочленения его с клинком выделено пять типов.

Четыре ножа относятся к типу **со слабо намеченным черешком, без перехвата, с клинком листовидной, овально-листовидной и подтреугольной формы, без ребра жесткости** (рис. 2, 10–13). Изделия достигают в длину 15–16,4 см, один экземпляр небольшой, длиной 7,3 см. Обращает на себя внимание асимметричная форма клинков у большинства ножей. Наиболее широкий из них (рис. 2, 10), не исключено, выкован из серповидного орудия.

Ножи этого типа морфологически близки к стереотипам ЦМП, известное сходство обнаружено с изделиями софиевской группы памятников и некоторыми типами катакомбных ножей [Chernykh, 1992, fig. 30, 7–9; 45, 19]. Аналогичные ножи получили распространение в древностях покровских (могильники Покровский, Терновка, Скатовка, Ягодное, Натальино 2, Бородаевка), абашевских (могильники Левобережный Березовский, Малый Кугунур, Абашевский, Никифоровское лесничество, Верхнекизыльский клад), петровских (могильники Бестамак (4 экз.), Бектениз, Кулевчи 6, поселения Кулевчи 3, Конезавод 3, Талдысай), потаповских (могильник Потаповский) [Мерперт, 1954, рис. 10, 2, 3; Памятники..., 1993, табл. 1, 4; 6, 6, 8; 9, 13; 15, 17; 16, 16; Малов, 1998, рис. 1, 29; Сальников, 1967, рис. 6, 12; Евдокимов, 1983, рис. 2, 12; Виноградов, 1982, рис. 3, 5; 1984, рис. 9, 50; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 23, 5; Васильев и др., 1994, рис. 30, 1; Соловьев, 2000, рис. 62, 42; Калиева, Логвин, 2008, рис. 4, 12; 8, 11; 18, 22; 20, 19; Курманкулов и др., 2007, рис. 7в]. В количестве 10 экз. обнаружены на поселении Аркаим и в синташтинских погребениях могильников Синташтинский большой, Синташтинский 1, Танаберген 2, Жаман-Каргала 1 [Генинг и др., 1992, рис. 51, 13; 68, 1; 88, 5; 96, 14; 146, 1, 2; 148, 9; Зданович Г.Б., 1997, рис. 9, 13; Ткачев В.В., 2007, рис. 9, 3; 25, 18]. Орудия этого типа наиболее характерны для петровского, покровского, синташтинского и абашевского металлопроизводства и распространены преимущественно в Поволжье, на Южном Урале и в Среднем Притоболье.

Один нож относится к типу **с выделенным длинным и широким трапецевидным массивным черешком, клинком овально-листовидной формы, без ребра** (рис. 2, 14). Длина изделия 14,2 см. Данный тип ножей (НК-6 по Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых) характерен для сейминско-турбинских древностей — 34 экз. (преимущественно в Восточной Европе) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 93–95]. Два ножа происходят из петровского погребения могильника Степное 7, один — могильника у горы Березовой [Халыпин, 2001, рис. 3, 1; Зданович Д.Г., Куприянова, 2007, рис. 1, 4, 5]. Появление орудий данного типа, равно как и пилки из могильника у горы Березовой, в синташтинских и петровских древностях связано, вероятно, с импульсами или импортами из сейминско-турбинских производящих центров.

Нож следующего типа имеет **выделенный черенок с подромбической или закругленной пяткой, четко выделенный перехват и узкий листовидный клинок с ребром жесткости** (рис. 2, 15). Длина орудия 15,6 см. В очагах ЦМП известны единичные находки орудий подобного типа в софиевских, катакомбных, полтавкинских памятниках [Chernykh, 1992, fig. 30, 7–9; 45, 19; Васильев, 1999, рис. 28, 20]. Они широко распространены на ранней фазе ЕАМП и происходят в основном из абашевских, покровских, потаповских памятников (поселения Отроженское, Масловское, Верхнекизыльский клад, могильники Старая Тойда, Левая Россось, Левобережный Березовский (2 экз.), Алгаши, Тугай, Усатово, Ново-Мордовский 2, Покровский, Терновка, Скатовка, Ягодное, Натальино 2, Бородаевка, Вертячий, Потаповский (3 экз.) и др.) [Сальников, 1967, рис. 6, 12; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 23, 5; Пряхин, 1971, рис. 24, 12; 27, 4; 1976, рис. 27, 23; 28, 1–7; Халиков, 1969, рис. 57, 4; Мерперт, 1954, рис. 10, 2, 3; Сагайдак, 1979, с. 63–66; Памятники..., 1993, табл. 1, 4; 6, 6, 8; 9, 13; 15, 17; 16, 3; Васильев и др., 1994, рис. 29, 1; 31, 1; 37, 8; Малов, 1998, рис. 1, 29; Шарафутдинова, 1995, рис. 3, 18]. Более 11 орудий найдены в синташтинских погребениях могильников Кривое Озеро, Синташтинский большой, Танаберген 2, Жаман-Каргала 1, Каменный Амбар 5, Большекараганский, Обилькин луг 3 [Генинг и др., 1992, рис. 82, 13; 122, 15; Ткачев В.В., 2000, рис. 8, 4; 2007, рис. 3, 6; 25, 19; Денисов, 2001, рис. 3, 5; Епимахов, 2002, рис. 9, 1, 3; Зданович Д.Г., 2002, рис. 44, 2; Виноградов, 2003, рис. 35, 4; 68, 10]. Несколько экземпляров известно в сейминско-турбинских, петровских, а также в алакульских памятниках (могильники Ростовка, Юринский (2 экз.), Бектениз, Кулевчи 6, Жаман-Каргала 2, Близнецы, поселения Кулевчи 3, Конезавод 3) [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58, 1; Соловьев, 2003, рис. 1, 11; 2005, рис. 3, 25; 5, 13; Евдокимов, 1983, рис. 2, 12; Виноградов, 1982, рис. 3, 5; 1984, рис. 9, 50; Ткачев В.В., 1998, рис. 8, 54; Андроновская культура, 1966, табл. XXXVII, 15]. Всего насчитывается немногим более 40 экз. ножей этого типа из культурно-определимых ком-

плексов, сосредоточенных большей частью на территории Южного Зауралья и Поволжья и связанных преимущественно с абашевскими, синташтинскими, сейминско-турбинскими и покровскими погребениями.

Следующий нож имеет **выделенный короткий черенок с перекрестьем, перехватом и широкой пяткой черенка неясной формы** (возможно, грибовидной), длина изделия 12,4 см (рис. 2, 18). Не исключено, что пятка черенка имела изначально (до слома) форму широкого ромба. Изделия этого типа достаточно редко встречаются как в синташтинских, так и в абашевских и покровских памятниках и значительно чаще — в петровских (нуртайских) и сейминско-турбинских древностях. Аналогичные ножи, у которых пятка черешка иногда принимает грибовидные очертания, обнаружены в слое поселения Береговское 1 (2 экз.), Аркаим, могильниках Спиридоновский 2, Неприк, Сатыга 6, Икпень 2, Бозенген (2 экз.), Сатан, Синташтинский большой, культовом комплексе Шайтанское озеро II (4 экз.; металлокомплекс сопровождался керамикой коптяковского облика) [Горбунов, 1989, рис. 5, 5, 6; Генинг и др., 1992, рис. 61, 6; Зданович Г.Б., 1997, рис. 9, 11; Семенова, 2000, рис. 7, 4, 7; Ткачев А.А., 1999, рис. 4, 23, 25; 2002, рис. 94, 9, 11; Черных, Кузьминых, 1989, с. 101; Сериков и др., 2008, рис. 2, 11, 12, 18, 19]. В памятниках алакульской и срубной культур этот тип орудий продолжает бытование с известной долей модификации — удлиняется прямоугольный черенок, перехват практически не выражен, появляется нервюра на лезвии (могильники Купухты, Субботинский, Алакульский, Царев Курган в г. Кургане, поселение Убаган 1 — металлические экземпляры; створка каменной литейной формы — в материалах поселения Камышное 1, многочисленные (около 10) литейные формы из слоя поселения Мосоловка [Кузьмина Е.Е., 1994, рис. 30, 33, 43; 40, 8; Потемкина, 1985, рис. 40, 1; 47, 4; 101, 1; Пряхин, 1996, рис. 20–22].

Два орудия относятся к типу **с ромбической пяткой черенка, перекрестьем, перехватом, с ребром жесткости** (длина изделий 13,6 и 19,8 см; рис. 2, 16, 17). Вполне возможно, что к этому же типу относится и описанный выше (рис. 2, 18) (если мы предполагаем у него изначально ромбическую пятку черенка). Ножи этого типа были достаточно широко распространены в памятниках ранней фазы ЕАМП, о чем свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1. Всего в культурно-определимых комплексах зафиксировано не менее 128 экз. Половина орудий представлена достаточно крупными экземплярами длиной 16–19 см, длина остальных в пределах 7–14 см. Чаще всего подобные ножи обнаружены в синташтинских погребальных комплексах (44 экз.), 2 экз. — в слое поселения Устье. Они характерны для донских и уральских абашевских памятников (31 экз.), прежде всего погребальных, включая так называемые донские позднеабашевские «престижные» (по А.Д. Пряхину) захоронения с инсигниями власти. В меньшем количестве (примерно по 4–25 экз.) они обнаружены в покровских и раннесрубных (25 экз.), потаповских (4 экз.), петровских (12 экз.), сейминско-турбинских (8 экз.) памятниках. Традиция изготовления ножей этого типа сохранялась и в алакульский период.

В процессе статистической обработки выявлено распределение ножей в широтном направлении с ареалом, приуроченным к лесостепной и степной евразийской зоне от Среднего Подонья до Среднего Притоболья. Крайний северный памятник, в котором обнаружены ножи этого типа, — Турбинский могильник, южный — раннесрубное погребение у Степной, западный — Вертячий на Северском Донце, восточный — могильник Кенес в Пришимье. Основной ареал ножей этого типа — Южный Урал и Среднее Притоболье, здесь зафиксировано 66 экз., преимущественно из памятников синташтинской (46 экз.), в значительно меньшей мере — абашевской (10 экз.) и петровской (10 экз.) культур. Следующим крупным районом является Среднее Поволжье, где сосредоточено 29 орудий данного типа в памятниках потаповской, покровской и раннесрубной культур. Далее следует Среднее Подонье, где известно 23 экз., в том числе 19 экз. абашевских и 4 экз. раннесрубных ножей. Еще 10 экз. найдены в Прикамье и на территории Западного Казахстана.

В составе металлической коллекции из Устья имеется **крюк с кованой разомкнутой втулкой** с пробитым отверстием в верхней части втулки (рис. 2, 21). Длина орудия 8,8 см. Изделия этого типа были достаточно широко распространены в очагах ЦМП, особенно часто в катакомбных погребениях (37 экз.) [Chernykh, 1992, fig. 36, 7; 39, 9; 42, 7; 44, 35, 36; 45, 29; Кореневский, 1983, рис. 1, 16, 18–20; Гак, 2005, с. 15]. В эпоху поздней бронзы они встречаются реже, но все же используются как в ранних абашевской, синташтинской и петровской культурах (поселения Тюбьяк, Кулевчи 3, синташтинско-петровское Шибаево I, могильники у горы Березовой, Большекараганский, Ащису) [Горбунов, 1992, рис. 19, 38; Дегтярева и др., 2001, рис. 3, 33; Зданович Д.Г., 2002,

рис. 21, 7; Кукушкин, 2007, рис. 7; Ткачев В.В., 2007, рис. 67, 6; Нелин, 2004, рис. 8, 12], так и в более поздних памятниках сусканского типа (Моечное озеро) и общности культур валиковой керамики (Ивановское, Саргары, Павловка, Новофирсово) [Агапов, 1990, с. 161].

Таблица 1

Распределение ножей с ромбической пяткой черенка, перекрестьем, перехватом по культурам

Памятники	Литература
<i>Абашевские</i> (31 экз.) Поселения Береговое 1, Тюбяк 2 (2 экз.), Мало-Кизыльское, Шиловское, Мельгуново 3, погребения в Старо-Юрьевском, Большие Ясырки (2 экз.), Власовском 1, Введенском, Чуриловском, Павловском, Филатовском, Селезни 2 (5 экз.), Плясоватском (2 экз.), Староябалаклинском, Ветлянка 4, Студеновка, Нижнечуракаевском, Набережном, Русско-Тангировском, Старо-Куручевском, Чукраклинском могильниках, Верхнекизыльский клад (2 экз.)	[Сальников, 1967, рис. 6, 7, 13; Черных, 1970, рис. 57, 46; Пряхин, 1976, рис. 28, 11, 13, 14, 17, 18; 1977, рис. 7, 5; Синюк, 1996, рис. 51, 21; Горбунов, 1992, рис. 16, IX–3; 8, 2, 6; 26, 7, 30; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 9, 8; 15, 3; 17, 2; Тюбяк..., 2001, рис. 23, 7; 75, 6; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 4, 2; 9, 20; 14, 10; Пряхин и др., 1998, рис. 3, 1, 2; 6, 1, 2; 12, 1; Денисов, 2001, рис. 2, 2; Екимов, 2001, рис. 1, 12; Синюк и др., 2004, рис. 2, 2; 5, 1]
<i>Синташтинские</i> (46 экз.) Поселение Устье (2 экз.), могильники Каменный Амбар 5 (5 экз.), Синташтинский 2 (2 экз.), Танаберген 2 (10 экз.), Жаман-Каргала 1, Синташтинский большой (10 экз.), Синташтинский 1 (6 экз.), Большекараганский (5 экз.), Кривое Озеро, Герасимовский, Новокумакский, Обилькин Луг 3, Малиновский 2	[Костюков, Епимахов, 1995, рис. 20, 4, 23; Епимахов, 2002, рис. 11, 20; 58, 2; 89, 3; Генинг и др., 1992, рис. 46, 6, 7; 57, 1, 2; 61, 7; 70, 2; 75, 5; 105, 10; 126, 2, 22; 140, 1, 4; 146, 5, 10; 148, 12, 18; 184, 4, 5; Ткачев В.В., 1998, рис. 2, 1, 2; 2007, рис. 4, 1; 5, 1; 6, 7; 7, 16; 11, 11; 12, 1; 13, 7; 17, 4; 25, 15; Аркаим..., 2002, рис. 11, 6; 35, 2; 44, 2; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005, рис. 5, 10, 11; Виноградов, 2003, рис. 103, 3; Порохова, 1992, рис. 4, 3; Смирнов, Кузьмина Е.Е., 1977, рис. 3, 5; Денисов, 2001, рис. 3, 14; Халиков, 1969, рис. 57, 3]
<i>Потаповские</i> (4 экз.) Могильники Потаповский, Утевка 6 (3 экз.)	[Васильев и др., 1994, рис. 30, 2; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11, 1, 2; 12, 1]
<i>Сейминско-турбинские</i> (8 экз.) Могильники Турбино 1 (2 экз.), Мурзиха 1, Сейма (2 экз.), Юринский (3 экз.)	[Черных, 1970, рис. 57, 3; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58, 2–5, 9; Соловьев, 2005, рис. 3, 26; 6, 4, 5]
<i>Петровские</i> (12 экз.) Погребения в могильниках Верхняя Алабуга (3 экз.), Кенес, Жаман-Каргала 2, Кривое Озеро (2 экз.), Токанай 1, Бестамак (4 экз.)	[Потемкина, 1985, рис. 80, 11, 12; 82, 18; Зданович Г.Б., 1988, рис. 30, 1; Ткачев В.В., 1998, рис. 8, 7; Виноградов, 2003, рис. 11, 9; 103, 4; Логвин, 2005, рис. 1, 4; Калиева, Логвин, 2008, рис. 11, 13; 14, 15; 16, 14; 18, 24]
<i>Покровские</i> (16 экз.) Погребения в могильниках Горный, Скатовка, Бородаевка 2, Старицкое, Быково, Покровский (4 экз.), Бережновский 2 (2 экз.), Чулпан, Неприк, Владимировский, Вертячий, Степная	[Черных, 1970, рис. 57, 30, 32, 34–36, 38, 40, 41; Шарфутдинова, 1995, рис. 2, 9; 3, 18; Памятники..., 1993, табл. 9, 26; 14, 18; 26, 8; Семенова, 2000, рис. 7, 3, 8; Кузьмина О.В. и др., 2003, рис. 4, 2]
<i>Раннесрубные</i> (9 экз.) Погребения в Павловском, Радченском, Краснопольском, Скорняковском, Кротовском, Ново-Бахметьево, Александровском (2 экз.) могильниках, поселение Надеждино-Куракино	[Сальников, 1967, рис. 21, 1, 2; Синюк, Погорелов, 1986, рис. 2, 15; Синюк, 1996, рис. 60, 4; Черных, 1970, рис. 57, 29, 31, 33, 37; Кривцова-Гракова, 1955, рис. 12, 7]
<i>Алакульские</i> (2 экз.) Курган у г. Орска, могильник Увак	[Кузьмина Е.Е., 1994, рис. 30, 41; Андроновская культура, 1966, табл. XXXVII, 3]

В слое поселения Устье обнаружено также 14 экз. *шильев*, которые подразделяются на типы: **обоюдоострые с утолщением-упором** (рис. 2, 22, 23), **обоюдоострые без упора** (рис. 2, 24–31) и **односторонние орудия** (рис. 2, 32–35). Сечение корпуса чаще квадратное, реже прямоугольное, в единичных случаях округлое, утолщение-упор либо смещено к верхнему окончанию изделия, либо находится в середине, длина варьируется от 13,3 до 3 см.

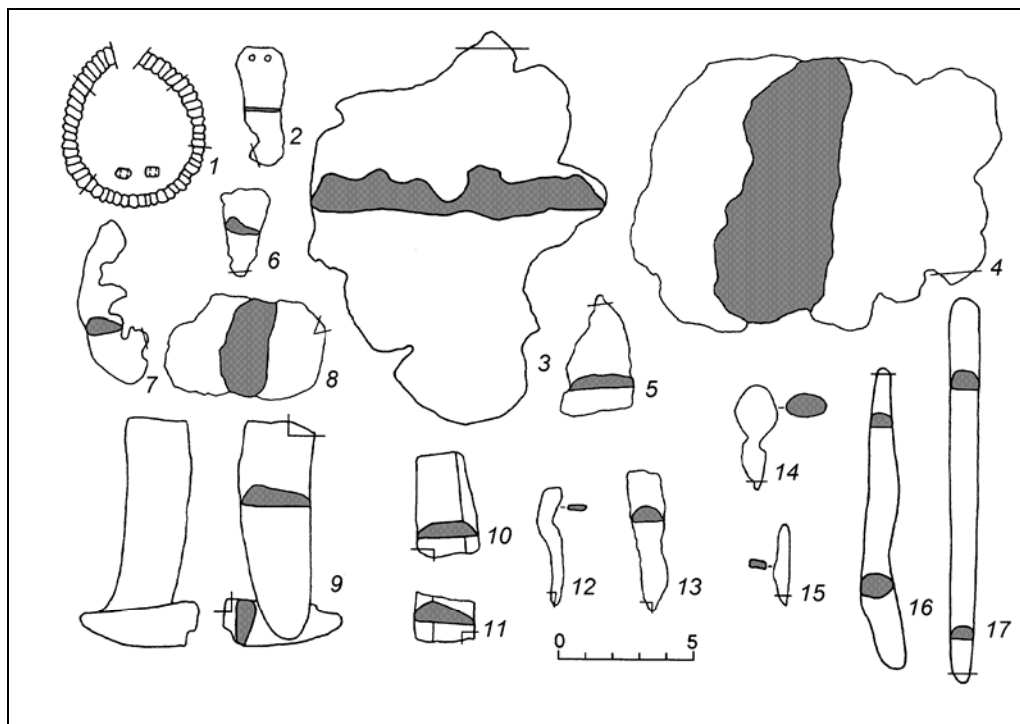
Одним экземпляром представлена **заклепка-гвоздик**, представляющая собой стержневидное изделие высотой 0,8 см, диаметром 0,4 см с уплощенной шляпкой (рис. 2, 36). Идентичные заклепки обнаружены в синташтинских материалах могильников Синташтинский большой, Кривое Озеро, Танаберген 2 [Генинг и др., 1992, рис. 79, 7; Виноградов, 2003, рис. 75, 5–10; Ткачев В.В., 2007, рис. 9, 4].

Единичны украшения — браслет и подвеска. **Браслет** диаметром 5,7 см, составлен из бусин биконической формы в количестве 50 экз. (рис. 3, 1). Подобные украшения, обнаруженные как на запястье и предплечье рук, так и на щиколотках обеих ног умерших, найдены в синташтинских погребениях могильников Синташтинский большой, Кривое Озеро и в материалах петровских и алакульских могильников — Кулевчи VI, Токанай 1, Атасу 1, Койшоки II, Чистолебяжье,

Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1

Хрипуновский [Виноградов, 1984, рис. 9, 26–28, с. 150; 2003, рис. 43, 4; 64, 13; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 50, 5, 6; 76, 19; Матвеев, 1998, рис. 14, 6; 41, 6; 51, 10; 54, 16, 19; Логвин, 2005, рис. 1, 11].

Морфологически невыразительна *подвеска* в виде прямоугольной пластины длиной 4,2 при ширине в верхней части 1,5 см (рис. 3, 2).

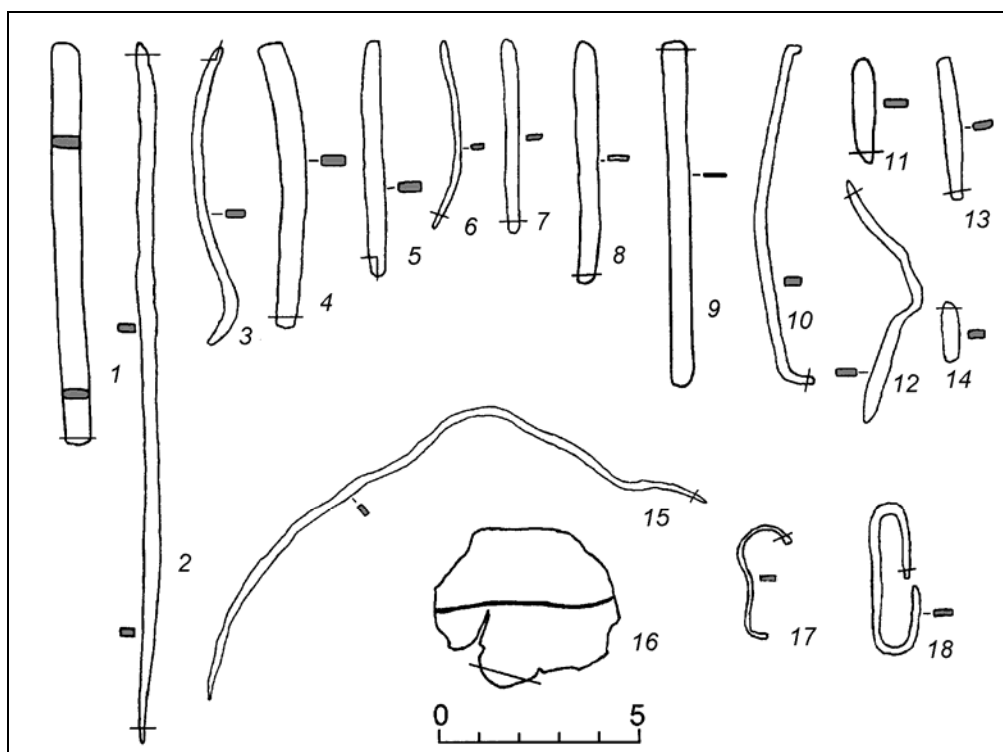

Рис. 3. Украшения и слитки поселения Устье (секущими линиями показаны срезы на шлифы):
1 — браслет (ан. 574, 576–580); 2 — подвеска (ан. 597); 3–8, 14 — слитки, выплавленные в сосудах (ан. 453, 572, 583, 585, 592, 586, 596); 9–13, 16, 17 — слитки, выплавленные в формах (ан. 458, 458а, 465, 467, 594, 595, 464, 487); 15 — сплеск (ан. 616)

Для аналитического исследования было отобрано 33 экз. *слитков, сплесков*, а также 36 экз. *заготовок* в виде прутков и пластин. Самые крупные слитки из углубления в северной части котлована помещения 3 весят 680 г и 390 г. Как показало металлографическое исследование, все исследованные слитки относятся к числу рафинированных, черновые слитки не обнаружены. Они подразделяются на изделия, выплавленные на дне сосудов или же в тиглях (рис. 3, 3–8, 14), а также отлитые в односторонних литейных формах (рис. 3, 9–13, 16, 17). В поперечнике или в длину изделия достигают 3–15 см.

Заготовки-полуфабрикаты, деформированные после литья с разными степенями обжатия, представлены прутками, полосовыми заготовками, имеющими длину от 1,5 до 18 см, в сечении прямоугольные (рис. 4, 1–15). Они использовались, судя по сечению, для изготовления скоб, проколов, небольших шильев. Одна листовая заготовка в плане круглая, диаметром 4 см; по всей видимости, ковали в качестве украшения (рис. 4, 16). Кроме того, в слое поселения обнаружены две скобы, достигающие в длину 2,5 и 3,5 см (рис. 4, 17, 18). Подобные скобы использовались для ремонта как глиняных сосудов, так и изделий из дерева. Они характерны для широкого круга евразийских культур, в частности для памятников потаповского типа, позднеабашевских древностей Подонья, синташтинских, петровских и алакульских захоронений [Дегтярева, 2010, с. 138].

Статистическая обработка аналитических данных позволила выделить в металле поселения Устье четыре металлургические группы или рецепта сплавов: чистую медь, двойные сплавы — оловянную и мышьяковую бронзы, а также многокомпонентный сплав — оловянно-мышьяковую бронзу (табл. 2, 3; рис. 5).

Рис. 4. Заготовки-полуфабрикаты (1–16) и скобы (17–18) поселения Устье
(секущими линиями показаны срезы на шлифы):

1 — ан. 483; 2 — ан. 590; 3 — ан. 601; 4 — ан. 610; 5 — ан. 611; 6 — ан. 613; 7 — ан. 614; 8 — ан. 584; 9 — ан. 485; 10 — ан. 575; 11 — ан. 607; 12 — ан. 606; 13 — ан. 612; 14 — ан. 615; 15 — ан. 600; 16 — ан. 481; 17 — ан. 573; 18 — ан. 588

Ведущей металлургической группой в металле поселения Устье является «чистая» медь (53,4 %). В ее составе три слитка и два шила, изготовленные из чистой окисленной меди с включениями эвтектики $\text{Cu-Cu}_2\text{O}$. Группа в основном представлена слитками и заготовками (71,4 %), оставшаяся треть предметов — орудия труда.

Вторая по численности группа — мышьяковая бронза или мышьяковая медь (25,4 %). Эта группа относится к категории низколегированных, у 93,3 % изделий примесь мышьяка колеблется в пределах от 0,1 до 2 %. Лишь два предмета — слиток и нож имеют концентрацию As 4–7 %. Из металла этой группы изготовлены орудия труда, украшения, заготовки, скобы, несколько слитков. Для нее характерны низкие концентрации олова в пределах тысячных долей процента и повышенные концентрации никеля, достигающие до десятых долей процента (табл. 1; рис. 6).

При выделении группы мышьяковых бронз исследователи используют в качестве границы разные пороговые величины As — от 0,1 до 1 % и даже 5 % [Eaton, Nckerrill, 1976, p. 169–170]. Отмечая трудности, связанные с вычленением границы легирования металла мышьяком, Е.Н. Черных выявил на примере металла северокавказской культуры определенные закономерности в подборе сырья для литых украшений и кованных после отливки орудий. Литые украшения содержали более высокие концентрации As, в то время как орудия второй группы имели примеси от 0,25 до 4 %, что, по мнению исследователя, явно свидетельствовало о знании свойств медно-мышьяковых сплавов и умелом их применении в зависимости от выбора соответствующей технологии изготовления [Черных, 1966, с. 42]. Рассматривая металл синташтинских могильников, Е.Н. Черных отнес основную часть изделий могильника Синташтинский большой с повышенными концентрациями мышьяка к ранее выделенной на материалах Волго-Уралья ташказганской группе — естественных медно-мышьяковых сплавов [Черных, 1970, с. 15; Chernykh, 1992, p. 231–232]. В одной из недавних работ Е.Н. Черных использовал для обозначения группы с повышенными концентрациями мышьяка абашевской и синташтинской культур термин «мышьяковая медь», имея в виду ее естественное происхождение из руды Таш-Казганского месторождения [2007, с. 81]. По данным Л.И. Авиловой, собравшей и обработавшей огромную

№	Предмет	№ рис.	№ спектр. ан.	№ структур. ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
70	Пластина	—	38539	—	Осн.	0,011	0,0012	—	0,0003	0,0009	0,0016	0,011	0,12	0,0061	0,011	—
71	Пластина	—	38544	—	Осн.	—	0,0086	0,0012	—	0,0003	0,0014	0,0021	0,02	0,0016	0,0021	—
72	Пластина	—	38546	—	Осн.	2,3	0,021	0,0017	0,0008	0,0055	0,012	0,013	0,65	0,014	0,0014	—
73	Пластина	—	38548	—	Осн.	0,001	0,0002	0,0009	0,0003	0,0042	0,0016	0,081	0,12	0,012	0,0014	—
74	Пластина	—	38549	—	Осн.	0,0009	0,016	0,001	0,0003	0,0048	—	0,007	0,18	0,0021	0,0014	—
75	Скоба	—	38550	—	Осн.	0,047	0,0007	0,0012	0,0006	0,0033	0,0008	0,0061	0,35	0,0013	0,0021	—
76	Скоба	—	38552	—	Осн.	0,0009	0,0018	0,0017	0,0004	0,0006	—	0,0061	0,086	0,0025	0,0024	—
77	Шило	—	38522	—	Осн.	0,013	0,047	0,0012	0,0003	0,0042	—	0,028	1,3	0,015	0,0024	0,0002
78	Шило	—	38528	—	Осн.	0,0066	0,006	0,0008	—	0,0014	—	0,0029	0,18	0,0027	0,0011	—
79	Шило	—	38533	—	Осн.	0,0007	0,0018	0,0012	0,0003	0,0014	—	0,0061	0,4	0,0013	0,0012	—
80	Стержень	—	38529	—	Осн.	0,005	0,024	0,0012	—	0,001	0,0019	0,0079	0,024	0,0007	0,0011	—
81	Стержень	—	38530	—	Осн.	0,0005	0,0011	—	—	0,0016	—	0,0029	0,23	0,0017	0,0011	—
82	Пластина	—	38542	—	Осн.	4,7	0,26	0,001	0,0086	0,023	0,0083	0,24	0,0005	0,0043	0,0021	—
83	Пластина	—	38559	—	Осн.	8,4	0,027	0,001	0,027	0,027	0,16	0,54	0,0032	0,024	0,0021	0,0007
84	Сплек	—	38573	—	Осн.	0,0097	0,031	0,0012	—	0,0001	—	0,0029	0,046	0,0039	0,0021	—
85	Сплек	—	38574	—	Осн.	1	0,024	0,0009	0,0012	0,016	0,015	0,19	0,017	0,012	0,0011	0,0002
86	Шило	2, 34	242	608	Осн.	0,0416	0,0082	0,082	0,00061	0,002	<0,05	0,046	0,1355	0,00423	0,0018	<0,001
87	Сплек	—	38575	—	Осн.	0,006	0,096	0,0008	—	0,0029	—	0,0046	0,001	0,0047	0,0011	—
88	Нож	2, 10	012	456	Осн.	0,2	0,02	0,06	0,003	0,02	<0,01	0,4	0,2	0,002	0,0004	0,0004
89	Нож	2, 16	38521	455	Осн.	1,7	0,13	0,0017	0,0062	0,0016	0,0091	0,1	0,4	0,043	0,0039	—
90	Серп	2, 4	016	459	Осн.	0,004	0,007	0,08	0,0002	0,01	0,01	0,2	0,5	0,0002	<0,001	<0,001
91	Нож	2, 17	019	462	Осн.	0,0005	0,0004	0,1	0,0002	0,02	0,005	0,9	0,08	0,01	0,001	0,003
92	Бусина	3, 1	209	574	Осн.	0,001	0,006	0,01	0,001	0,008	<0,01	0,1	0,1	0,01	0,005	0,002
93	Бусина	3, 1	209а	576	Осн.	0,001	0,004	0,01	0,001	0,008	<0,01	0,1	0,19	0,01	0,004	0,002
94	Бусина	3, 1	210	577	Осн.	0,001	0,006	0,02	0,001	0,02	<0,01	0,3	0,35	0,025	0,002	0,001
95	Бусина	3, 1	211	578	Осн.	0,001	0,005	0,03	0,001	0,04	<0,01	0,1	0,26	0,043	0,005	0,001
96	Бусина	3, 1	212	579	Осн.	0,001	0,006	0,03	0,001	0,03	<0,01	0,1	0,26	0,037	0,004	0,001
97	Бусина	3, 1	213	580	Осн.	0,004	0,008	0,09	0,12	0,08	<0,01	0,6	0,06	0,068	0,002	0,001
98	Нож	2, 20	215	582	Осн.	0,01	0,06	0,12	0,02	0,05	<0,01	1,3	0,22	0,085	0,003	0,001
99	Слиток	3, 8	219	586	Осн.	0,02	0,005	0,01	0,16	0,004	<0,01	7	0,02	0,004	0,009	0,015
100	Нож	2, 13	220	587	Осн.	<0,001	0,003	0,02	0,003	0,004	<0,01	4	0,12	0,042	0,001	0,001
101	Подвеска	3, 2	231	597	Осн.	0,02	0,009	0,04	0,003	0,08	<0,01	0,1	0,06	0,003	0,003	0,001
102	Шило	2, 30	232	598	Осн.	<0,001	0,004	0,02	0,001	0,015	<0,01	1,2	0,07	0,017	0,004	0,001
103	Шило	2, 23	233	599	Осн.	0,01	0,007	0,04	0,001	0,02	<0,01	0,15	0,25	0,047	0,004	0,006
104	Заготовка	4, 15	234	600	Осн.	<0,001	0,003	0,04	0,001	<0,001	<0,01	0,1	0,04	0,005	0,005	0,001
105	Заготовка	4, 12	38538	606	Осн.	0,0072	0,021	0,0046	0,00029	0,089	0,05	1,2	0,35	0,047	0,0032	0,0011
106	Шило	2, 31	38536	609	Осн.	0,005	0,0002	0,001	0,0004	0,0027	0,0014	0,3	0,18	0,064	0,0036	—
107	Сплек	3, 15	250	616	Осн.	0,068	0,0204	0,0447	0,00259	0,02	<0,05	0,2	0,2045	0,03385	0,0058	0,0013
108	Шило	—	38526	—	Осн.	0,005	0,0002	0,001	0,0004	0,0027	0,0014	0,3	0,18	0,064	0,0036	—
109	Шило	—	38524	—	Осн.	0,16	0,0047	0,0012	0,0003	0,014	0,0034	0,37	0,35	0,12	0,0017	0,0002
110	Пластина	—	38547	—	Осн.	0,002	0,0012	0,001	0,0005	0,016	0,0034	0,1	0,15	0,0096	0,0014	0,0013
111	Пластина	—	38545	—	Осн.	0,0038	0,024	—	0,0016	0,014	0,0021	0,21	0,18	0,064	0,0086	0,0002
112	Пластина	—	38543	—	Осн.	0,0011	0,0047	0,0009	0,0003	0,038	0,0027	0,17	0,18	0,0016	0,0017	—
113	Пластина	4, 13	38540	612	Осн.	—	0,0002	0,001	0,0003	0,0002	0,0001	0,1	0,02	0,017	0,0024	—
114	Пластина	4, 14	38541	615	Осн.	0,001	0,0012	0,0012	0,0003	0,43	0,0063	2,3	0,028	0,064	0,0032	0,0022
115	Пластина	—	38538	—	Осн.	0,0072	0,021	0,0046	0,00029	0,089	0,05	1,2	0,35	0,047	0,0032	0,0011
116	Слиток	—	38567	—	Осн.	0,013	0,0029	0,0012	0,27	0,0052	0,023	1,7	0,063	0,008	0,034	0,037
117	Пластина	—	38562	—	Осн.	0,0066	0,0037	0,0012	0,001	0,032	0,0016	0,33	0,13	0,018	0,0019	0,0005
118	Накладка	—	38558	—	Осн.	—	0,0025	0,0012	0,0003	0,076	0,0047	0,21	0,063	0,0073	0,0011	0,0008

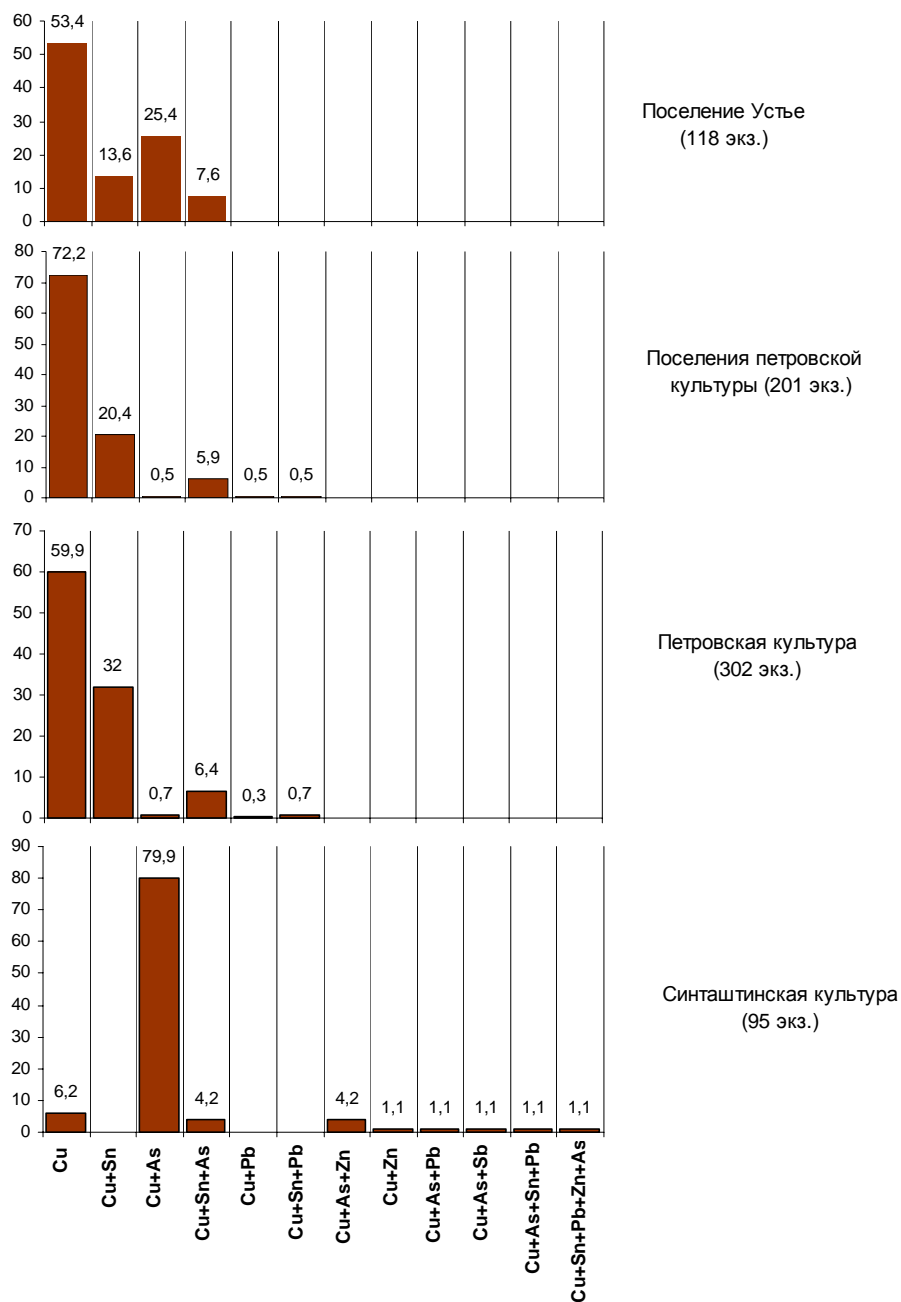
Таблица 3

Распределение металла поселения Устье на металлургические группы

Категория	Cu	Cu + Sn	Cu + Sn + As	Cu + As	Всего
Орудия труда	18/43,9	10/24,4	3/7,3	10/24,4	41/100
Украшения	—	—	—	8/100	8/100
Слитки	23/69,7	4/12,1	3/9,1	3/9,1	33/100
Заготовки, скобы	22/61,1	2/5,6	3/8,3	9/25	36/100
Итого	63/53,4	16/13,6	9/7,6	30/25,4	118/100

Перечень точек зрения по этому вопросу, подкрепленных экспериментальными данными по выплавке металла из руды, приведен И.Г. Равич и Н.В. Рындиной [1999, с. 81–83]. Авторы отмечают, что большинство исследователей, как российских [Пазухин, 1964; Кашкай, Селимханов, 1973], так и зарубежных [Budd et al., 1992, р. 4–5; McKerrel, Tylekote, 1972, р. 212; Eaton, McKerrel, 1976, р. 177–178; Rovira, 1990], придерживаются мнения о получении мышьяковых бронз прямым сплавлением медных и мышьяковых рудных минералов, как окисленных, так и сульфидных, предварительно отоженных. При этом контролировать содержание мышьяка в конечном металле практически невозможно в силу значительной летучести окислов мышьяка и его возгонки; именно этим объясняется низкая концентрация мышьяка в сплавах. Другие авторы склоняются к гипотезе об искусственном происхождении примеси мышьяка, но при этом не приводят доказательств процесса производства бронзы [Lechtman, 1996].

Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1

Рис. 5. Распределение цветного металла пос. Устье, петровской и синташтинской культур на металлургические группы (значения в %)

Экспериментальные выплавки мышьяковых бронз достаточно успешно осуществлялись В.А. Пазухиным в процессе совместного обжига окисленных медных и сульфидных руд мышьяка — реальгара, аурипигмента, арсенопирита. При этом взаимодействие компонентов происходило до начала плавления металла в процессе улетучивания мышьяка, готовый сплав содержал до 8 % мышьяка. Возгонка последнего продолжалась даже после завершения металлургического процесса при остывании печи и при каждой его последующей переработке, в том числе при ковке, сопровождаемой нагревами [Пазухин, 1964, с. 156; McKerrel, Tylecote, 1972, р. 216–217]. Поскольку на гистограмме распределения концентраций примесей As была достаточно отчетливо видна совокупность анализов с границами в интервале от 0,1 до 3 %, при этом свыше 80 % предметов имели концентрации As до 1,5 %, в качестве нижнего порога легирования

сплава мышьяком нами принята условная величина $> 0,1$ % (рис. 6). Для олова нами определена граница выше — $> 0,3-0,5$ %.

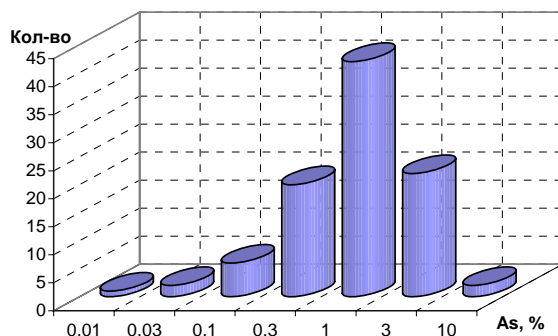

Рис. 6. Распределение концентраций примеси As в металле синташтинской культуры (95 экз.)

Доля группы оловянных бронз составляет 13,6 % от общей совокупности. В нее входят преимущественно орудия труда и слитки. Оловянные бронзы также относятся к категории низколегированных сплавов с содержанием олова в пределах 0,4–8 %.

Последняя группа представлена комплексной оловянно-мышьяковой бронзой — 9 предметов (орудия, слитки, заготовки). Концентрации олова находятся в пределах 0,3–8,4 %, мышьяка — 0,15–0,54 %.

Сопоставляя распределение сплавов в металле поселения Устье и в металлокомплексах петровской и синташтинской культур, нетрудно заметить, что по преобладанию группы «чистой» меди и наличию группы оловянной бронзы комплекс Устья сходен с поселенческим (и в целом с выборкой) петровской культуры Среднего Притоболья (рис. 5). В то же время в последних выборках доля мышьяковой бронзы не превышает 0,7 %, ниже доля и оловянно-мышьяковых бронз, присутствуют изделия из оловянно-свинцовой бронзы. В материалах синташтинской культуры лидирует группа мышьяковой бронзы, низка доля группы «чистой» меди и оловянно-мышьяковой бронзы, отсутствуют изделия из оловянной бронзы. По составу инвентаря и распределению по металлургическим группам (сплавам) металл Устья сходен с ранее исследованным металлокомплексом петровского поселения Кулевчи 3, в котором, однако, совершенно отсутствовали изделия группы мышьяковой бронзы [Дегтярева и др., 2001, с. 35–37]. Таким образом, можно сделать вывод о неоднородности коллекции поселения Устье, с преобладанием в ее составе металла петровской культуры, представленного группами «чистой» меди, оловянной бронзы, частично оловянно-мышьяковой бронзы. Синташтинский металл может быть сопоставим с группой мышьяковой бронзы и в очень небольшой части — оловянно-мышьяковой бронзы и «чистой» меди.

Сырьем для изготовления орудийного комплекса служили «чистая» медь (примерно половина изделий), в том числе окисленная, низколегированные оловянные или мышьяковые бронзы (по 24,4 % соответственно), в меньшей степени комплексные оловянно-мышьяковые бронзы (7,3 %). Так, долото с разомкнутой кованой втулкой изготовлено из низколегированной оловом бронзы (Sn 0,75 %) с примесью мышьяка 0,18 %. Предварительно была отлита заготовка орудия в виде трапециевидного бруска в односторонней литейной форме с плоской крышкой (ан. 571). Далее орудие было подвергнуто доработке ковкой, направленной на плющение и свертывание втулки на оправке округлого профиля, а также на растяжку и заострение рабочего окончания. Ковка рабочей части орудий сопровождалась незначительным обжатием 20–40 %, о чем свидетельствует расположение дендритов, практически не измененных деформирующим воздействием. Судя по измельченности рекристаллизованных участков, доработка протекала при низких температурах — в режиме неполной горячейковки 300–500 °С. Черешковое долото изготовлено из «чистой» меди с использованием только кузнечных технологий в режиме неполной горячейковки (ан. 489). Использование значительных степеней обжатия металла порядка 80–90 % привело к появлению в микроструктуре металла трещин напряжения.

Аналитически изучены четыре серпа, отлитые в двух случаях из меди, по одному — из оловянной (Sn 0,5 %) и мышьяковой бронзы (As 0,2 %). В процессе литья в односторонние литейные формы с плоскими крышками были получены качественные отливки с ровной поверхно-

стью. Лишь на одном серпе заметно явление коробления металла по продольной оси — вследствие перегрева расплава в сочетании с его заливкой в холодную непрогретую форму (ан. 457). Полученные отливки подвергались кузнечной доработке, направленной на устранение пороков литья и растяжку лезвийной части. Судя по характеру микроструктур, существенные степени обжатия порядка 70–80 % были предприняты в районе лезвийной кромки, в то время как вдали от нее деформация была минимальной, не свыше 20 %. Ковка протекала либо в горячую при температуре 800 °С (свидетельством тому наличие красноломкости металла, размеры кристаллов; ан. 457, 454), либо в режиме неполной горячейковки при температуре 250–400 °С (ан. 482). Рабочая часть двух серпов на заключительном этапе обработки была подвергнута преднамеренному упрочнению в процессе холоднойковки, показатели микротвердости металла при этом достигали 158,4 кг/мм² (ан. 454, 482). У одного серпа лезвийная кромка подпилена абразивным материалом с целью получения зубьев пилы (ан. 457). Особенности технологии изготовления четвертого серпа несколько отличны — после литья весь корпус изделия прокован с обжатием 70–80 % (ан. 459). При этом ковка протекала при температуре порядка 400–500 °С, а в заключение лезвие было упрочнено холоднойковкой.

Металлографически исследованы 14 экз. ножей, для отливки которых использовалась «чистая» медь (35,7 % изделий) либо низколегированные сплавы (64,3 %). Последние представлены оловянными (4 экз., содержание Sn 0,4–0,45 %), мышьяковыми (4 экз., содержание As 0,4–4 %), комплексными оловянно-мышьяковыми (1 экз., содержание Sn 1,7 %, As 0,1 %) бронзами. При изготовлении ножей основной была технология литья в односторонние с плоскими крышками, реже в двусторонние литейные формы. При этом зафиксировано использование как глиняных литейных форм (об этом свидетельствует наличие губчатых затеков, выщерблин на поверхности орудий), так и каменных. Лишь один нож получен в процессе формообразующейковки из пластины-заготовки (ан. 587). По данным микроструктурного исследования трех ножей отмечено невысокое качество литья, характеризующегося явлением усадочного коробления корпуса орудий с искажением конфигурации отливок и их деформированием относительно продольной оси изделий (ан. 480, 479, 486). Коробление металла сопровождалось появлением холодных литейных трещин с прямолинейными краями, возникшими при неравномерном охлаждении и появлении упругих напряжений. Подобные литейные пороки объясняются или неправильным выбором формовочных смесей с малой податливостью формы, неравномерным прогревом створок, или же ранней выбивкой отливки [Липницкий, Морозов, 1976, с. 335–337]. Другой вид литейного брака обусловлен горячими усадочными трещинами с рваными краями, возникающими при высоких температурах в результате большой скорости охлаждения в непрогретых холодных формах (ан. 461). Упомянутые литейные пороки характерны преимущественно для литья орудий петровской культуры из «чистой» меди, что подтверждается и результатами металлографического анализа орудийного комплекса поселения Кулевчи 6 [Дегтярева и др., 2001, с. 44–45].

Полученные отливки ножей дорабатывали кузнечнойковкой, направленной в основном на вытяжку и заострение лезвийной части, при 50–70%-ном обжатии металла, сам же корпус орудия практически не подвергался деформирующему воздействию. Температурные режимы кузнечных операций отличались значительной вариативностью — примерно треть орудий, отлитых из меди и оловянной бронзы, дорабатывали в режимах красного каления металла 600–800 °С (ан. 480, 460, 479, 468) или при предплавильных температурах 900 °С (ан. 486). Доработка четырех орудий производилась либо в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С (ан. 463, 605), либо по холодному металлу (ан. 452, 461). В последнем случае после холоднойковки металл ножа отжигали с целью повышения пластичности.

Доработка орудий, изготовленных из мышьяковой бронзы, производилась более однообразно, что, впрочем, характерно для синташтинской металлообработки, и протекала с нагревами при температурах 400–500 °С (ан. 456, 587, 455, 582), в одном случае при 600–700 °С (ан. 462). Для этой серии орудий характерен более качественный уровень исполнения, без затеков металла, коробления, трещин, с чистой, ровной поверхностью. Только у трех орудий рабочая часть была преднамеренно упрочнена с помощью дополнительной холоднойковки (ан. 480, 452, 479).

В составе коллекции исследован втульчатый крюк, изготовленный из низколегированной оловянной бронзы (Sn 0,3 %) из предварительно отлитой заготовки подтреугольной формы (ан. 484). Последующая доработка орудия была направлена на заострение крюка и плущение втулки, впоследствии свернутой на оправке округлого профиля. Кузнечные операции произво-

дилься в горячую при температурах красного каления металла (600–800 °С), о чем свидетельствуют трещины красноломкости в структуре изделия в присутствии красноломких составляющих. По горячей металлу производились изгибание окончания крюка, свертывание втулки и пробивка отверстия на боковой стороне втулки.

Аналитически было исследовано 13 экз. шильев, почти половина из них (6 экз.) изготовлены из «чистой» меди, в том числе окисленной (3 экз.). Помимо чисто медных орудий, обнаружено 3 экз. шильев из оловянной (содержание Sn 2,2–3,6 %) и мышьяковой (концентрация As 0,15–1,2 %) бронзы и одно из оловянно-мышьяковой бронзы (содержание Sn 4,0 %, As 0,4 %). Все шилья, за единственным исключением (полученным в процессе сварки), изготовлены ковкой прутков-заготовок, сопровождавшейся значительными степенями обжатия металла (порядка 80–90 %). Кузнечные операции были направлены на формовку квадратного или прямоугольного в сечении корпуса орудий и заострение рабочих окончаний. При этом в основном использовался режим неполной горячейковки с низкими температурами (250–400 °С) (ан. 466, 581, 589, 603, 608) либоковка протекала в холодную с промежуточными отжигами (ан. 602, 604). В первом случае температурный интервал документирован наличием в микроструктуре незавершенной рекристаллизованной структуры с мелкими зернами диаметром 0,015–0,03 мм на фоне деформированной волокнистой матрицы, низкой долей рекристаллизованного объема в поле зрения, замерами микротвердости металла. Во втором — отсутствием трещин красноломкости в присутствии красноломких составляющих — свинца и висмута. Два шила были доработаны в режиме красного каления металла при температуре 600–800 °С, о чем свидетельствуют микроструктурные показатели — трещины красноломкости, размеры кристаллов в сочетании с замерами микротвердости (ан. 593, 488).

Одно шило из чистой окисленной меди получено способом пакетной сварки из двух полосовых заготовок (ан. 591). Судя по характеру структуры — мелкозернистости кристаллов, показателям микротвердости металла,ковка и сварка осуществлялись в режиме неполной горячейковки 250–400 °С. Сварка была достаточно качественной, в микроструктуре прослежены отдельные участки тонкого сварного шва. Операция преднамеренного упрочнения не характерна для рассмотренных орудий, в микроструктуре только трех изделий прослежены остатки наклепа с достаточно высокой твердостью металла, до 183,4 кг/мм² (ан. 466, 581, 488). Орудия, изготовленные из чистой окисленной меди, достаточно умело предохранялись от избыточного окисления, содержание кислорода в них находилось в пределах нормы — до 0,1 % (ан. 589, 603, 591).

Оставшиеся три шила, сформованные из низколегированной мышьяковой бронзы, были обработаны в двух случаях при низких температурах (400–500 °С; измельченность кристаллов на фоне волокнистых дендритов) (ан. 599, 609). Изготовление третьего шила, судя по размерам кристаллов до 0,25 мм, производилось при высоких температурах 700–800 °С (ан. 598). Использование гомогенизационных отжигов привело к выравниванию структуры, исчезновению дендритной ликвации, росту зерен с оплавлением границ кристаллов наряду с понижением до 79,8 кг/мм² микротвердости металла.

Методами металлографического анализа изучены украшения — подвеска и шесть биконических бусин, входящих в состав браслета. Изученные изделия содержат мышьяк в концентрациях 0,1–0,6 %. Подвеска изготовлена из полосовой заготовки ковкой, в процессе которой была расплющена, ей придана овальная форма, пробиты также два отверстия. Ковка сопровождалась 80–90 % обжатием металла, на что указывает форма сульфидных включений. Судя по характеру структуры,ковка протекала с нагревами 600–700 °С (ан. 597). Биконические бусины сформованы из стержневидной заготовки свободной ковкой на оправке с желобком с целью получения биконического профиля при степенях обжатия 70–80 %. На характер деформации указывают многочисленные линзовидно вытянутые сульфидные соединения (ан. 574, 576–580). Готовая проволока разрубалась на фрагменты длиной 1,5 см, концы обрезков подводились встык друг к другу на оправке округлого профиля. Бусинки из браслета на руке были прокованы при низкотемпературном режиме — 400–500 °С (ан. 436–438).

Коллекция изученных методами металлографического анализа слитков насчитывает 16 экз., из которых большинство относилось к изделиям из «чистой» меди (11 экз., в том числе 3 экз. из окисленной меди). Три слитка отлиты из оловянной (содержание Sn 0,3–8 %), 2 экз. — из мышьяковой бронзы (концентрация As 0,2–7 %).

Металл, полученный на дне сосудов, имеет бугристую неровную поверхность с крупными усадочными раковинами и порами, представляет собой рафинированные слитки чистойшей

окисленной меди (3 экз.; ан. 453, 572, 585). Остывание слитков, как правило, происходило замедленно по мере остывания печи, свидетельством чему являлись крупные размеры литых полиэдров. В одном случае произошла ускоренная кристаллизация металла, возможно при соприкосновении с водой, что привело к формированию мелкодисперсной игольчатой фазы. Содержание кислорода в слитках было как избыточным, до 0,39 %, так и умеренным, до 0,09 %. Таким образом, литейщики не всегда использовали в процессе плавки предохраняющие засыпки от окисления.

Из меди, загрязненной примесями, получено восемь слитков, два из которых отлиты в тиглях, шесть — в односторонних литейных формах в виде изделий, напоминающих серпы, а также в виде длинных прутков. Все они также относятся к категории рафинированного металла, представляют собой плотные, качественные отливки с небольшим количеством сульфидных примесей, а также мелких пор (ан. 585, 583, 458, 458а, 465, 467, 594, 595). Для них характерны практически идентичные микроструктуры — литые полиэдры с выраженной ликвацией по границам зерен. Скорость кристаллизации жидкого расплава была замедленной, по мере остывания печи, при этом полиэдры в поперечнике иногда достигали 0,3 мм. Два слитка подвергались высокотемпературному отжигу гомогенизации в печи, в результате которой произошло выравнивание структуры с образованием крупных полиэдров и сварка поверхностей изделий (ан. 458, 458а).

Слитки, отлитые из оловянной бронзы, в двух случаях были подвергнуты отжигу гомогенизации, видимо с целью достижения большей пластичности металла (ан. 596, 487). В процессе отжига произошло исчезновение дендритной ликвации и выравнивание сплава с образованием полиэдров. Металлографический анализ третьего полосового слитка с содержанием олова 8 % выявил измельченную дендритную структуру с включениями эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$, не нарушенную деформирующим воздействием (ан. 464).

В коллекциях поселенческого металла петровской культуры (Кулевчи 6, Убаган 1–3) найдено около 30 экз. полосовых слитков, отлитых из оловянной бронзы с концентрациями олова 0,45–14 % [Дегтярева и др., 2001, с. 48–49]. По всей видимости, лигатура для производства бронз в виде полосовых заготовок и готовых изделий с концентрацией олова 2–5 % поступала из елунинского алтайского и центрально-казахстанского нуртайского металлургических очагов. В пользу использования елунинского сырья свидетельствует и факт обнаружения на поселении Убаган 3 пруткового колечка из оловянно-свинцового сплава (содержание Sn 53,8, Pb 41,9 %), идентичного по морфологии, составу, технологии изготовления украшениям из погребений елунинской культуры [Дегтярева и др., 2010, с. 32–33].

Слитков, выплавленных из мышьяковой бронзы, 2 экз. Микроструктурное исследование одного из них обнаружило мелкодендритную структуру, не измененную деформацией (ан. 616). В структуре другого, выплавленного на дне сосуда, выявлены включения эвтектики α -твердого раствора на фоне голубых соединений Cu_3As в междендритных пространствах. Судя по площади, занимаемой включениями эвтектики, содержание As в меди достигает 7 %. В отличие от материалов поселения Кулевчи 3, в Устье в ходе микроструктурного исследования не выявлены слитки, которые можно отнести к черновым. В обнаруженных слитках отсутствуют посторонние включения в большом количестве, в том числе вюстита, сульфиды содержатся в мизерном количестве [Дегтярева и др., 2001, с. 49].

Полосовые и прутковые заготовки, а также скобы аналитически изучены в количестве 18 экз. Большая часть полуфабрикатов изготовлена из «чистой» меди (12 экз.), 4 экз. — из мышьяковой бронзы (содержание As 0,1–2,3 %), 2 экз. — из оловянной бронзы (концентрация Sn 2,6–3,3 %). Практически все полуфабрикаты-заготовки после получения отливок в односторонних литейных формах с плоскими крышками были прокованы с довольно значительной степенью деформации — 70–80 %, что фиксируется по форме и расположению сульфидных включений, волокнистой деформированной матрице. Лишь две полосовые заготовки после литья подвергались незначительной ковке со степенью обжатия 20 % (ан. 483, 610).

Доработочные операции для производства полуфабрикатов мастера выполняли либо в температурных режимах красного каления металла 600–800 °C (ан. 610, 485) и даже предплавленных — 900–1000 °C (режим зафиксирован крупными размерами кристаллов — до 0,3 мм; ан. 573, 483, 614), либо в режиме неполной горячейковки 250–400 °C (мелкозернистая структура в сочетании с показателями микротвердости металла; ан. 613, 590, 588, 481). Одна заготовка была прокована по холодному металлу с промежуточными отжигами (ан. 601). Три заготовки из

мышьяковой бронзы прокованы с нагревами при низких температурах 400–500 °С (ан. 600, 606), в одном случае — при температуре 600–700 °С (ан. 612). Пять полосовых заготовок получены в процессе пакетной сварки из 2–3 полос металла. В числе этих изделий полуфабрикаты из меди (2 экз.), оловянной (2 экз.) и мышьяковой (1 экз.) бронзы. Сварка велась преимущественно при низких температурах 300–500 °С (ан. 584, 575, 615, 607). Качество сварки при этом было хорошим, неполный провар металл и разошедшиеся сварные швы фиксируются в микроструктуре двух изделий (ан. 584, 615). Один стержень получен способом пакетной сварки при предплавленных температурах 900–1000 °С, на что указывают крупные размеры полиэдров в сочетании с микротвердостью 68,6 кг/мм² (ан. 611). Использование высокой температуры позволило провести качественную сварку — тонкие швы прослежены лишь на отдельных участках.

Рассматривая особенности изготовления цветного инвентаря — орудий труда, украшений, полуфабрикатов (59 экз., литые слитки не включены), в первую очередь следует отметить многообразие использовавшихся технологических схем с различными режимами термообработки. Приведенные ниже данные свидетельствуют о том, что преобладали кузнечные схемы получения изделий (67,8 % выборки; табл. 4, рис. 7). Литых предметов, доработанных далее ковкой преимущественно со средними степенями деформирующего воздействия 50–60 %, в данной коллекции выявлено только около трети, все они входят в группу орудий труда — серпы, ножи (32,2 %). Совершенно отсутствуют орудия труда, изготовленные только в процессе литья в разъемные формы или же доработанные после получения отливок косметической ковкой с обжатием 20 %, в то время как эти технологии зафиксированы в металлопроизводстве поселения Кулевчи 6, а также по материалам синташтинской культуры. В целом же приведенные наблюдения соответствуют полученным ранее аналитическим данным по металлообработке поселения Кулевчи 6 и синташтинской культуры о преобладании формообразующейковки и меньшей доле использования литейных технологий (58 и 38,4 %; 45,1 и 25,5 % соответственно в синташтинской культуре и материалах поселения Кулевчи) [Дегтярева, 2010, с. 138; Дегтярева и др., 2001, с. 49].

В то же время орудия труда поселения Устье изготавливали в основном в процессе литья в разъемные формы, после чего следовала доработка ковкой рабочих поверхностей изделий. Способ кузнечной формообразующейковки использовался только при получении мелких орудий — шильев, стержневидных долот. Отливки получали в основном качественные, плотные, с чистой ровной поверхностью, использовались преимущественно глиняные и каменные одно-сторонние литейные формы с плоскими крышками, реже двусторонние. При изготовлении изделий из чистой окисленной меди в процессе плавки и термообработки использовали предохраняющие от чрезмерного окисления засыпки. Единичные случаи обнаружения в микроструктурах повышенных концентраций эвтектики Cu–Cu₂O связаны со слитками, полученными в открытых емкостях. Дефекты, связанные с некачественным литьем — короблением металла, образованием горячих и холодных усадочных трещин, — отмечены только в четырех случаях. Подобные явления усадочного коробления корпуса орудий с искажением конфигурации отливок, происходящие под действием внутренних напряжений в связи с неравномерной усадкой остывшего расплава, обычны для петровских орудий труда поселения Кулевчи 6. Пороки объясняются неравномерным прогревом створок или ранней выбивкой отливок [Липницкий, Морозов, 1986, с. 335–337].

Полученные отливки дорабатывали ковкой, в процессе которой устраняли пороки литья, производилась вытяжка рабочих поверхностей с заострением лезвийной кромки. На лезвиях двух орудий — серпа и ножа абразивом подпилены зубчики пилы. Показатели микротвердости металла на лезвийной кромке орудий и вдали от нее были примерно одинаковыми, что, наряду с микроструктурными наблюдениями, свидетельствует об отсутствии преднамеренного упрочнения лезвий большинства орудий. Наклеп зафиксирован в микроструктурах только восьми орудий (23,5 %). Соответственно в этих случаях микротвердость металла достигала 200–206 кг/мм².

Данные микроструктурного исследования, форма и величина кристаллов, процентное соотношение включений, замеры микротвердости позволили уточнить и температурные режимы обработки меди и бронз (рис. 8). В процессе кузнечной формовки использовались в основном низкие температуры начальной стадии рекристаллизации металла 250–400 °С (30,5 %), 400–500 °С (23,7 %) либоковка по холодному металлу или в холодную с промежуточными отжигами (10,2 %). В общей массе использование холодных или низкотемпературных режимов составля-

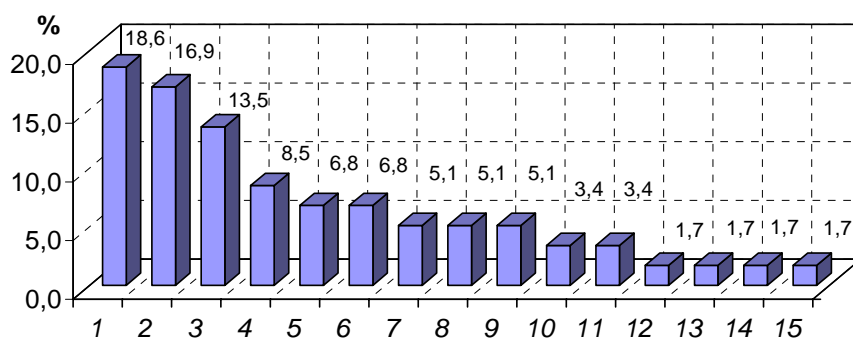
Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1

ло 64,4 %. Режимы горячейковки (600–800 °С для оловянной бронзы — 18,6 %; 600–700 °С для мышьяковой бронзы — 8,5 %), а также предплавильные температуры 900–1000 °С (8,5 %) использовались в обработке давлением примерно трети орудий труда и полуфабрикатов (35,6 %). В единичных случаях получали орудия и заготовки способом пакетной сварки как при низких, так и при предплавильных температурах. Кстати, в последнем случае сварка была проведена качественно, о чем свидетельствует тонкий сварной шов, различимый только при увеличении на микроскопе. Кузнечные пороки в единичных случаях были связаны с краснотомкостью металла, образующегося при термообработке оловянных бронз с повышенными концентрациями свинца и висмута.

Таблица 4

Технологические схемы изготовления изделий поселения Устье

№	Схема	Кол-во изделий/%
1	Ковка с обжатием 80–90 % с нагревами 400–500 °С	11/18,6
2	Неполная горячая ковка с обжатием 80–90 % при 250–400 °С	10/16,9
3	Литье + горячая ковка с обжатием 50–60 % при 600–800 °С	8/13,5
4	Ковка + сварка при низких температурах 300–500 °С	5/8,5
5	Холодная ковка с отжигами с обжатием 80–90 %	4/6,8
6	Ковка с обжатием 80–90 % с нагревами 600–700 °С	4/6,8
7	Горячая ковка с обжатием 70–80 % при 600–800 °С	3/5,1
8	Литье + неполная горячая ковка с обжатием 50–60 % при 250–400 °С	3/5,1
9	Литье + ковка с обжатием 50–60 % с нагревами 400–500 °С	3/5,1
10	Ковка с обжатием 70–80 % при предплавильных температурах 900–1000 °С	2/2,4
11	Литье + ковка при предплавильных температурах 900–1000 °С	2/2,4
12	Литье + холодная ковка с обжатием 50–60 %	1/1,7
13	Литье + холодная ковка с отжигами с обжатием 50–60 %	1/1,7
14	Литье + ковка с обжатием 50–60 % с нагревами 600–700 °С	1/1,7
15	Ковка + сварка при предплавильных температурах 900–1000 °С	1/1,7
<i>Всего</i>		59/100

Технологические схемы

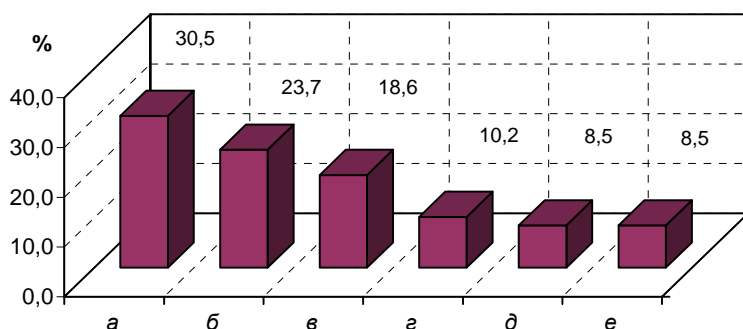
Рис. 7. Распределение цветных изделий поселения Устье по технологическим схемам:

1 — ковка с обжатием 80–90 % с нагревами 400–500 °С; 2 — неполная горячая ковка с обжатием 80–90 % при 250–400 °С; 3 — литье + горячая ковка с обжатием 50–60 % при 600–800 °С; 4 — ковка + сварка при низких температурах 300–500 °С; 5 — холодная ковка с отжигами с обжатием 80–90 %; 6 — ковка с обжатием 80–90 % с нагревами 600–700 °С; 7 — горячая ковка с обжатием 70–80 % при 600–800 °С; 8 — литье + неполная горячая ковка с обжатием 50–60 % при 250–400 °С; 9 — литье + ковка с обжатием 50–60 % с нагревами 400–500 °С; 10 — ковка с обжатием 70–80 % при предплавильных температурах 900–1000 °С; 11 — литье + ковка при предплавильных температурах 900–1000 °С; 12 — литье + холодная ковка с обжатием 50–60 %; 13 — литье + холодная ковка с отжигами с обжатием 50–60 %; 14 — литье + ковка с обжатием 50–60 % с нагревами 600–700 °С; 15 — ковка + сварка при предплавильных температурах 900–1000 °С.

Морфолого-типологическое исследование коллекции цветного металла поселения Устье 1, использование возможных современных аналитических методик с последующей статистической обработкой результатов позволили разграничить ее на синташтинскую и петровскую группы предметов. В основе критериев распределения изделий находились в первую очередь данные аналитического исследования — соотнесение с определенной металлургической группой, особенности микроструктурных показателей. Морфология орудий труда в данной ситуации не

являлась определяющей, поскольку типы орудий поселения представлены общеевразийскими формами, присущими культурам начальной фазы ЕАМП — синташтинской, абашевской, петровской, покровско-раннесрубной. К их числу относятся втульчатые кованые и стержневидные долота, серпы без выделенного черенка, ножи со слабо намеченным черенком, без перехвата, черенковые ножи с перехватом, без перекрестия, втульчатые крюки. Из специфических петровских типов следует упомянуть лишь одно- и двулезвийные ножи с длинной выделенной рукоятью. К синташтинским типам отнесены ножи с перекрестьем, перехватом и ромбическим завершением черенка, литые шпеньки-гвоздики. Более половины бронзового инвентаря (68,3 %) представлено слитками (рафинированными), полуфабрикатами-заготовками, ломом, отходами производства; группа орудий труда составляет 35 %, украшений — 6,7 %. Металл поселения разделяется на четыре металлургические группы (рецепта сплавов) — чистой меди (53,4 %), оловянной бронзы (13,6 %; содержание олова 0,4–8 %), мышьяковой бронзы (25,4 %; содержание мышьяка 0,15–7 %), комплексной оловянно-мышьяковой бронзы (7,6 %; содержание Sn 0,4–8 %, As — 0,4–1,7 %). Часть прутковых слитков содержала введенную лигатуру олова (до 8 %) и мышьяка (до 7 %).

Рис. 8. Распределение цветных изделий поселения Устье по видам термической обработки: а — ковка с нагревами 250–400 °С; б — ковка с нагревами 400–500 °С; в — ковка с нагревами 600–800 °С; г — холодная ковка или холодная с отжигами; д — ковка с нагревами 600–700 °С; е — ковка с нагревами 900–1000 °С

Обобщение аналитических данных позволило выявить четкую корреляцию химико-металлургических групп (сплавов) и технологических схем изготовления цветного инвентаря. Изделия, входившие в группы «чистой» меди, оловянной, частично оловянно-мышьяковой бронзы, связываемых нами с петровским металлопроизводством, получали по схемам 2, 3, 7, 8, 10, 11, 15 (табл. 4). Подобные варианты технологии сопоставимы с традиционными для петровской металлообработки вариантами технологии поселения Кулевчи 3 — формообразующей ковкой, литьем + ковкой корпуса орудий с обжатием 50–60 % в режимах неполной горячейковки, температур красного каления металла 600–800 °С, предплавильных температур 900–1000 °С [Дегтярева и др., 2001, с. 38].

Предметы из низколегированной мышьяковой бронзы изготавливали по схемам 1, 6, 9, 14, которые являются индикаторными для синташтинского металлопроизводства [Дегтярева, 2010, с. 141]. В обработке сырья с примесями мышьяка поселения Устье преобладающим был, как и в целом в синташтинской обработке цветного металла, низкотемпературный режим — 400–500 °С, диктуемый сохранением концентраций As в металле (64 % изделий в синташтинском производстве). Подобная избирательность при сопутствующих нагревах объясняется хорошей осведомленностью о высокой летучести паров мышьяка.

Технологические схемы 4, 5, 12, 13 — ковка в холодную, при низких температурах — 300–500 °С, сварка при 300–500 °С, литье + холодная ковка, литье + холодная ковка с отжигами использовались как в петровском, так и в синташтинском производстве, поэтому при культурной атрибуции предметов осуществлялся комплексный подход. Отчасти это вычленение носит условный характер, равно как и разделение изделий из оловянно-мышьяковой бронзы на петровские и синташтинские. Основная часть металлических изделий изготовлена петровскими мастерами, доля синташтинской группы не превышает 26–30 % от общей численности. В табл. 2

нами отнесены к петровской коллекции порядковые номера 1–88, к синташтинской — номера 89–118.

Приведенные данные об остатках металлопроизводства, обнаруженных при исследовании культурного слоя укрепленного поселения Устье 1, однозначно свидетельствуют об особо значимой роли металлургии и металлообработки в жизни его обитателей. Результаты аналитического исследования металла поселения Устье в основном документируют стадию переработки черновых слитков и литейно-кузнечные технологии. В то же время изучение металлургических шлаков показывает, что литейщики общины были ориентированы и на выплавку металла из руды [Григорьев, 2000, с. 460–488]. На поселении обнаружено десять однокамерных круглых печей, соединенных с колодцем каналом длиной около 15 см, а также одна канавообразная печь [Там же, с. 459–460]. В слое поселения найдено 130 кусочков руды и 1146 обломков металлургических шлаков, в том числе лепешкообразной формы. Анализ шлаков и фрагментов руды в них позволили С.А. Григорьеву сделать вывод о том, что использовались окисленные (малахит, куприт) и сульфидные (ковеллин, халькозин, халькопирит, редко теннантит, борнит) руды в серпентинитах и кварцевых жилах [Там же, с. 481–485]. Судя по приведенной автором гистограмме распределения мышьяка в шлаке и руде поселения Устье, мышьяк в руде отсутствовал, в то время как в единичных шлаках зафиксированы концентрации до 0,3 % [Там же, рис. 8, с. 502]. По мнению С.А. Григорьева, отсутствие руды с примесью мышьяка и в то же время его присутствие в шлаках объяснимо использованием лигатур и тем, что легирование производилось на стадии плавки руды, при этом вопрос происхождения мышьякосодержащих минералов пока остается открытым и рудные источники металла не ясны [Там же, с. 504–505].

Мышьякосодержащие сплески и корольки в шлаках были обнаружены также в слое поселения Аркаим (20 случаев). Результаты анализов, выполненных методом электронного микрозондирования в Институте минералогии УрО РАН, привел А.Ф. Бушмакин [Аркаим..., 2002, с. 132–144]. Сплески из печей, корольки в шлаках с этого поселения содержали мышьяк в концентрациях от 0,1 до 4 %, в одном случае — 8 %. На основании данных анализов шлаков исследователь сделал заключение о том, что легирование меди мышьяком происходило на стадии выплавки металла из руды, однако не счел возможным определить однозначно только по данным химического анализа рудные источники мышьяка (арсенопирит, блеклая руда, арсениды и т.д.). Изучение состава включений в шлаках из материалов поселений Аландское, Устье, Аркаим методами оптической и электронной микроскопии проведено В.В. Зайковым, В.А. Котляровым и Е.В. Зайковой. Большинство металлических включений представлено корольками меди и мышьяковой бронзы. В то же время примерно в трети образцов встречаются двух- и трехфазные включения, содержащие мышьяковую бронзу с каплями селенистых сульфидов, никель-мышьяковую бронзу, сплавы Cu–Ni–As, Fe–Cu–As в интерстициях, сульфиды меди [Зайков, Котляров, Зайкова, 2008, с. 400–403; Зайков, Юминов, Котляров и др., 2008, с. 403–405]. Полученные данные, по мнению исследователей, свидетельствуют о том, что древние металлурги использовали наряду с рудами из зон окисления медно-колчеданных месторождений мышьяково-никельсодержащие залежи. К последним могут быть отнесены кобальт-медноколчеданные руды, содержащие в продуктах окисления повышенные концентрации мышьяка и никеля.

В составе проанализированных предметов два слитка с содержанием As 1,7–7 %, а также 10 полосовых заготовок с меньшими концентрациями мышьяка. Подобные слитки (4 экз.) с содержанием As 0,75–15 % известны также в петровских и алакульских материалах поселений Кулевчи 6, Камышное 1, могильника Озерное 1 [Тигеева, 2013]. Введение мышьяка даже в малых количествах было технологически оправданно, поскольку таким образом уменьшалась окисляемость меди с образованием хрупких медных окислов, снижалась линейная усадка меди, повышалась жидкотекучесть расплава одновременно с понижением температуры плавки металла до 827 °С [Равич, Рындина, 1984, с. 117–120; Двойные и многокомпонентные системы..., 1979, с. 35–36]. Как показали экспериментальные данные, плавка металла завершалась при температуре 1100–1200 °С, соответственно понижалась также температура начала рекристаллизации металла до 400 °С [Равич, Рындина, 1984, с. 119–121]. Искусством выплавки меди из окисленных руд синташтинские металлурги не владели (по структурным данным синташтинских коллекций нами не зафиксировано ни одного подобного случая), в отличие от абашевских и петровских металлургов Подонья, Южного Зауралья, Центрального Казахстана, которые умели выплавлять медь подобной марки.

Литейщики Устья выплавляли также черновую медь из окисленной, сульфидной руды, производили ее рафинирование. Из оловорудных центров Рудного Алтая получали полосовые слитки с введенной лигатурой олова, а также оловянно-свинцовые сплавы (3 экз. на поселении Устье; 20 экз. на поселении Кулевчи 3; 8 экз. на поселениях Убаган 1–3; 1 оловянно-свинцовое колечко на пос. Убаган 3), которые затем разрубали и небольшими кусочками добавляли в медь при изготовлении орудийного комплекса.

Проблема выявления источников медного сырья вряд ли на современном уровне может быть решена однозначно. В непосредственной близости от поселения находятся несколько групп месторождений и рудников со следами древних разработок, хотя датирующих материалов в них не было обнаружено. На территории Южного Зауралья к числу вероятно использовавшихся в древности Е.Н. Черных причисляет месторождения *Камышлы-Узяк*, *Бакр-Узяк*, находящиеся вблизи г. Магнитогорска. Рудное тело, характеризующееся автором как колчеданное, сложено в верхней части главной линзы малахитом, купритом, азуритом. Здесь обнаружен большой карьер, из которого происходят куски медных шлаков, литейных слитков [Черных, 1970, с. 40]. Из южно-уральских особое внимание было уделено характеристике жильных месторождений *Таш-Казган* и *Никольское*, которые находятся в 5–6 км к востоку от д. Тунгатарово недалеко от притока р. Уй в Башкирии. По заключению Е.Н. Черных, обследовавшего рудники в 1960-е гг., промышленными разработками XIX в. были исчерпаны как запасы руды, так и, по всей видимости, следы древних разработок, поскольку осмотр карьеров, отвалов и шурфов результатов не дал. По мнению исследователя, ярким диагностическим признаком таш-казганской руды является присутствие повышенных концентраций мышьяка — до нескольких процентов [Там же, с. 42]. По названию этого рудника им была обозначена таш-казганская группа металла с повышенным содержанием мышьяка, в состав которой попали преимущественно орудия и украшения абашевской и синташтинской культур. К числу возможно эксплуатировавшихся в древности можно отнести месторождения *Вознесенское*, *Поляковка* и *Нарали*, находящиеся в Учалинском районе Башкирии. Сырьевые запасы этих трех рудников в настоящее время полностью выработаны. Возможно, использовались также сульфидные месторождения, содержащие арсенопирит, арсениды, блеклую руду, кобальт-медноколчеданные руды, однозначная локализация которых в настоящее время невозможна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авилова Л.И.* Металл Ближнего Востока: Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 227 с.
- Авилова Л.И., Черных Е.Н.* Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 31–83.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Агалов С.А.* Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Дис. ... канд. ист. наук: Рукоп. Т. 2. М., 1990. 282 с.
- Агалов С.А., Иванов А.Ю.* Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. С. 133–143.
- Агалов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В.* Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 44–59.
- Андроновская культура* // САИ. 1966. Вып. В3-2. 64 с.
- Аркаим: Некрополь* (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 216 с.
- Археологические памятники* [Татарской АССР] бассейна р. Черемшан. Казань: ИЯЛИ, 1990. 112 с.
- Бадер О.Н.* Древнейшие металлургии Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
- Березанская С.С.* Усово озеро: Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наук. думка, 1990. 152 с.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника: (Публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.
- Васильев И.Б.* Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопр. археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во СамГУ, 1999. С. 66–114.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во СамГУ, 1994. 208 с.

Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1

- Виноградов Н.Б.* Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 94–100.
- Виноградов Н.Б.* Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3. С. 136–153.
- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Гак Е.И.* Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 27 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К.* Черноозерье I — могильник эпохи бронзы среднего Прииртышья. Екатеринбург: УрГУ, 1994. 67 с.
- Горбунов В.Г.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1989. 134 с.
- Горбунов В.Г.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Башкир. пед. ин-т, 1992. 223 с.
- Григорьев С.А.* Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. Т. 1. С. 444–523.
- Двойные* и многокомпонентные системы на основе меди. М.: Наука, 1979. 247 с.
- Дегтярева А.Д.* Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 23–54.
- Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М.* Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби: (Предварительные результаты металлографического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 27–35.
- Денисов И.В.* Могильники эпохи бронзы Обилькинского луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во Оренб. пед. ун-та, 2001. Вып. 5. С. 38–48.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Выш. Антропол. Шк., 2002. 348 с.
- Евдокимов В.В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 35–47.
- Екимов Ю.Г.* Поселение металлургов-литейщиков постсейминского горизонта на Верхнем Дону // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993. С. 24–27.
- Екимов Ю.Г.* Абашевские памятники на северной периферии донской лесостепи // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: НТЦ, 2001. С. 413–417.
- Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии. Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. 192 с.
- Зайков В.В., Котляров В.А., Зайкова Е.В.* Состав металлических включений в древних шлаках Южного Урала // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 400–402.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Котляров В.А. и др.* Микровключения минералов в металлах и шлаках как индикаторы минерально-сырьевой базы древних обществ // Там же. С. 403–405.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 156–207.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
- Зданович Г.Б.* Аркаим: Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 31–42.
- Зданович Г.Б.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47–62.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и «страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 110–128.
- Зданович Д.Г.* Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 17–105.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В.* Из опыта исследования погребальных комплексов эпохи бронзы в Южном Зауралье: Могильник Степное VII // XVII Урал. археол. совещание. Екатеринбург, 2007. С. 141–143.
- Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н.э.) // ТХАЭЭ. 1977. Т. 10. 240 с.

Н.Б. Виноградов, А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых

- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестамак: (Предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 9. С. 32–58.
- Кашкай М.А., Селимханов И.Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973. 223 с.
- Корнеевский С.Н.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1983. С. 96–109.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III: Препр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 72 с.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Изд-во Сам. пед. ун-та, 1995. С. 156–207.
- Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 162 с.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: Изд-во Сам. НЦ РАН, 2000. С. 122–151.
- Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. 1966. Вып. В4–9. 150 с.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П.* Раскопки Владимировского курганного могильника эпохи бронзы // Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 259–270.
- Кузьминых С.В.* Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 41–70.
- Кузьминых С.В.* Литейные формы // Каргалы. Т. 3: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 76–100.
- Кукушкин И.А.* Археологические исследования могильника Ащису: Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 40–63.
- Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С.* Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 93–105.
- Липницкий А.М., Морозов И.В.* Справочник рабочего-литейщика. Л.: Машиностроение, 1976. 344 с.
- Логвин В.Н.* Могильник Токанай 1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 190–194.
- Логвин А.В., Шевнина И.В.* Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 190–197.
- Лопатин В.А., Хоркин Д.А.* Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у села Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 71–78.
- Малов Н.М.* Проблема взаимодействия поволжских, покровских и урало-казастанских племен степной зоны Евразии // Вопр. археологии Казахстана. Алматы: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 60–63.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Мерперт Н.Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 152 с.
- Моргунова Н.Л., Порохова О.И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. С. 160–172.
- Нелин Д.В.* Шибаво I: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. 1. Историч. науки. 2004. № 2. С. 150–181.
- Обыденнов М.Ф.* Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: Вост. ун-т, 1996. С. 105–123.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во СамГУ, 1992. 172 с.
- Пазухин В.А.* О происхождении древней мышьяковой меди // Изв. АН СССР. Металлургия и горное дело. 1964. № 1. С. 151–165.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. VI-10, т. 1. 200 с.*

Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1

- Пестрикова В.И.* Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1979. С. 99–110.
- Порохова О.И.* II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург: Оренб. пед. ин-т, 1992. С. 92–107.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971. 214 с.
- Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. 164 с.
- Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 168 с.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. Кн. 2. 176 с.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. 208 с.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И.* Селезни 2: Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж: ВГУ, 1998. 44 с.
- Пряхин А.Д., Отрощенко В.В., Беседин В.И., Бровендер Ю.М.* Поселение эпохи бронзы Капитаново II: (Материалы работ Украинско-Российской археологической экспедиции). Воронеж: ВГУ, 2000. 50 с.
- Равич И.Г., Рындина Н.В.* Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь — мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. М.: Искусство, 1984. Вып. 9 (39). С. 114–124.
- Равич И.Г., Рындина Н.В.* Древние сплавы медь — мышьяк и проблемы их использования в бронзовом веке Северного Кавказа // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 4. С. 77–98.
- Сагайдак В.И.* О двух группах погребений покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1979. С. 57–70.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Седова М.С.* Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: Изд-во Сам. НЦ РАН, 2000. С. 209–241.
- Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: Изд-во Сам. НЦ РАН, 2000. С. 152–208.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: Новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 341–346.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1996. 352 с.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А.* Плясоватские курганы // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж: Воронеж. пед. ун-т, 2004. С. 162–177.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во Сам. пед. ун-та, 1995. С. 37–72.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И.* О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. С. 78–95.
- Скарбовенко В.А.* Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйб. ун-т, 1981. С. 5–20.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.
- Смолин В.Ф.* Археологические заметки // Вестн. науч. о-ва татароведения. Казань, 1926. № 4. С. 72–76.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. 264 с.
- Соловьев Б.С.* Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 198–192.
- Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник: (Итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.
- Тигеева Е.В.* Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 31–39.
- Тихонов Б.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 5–115.
- Ткачев А.А.* Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 22–29.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Ткачев В.В.* К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Димур, 1998. Вып. 2. С. 38–56.
- Ткачев В.В.* О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000. С. 37–65.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Тюбяк:* Поселение бронзового века на Южном Урале / М.Ф. Обыденнов, В.С. Горбунов, Л.И. Муравкина и др. Уфа: Изд-во Башкир. пед. ун-та, 2001. 159 с.

Н.Б. Виноградов, А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых

- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
- Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 417–425.
- Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132. 144 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.
- Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во БАН, 1978. 387 с.
- Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов // Каргалы. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 5. 200 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Азов: Азов. краевед. музей, 1995. Вып. 4. С. 93–116.
- Budd P., Gale D., Pollard A.M., Thomas R.G. The early Development of Metallurgy in the British Isles // Antiquity. 1992.
- Bortvin N.N. The Verkhny Kizilfind // ESA. Helsinki, 1928. Vol. 3. P. 122–131.
- Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: Univ. press, 1992. 335 p.
- Eaton E.R., McKerrell H. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenical copper // World Archaeology. 1976. Vol. 8, N 2. P. 169–191.
- Lechtman H. Arsenic bronze: Dirty copper or choosen alloy? A view from the America // Journ. Field Archeology. 1996. N 3.
- McKerrel Y., Tylekote R.F. The Working of Copper-Arsenic Alloys // Proceeding of Prehistoric Society. L., 1972.
- Rovira S. La Metalurgia Americana: Analisis tecnologico de Materiales prehispanicos y colonials. Madrid, 1990.

*Челябинск, ЧГПУ
vinogradov_n@mail.ru
**Тюмень, ИПОС СО РАН
anna126@inbox.ru
***Москва, ИА РАН
kuzminykhsv@yandex.ru

Subject to publication being data obtained under investigation of a fortified settlement of Ustje 1 at the turn of III–II millennium B.C., connected with metal industry. Basing on a morphological-and-typological investigation of non-ferrous inventory, as well as the results of atomic-emission spectrometric, spectral and metallographic analyses, the authors undertook a cultural identification of the Sintashta and Petrovka metal. The integration of analytical findings allowed clearly correlating chemical and metallurgical groups (alloys) and technological schemes in manufacturing of the non-ferrous inventory. The articles within groups of «pure» copper, tin bronze and, partly, tin-and-arsenic bronze, associated by the authors with the Petrovka metal industry, were produced in accordance with traditional schemes typical of the Petrovka technological processes. The objects made of low alloyed arsenic bronze were manufactured in accordance with schemes typical of the Sintashta metal industry. The data on the artefacts obtained under investigation of the cultural layer of the site connected with metal industry testify to a particularly significant role of metallurgy and metalwork in the life of its inhabitants.

Bronze Age, South Trans Urals, metal industry, settlement of Ustje 1, morphology of metal, compositional analysis of copper and bronzes, metallographic analysis.

ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАЛЛА АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

Е.В. Тигеева

Статья посвящена исследованию химического состава цветного металла алакульской культуры по материалам поселений и могильников Притоболья эпохи бронзы. Выделены химико-металлургические группы, характерные для алакульского металлопроизводства, из которых основной является группа оловянных бронз (54,7 %). Прослежена взаимосвязь между типом изделия и составом сырья для его изготовления, выделен очаг металлургии, функционировавший в петровское время и развившийся благодаря алакульским мастерам, частично перенявшим традиции петровской металлообработки.

Алакульская культура, Притоболье, эпоха бронзы, металлообработка, химико-металлургические группы, очаг металлургии.

Сочетание традиционных археологических методов с аналитическими спектрометрическими и металлографическими данными позволяет получить информацию для реконструкции технологических процессов в древности. Алакульский металл охарактеризован в ряде работ [Черных, 1970; Кузьминых, Черных, 1985; Аванесова, 1991]. Однако в связи с использованием инновационных методов, введением в научный оборот не изученных ранее памятников, появлением новых аналитических данных возможны некоторая корректировка и дополнение сделанных ранее выводов. Для исследования отбирались морфологически определенные металлические изделия алакульской культуры, происходящие из поселений Притоболья Камышное 1, 2, Нижнеингалское 3, Волосниково, Алексеевское и могильников Камышное 1, Верхняя Алабуга, Раскатиha, Субботинский, Кулевчи 6, Хрипуновский, Чистолебяжский, Алакульский (243 экз.) (рис. 1). Из них орудий труда 35 экз., украшений 170 экз. (включая бусины), а остальные 38 предметов — скобы, заготовки, прутки и слитки. Поскольку алакульских поселений известно не так уж много, большинство изделий происходят из могильников. Поселенческий материал составил 14,8 % (36 экз.), а доля погребального инвентаря 85,2 % (207 экз.). Этим объясняется значительное превалирование украшений, найденных в погребениях, над орудиями труда и вооружением, которые чаще всего обнаруживали на поселениях.

Выделяется три категории изделий. К первой относятся орудия труда, такие как слабоизогнутые серпы, двулезвийные ножи-кинжалы листовидной формы, шилья четырехгранные в сечении и крюки с петлей для подвешивания и заточенным острием. Во вторую категорию входят украшения алакульской культуры, из которых самым многочисленным видом являются браслеты различных типов, а самой редкой находкой — медная желобчатая гривна [Куприянова, 2008, с. 224]. Широко представлены подвески, входящие в состав как головных, так и шейно-нагрудных украшений. Это кольцевидные трубчатые подвески или височные кольца, которые в некоторых случаях могли являться серьгами, крестовидные подвески [Аванесова, 1991, с. 52], подвески ножевидные или листовидные, входящие в состав накольников, очковидные, подвески в 1,5 оборота. Также интересны медные орнаментированные бляшки с концентрическими окружностями и другими солярными символами. Многочисленны бусы и пронизи, как одиночные, так и входящие в состав браслетов для рук и ног. Третья категория изделий представлена различными прутками, заготовками, слитками, скобами (табл. 1).

Самая многочисленная — группа оловянных бронз (54,7 % изделий). Далее следуют группы «чистой меди» (30,5 %) и трехкомпонентного медно-оловянно-свинцового сплава (11,5 %). Сплавы с содержанием As более 0,5 % не характерны для алакульской культуры, тем не менее шесть предметов (2,5 %) относятся к группе оловянно-мышьяковых бронз (Cu + Sn + As) и один предмет, являющийся слитком (0,4 %), — к группе Cu + As. Из биллона (сплава меди с серебром) изготовлена бусина, входящая в состав браслета из погребения Хрипуновского могильни-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 11-06-00034а.

ка (Cu + Ag) (табл. 1, 2; рис. 2, 3). Столь малый процент изделий из мышьяковых бронз не удивителен для серий металла андроновской общности, ориентированной на южно-уральские, северо- и центрально-казахстанские рудные источники [Дегтярева и др., 2001, с. 34]. Изделия из мышьяковых сплавов преобладают в синташтинской культуре и в меньшей степени имеются в петровской среде, в алакульской же культуре этот тип сплава применялся эпизодически и, возможно, унаследован от культур I фазы ЕАМП [Дегтярева, 2010, с. 86]. Кроме того, явное преобладание оловянной бронзы объяснялось ее преимуществами перед бронзами мышьяковыми, так как она не меняла исходный состав при нагреве и поэтому отличалась большей прочностью и твердостью, отсутствием токсичности. Оловянная бронза высоко ценилась в связи с прекрасными литейными свойствами в сочетании с высокой ковкостью.

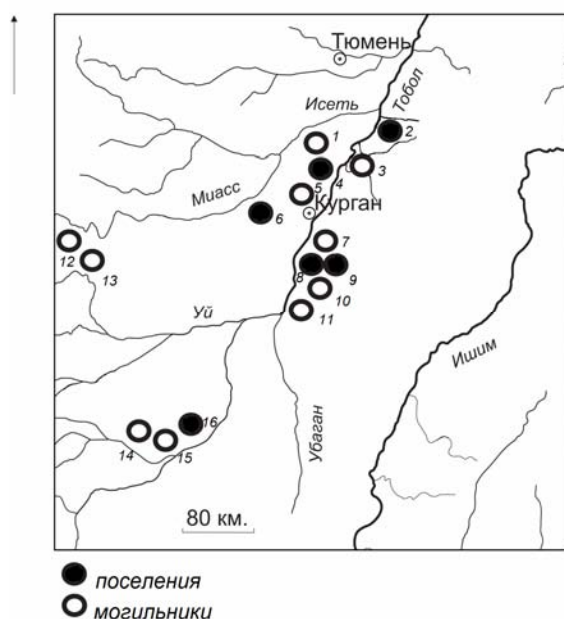

Рис. 1. Памятники алакульской культуры Притоболья:

- 1 — Хрипуновский; 2 — Ук 3; 3 — Чистолеляжский; 4 — Волосниково; 5 — Царев Курган; 6 — Нижнеингальское 3; 7 — Камышное 1; 8 — Камышное 2; 9 — Камышное 1; 10 — Раскатиха; 11 — В. Алабуга; 12 — Алакульский; 13 — Субботинский; 14 — Кулевчи 6; 15 — Алексеевский; 16 — Алексеевское

Таблица 1

Распределение металлических изделий по категориям и металлургическим группам

Памятник	Всего экз.	Орудия труда	Украшения	Скобы и пр.	Cu	Cu + Sn	Cu + Sn + Pb	Cu + As	Cu + Sn + As	Cu + Ag
Поселения										
Камышное 1	10	2	4	4	3	5	1	1	—	—
Камышное 2	2	—	—	2	1	1	—	—	—	—
Волосниково	11	9	—	2	8	1	—	—	2	—
Алексеевское	9	4	5	—	—	7	2	—	—	—
Нижнеингальское 3	4	1	1	2	3	1	—	—	—	—
Итого	36	16	10	10	15	15	3	1	2	—
	100 %	44,4 %	27,8 %	27,8 %	41,7 %	41,7 %	8,3 %	2,8 %	5,5 %	—
Могильники										
Камышное 1	9	—	7	2	1	6	1	—	1	—
В. Алабуга	18	3	7	8	6	7	5	—	—	—
Раскатиха	11	2	9	—	2	7	2	—	—	—
Субботинский	20	1	19	—	9	8	3	—	—	—
Хрипуновский	48	3	41	4	14	23	9	—	1	1
Чистолеляжский	27	—	20	7	12	12	3	—	—	—
Царев Курган	3	3	—	—	1	2	—	—	—	—
Алакульский	71	7	57	7	14	53	2	—	2	—
Итого	207	19	160	28	59	118	25	—	4	1
	100 %	9,2 %	77,3 %	13,5 %	28,5 %	57 %	12,1 %	—	1,9 %	0,5 %
Итого по памятникам	243	35	170	38	74	133	28	1	6	1
	100 %	14,4 %	70 %	15,6 %	30,5 %	54,7 %	11,5 %	0,4 %	2,5 %	0,4 %

Распределение металла алакульской культуры Среднего Притоболья по металлургическим группам

Категория	Всего	Cu	Cu + Sn	Cu + Sn + Pb	Cu + As	Cu + Sn + As	Cu + Ag
Поселения							
Орудия труда	16	8	6	—	—	2	—
Украшения	10	—	8	2	—	—	—
Прочее	10	7	1	1	1	—	—
Итого	36 (100 %)	15 (41,7 %)	15 (41,7 %)	3 (8,3 %)	1 (2,8 %)	2 (5,5 %)	—
Могильники							
Орудия труда	19	3	15	1	—	—	—
Украшения	160	36	99	21	—	3	1
Прочее	28	20	5	2	—	1	—
Итого	207 (100 %)	59 (28,5 %)	118 (57 %)	25 (12,1 %)	—	4 (1,9 %)	1 (0,5 %)
Итого по памятникам	243 (100 %)	74 (30,5%)	133 (54,7 %)	28 (11,5 %)	1 (0,4%)	6 (2,5 %)	1 (0,4 %)

Статистическая обработка данных спектрального и атомно-эмиссионного анализа (243 ан.) позволяет выделить шесть химико-металлургических групп, из которых основными являются три (табл. 3, рис. 2).

В качестве нижнего порога легирования сплава оловом и свинцом была принята условная величина $> 0,5 \%$. Для мышьяка граница $> 0,3 \%$. Концентрация олова в сплавах колеблется в пределах от 0,5 до 20 %. К низколегированным (0,5–6 %) относятся 106 экз. (63,5 %), среднелегированным (7–12 %) — 49 экз. (29,3 %), высоколегированным (13–20 %) — 12 экз. (7,2 %). Последние представлены крестовидными подвесками, браслетами и слитком.

Прослежена корреляция по линии химико-металлургические группы — типология изделий. Подавляющее большинство предметов изготовлены из оловянной бронзы или медно-оловянно-свинцового сплава, это явление объясняется тем, что в данной выборке преобладают либо орудия труда, либо украшения — этнические маркеры, такие как браслеты, перстни, подвески (в особенности крестовидные), все они изготавливались из данных видов сплавов. Для бусин, скоб, бляшек, за редким исключением, использовали «чистую медь». То есть если бы в выборке преобладали бусины, скобы, бляшки, накладки, то процент «чистой меди» был бы выше. В связи с тем, что на бляшки и накладки орнамент наносился методом чеканки, материал должен быть мягким и податливым, таким как чистая медь [Флек, 2012, с. 94]. Скобы чаще всего использовали для починки керамических сосудов, и они не имели особой ценности [Матвеев, 1998, с. 251]. Их изготавливали из чистой меди, которой было в избытке, без присадки оловянной лигатуры, высоко ценившейся в древнем обществе. Таким образом, прослеживается зависимость между типом изделия и сырьем для его изготовления.

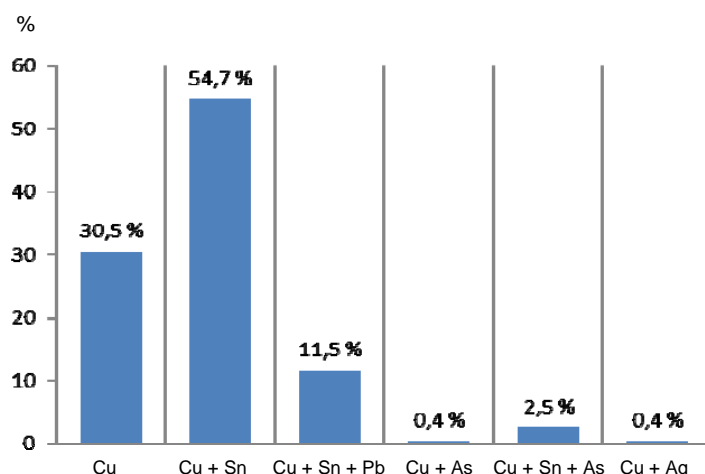

Рис. 2. Распределение металлургических групп цветного металла алакульской культуры

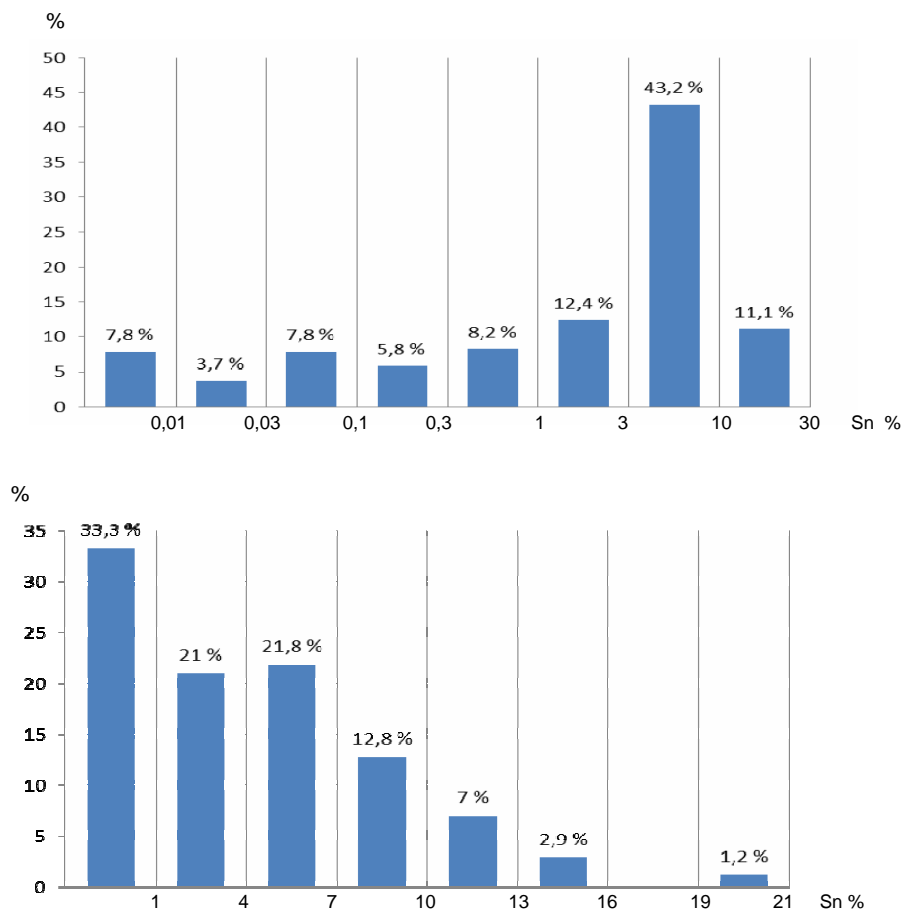

Рис. 3. Распределение концентраций примеси Sn в металле алакульской культуры

Таблица 3

Результаты атомно-эмиссионных спектрометрических и спектральных анализов металла алакульской культуры

Предмет	№ спектр. анал.	№ структур. анал.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Нож	328**		Осн.	+	0,15	—	—	0,01	—	—	0,02	+?	—	—
»	329**		Осн.	0,05	0,01	—	—	0,001	—	—	0,03	—	—	—
Топор	334**		Осн.	8	0,2	—	0,06	0,006	—	—	0,6	+	—	—
Нож	337**		Осн.	+	0,1	—	+	0,001	0,1	0,2	0,04	+?	—	—
Рукоять	338**		Осн.	0,03	0,05	0,01?	—	<0,001	—	—	0,7	+	—	—
Крюк	341**		Осн.	3,5	0,02	—	+	0,05	0,05	0,4	0,01	+	—	—
»	342**		Осн.	3	0,2	0,02	+	0,1	0,6	0,7	0,1	0,06	—	—
»	343**		Осн.	0,02	0,01	—	—	0,004	—	—	0,07	+	—	—
»	344**		Осн.	0,4	0,03	—	+	0,004	—	—	0,01	—	+	—
Скоба	346**		Осн.	0,01	0,01	—	—	0,001	—	—	0,05	+?	—	—
»	347**		Осн.	0,25	0,2	0,01?	+	0,001	—	—	0,2	—	—	—
Слиток	17917*	997	Осн.	20	6	—	0,015	0,06	—	0,03	0,05	0,005	—	0,004
Шило	17918*	913	Осн.	3,42	0,6	0,04	0,002	0,03	<0,01	0,05	0,12	0,01	<0,001	0,002
Подвеска	364	914	Осн.	3,5	0,21	0,02	0,005	0,013	<0,01	0,03	0,02	0,001	<0,001	0,002
Игла	365	915	Осн.	0,33	0,02	0,01	0,001	0,009	0,06	0,1	0,29	0,005	<0,001	0,002
Пруток	366	916	Осн.	0,12	0,04	0,02	0,002	0,003	<0,01	0,06	0,03	0,001	0,002	<0,001
Слиток		998	Осн.							15				
Украшение	17919*		Осн.	14	0,2	—	0,04	0,07	0,06	0,2	0,01	0,003	—	0,001
Буса	17920*		Осн.	12	0,2	—	0,005	0,06	0,06	0,2	0,03	0,003	—	—
Браслет	17921*		Осн.	20	0,3	—	—	0,05	0,08	0,2	0,25	0,003	—	—
Проволока	17922*		Осн.	0,4	0,1	—	—	0,05	0,08	0,2	0,25	0,003	—	—
Пруток	49788	1080	Осн.	0,22	0,12	—	0,017	0,06	0,11	—	0,38	—	—	—
Слиток	49790	1082	Осн.	2,14	0,26	0,24	0,03	0,05	0,14	0,24	0,12	0,003	—	0,001

Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Притобья

Продолжение т а б л . 3

Предмет	№ спектр. анализ.	№ структур. анализ.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Браслет	49761	1141	Осн.	6,17	0,19		0,08	0,07	0,13	0,03	0,49			
Скоба	49762	1142	Осн.	0,32	0,1		0,08	0,09	0,13		0,31			
»	49763	1143	Осн.	0,18	0,17		0,11	0,08	0,2		0,09			
Шило	49764	1144	Осн.	0,42	0,15		0,1	0,08	0,2		0,28			
Браслет	609*		Осн.	7	0,4			0,002		0,02	0,05	0,01		
»	610*		Осн.	8	0,1		0,001	0,006		0,006	0,006	0,004		
»	611*		Осн.	10	0,12		0,002	0,005		0,02	0,01	0,005		<0,001
»	612*		Осн.	6,5	1,9		0,012	0,01	0,003	0,018	0,01	0,003		<0,001
...»	613*		Осн.	8	1,6		0,007	0,013	0,004	0,017	0,007	0,002		<0,001
Шило	615*		Осн.	13	0,25		0,002	0,0015	0,003	0,03	0,04	0,004		
»	623*		Осн.	2,5	0,25		0,04	0,04	0,08	0,25	0,05	0,02	0,002	<0,001
»	624*		Осн.	7	0,13		0,05	0,03	0,09	0,3	0,4	0,009	0,003	
Подв. нож.	625*		Осн.	15	0,1		0,001	0,005			0,15	0,004		
Скоба	358	904	Осн.	0,179	0,03	0,03	0,001	0,002	<0,01	0,02	0,09	0,011	<0,001	0,002
Браслет	341	907	Осн.	3,8	0,3	0,01	0,001	0,004	<0,01	0,02	0,03	0,002	<0,001	0,002
»	344	908	Осн.	3,55	0,35	0,01	0,002	0,004	<0,01	0,03	0,08	0,002	0,003	0,002
Подвеска	296**	999	Осн.	15	0,1	0,02	—	0,001	—	—	0,01	—	—	—
Браслет	294**		Осн.	10	3	0,01?	+	<0,001	0,01	—	0,01	+	—	—
»	295**		Осн.	12	0,1	0,01?	+	0,015	—	—	0,03	+	—	—
Подвеска	297**		Осн.	12	0,1	0,01?	0,01	0,008	—	1	0,5	+	—	—
Браслет	298**		Осн.	11	1	0,02	+	<0,001	0,02	—	0,02	—	—	—
Скоба	299**		Осн.	6	0,4	0,01?	+	0,001	—	—	0,03	0,01	—	—
Подвеска	28306*	974	Осн.	7,5	0,04		0,002	0,01	0,1	0,06	0,09	0,01		
Браслет	343	992	Осн.	3,6	0,35	0,01	0,004	0,01	<0,01	0,04	0,04		0,002	0,002
Крюк	408	973	Осн.	<0,01	0,008	0,24	<0,001	0,67	<0,01	<0,02	0,075	0,01	<0,005	<0,001
Нож	410	976	Осн.	0,08	0,01	0,14	0,01	0,65	<0,01	<0,02	2,45	<0,001	<0,05	<0,001
Слиток	411	977	Осн.	0,05	0,06	0,37	<0,001	0,002	<0,01	<0,02	0,06	<0,001	<0,05	<0,001
Подвеска	28318*	975	Осн.	2	0,02		0,0015	0,008	0,015	0,2	0,4	0,015		0,001
Скоба	412	981	Осн.	2,56	1,93	0,18	0,06	0,08	<0,01	<0,02	0,112	0,02	<0,005	<0,001
»	413	982	Осн.	2	0,03	0,25	0,06	0,008	<0,01	<0,02	0,3	0,01	<0,005	0,03
Скрепка	418	987	Осн.	0,02	0,15	0,2	<0,001	0,003	<0,01	<0,02	0,028	<0,001	<0,005	<0,001
»	28301*		Осн.	1,8	0,02	—	0,1	0,0004	0,002	0,06	0,9	0,001	—	0,001
»	28302*		Осн.	2,5	2	—	0,04	0,02	0,006	0,05	0,1	0,006	0,001	—
Браслет	28304*		Осн.	5	1,5	—	0,01	0,02	—	0,015	0,025	0,0007	—	—
»	28305*		Осн.	3	2	—	0,015	0,0001	—	0,007	0,04	0,001	—	—
»	28311*		Осн.	9	2	0,025	0,003	0,006	0,002	0,03	0,05	0,003	—	0,001
»	28312*		Осн.	1,8	0,02	?	0,0015	0,006	0,015	0,25	0,35	0,009	?	0,001
Слиток	28313*		Осн.	0,0003	0,1	1	—	0,0001	?	0,006	0,8	0,002	—	—
»	28314*		Осн.	0,04	0,001	?	0,001	0,007	—	—	0,8	0,001	0,001	—
Шило	28317		Осн.	0,6	0,05	—	0,0005	0,007	0,002	0,015	0,5	0,006	?	—
»	361	911	Осн.	5,65	0,89	0,04	0,005	0,03	<0,01	0,05	0,37	0,01	0,003	<0,001
Бляшка	362	912	Осн.	4,96	0,39	0,07	0,013	0,03	<0,01	0,06	0,13	0,02	0,002	<0,001
Шило	304**		Осн.	12	2	0,01?	+	0,02	—	—	0,01	+	—	—
Подвеска	300**		Осн.	0,1	—	+	0,05	—	—	—	0,03	+	—	—
Браслет	301**		Осн.	11	0,03	0,02	+	0,002	—	—	0,03	+	—	—
»	302**		Осн.	13	0,05	0,02	+	0,003	—	—	0,07	+	—	—
Бусина	305**		Осн.	9	0,8	—	0,01	0,015	—	—	0,03	+	—	—
Подвеска	306**		Осн.	11	0,1	—	+	0,004	—	—	0,03	+	—	—
»	307**		Осн.	11	3	—	0,01	0,01	—	—	0,4	+	—	—
»	308**		Осн.	14	0,5	0,01?	+	0,001	—	—	0,06	+	—	—
Бляшка	309**		Осн.	0,4	0,01	—	+	<0,001	—	—	0,6	—	—	—
Браслет	340	954	Осн.	4,12	0,56	0,018	0,006	0,02	<0,01	0,046	0,43	0,006	0,002	0,002
Кольцо	342	917	Осн.	4,6	0,98	0,01	0,007	0,12	<0,01	0,03	0,04	0,003	0,002	0,003
Бусина	345	931	Осн.	0,14	0,06	0,03	0,002	0,03	<0,01	0,05	0,07	0,01	0,003	<0,001
»	346	932	Осн.	0,16	0,01	0,04	0,003	0,02	<0,01	0,03	0,26	0,01	0,002	0,002
»	347	927	Осн.	<0,005	0,01	0,04	0,002	0,008	<0,01	0,05	0,1	0,01	<0,001	0,002
»	348	921	Осн.	0,34	0,09	0,03	0,001	0,004	<0,01	0,03	0,34	0,003	<0,001	<0,001
»	349	922	Осн.	0,02	0,17	0,05	0,002	0,001	<0,01	0,07	0,06	0,003	0,004	<0,001
»	350	923	Осн.	0,36	0,09	0,01	0,002	0,07	<0,01	0,02	1,1	0,01	<0,001	0,002
»	351	924	Осн.	6,7	1,5	0,03	0,004	0,01	<0,01	0,06	0,11	0,01	0,004	0,002
Браслет	352	920	Осн.	5,1	0,52	0,03	0,003	0,01	<0,01	0,05	0,08	0,004	0,003	0,002
Бусина	353	918	Осн.	0,34	0,08	0,09	0,001	0,004	<0,01	0,03	0,14	0,004	0,002	<0,01
Браслет	354	919	Осн.	3,6	0,23	0,02	0,002	0,01	<0,01	0,05	0,05	0,004	<0,01	<0,01
»	361**	952	Осн.	11	1	0,01	0,01	0,009	0,1		0,1			
»	362**	926	Осн.	5	2	0,01	0,01	0,015			0,05			
»	363**	925	Осн.	5	1,5	0,01	0,025			0,07				
»	364**	939	Осн.	14	0,4			0,007			0,08			
»	367**	949	Осн.	15	0,4	—	+	0,01	—	—	0,01	+	—	—
Нож	359**		Осн.	8	0,02	—	+	<0,001	—	—	0,01	+	—	—
Бусина	365**		Осн.	0,03	0,01	—	+	0,001	—	—	0,08	+	—	—
»	366**		Осн.	0,03	0,2	—	—	0,001	—	—	0,01	+	—	—

Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Притоболья

Продолжение т а б л . 3

Предмет	№ спектр. анализ.	№ структур. анализ.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Браслет	475	828	Осн.	4,87	0,05	0,05	0,004	0,01	<0,01	<0,01	0,03	0,009	<0,001	0,001
»	476	829	Осн.	4	0,75	0,06	0,017	0,04	<0,01	<0,01	0,2	0,012	<0,001	0,004
»	477	830	Осн.	4,6	0,1	0,04	0,004	0,01	<0,01	<0,01	0,48	0,006	<0,001	<0,001
Подвеска	478	831	Осн.	0,29	0,17	0,07	0,007	0,01	<0,01	<0,01	0,22	0,017	<0,001	0,004
Нож	310**		Осн.	10	0,15	0,01?	0,01	0,004	—	—	0,01	0,01	—	—
Топор	311**		Осн.	6	0,01	—	+	0,001	—	—	0,02	+	—	—
Шило	368**		Осн.	0,07	0,05	—	+	0,008	—	—	0,1	+	—	—
Гривна	49880		Осн.	0,25	0,11	0,59	0,02	0,02	0,03	0,02	0,3	0,05	0	—
Браслет	49881		Осн.	5,68	0,12	0,01	0,05	0,05	0,01	0,12	0,23	0	0	—
»	49882		Осн.	10,13	0,5	0,1	0,05	0,05	0	0,02	0,14	0	0	—
»	49885		Осн.	5,63	0,1	0	0,06	0,06	0,07	0,17	0,13	0	0	—
»	40886		Осн.	6,28	0,09	0	0,07	0,06	0,09	0,17	0,14	0	0	—
»	49887		Осн.	7,29	0,09	0	0,06	0,06	0,06	0,19	0,18	0	0	—
Бляшка	49889		Осн.	0,08	0,12	0	0,08	0,07	0,15	0,08	0,28	0	0	—
Кольцо	49892		Осн.	8,12	0,13	0	0,07	0,08	0,09	0,2	0,18	0	0	—
»	49894		Осн.	8,65	0,11	0	0,05	0,06	0,03	0,26	0,2	0	0	—
Накладка	49895		Осн.	0,42	0,14	0	0,06	0,05	0,1	0,01	0,26	0	0	—
Нож	49896		Осн.	1,97	0,15	0,21	0,002	0,02	0,02	0,02	0,13	0,03	0	—
Браслет	49897		Осн.	4,71	0,27	0	0,08	0,07	0,13	0,01	0,1	0	0	—
Подвеска	49900		Осн.	3,28	1,13	0	0,09	0,05	0,07	0,03	<0,16	0	0	—
Браслет	49901		Осн.	11,87	1,05	0	0,07	0,05	0,02	0,07	0,21	0	0	—
Кольцо	49903		Осн.	8,56	0,08	0	0,07	0,04	0,04	0	0,09	0	0	—
»	49904		Осн.	10,61	0,25	0	0,09	0,08	0,1	0,06	0,15	0	0	—
Кольцо	49906		Осн.	3,51	0,14	0	0,06	0,05	0,07	0,03	0,16	0	0	—
»	49907		Осн.	3,04	0,13	0	0,08	0,06	0,11	0,02	0,14	0	0	—
»	49908		Осн.	5,93	0,39	0	0,08	0,06	0,08	0,08	0,08	0	0	—
Подвеска	49911		Осн.	11,77	0,85	0	0,1	0,05	0,09	0,25	0,08	0	0	—
Браслет	49987	1234	Осн.	6,51	0,1	—	0,06	0,06	0,07	0,17	0,28			
Нож	49988	1255	Осн.	2,78	0,12	—	0,05	0,03	0,04	0,07	0,06			
Подвеска	49989	1256	Осн.	8,1	0,1	0,12	0,07	0,06	0,02	0,19	0,06	0,02		
Скоба	49990	1257	Осн.	0,06	0,09		0,06	0,05	0,09		0,08			
Нож	49991	1258	Осн.	2,21	0,11		0,08	0,04	0,07	0,3	0,07	0,03		
Бусина	49992	1259	Осн.	0,78	0,13		0,08	0,07	0,13		0,19			
Подвеска	49993	1262	Осн.	7,81	0,13		0,08	0,06	0,11	0,03	0,07			
Браслет	49994	1263	Осн.	6,05	0,31		0,09	0,07	0,09	0,01	0,16			
»	49995	1264	Осн.	5,6	0,31		0,09	0,06	0,13		0,14			
»	49996	1265	Осн.	5,89	0,34		0,08	0,06	0,08		0,11			
»	49997	1266	Осн.	5,72	0,32	0,1	0,07	0,05	0,06		0,11			
»	49998	1267	Осн.	5,78	0,33		0,09	0,06	0,08		0,07			
Бусина	49999	1269	Осн.		<0,05	0,88	0,01	0,01		0,02	0,99	0,07	0,03	
Браслет	50000	1270	Осн.	10,84	0,29	0,16	0,07	0,07	0,04	0,05	0,09			
Скоба	50001	1271	Осн.		0,09		0,05	0,03	0,07	0,01	0,18			
Тоже	50002	1272	Осн.		0,08		0,05	0,04	0,08		0,15			
Бусина	50003	1273	Осн.		<0,04	0,76	0,02	0,01	0	0,02	0,17	0,06		
Тоже	50004	1274	Осн.		<0,05	0,87	0,02	0,02	0,03	0,03	0,39	0,06		
Щиток	50005	1275	Осн.	8,53	0,15	0,03	0,06	0,05	0,06	0,03	0,21			
Тоже	50006	1276	Осн.	9,45	0,13	0,13	0,06	0,05	0,03	0,01	0,12			
Бляшка	50007	1277	Осн.	1,55	0,12		0,07	0,07	0,14		0,12			
Тоже	50008	1278	Осн.		0,09	0,04	0,06	0,05	0,09	—	0,1			
Браслет	50009	1279	Осн.	6,22	0,31		0,1	0,05	0,11	0,02	0,1			
Скоба	50010	1280	Осн.		0,14	0,38	0,06	0,03	0,05	0,01	0,13	0,02		
Тоже	50011	1281	Осн.	1,84	0,17	0,18	0,06	0,04	0,06	0,12	0,05	0,04		
Бусина	50012	1282	Осн.		0,09	0,59	0,09	0,02	0,02	0,01	1,15	0,05	0,05	
Браслет	50013	1283	Осн.	5,76	0,51	0,12	0,09	0,05	0,06	0,03	0,14			
Тоже	50014	1284	Осн.	5,65	0,33		0,08	0,05	0,13	0,1	0,13			
Шило	50015	1285	Осн.	3,57	0,11		0,07	0,06	0,1	0,12	0,1			
Слиток	50016	1286	Осн.	3,95	0,11	0,19	0,05	0,04	0,05	0,47	0,09	0,05		
Браслет	50017	1287	Осн.	6,81	0,34		0,1	0,06	0,09	0,04	0,23			
»	50018	1288	Осн.	5,48	0,28		0,1	0,07	0,11	0,02	0,12			
»	50019	1289	Осн.	6,08	0,14		0,07	0,04	0,06	0,03	0,11			
Кольцо	50020	1290	Осн.	3,98	0,1		0,05	0,04	0,04	0,07	0,09	0,12		
Бусина	50021	1291	Осн.	—	0,09	0,02	0,04	0,03	0,04	0,03	0,16			
Нож	50022	1292	Осн.	5,96	0,13	0,24	0,05	0,04		0,07	0,08	0,01		
Тоже	50023	1293	Осн.	11,8	0,17	0,06	0,06	0,04	0,04	0,04	0,05			
Браслет	50025	1295	Осн.	3,21	0,09	0,14	0,04	0,05	0,07	0,09	1,08	0,05	0,01	
»	50026	1296	Осн.	3,18	0,58	0,11	0,09	0,05	0,06		0,15			
»	50027	1298	Осн.	5,82	0,18		0,08	0,06	0,1	0,01	0,19			
»	50028	1299	Осн.	3,5	0,17		0,1	0,09	0,21		0,11			
»	50029	1300	Осн.	8,86	0,12	0,11	0,07	0,06	0,06	0,13	0,22			
Нож	50030	1302	Осн.	4,42	0,11	0,16	0,06	0,05	0,1	0,07	0,3			
Браслет	50031	1304	Осн.	9,37	0,11	0,07	0,06	0,05	0,06		0,39			

Предмет	№ спектр. анал.	№ структур. анал.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Браслет	50032	1305	Осн.	9,47	0,6		0,11	0,07	0,1	0,03	0,11			
Скоба	50033	1307	Осн.	1,02	0,29		0,06	0,05	0,11	0,04	0,23			
Браслет	50034	1309	Осн.	9,09	0,9	—	0,12	0,13	0,07	0,03	0,59			
Подвеска	3268*		Осн.	8	0,03		0,033	0,002		0,08	0,015	0,005		
Браслет	3269*		Осн.	8	0,05		0,003	0,001	0,005	0,025	0,003	0,003		
»	3270*		Осн.	9	0,18	0,01	0,008	0,004	0,004	0,35	0,03	0,02	<0,001	
Бусина	3271*		Осн.	0,5	0,025			0,0001			0,09	0,002		

Примечание: * — анализы выполнены в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН; ** — анализы выполнены в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. Остальные анализы проведены в Институте неорганической химии СО РАН к.х.н. О.В. Шуваевой.

Итак, погребальный инвентарь алакульской культуры преобладает над поселенческим (207 и 36 экз. соответственно). Большинство предметов — украшения (170 экз.), что обусловило распределение изделий по химико-металлургическим группам. Доминировала оловянная бронза (54,7 %), легированная оловом с низкими концентрациями (0,5–6 %), — 106 экз. (63,5 %). Изделий из высоколегированных оловом сплавов (13–20 %) — 12 экз. (7,2 %): крестовидные подвески, браслеты и слитки. Доля чистой меди составила 30,5 %, из нее изготавливались преимущественно скобы, бусины, пронизи, бляшки, прутки-заготовки. Из трехкомпонентного медно-оловянно-свинцового сплава выполнены 28 экз. (11,5 %). Трехкомпонентная оловянно-мышьяковая бронза — 6 экз. (2,5 %) — не характерна для алакульского металла, присутствие изделий из данного вида сплава объясняется влиянием петровских металлургических традиций [Виноградов и др., 2013, рис. 5].

Преобладание изделий, изготовленных из оловянных или оловянно-мышьяковых бронз, характерно в последующий период ЕАМП для металлообработки алексеевско-саргаринской культуры [Кузьминых, 2009, с. 206]. Отмечается преемственность с алакульской культурой, проявившаяся в сходстве некоторых типологических, а также химико-металлургических признаков. На раннем этапе функционирования производственная мощность алексеевско-саргаринского очага не уступала, а может быть, превосходила производство очагов алакульской и атасуской культур [Агапов и др., 2012, с. 55].

Проанализировав инвентарь алакульской культуры Притоболья, можно отметить, что он ничем существенным не отличается от предметов алакульских погребальных памятников Южного Зауралья и Казахстана. Однако корни некоторых алакульских изделий следует искать в более ранних абашевской, синташтинской и петровской культурах, на формирование которых в свою очередь большое влияние оказала ямная культура [Дегтярева, 2010, с. 57].

Наличие отходов металлообработки на алакульских памятниках говорит о том, что металл распространялся не только в виде готовых изделий, но и в виде полуфабрикатов, рафинированных слитков, как медных, так и с уже введенной лигатурой олова и мышьяка, в инокультурную среду, в частности в срубную. Поэтому не удивительно, что носители срубной культуры перенимали и некоторые алакульские формы. Так, Е.Н. Черных отмечает, что металл срубной культуры оказывается самым близким металлу андроновской общности и по типологическим и по химико-металлургическим признакам, что явилось следствием теснейших и продолжительных контактов и обмена [1970, с. 112]. Все процессы обработки металла, его выплавка из руды и литье бронзовых орудий осуществлялись в пределах поселений, находящихся вблизи рудной базы (об этом говорят куски необработанной руды, найденной на поселениях). Так, по данным О.А. Кривцовой-Граковой, на пос. Алексеевском имеются шлаки, обломки тиглей, льячки, литейная форма и молоты для отковки готовых предметов [1948, с. 104–105]. Орудия труда из материалов пос. Камышное 1 были изучены методами трасологического анализа Г.Ф. Коробковой, подтверждающего использование этих орудий для металлообработки [Потемкина, 1985, рис. 44]. Такая же тенденция прослеживается и на ряде других исследованных алакульских поселений. Наличие единых рецептов изготовления изделий, технологических схем, литейных форм, типов орудий и украшений, шлаков и слитков позволяет сделать вывод о возможном существовании зауральского очага металлургии еще в петровское время, развившегося благодаря алакульским мастерам, частично перенявшим традиции петровских металлургов. Но в алакульское время границы металлургического очага переместились на север: петровские памят-

Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Приоболья

ники на территории Приоболья не обнаружены, так как носители алакульской культуры мигрировали с более южных территорий на более северные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 44–59.
- Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Metallurgy and metalworking in the life of inhabitants of a fortified settlement Ustye 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 4–30.
- Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 23–54.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57–172.
- Кузьминых С.В. О металле городища Чича 1 // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 202–212.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Приоболья (предварительные результаты) // Т.М. Потемкина. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М.: Наука, 1985. С. 346–367.
- Куприянова Е.В. Тень женщины. Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Флек Е.В. Бронзовые бляшки алакульской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. № 1 (12). С. 87–96 [Электрон. ресурс]. Режим доступа <http://www.ipdn.ru>.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
tigelena@mail.ru

The article is devoted to investigation of chemical composition regarding non-ferrous metal of the Alakul culture following materials of settlements and burial places from the Low Tobol basin of the Bronze Age. Subject to identification being chemical-and-metallurgical groups typical for the Alakul metal industry with a group of tin bronzes (54,7 %) being the main one. The author traces correlation between a type of product and raw materials used for its manufacture, identifying a metallurgical centre functioning in the Petrovka time and developed owing to the Alakul craftsmen who partly adopted traditions of the Petrovka metalwork.

The Alakul culture, Low Tobol basin, Bronze Age, metalwork, chemical-and-metallurgical groups, metallurgical centre.

КЕРАМИКА БАРХАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДТАЕЖНОГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

О.Ю. Зимина, В.В. Илюшина

Статья посвящена комплексам бархатовской культуры из подтаежной зоны Притоболья. На основе статистического анализа орнамента посуды авторами высказано предположение о своеобразном облике керамики бархатовской культуры памятников обозначенного региона. Это связано с влиянием сузгунской культуры, проявляющемся не только в материалах смешанного сузгунско-бархатовского памятника Чеганово 3, но и в «типично» бархатовских комплексах поселений Чечкино 4, Мостовое 1, Черемуховый Куст. В результате технико-технологического анализа керамики поселений Чечкино 4, Мостовое 1, Черемуховый Куст выявлены традиции отбора и подготовки исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, конструирования сосудов, обработки поверхностей изделий, обжига.

Нижнее Притоболье, бархатовская культура, керамика, технология изготовления, орнаментация.

Памятники бархатовской культуры расположены довольно компактно. Поселения сконцентрированы преимущественно в Ингальской долине и на прилегающей к ней территории в междуречье Тобола и Исети. В целом комплексы бархатовской керамики обнаружены на поселениях от восточных склонов Урала (Палатки 2, Миасское городище) до Приишимья (смешанные сузгунско-бархатовские комплексы поселений Чупино и Кучум Гора). На юге — встречаются вдоль долины Тобола, ограничивает ареал поселение Язево 1. В основном памятники приурочены к лесостепной зоне Западной Сибири [Матвеев, Аношко, 2009, с. 153, рис. 69], однако исследовано несколько поселений с бархатовской посудой и в подтаежной зоне Притоболья: Черемуховый Куст, Мостовое 1, Чечкино 4, Чеганово 3 (рис. 1).

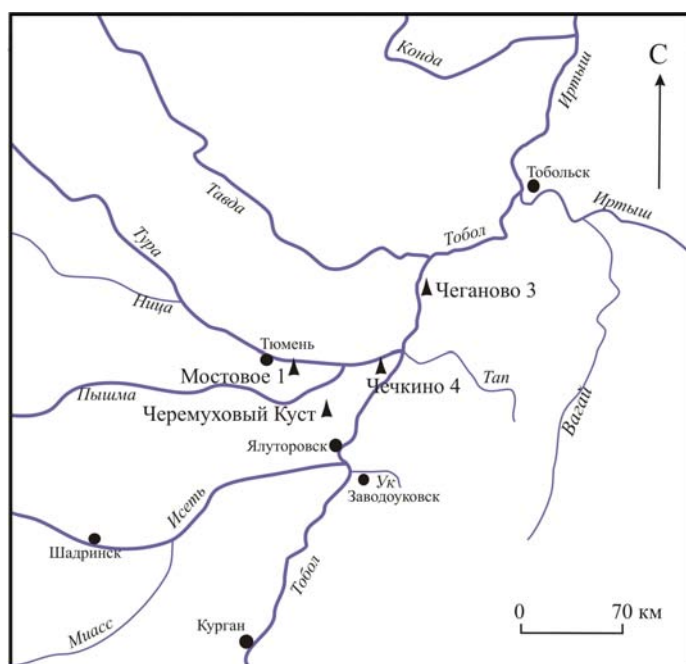

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников бархатовской культуры в подтаежной зоне Притоболья

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Социальная структура древнего общества (по материалам археологических памятников Урало-Сибирского региона)»; при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-31044 «Динамика гончарного производства у населения эпохи бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири».

Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

На поселении Черемуховый Куст бархатовские фрагменты (25 экз.) присутствуют в составе федоровского керамического комплекса, что, по мнению В.А. Заха, свидетельствует о зарождении традиций позднебронзовых культур Западной Сибири [1995, с. 82–83]. На поселении Мостовое 1 исследована полностью одна постройка бархатовской культуры, на Чечкино 4 бархатовское сооружение раскопано частично [Зими́на и др., 2009; Цембалюк и др., 2009]. Из остатков нескольких сооружений, изученных на городище Чеганово 3, получен смешанный сузгунско-бархатовский комплекс [Зими́на и др., 2005].

Художественный колорит керамических комплексов юга Западной Сибири на финальной стадии бронзового века определялся родственной «андроновско-андроноидной» подосновой и активными контактами населения культур, что проявлялось в смешанных комплексах на периферии ареалов (бархатовско-алексеевские, сузгунско-бархатовские, сузгунско-ирменские и т.п.) [Матвеев, Аношко, 2009, с. 190–191, 360–364; Корочкова, 2011, с. 30–32].

Бархатовская культура выглядит достаточно монолитно. Орнаментация и морфология бархатовской керамики отличаются рядом характерных индикаторных признаков (например, линия, разбивающая орнаментальное поле по вертикали; каплевидные вдавления, флажки, жемчужины) и высокой устойчивостью композиционного сочетания определенных элементов. А.В. Матвеев и О.М. Аношко на основе различного рода статистических методов убедительно показали единство бархатовской культуры и хронологическую дифференциацию комплексов, не нарушающую этого единства, а характеризующую последовательное развитие культуры в целом [2009].

Предполагаем, что все четыре рассматриваемых подтаежных памятника относятся к раннему этапу бархатовской культуры. Этот этап — щетковский, датируется концом II тыс. до н.э. и включает неукрепленные поселения (Щетково 2, Ново-Шадрино 2 и 7, Язево 1 и др.). Как считается, население бархатовской культуры в этот период отдавало предпочтение низким участкам береговых террас для обустройства своих поселков и локализовалось преимущественно в Тоболо-Исетье. В орнаментации посуды доминировали следующие элементы орнамента: наклонные, вертикальные и горизонтальные линии, вертикальный зигзаг, сетка, каплевидные и луновидные вдавления, круглые ямки, орнаментированные валики, скобочки и каннелюры [Матвеев, Аношко, 2009, с. 356]. Однако в орнаментации подтаежных комплексов бархатовской культуры, на наш взгляд, выделяются элементы, более характерные для сузгунской орнаментальной традиции: в технике — высокий процент узоров, нанесенных гребенчатым штампом (Чечкино 4 — 31,4 %, Мостовое 1 — 13,2 %); среди элементов орнамента — уголки, скобочки, оттиски вертикального штампа и пр. (рис. 2–4). С одной стороны, это могло происходить под устойчивым влиянием групп населения подтаежной зоны Тоболо-Иртышья, где распространены поселения сузгунской культуры. Как свидетельствуют смешанные сузгунско-бархатовские комплексы Притоболья (Чеганово 3) и Приишимья (Чупино, Кучум Гора), сузгунские и бархатовские коллективы довольно легко «вступали в контакт». Не исключено, что это было обусловлено родственной (пахомовской?) основой.

Таблица 1

Орнаментация бархатовской посуды поселения Черемуховый Куст

№	Техника нанесения орнамента	Кол.	%	№	Элементы орнамента	Кол.	%
1	Гладкий штамп	20	80	6	Горизонтальная елочка	8	32,0
2	Гребенчатый штамп	5	20	7	Столбики	1	4,0
3	Прочерченный	6	24	8	Валики	2	8,0
№	Элементы орнамента	Кол.	%	9	Жемчужины	2	8,0
1	Горизонтальные линии	6	24,0	10	Круглые ямки	12	48,0
2	Наклонные оттиски штампа	15	60,0	11	Сетка	8	32,0
3	Вертикальные оттиски штампа	6	24,0	12	Уголки	1	4,0
4	Зигзаг горизонтальный (одно- и многорядный)	15	60,0	13	Каплевидные вдавления	3	12,0
5	Треугольники (заштрихованные; с насечками)	1	4,0	14	Заштрихованные ленты (с наклонными оттисками, зигзагом, елочкой, флажками, уголками)	3	12,0

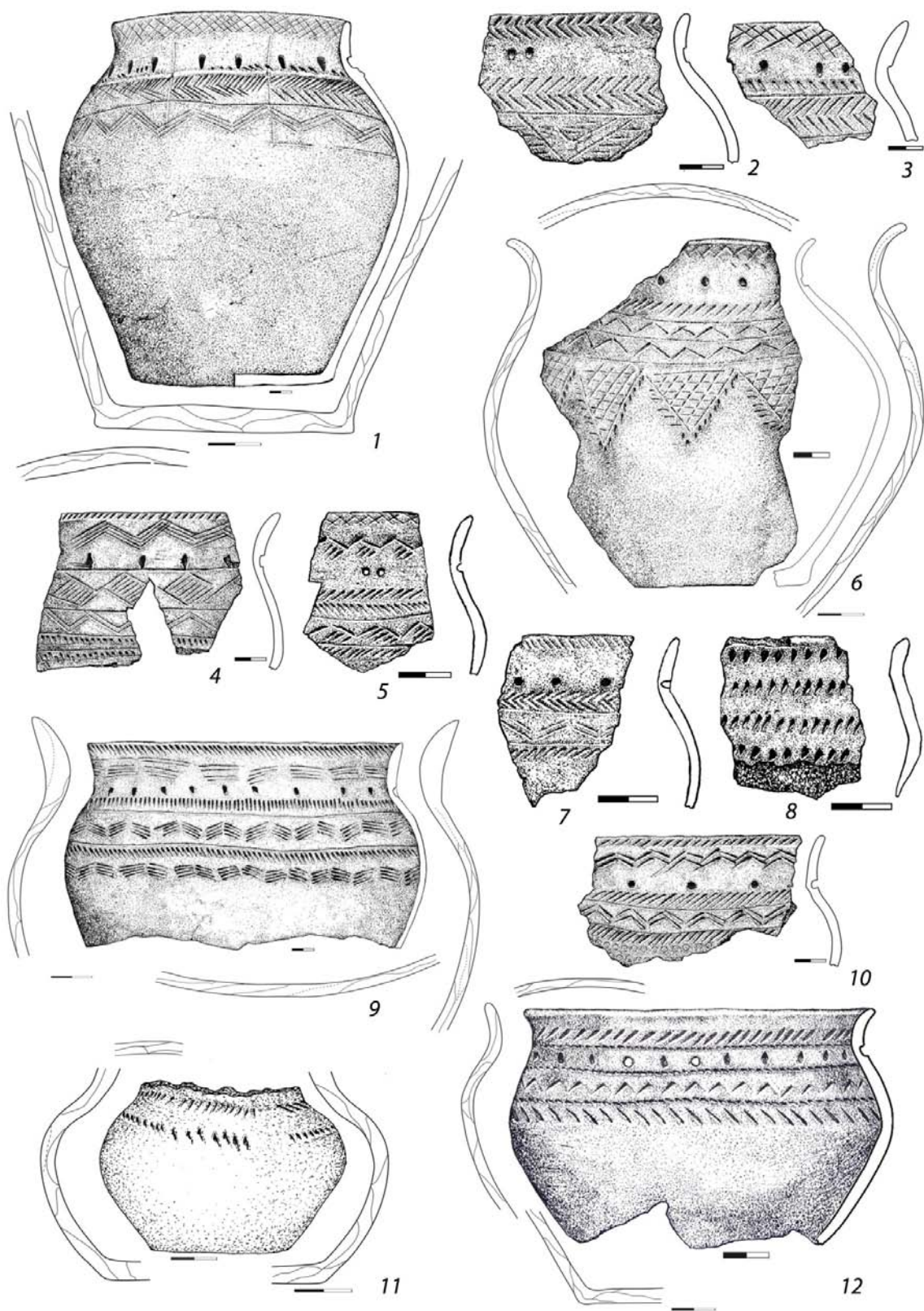

Рис. 2. Бархатовская керамика поселения Мостовое 1

Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

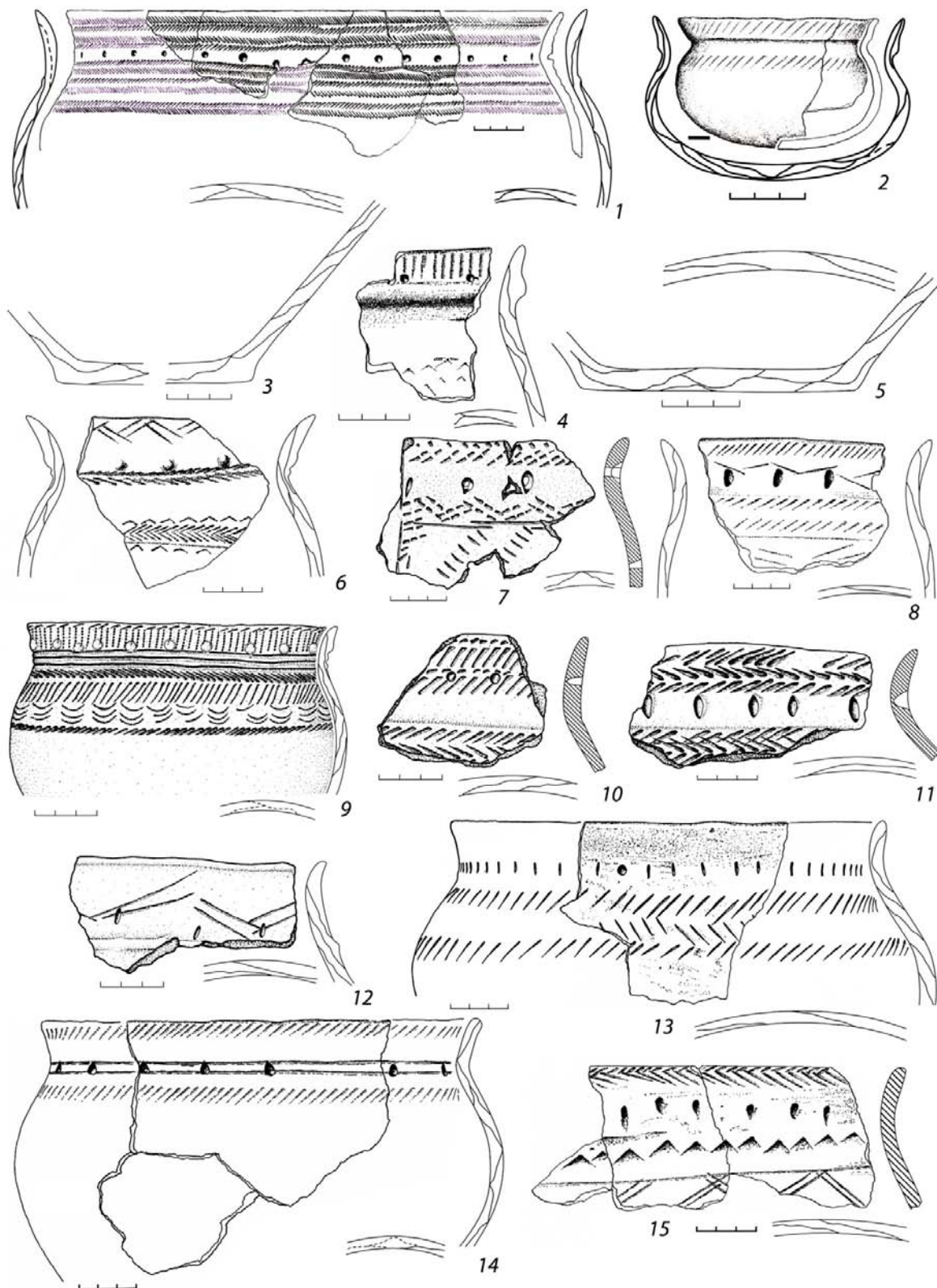

Рис. 3. Бархатовская керамика поселения Чечкино 4

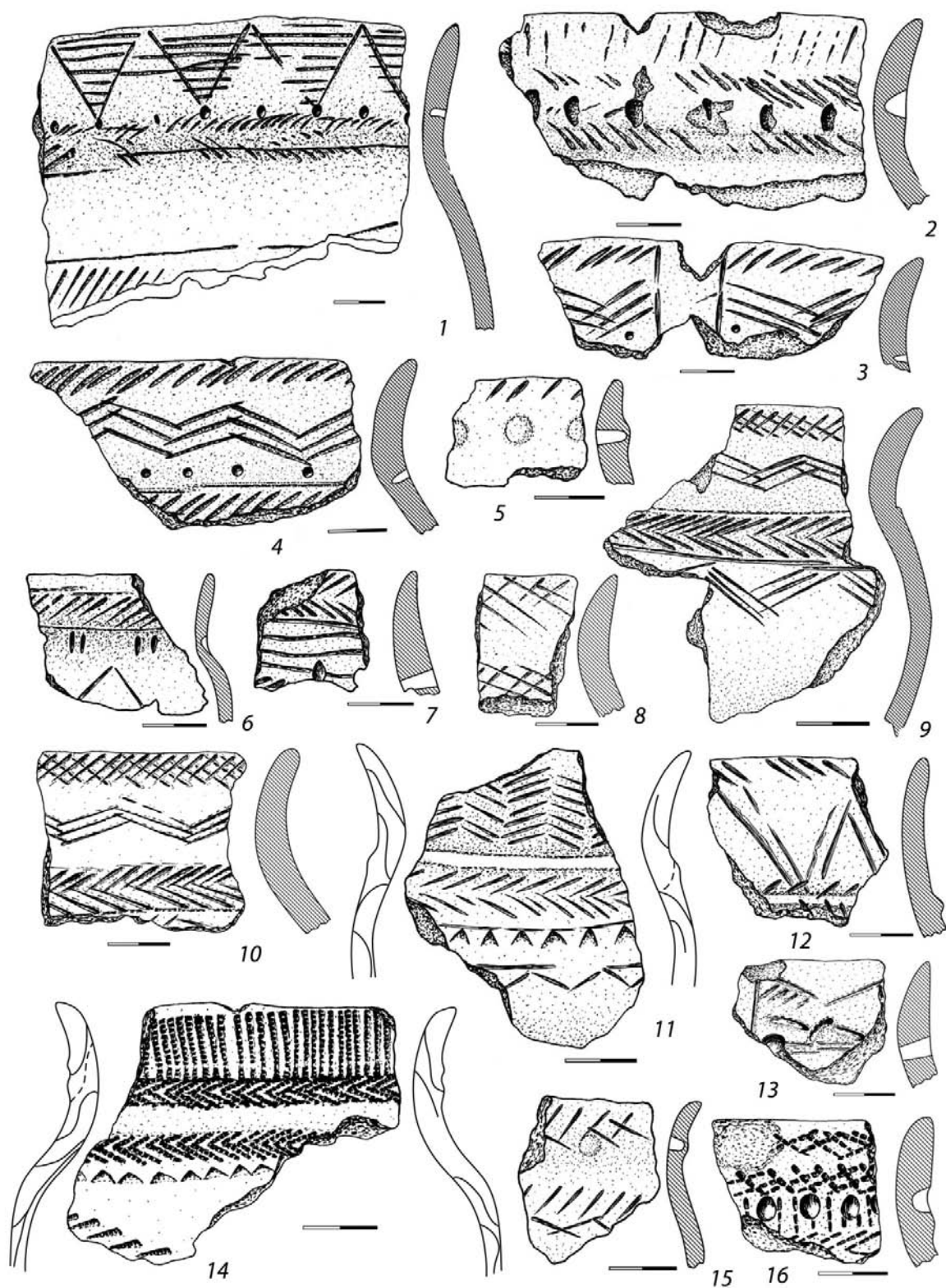

Рис. 4. Бархатовская керамика поселения Черемуховый Куст

Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

Для проверки выдвинутых нами предположений и выявления сходства и различия между подтаежными и лесостепными комплексами бархатовской культуры было проведено сравнение с использованием методов многомерной классификации.

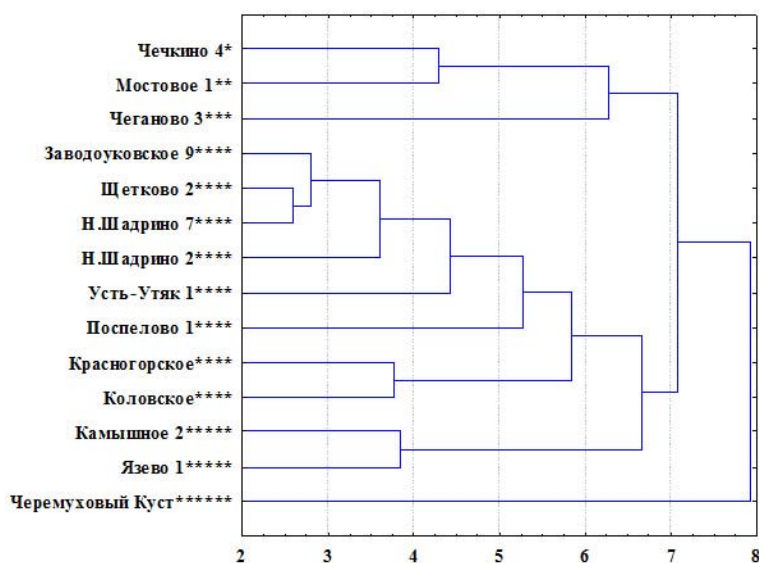

Рис. 5. Дендрограмма керамических комплексов 14 памятников бархатовской культуры.

Здесь и далее данные для статистического сравнения взяты:

* — [Цембалюк и др., 2009]; ** — [Зими́на и др., 2009]; *** — [Зими́на и др., 2005]; **** — [Матвеев, Аношко, 2009, с. 255–257, табл. 7²]; ***** — [Потемкина, 1985, с. 57, табл. 4; с. 95, табл. 12]; ***** — табл. 1 данной статьи

Дендрограмма, полученная в результате применения агломеративно-иерархического метода кластерного анализа, показывает, что памятники группируются в два кластера (рис. 5). Один большой кластер составляют памятники Тоболо-Исетского междуречья, в котором обособленно представлены два городища второго (красногорского) этапа бархатовской культуры — Красногорское и Коловское и два крайних южных лесостепных памятника раннего (щетковского) этапа — Камышное 2 и Язеве 1. Поселения подтаежной зоны (Мостовое 1, Чечкино 4, Чеганово 3) составляют отдельный кластер. Обособленное положение комплекса Черемухового Куста может объясняться непрезентабельностью выборки.

Для уточнения позиций памятников был использован еще один метод кластерного анализа — *k*-средних (*k*-means), задачей которого является построение заданного числа кластеров, максимально отличающихся друг от друга, и который направлен на выявление центров всех классов по каждому из исходных признаков. Графическое представление его результатов позволяет увидеть, насколько и по каким параметрам различаются полученные классы [Компьютеризованный статистический анализ..., 1999, с. 126]. Применение метода *k*-средних с заданным числом кластеров 2 показывает, что поселение Черемуховый Куст примыкает к классу «северных» поселений (табл. 2).

На графике (рис. 6) отчетливо прослеживаются значительно различающиеся средние для большинства используемых в анализе измерений. График наглядно показывает доминирование в орнаментации подтаежных поселений таких элементов, как горизонтальные линии, вертикальные оттиски штампа, ленты, уголки, елочка горизонтальная, скобочки и круглые ямки. Учи-

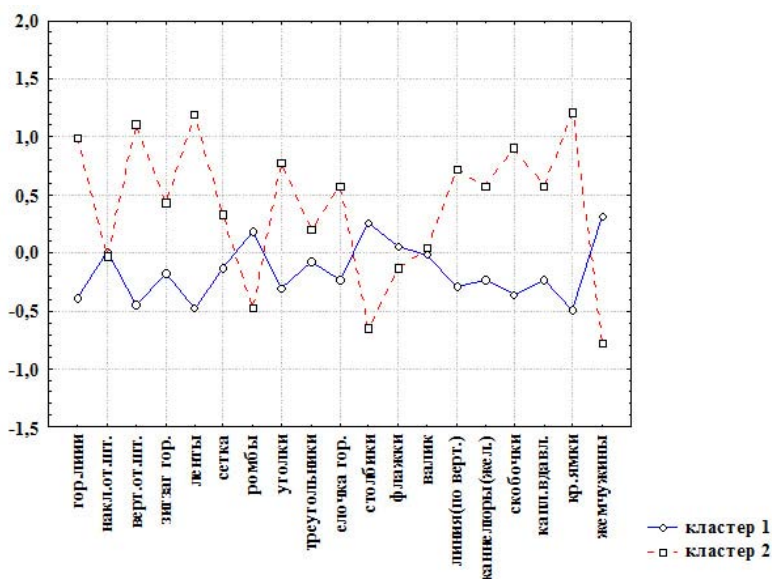
² А.В. Матвеев и О.М. Аношко сравнивали комплексы по 20 признакам, наиболее часто встречающимся на горловинах бархатовских сосудов. Мы объединили некоторые признаки, такие как: зигзаги, ленты, наклонные линии; некоторые не учитывали (например, насечки); некоторые добавили (вертикальный зигзаг, лощеная полоса). В итоге мы провели сравнение по 19 (рис. 5) и 21 (рис. 7) признакам: горизонтальные линии, наклонные оттиски штампа, вертикальные оттиски штампа, зигзаги горизонтальные, зигзаг вертикальный, ленты, сетка, ромбы, уголки, треугольники, елочка горизонтальная, столбики, флажки, валик, линия, разбивающая орнаментальное поле по вертикали, каннелюры (желобки), скобочки, каплевидные вдавления, круглые ямки, жемчужины, неорнаментированная лощеная полоса. При этом мы заменили ряд терминов: наклонные линии — наклонными оттисками штампа, вертикальные линии — вертикальными оттисками штампа, вертикальный зигзаг — горизонтальной елочкой, луновидные вдавления — уголками.

ывая, что комплекс Чеганово 3 включает посуду сузгунско-бархатовского облика, что, безусловно, повысило средние значения «сузгунских» элементов во втором кластере, мы провели сравнение по 21 одному признаку с сузгунским комплексом памятника Чудская Гора* и сузгунско-бархатовскими комплексами поселений Чупино и Кучум Гора**³:

Таблица 2

Элементы и расстояние до центра кластера

Элементы	Расстояние
Кластер 1	
Заводоуковское 9	0,649167
Щетково 2	0,571940
Красногорское	0,723034
Коловское	1,078304
Ново-Шадрино 2	0,534272
Ново-Шадрино 7	0,449715
Поспелово 1	0,958594
Усть-Утяк 1	0,871455
Камышное 2	0,897767
Язево 1	1,150961
Кластер 2	
Чечкино 4	0,654846
Черемуховый Куст	1,127541
Мостовое 1	0,793435
Чеганово 3	1,047798

Рис. 6. График средних значений для каждого кластера (табл. 2) по каждому измерению

Агломеративно-иерархическим методом кластерного анализа выявлено как минимум три кластера и обособленное расположение сузгунского комплекса Чудская Гора (рис. 7). Для уточнения позиций комплексов использован метод *k*-средних. Исходя из полученной дендрограммы было задано четыре кластера.

Из приведенного выше сравнения видно, что памятники группируются в соответствии с культурно-хронологическими позициями. Два кластера составляют памятники раннего этапа бархатовской культуры, при этом обособились в отдельную группу два южных памятника —

³ Здесь и далее данные для анализа взяты:

* — [Потемкина и др., 1995];

** — [Матвеев, Аношко, 2009, с. 192–193, табл. 1].

Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

Камышное 2 и Язевое 1. Четвертый кластер образовали памятники позднего этапа бархатовской культуры — городища Красногорское, Коловское, Усть-Утяк 1 и поселение Заводоуковское 9. Все памятники, содержащие сузгунские материалы, оказались объединены в третий кластер (табл. 3).

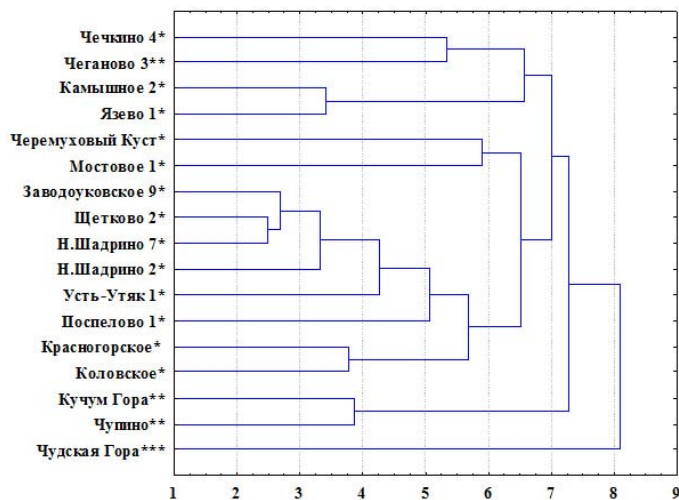

Рис. 7. Дендрограмма 13 бархатовских керамических комплексов (*), трех сузгунско-бархатовских (**), и сузгунского (***)

Таблица 3

Элементы и расстояние до центра кластера

Элементы	Расстояние	Элементы	Расстояние
Кластер 1		Кластер 3	
Чечкино 4	0,902580	Чеганово 3	0,947063
Черемуховый куст	1,019429	Кучум Гора	0,754443
Мостовое 1	0,809079	Чупино	0,688902
Щетково 2	0,552824	Чудская Гора	1,092586
Ново-Шадрино 2	0,523931		
Ново-Шадрино 7	0,405643	Кластер 4	
Поспелово 1	0,862408	Заводоуковское 9	0,615794
Кластер 2		Красногорское гор.	0,503797
Камышное 2	0,373398	Коловское гор.	0,785265
Язевое 1	0,373398	Усть-Утяк 1	0,661709

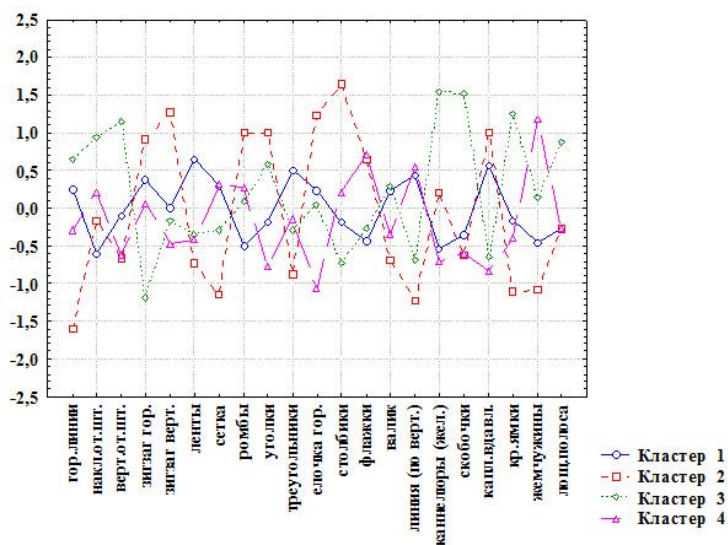

Рис. 8. График средних значений для каждого кластера (табл. 3) по каждому измерению

Таким образом, сравнение орнаментации бархатовской керамики показывает значительное сходство на всем пространстве ареала культуры и в то же время подтверждает наши предположения о своеобразии подтаежных комплексов в рамках раннего этапа бархатовской культуры. Отмеченные нами элементы, более характерные для сузгунской орнаментальной традиции (например, скобочки, уголки, вертикальные оттиски и пр.), встречаются и на керамике лесостепных бархатовских памятников, но составляют значительно меньший процент по отношению к общему числу сосудов в выборках. А.В. Матвеев и О.М. Аношко связывают это с пахомовской основой, которая, как и черкаскульский компонент, представлена уже в переработанном виде [2009, с. 308–309]. В орнаментации подтаежных комплексов этих элементов лишь чуть больший процент, но при этом доля гребенчатого штампа в подтаежных комплексах выше, чем в лесостепных. В совокупности это и составляет своеобразный колорит подтаежных бархатовских поселений.

Коллекции подтаежных памятников были подвергнуты также микроскопическому анализу. Методом бинокулярной микроскопии исследовано 108 сосудов, включающих 43 образца с поселения Мостовое 1 [Илюшина, 2010, с. 26–28], 39 экз. с поселения Чечкино 4 и 25 фрагментов из заполнений зольников 1–2, жилищ 1–3, 6, колодца 1 жилища 4 поселения Черемуховый Куст. Анализ осуществлялся в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и в соответствии с выделенной им структурой гончарного производства [Бобринский, 1978, 1999]. Для обеспечения одинаковых условий при наблюдении за пластичным сырьем и примесями небольшие обломки каждого экземпляра нагревались в муфельной печи до 800–850 °С.

Отбор, добыча и подготовка исходного сырья (ступени 1–3). Данные, полученные при исследовании исходного пластичного сырья (далее ИПС), позволяют говорить о том, что гончары бархатовской культуры в основном отбирали «классические» ожелезненные глины (86 экз., или 80,4 %⁴). В качестве естественных примесей в глинах фиксируются: 1) различное количество тонко- и среднезернистого прозрачного, окатанного и полуокатанного песка (размер включений от менее 0,1 до 0,5–0,8 мм), встречается грубообломочный материал размером более 1,0 мм; 2) включения бурого железняка оолитовой формы размером 0,3–3,5 мм; 3) хрупкие железистые включения, размер которых варьируется в пределах от 0,2–0,8 до 1,0–3,0 мм; 4) окислы железа в виде налетов ржавого цвета, а также охристые комочки размером до 1,0 мм; 5) единичные пылевидные листочки слюды; 6) в некоторых образцах — окатанные комочки чистой глины размером 0,5–1,2 мм. По степени запесоченности глины могут быть разделены на три основные группы: слабозапесоченные (55 экз., или 51,4 %), среднезапесоченные (23 экз., или 21,5 %) и запесоченные (8 экз., или 7,5 %).

При исследовании изломов керамики с поселений Мостовое 1 и Чечкино 4 выявлено, что довольно большой процент керамики содержит обломки или целые включения чешуи рыб, что является одним из признаков использования илов или илистых глин. Вместе с тем зачастую, кроме данных включений, других естественных примесей, характерных для илистых отложений, не фиксировалось. Идентификация данных видов сырья по керамике Тоболо-Ишимского междуречья до сих пор остается острой проблемой в связи с тем, что пока недостаточно экспериментальных исследований локальных особенностей качественного состава илов и илистых глин современных водоемов региона, находящихся в непосредственной близости с древними поселениями. Экспериментальные исследования, проведенные И.Н. Васильевой, позволили выявить основные качественные признаки илов и илистых глин [Бобринский, Васильева, 1997, с. 193–217; Васильева, 1999, с. 76–83; 2005, с. 77]. При изучении комплекса керамики поселения Мостовое 1 микроскопическому анализу также были подвергнуты изломы так называемых «кирпичиков». Выяснилось, что они изготовлены из сырья, содержащего большое количество недеформированных обрывков стеблей и листьев растений, разнообразных конкреции, железистые включения, обломки лимонита, а также обломки чешуи рыб. Учитывая все факты, предполагаем, что гончары бархатовской культуры наряду с «классическими» глинами использовали также илистые глины или, по крайней мере, отложения, находящиеся в непосредственной близости от водоемов. Илистые глины (21 экз., или 19,6 %), кроме вышеперечисленных естественных примесей, содержащихся в глинах, в своем составе имеют обломки чешуи и косточек рыб размером от 0,3 до 8,0 мм, отпечатки обрывков стеблей и листьев растений длиной от 2,0 до 10,0 мм, а также отпечатки семян. В изломах лишь некоторых фрагментов зафиксированы единичные обломки раковин пресноводных моллюсков размером 0,2–0,4 мм, единично до 1,0 мм.

⁴ Здесь и далее по тексту процент от общего количества изученных образцов керамики.

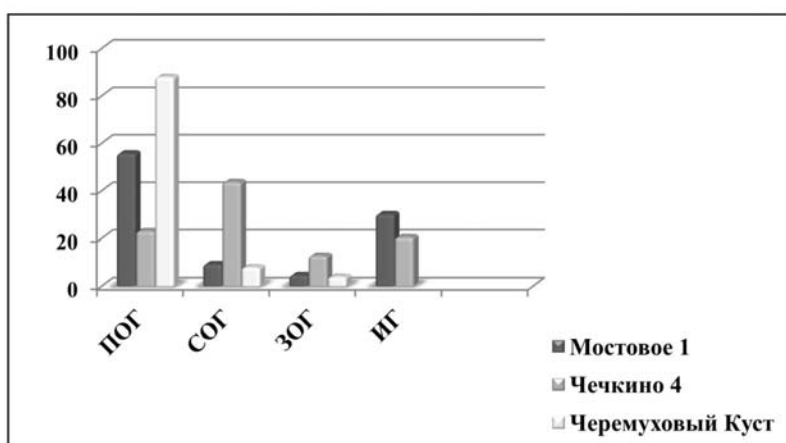
Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

В одном из образцов керамики с поселения Мостовое 1 зафиксированы спикулы и геммулы губки, которые относятся к виду *Trochospongilla horrida*⁵. В настоящее время данного вида в водоемах юга Тюменской области не найдено, хотя его наличие отмечалось в середине прошлого столетия на территориях европейской и азиатской (устье р. Амударьи) частей России. В целом *Trochospongilla horrida* распространена в Европе (Германия, Чехия, Словакия, Польша), Северной Америке (Иллинойс, Огайо, Южная Каролина), Азии (Китай) [Penney, Racek, 1968, p. 133–136]. По качеству и количеству песчаной примеси также можно судить о том, что гончарами поселений отбирались слабозапесоченные (12 экз., или 11,2 %), среднезапесоченные (5 экз., или 4,7 %) и запесоченные (4 экз., или 3,7 %) илистые глины.

Из анализа материала следует, что оба вида ИПС применялись в естественно увлажненном состоянии, о чем свидетельствует отсутствие признаков предварительного просушивания, дробления и просеивания. Сравнительный анализ цветовой характеристики изломов фрагментов в рамках одной коллекции, а также количественного и качественного состава естественных примесей позволяет предположить несколько мест отбора исходного сырья, но, скорее всего, в рамках одного района.

При сравнении выделенных видов и групп ИПС выявлены локальные особенности керамики различных поселений (рис. 9). Так, если гончарами поселений Мостовое 1 и Черемуховый Куст отбирались в основном пластичные слабозапесоченные ожелезненные глины, то керамика из коллекции поселения Чечкино 4 изготовлена из «тощего» сырья. Возможно, предпочтение «жирного» или «тощего» ИПС зависело не только от традиции отбора по степени его запесоченности, но и от расположения вблизи границ поселений источников глин или илистых глин.

При исследовании фрагментов с Черемухового Куста не было выявлено использование илистых глин, тогда как на двух других поселениях они применялись довольно часто. На наш взгляд, можно предположить, что существовало две группы гончаров, владевших различными навыками отбора ИПС.

Рис. 9. Соотношение видов и групп исходного пластичного сырья керамики бархатовской культуры поселений Мостовое 1, Чечкино 4 и Черемуховый Куст:

ПОГ — слабозапесоченная ожелезненная глина; СОГ — среднезапесоченная ожелезненная глина; ЗОГ — запесоченная ожелезненная глина; ИГ — илистая глина

Составление формовочных масс (ступень 4). В качестве искусственных примесей к исходному пластичному сырью использовались шамот, кальцинированная кость и органические добавки. В каждом из исследованных образцов зафиксирован шамот (Ш) таблитчатой или аморфной формы. Данная минеральная примесь отбиралась в основном размером 0,5–2,9 мм, при этом зачастую фиксируются включения от менее 0,5 до 3,0–6,0 мм. Концентрация шамота по отношению к формовочной массе чаще всего составляет 1:4 и 1:5 (80 экз.), 1:3 (21 экз.), редки случаи добавления данной примеси в незначительной концентрации: 1:6 (5 экз.) и 1:8 (1 экз.).

⁵ Авторы выражают искреннюю благодарность Т.А. Шараповой за выполненные определения.

Наблюдения показали, что формовочная масса керамики, использованной после утилизации в качестве шамота, в своем составе имеет только шамот, иногда в сочетании с органикой в виде отпечатков растительности, в одном из включений шамота зафиксированы признаки использования навоза жвачных животных. Таким образом, можно говорить, что навыки составления формовочных масс с использованием шамота у гончаров бархатовской культуры были традиционными.

Дробленая кальцинированная кость (К) представлена обломками белого и темно-серого цвета размером от менее 0,5 до 4,5 мм. Концентрация данного компонента по отношению к формовочной массе минимальна — 1:7.

Применение выжимки из навоза жвачных животных (В) в качестве органической примеси к исходному пластичному сырью определяется по следующим признакам: в первую очередь по наличию отпечатков или обуглившихся остатков измельченной растительности размером до 0,5–3,0 мм, редко до 5,0 мм и более; по присутствию аморфных или трещиноватых пустот, как бы стянутых внутри, размером до 2,0 мм, иногда с серыми или серо-коричневыми налетами.

На использование навоза жвачных животных (Н) указывает присутствие в изломах фрагментов достаточно большого количества измельченной растительности размером 0,5–6,0 мм, а также аморфных или трещиноватых пустот с коричневыми или серыми налетами, единично в пустотах зафиксированы пленочки с матовым блеском. Данная примесь вводилась во влажном состоянии. Концентрация навоза по отношению к формовочной массе, судя по количеству остатков растительности, незначительна: не превышает 1:4/5.

Кроме описанных органических примесей, в изломах бархатовской керамики зафиксировано использование органических растворов (ОР). По разнообразию следов от данной добавки при одинаковых условиях обжига изделий можно предположить использование по крайней мере трех «рецептов» растворов. Первый характеризуется наличием аморфных и трещиноватых пустот, стенки которых, а также поверхности изломов покрыты серо-коричневыми «сухими» налетами. Органический раствор, отнесенный ко второму рецепту, определяется по присутствию черных углистых налетов, маслянистости, которыми покрыты минеральные примеси, пустоты и некоторые участки изломов. Третий органический раствор характеризуется серыми или серо-коричневыми корочками, которые покрывают пустоты и участки изломов фрагментов, а также единичными пустотами геометрической формы, по всей видимости оставшимися после выгорания какого-то достаточно твердого органического вещества.

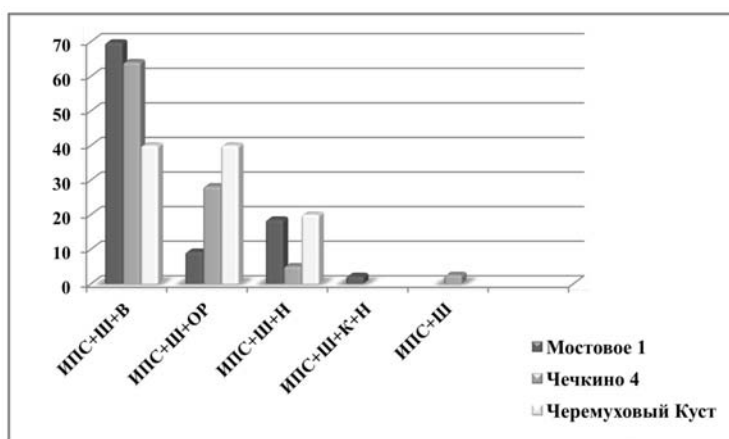

Рис. 10. Соотношение рецептов формовочных масс керамики бархатовской культуры поселений Мостовое 1, Чечкино 4 и Черемуховый Куст

До сих пор затруднительно выявление концентрации искусственно введенных органических добавок в жидком состоянии. Данный вопрос разрабатывался А.А. Бобринским [1999, с. 31–32, 41–44], Ю.Б. Цетлиным [1999, с. 131–134]. В процессе наших экспериментальных работ по составлению формовочных масс с выжимкой из навоза коровы выяснилось следующее. Получение пригодной для лепки массы с использованием предварительно высушенной, раздробленной и просеянной глины без дополнительного увлажнения водой требует на пять частей глины

Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

добавления 3,5 части выжимки [Илюшина, 2013]. Таким образом, концентрация выжимки должна составлять не менее 1:2.

В результате анализа состава формовочных масс выявлено 5 рецептов: ИПС + Ш + В (65 экз., или 60,7 %); ИПС + Ш + ОР (25 экз., или 23,4 %); ИПС + Ш + Н (15 экз., или 14,1 %); ИПС + Ш + К + Н (1 экз., или 0,9 %); ИПС + Ш (1 экз., или 0,9 %).

Сравнение рецептов составления формовочных масс гончарами бархатовской культуры показывает, что в качестве органической добавки в основном использовалась выжимка из навоза жвачных животных (рис. 10). При этом различен процент сосудов, изготовленных из масс, в которые добавлялись органические растворы и навоз жвачных животных. Обломки дробленой кости зафиксированы лишь в изломах одного сосуда с поселения Мостовое 1.

Конструирование начинов и полого тела, формообразование сосудов (ступени 5–7). Заключение по конструированию *начинов* можно сделать лишь для шести сосудов из коллекций поселений Мостовое 1 и Чечкино 4 (рис. 2, 1, 11, 12; 3, 2, 3, 5). Для них зафиксирована единая программа конструирования начинов — донно-емкостная. Модель программы доэлементная. В качестве «строительных элементов» использовались глиняные лоскуты или короткие жгутики, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Особенности конструирования *полого тела* проанализированы по изломам лишь 29 шеек сосудов (рис. 2, 1, 6, 9, 11, 12; 3, 4, 11, 14). Во всех случаях зафиксирован лоскутный спиралевидный налеп. Формообразование сосудов предположительно производилось с использованием формы-основы (сосуды из коллекции поселения Мостовое 1), а также на плоскости (поселение Чечкино 4). Окончательная форма придавалась, скорее всего, в процессе изготовления с помощью выдавливания пальцами, а также выбиванием гладкой колотушкой, о чем свидетельствуют уплощенные участки на поверхностях некоторых сосудов и незначительная деформированность строительных элементов в изломах изделий.

Способы механической обработки поверхностей (ступень 8). Поверхности изделий обрабатывались путем простого заглаживания инструментами с твердым и эластичным рабочим краем, а также подвергались лощению. Поверхности сосудов чаще всего обрабатывались тканью и пальцами, реже — деревянными или костяными шпателями, штампами, галькой. Иногда на стенках одного сосуда фиксируется сочетание различных инструментов. На внешней поверхности 48 изделий и на внутренних стенках 19 сосудов отмечены следы лощения либо уплотнения по подсушенной или сухой смоченной водой поверхности гальечкой или костяным шпателем.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) достигались путем термической обработки. Подвергнутые анализу экземпляры в изломе имеют однотонную темно-серую окрашенность либо темно-серую или черную сердцевину, а поверхностные слои (обе поверхности либо только внешняя или только внутренняя) окрашены в различные оттенки коричневого цвета. Цветовые особенности изломов фрагментов указывают, что часть сосудов обжигалась в условиях восстановительной среды. Другая часть посуды, имеющая в изломе двух- и трехцветную окрашенность, обжигалась в условиях окислительной среды и испытывала действие температур каления глины непродолжительное время, после чего извлекалась из обжигового устройства либо оставалась остывать в обжиговом устройстве. Обжиг изделий, скорее всего, проводился в простых кострищах или очагах. Кроме того, в двух случаях предположительно использование обваривания, о чем свидетельствуют слои черного цвета на внешней поверхности изделий.

Таким образом, для керамического производства бархатовского населения подтаежного Притоболья было характерным использование в качестве исходного пластичного сырья железной, реже — илестой глины. В исходное сырье всегда добавлялись шамот и органика, представленная навозом жвачных животных и выжимкой из него, органическими растворами. На поселении Мостовое 1 также зафиксировано добавление дробленой кальцинированной кости. Анализ начинов сосудов показывает применение только донно-емкостной программы конструирования. И начини, и полое тело сосудов изготавливались лоскутным спиралевидным налепом. Значительная часть изделий подвергалась лощению. Обжиг сосудов проводился в простых кострищах или очагах с кратковременной выдержкой при температурах не ниже 650 °С.

Провести сравнительный анализ навыков изготовления керамики у населения подтаежной и лесостепной зон пока не представляется возможным из-за отсутствия специальных исследований комплексов бархатовской культуры лесостепи. Однако традиционность производства

посуды подтаежных комплексов и очевидная идентичность декора бархатовской керамики во всем ареале позволяют предположить, что каких-либо кардинальных отличий между подтаежными и лесостепными комплексами не обнаружится. В то же время выявленные различия в исходном сырье керамики подтаежных поселений говорят о существовании в рамках одного поселения (например, Чечкино 4 и Мостовое 1) по крайней мере двух групп гончаров, владевших различными традиционными навыками его отбора. По нашему мнению, это могло быть связано в том числе с контактами бархатовских и сузгунских групп населения, взаимодействие которых мы наблюдаем по материалам городища Чеганово 3, а также поселений Чупино и Кучум Гора в Приишимье. В этой связи, на наш взгляд, перспективно дальнейшее изучение не только бархатовских керамических комплексов лесостепной зоны, но и технологии гончарного производства у населения сузгунской культуры.

Отмеченные нами особенности орнаментации: более активное использование определенных элементов (скобочки, уголки, вертикальные оттиски и пр.) и гребенчатого штампа — в совокупности и составляют, по нашему мнению, своеобразный колорит посуды бархатовских поселений подтаежной зоны. Он, скорее всего, напрямую связан с влиянием сузгунской орнаментальной традиции, проявляющимся не только в материалах смешанного сузгунско-бархатовского памятника Чеганово 3, но и в «типично» бархатовских комплексах Чечкино 4, Мостовое 1, Черемуховый Куст. Упомянутые элементы узора встречаются и на керамике лесостепных бархатовских памятников, но составляют значительно меньший процент по отношению к общему числу сосудов в выборках. В то же время приведенное выше сравнение всей совокупности бархатовских комплексов с сузгунскими подтверждает культурную и хронологическую принадлежность поселений подтаежной зоны к раннему этапу бархатовской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 193–217.
- Васильева И.Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // *Вопр. археологии Поволжья*. Самара, 1999. Вып. 1. С. 72–96.
- Васильева И.Н.* Сравнительный анализ технологии керамики Съезжинского и I–II Хвалынских могильников // *РА*. 2005. № 3. С. 76–84.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зими́на О.Ю., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Новые материалы ранней и поздней бронзы в Тюменском Притоболье (по результатам исследования поселения Мостовое 1) // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 20–33.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н. и др.* Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 58–72.
- Илю́шина В.В.* Технология изготовления керамики бархатовской культуры поселения Мостовое 1 // VIII Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 9–10 декабря 2010 г.). Курган, 2010. С. 26–28.
- Илю́шина В.В.* Экспериментальные исследования органических растворов в археологической керамике // *Экспериментальная археология: Взгляд в XXI век: Материалы Междунар. науч. конф. и полевого семинара (Ульяновск, 6–12 августа 2012 г.)*. Ульяновск, 2013. В печати.
- Компьютеризованный статистический анализ для историков* / Под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1999. 187 с.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. М., 2011. 37 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 207 с.
- Цембалюк С.И., Зими́на О.Ю., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Исследование поселения Чечкино 4 в Яковском районе Тюменской области // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 57–70.

Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья

Цетлин Ю.Б. Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 110–140.

Penney J.T., Racek A.A. Comprehensive Revision of a Worldwide Collection of Freshwater Sponges (Porifera: Spongillidae). Smithsonian Institution United States National Museum; Bul. 272. Washington, D.C., 1968. 184 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН
o_winter@mail.ru
vika_tika@mail.ru

The article is devoted to complexes of the Barkhatovo culture from the subtaiga zone of the Low Tobol basin. Basing on a statistical analysis of the pottery ornamentation, the authors came out with a suggestion on a specific look of the Barkhatovo culture pottery from the sites of the said region. It is connected with influence of the Suzgun culture, manifesting not only in materials of the mixed Suzgun-and-Barkhatovo site of Cheganovo 3, but also in the «typically» Barkhatovo complexes of Chechkino 4, Mostovoye 1, and Cheryomukhovoy Kust. Resulting from a technical-and-technological analysis of the pottery from the settlements of Chechkino 4, Mostovoye 1, and Cheryomukhovoy Kust, subject to a description being traditions of selection and preparation of the initial plastic raw material, making of molding compound, pots molding, surface treatment of articles, and kilning.

Low Tobol basin, the Barkhatovo culture, pottery, manufacturing technique, ornamentation.

КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОРОДИЩА КАЛАЧИК 1 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ¹

В.А. Зах, С.И. Цембалюк

Приведены результаты исследования многослойного городища Калачик 1, расположенного в подтаежной зоне Притоболья. Самые ранние немногочисленные находки на площади памятника относятся к эпохе раннего металла. В позднебронзовое время на мысу находился могильник бархатовской культуры. Основные комплексы городища представлены материалами раннего железного века, оставленными населением, проживавшим здесь в VII–III вв. до н.э., и раннего средневековья, когда носители бакальской культуры усовершенствовали оборонительные сооружения поселка.

Нижнее Притоболье, бархатовская культура, «лесные» баитовские комплексы, баитовско-гороховские комплексы, гороховская и саргатская культуры, раннее средневековье, бакальская культура.

Городище Калачик 1 является одним из группы (Усть-Утяк 1, Усть-Терсюкское, Борки 1, Ласточкино Гнездо 1 и др.) многослойных укрепленных береговых поселений, расположенных на территории Тоболо-Ишимья, в культурном слое которых, как правило, содержатся комплексы переходного времени от бронзы к железу, раннего железного века и раннего средневековья — бакальской культуры. Сооружение разновременных укреплений на одном и том же месте свидетельствует, на наш взгляд, о близких в эти периоды ландшафтно-климатических условиях. Об этом говорят и палинологические данные. В переходное время и раннее средневековье климатические условия были очень близкими, более гумидными, чем современные, хотя менялись в сторону аридизации в эпоху раннего железа [Зах, Рябогина, 2005]. Городище находится на мысу, где в настоящее время осталось несколько стариц от древнего русла Тобола. Вероятнее всего, во время существования памятника Тобол протекал непосредственно под террасой.

Район городища в физико-географическом отношении относится к Ашлыкской провинции подзоны хвойно-мелколиственных лесов и характеризуется типичными для подтайги сосновыми лесами с березой и осиной в сочетании с сосново-кустарничковыми и осоково-гипновыми болотами.

Городище общей площадью около 4–4,5 тыс. м² открыто В.А. Захом в 1984 г. и получило название по одному из старичных озер рядом с мысом. Памятник находится в 2 км к западу от д. Мал. Чечкино в Ярковоком районе Тюменской области (рис. 1, 1, 2). Представляет собой площадку мыса, ограниченную с южной и восточной стороны обрывистым склоном террасы, а с севера и запада — валом шириной 2,5 м, высотой 0,7 м и рвом шириной 1,6 м, глубиной 0,5 м (высоты от дневной поверхности). С северной и западной стороны вал выступает в виде четырех бастионов площадью около 25 м² каждый. На поверхности площадки городища заметны нечеткие контуры западин и возвышений, напоминающих оплывшие курганные насыпи и/или остатки наземных жилищ, с ямами в центре (рис. 1, 3).

В 1984 г. на юго-западном осыпающемся краю террасы был заложен раскоп площадью 156 м², в котором мощность культурного слоя составила 0,35–0,5 м. В результате исследований обнаружено два захоронения бархатовской культуры эпохи поздней бронзы, углубленное жилище раннего железного века и яма с развалами средневековых сосудов, перерезавшая котлован жилища. Материалы представлены керамикой и инвентарем раннего железного века: баитовской, саргатской и гороховской культур. Кроме этого, из ям раскопа происходят развалы эпохи раннего металла и разрозненные фрагменты керамики поздней бронзы [Зах В.А., Зах Е.М., 1994].

В 2006 г. работы на городище были продолжены. Раскоп площадью около 120 м² заложили в западной части городища, он примыкал к северной стенке раскопа 1984 г. и охватывал часть площадки городища на краю террасы и участок оборонительных сооружений (рис. 1, 3; 2, 1, 2).

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье

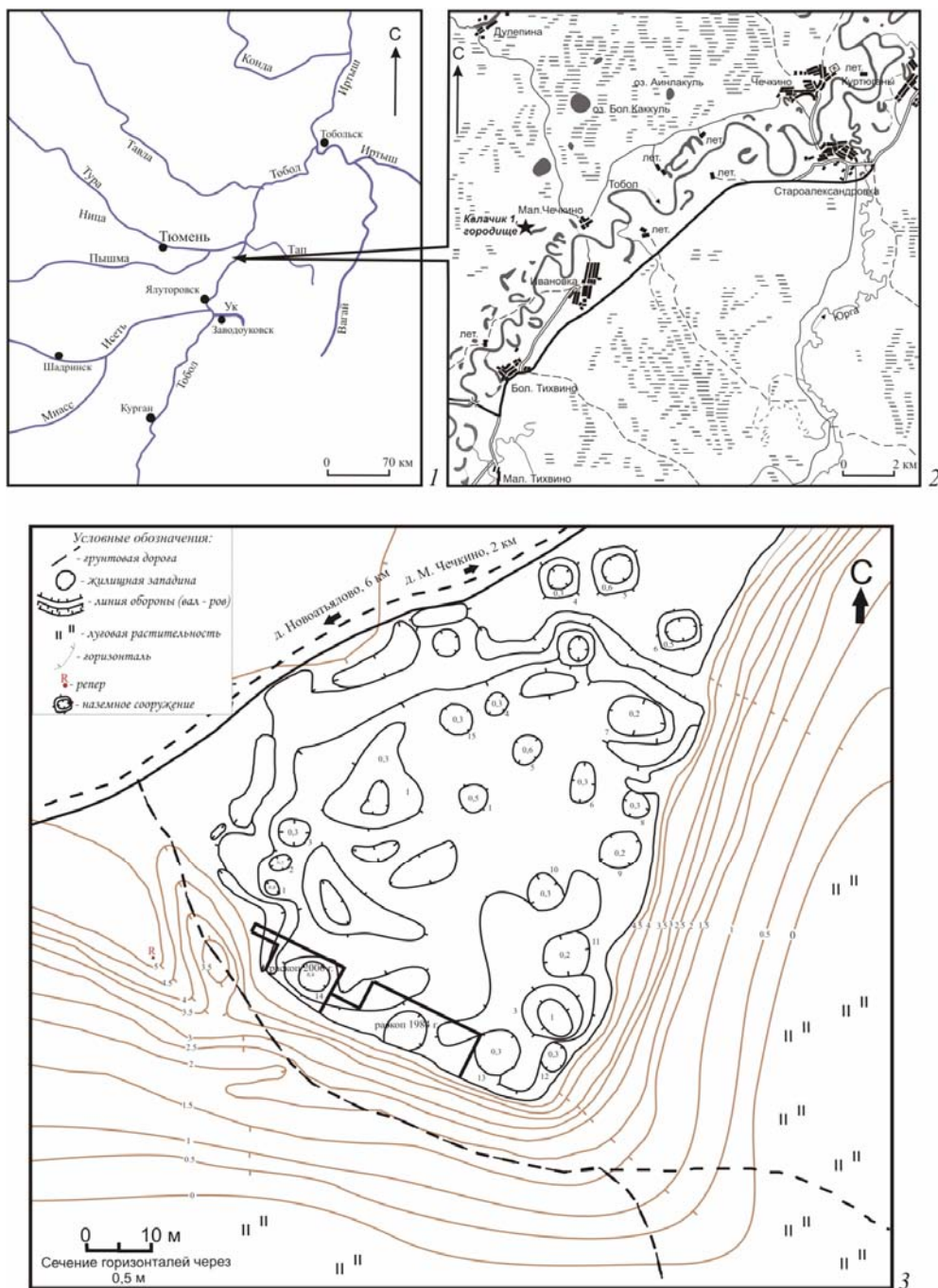

Рис. 1. Расположение (1, 2) и план (3) городища Калачик 1

На разрезах площадки городища отмечается дерново-гумусный слой мощностью от 5 до 20 см. Мощность культурных напластований в котловане жилища составляла 10–40 см, в ямах — 5–80 см, во рву — 125 см. Сооружения и большинство ям были заполнены светло-серой, а ров — серо-коричневой и темно-серой супесью, иногда чередующейся с углистыми линзами. Под валом находилась линза темно-серой супеси мощностью 0,2–0,3 м, представляющая древнюю погребенную почву (рис. 2, 3, 4). На ее поверхности под выкидом изо рва найден фрагмент венчика сосуда, орнаментированного арочными фигурами, выполненными проташенным гребенчатым штампом, рядом ямок и горизонтальными отпечатками гребенки, близкого посуде баитовской и гороховской культур (рис. 2, 5).

Тело вала состояло из слоев серой, светло-серой и темно-серой супеси, представляющих, скорее всего, материковый выброс изо рва и погребенную почву, образовавшуюся в эпоху раннего железа, позднее перекрытую выбросом при сооружении раннесредневековых укреплений (рис. 2, 3, 4).

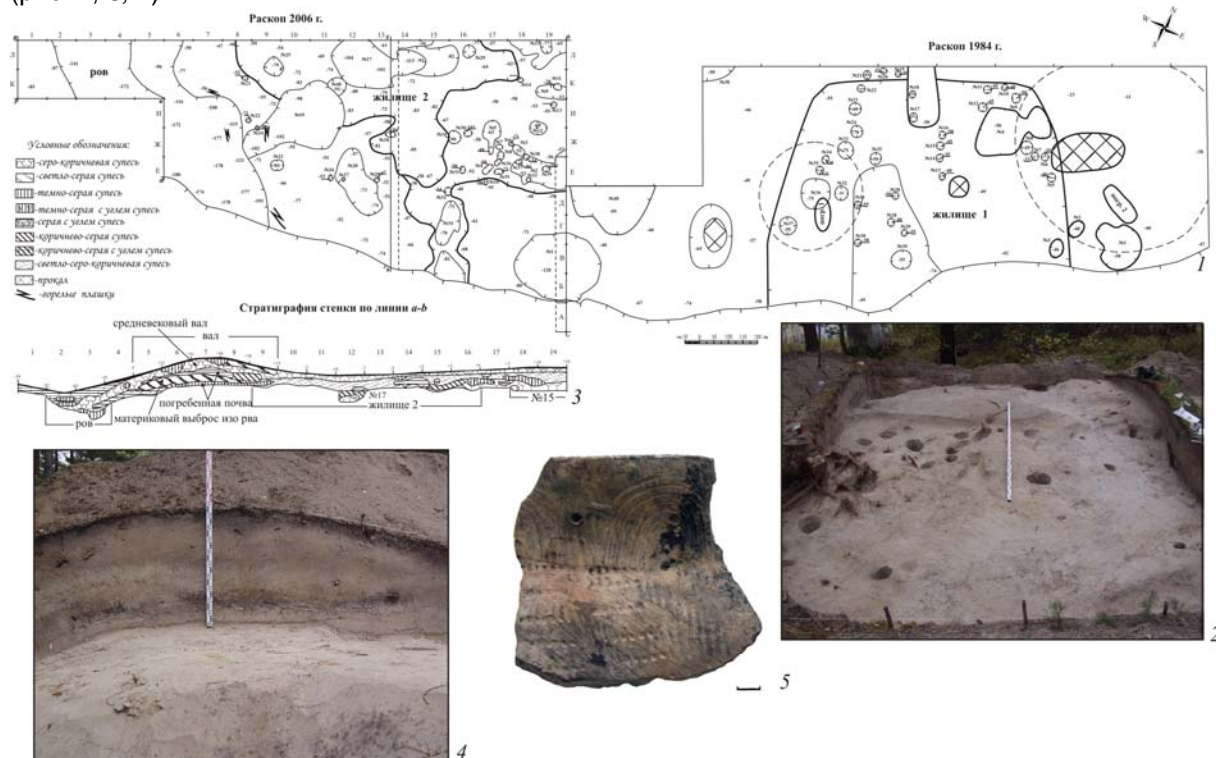

Рис. 2. План по материку 1984, 2006 гг. (1), вид раскопа (2), стратиграфия (3), разрез вала (4) и фрагмент керамики, найденный на уровне погребенной почвы (5)

Материалы, обнаруженные в ходе исследований, говорят о многослойном характере памятника. Единичные находки бархатовской и гамаюнской посуды свидетельствуют о посещении его территории в позднебронзовое время. Подводя итоги работ 1984 и 2006 гг., можно выделить несколько этапов активного освоения территории памятника. Первый связан с населением бархатовской культуры, использовавшим край террасы как место для захоронений [Зах В.А., Зах Е.М., 1994, с. 32].

Второй этап представлен материалами «лесного» баитовского комплекса. Судя по всему, данное население проживало на рассматриваемой территории до сооружения укреплений, в поселке с наземными жилищами, остатки которых фиксируются как за пределами, так и собственно на городище в виде достаточно больших, иногда аморфных, приподнятых над землей на 20–40 см жилищных площадок (рис. 1, 3). Об этом свидетельствуют материалы исследований: так, более позднее жилище 2, вероятно, частично разрушило такую наземную постройку, вследствие чего развалы «лесных» баитовских сосудов залегали выше более поздних материалов полужемляночного жилища и за пределами его котлована. О возведении укреплений городища после прекращения функционирования поселка с наземными жилищами говорит, в частности, находка уже упомянутого фрагмента венчика сосуда смешанного баитовско-гороховского облика на уровне древней погребенной почвы под выбросом изо рва (рис. 2, 5; 4, 3). Восстановить конструкцию наземных жилищ на исследованной раскопами площади невозможно.

«Лесная» баитовская посуда представлена фрагментами венчиков 138 сосудов (по материалам раскопов 1984 и 2006 гг.) (табл. 1, рис. 3). В основном это слабопрофилированные круглодонные горшки с достаточно низкой (от 1 до 2 см) шейкой, единично встречаются сосуды с высотой шейки 4 см. Диаметр устья варьируется в пределах 16–34 см. Шейка чаще всего прямая (53,6 %). Изредка встречаются и другие формы: отогнутая (8 %), дуговидно выгнутая (6,5 %), вогнутая (1,5 %), прямая с наклоном внутрь (6,5 %). Сосуды закрытой формы представлены 13 экз. (9,4 %). У 14,5 % посуды форму шейки определить не удалось. Срез горловины чаще всего плоский

Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье

(44,2 %), остальные виды не превышают 18,2 %. У 52 экз. отмечен венчик с карнизом (37,6 %). В.А. Зах и Е.М. Зах связывают это с подтаежной спецификой развития культуры [1994, с. 39–40]. Элементы орнамента, а чаще всего это наклонные (50,7 %) и вертикальные линии (8 %), зигзаги (10,8 %) и др., выполнены гребенчатым штампом. Один сосуд орнаментирован в волнисто-прочерченной технике. Горловины многих горшков орнаментированы по схеме «ямка-жемчужина-ямка» (9,4 %). Несколько сосудов (4 экз.) украшены пояском уголкового штампа, ногтевыми вдавлениями (5 экз.). Композиция узора довольно проста и чаще представляет сочетание наклонных линий с «жемчужником» или пояском ямок. Шесть сосудов без орнамента.

Таблица 1

Характеристика орнаментации горловин «лесной» баитовской посуды (138 экз.)

№	Признак	Количество	%
Форма шейки			
1	Отогнутая	11	8
2	Прямая	74	53,6
3	Прямая с наклоном внутрь	9	6,5
4	Дуговидно выгнутая	9	6,5
5	Закрытая форма сосуда	13	9,4
6	Вогнутая	2	1,5
7	Неопределимая	20	14,5
Форма венчика			
8	Плоский	61	44,2
9	Округлый	11	8
10	Скошенный внутрь	7	5,1
11	С карнизом	52	37,6
12	Скошенный наружу	7	5,1
Техника нанесения узора			
13	Гребенчатый штамп	42	30,4
14	Круглая ямка	86	62,3
15	Гладкий штамп	45	32,6
16	Жемчужина	74	53,6
17	Прочерченный	8	5,8
18	Волнисто-прочерченный	1	0,7
19	Уголкового штампа	4	2,9
20	Прочие (резные, накоп, насечка, вдавления и т.д.)	19	13,8
Элементы орнамента			
21	Наклонные линии	70	50,7
22	Вертикальные линии	11	8
23	«Столбики»	6	4,3
24	Зигзаг вертикальный	10	7,2
25	Горизонтальный зигзаг	5	3,6
26	Один ряд ямок	61	44,2
27	Ряд уголкового штампа	4	2,9
28	Горизонтальная елочка	1	0,7
29	Чередование ямок и жемчужин	13	9,4
30	Один ряд жемчужин	49	35,5
31	Неорнаментированные	6	4,3

По основным характеристикам посуда Калачика 1 сближается с материалами других «лесных» баитовских памятников Нижнего Притоболья, таких как Чеганово 1–5, Юртобор 3 [Зими́на, Цембалюк, 2012].

Основная часть находок на городище Калачик 1, ранние укрепления и зафиксированные сооружения относятся к началу раннего железного века и связаны с комплексом смешанной баитовско-гороховской керамики.

Укрепления эпохи раннего железа представляли собой, скорее всего, систему ров — вал, оконтуривали участок мысовидного выступа надпойменной террасы. Судя по разрезу, толщина выброса изова на погребенную древнюю почву составляла около 0,25–0,3 м (рис. 2, 3, 4). По краю рва с внешней стороны вала вскрыты остатки, вероятно, заплота — сгоревших бревен, лежавших вдоль края рва. Видимо, заплот в одно бревно удерживал вал от сползания в ров

(рис. 2, 1). Из-под насыпи рва, в том числе из скопления угля от сгоревшего заплота, отобрано шесть образцов для радиоуглеродного датирования (табл. 3).

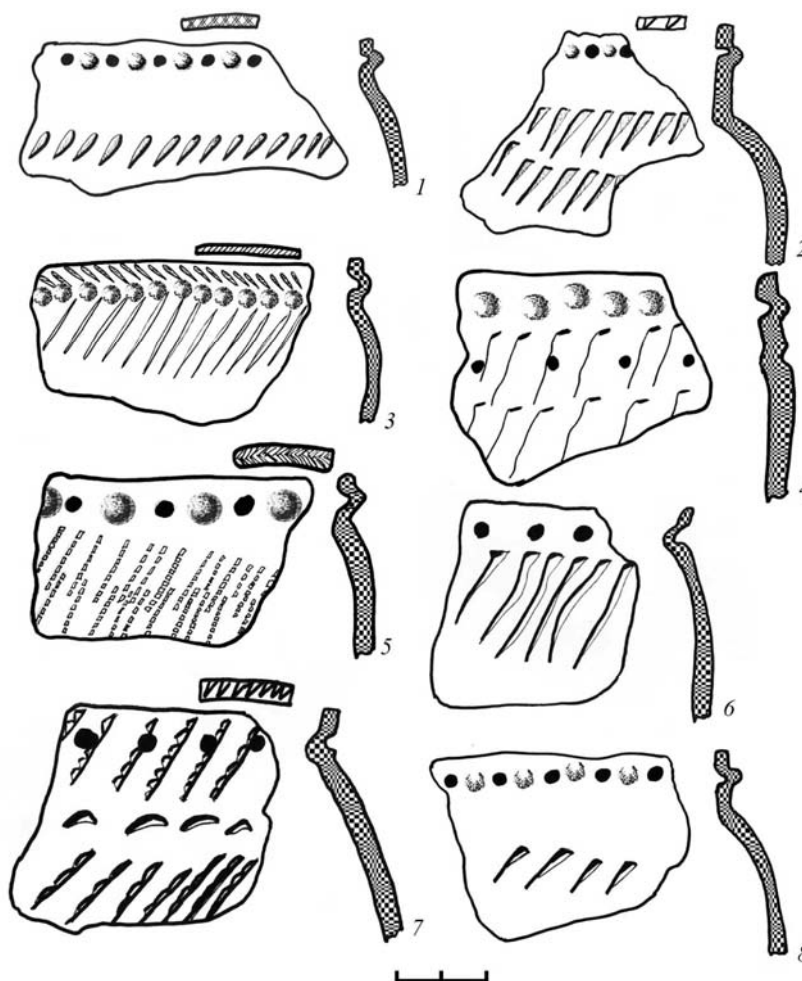

Рис. 3. «Лесная» баитовская керамика

Жилище 1 (раскопано в 1984 г.) (рис. 2, 1), углубленное в материк, однокамерное, трапециевидной формы, площадью около 70 м², ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. В центре котлована находился очаг, фиксировавшийся в виде прокала толщиной 0,4 м. Из жилища на северо-восток вел канавообразный выход. По периметру жилища отмечены немногочисленные столбовые ямки, которые проходили двумя рядами через все жилище, разрезая его пополам. По всей видимости, постройка была каркасно-столбовой конструкции. В западной части сооружения пол понижался. Внутри и за пределами постройки исследованы хозяйственные ямы [Зах В.А., Зах Е.М., 1994, с. 32].

Жилище 2 (раскоп 2006 г.) (рис. 2, 1, 2). В раскоп попала только юго-восточная часть постройки. Судя по рельефу, строение, скорее всего, было однокамерным, подпрямоугольной формы. Котлован слабоуглубленный в материк, в северо-восточной части на 6–9 см, к юго-западной стенке пол понижался до 13–45 см. С юго-восточной стороны зафиксирован коридорообразный выход, ведущий к краю террасы.

Тип вышеописанных жилищ довольно обычен для домостроительства гороховской культуры [История Курганской области, 1995, с. 80].

С описанными сооружениями связана группа посуды, представленная обломками 170 сосудов, которая, по нашему мнению, имеет смешанный баитовско-гороховский облик (табл. 2) (рис. 4, 1–5, 7, 9).

Таблица 2

**Характеристика орнаментации горловин
баитовско-гороховской посуды (170 экз.)**

№	Признак	Количество	%
Форма шейки			
1	Отогнутая	30	17,6
2	Прямая	65	38,2
3	Прямая с наклоном внутрь	8	4,7
4	Дуговидно выгнутая	7	4,1
5	Отогнутая дугообразно	37	21,8
7	Закрытая форма сосуда	12	7,1
8	Неопределимая	11	6,5
Форма венчика			
9	Плоский	67	39,4
10	Округлый	11	6,5
11	Скошенный внутрь	18	10,6
12	С карнизом	69	40,6
13	Скошенный наружу	1	0,6
14	Приостренный	4	2,3
Техника нанесения узора			
15	Гребенчатый штамп	85	50
16	Круглая ямка	26	15,3
17	Гладкий штамп	56	32,5
18	Жемчужина	17	10
19	Прочерченный	43	25,3
20	Уголковый штамп	1	0,6
21	Прочие	26	15,3
Элементы орнамента			
22	Наклонные линии	55	32,4
23	Вертикальные линии	17	10
24	«Столбики»	45	26,5
25	Зигзаг вертикальный	19	11,8
26	Сетка	22	13
27	Горизонтальный зигзаг	27	15,9
28	Один ряд ямок	22	13
29	Ямки в шахматном порядке	3	1,8
30	Ряд уголкового штампа	1	0,6
31	Горизонтальная елочка	3	1,8
32	Горизонтальные линии	2	1,2
33	Ромбы	2	1,2
34	Чередование ямок и жемчужин	1	0,6
35	Один ряд жемчужин	17	10
36	Волны, «проташенная гребенка»	1	0,6
37	Прочие	9	5,3
38	Неорнаментированные	9	5,3

На рассматриваемой посуде наряду с баитовскими отмечаются черты, присущие гончарным традициям носителей гороховской культуры. Сосуды, относящиеся к этому комплексу, горшковидной формы, круглодонные, профилированные. В тесте визуально отмечается примесь песка, шамота и талька. Шейки средние и высокие (от 2,5 до 5 см). Сосудов с вертикальной шейкой — 38,2 %. Доля отогнутых горловин, более характерных для саргатской и гороховской посуды, составляет 39,4 % (из них 21,8 % отогнуты дугообразно). Горловин дуговидно-выгнутой формы — 7 (4,1 %). Закрытая форма сосуда представлена в 7,1 % случаев. Срез венчика в основном плоский (39,4 %), довольно большой процент составляют скошенные внутрь венчики (10,6 %), в 11 случаях — округлый (6,5 %), в 4 — приостренный (2,3 %) и один (0,6 %) скошенный наружу венчик. Сосудов с карнизами, как в группе «лесной» баитовской посуды, также довольно много — 69 экз. (40,6 %). На венчиках большинства сосудов отмечается утолщение, характерное для гороховской керамики [Матвеева, 1991]. Срез горловины в 68,7 % случаев украшен насечками или отпечатками гребенчатого штампа, выше доля неорнаментированных срезов горловин, что более свойственно гороховской посуде. Доля гребенчатого штампа составляет 85 %. Сами оттиски штампа видоизменены: вместо крупногребенчатых «баитовских» — оттиски, похоже на отпечатки гладкого штампа, которые на поверхности посуды становятся слабо-

заметными. Большое количество узоров выполнено гладким штампом (32,5 %) и в прочерченной технике (25,3 %), что более характерно для орнаментации гороховской керамики. По сравнению с упрощенной орнаментальной схемой байтовской посуды, включающей чаще один или два элемента, рассматриваемый комплекс керамики отличается большей насыщенностью элементами и повышенным удельным весом геометрических узоров, зигзагов, сетки, ромбов, наколов каплевидной формы, различных насечек и др. Перечисленные элементы орнамента, обычные для гороховской посуды, часто встречаются вместе с круглыми ямками (26 %) и жемчужинами (17 %) — неотъемлемыми байтовскими элементами декора на горловине горшков данного комплекса.

Вероятно, в пределах этого же байтовско-гороховского комплекса следует рассматривать группу из 34 сосудов, близких как саргатскому, так и гороховскому керамическому комплексу (табл. 3; рис. 4, 6, 8, 10).

Таблица 3

Характеристика орнаментации горловин саргатоидной посуды (34 экз.)

№	Признак	Количество	%
Форма шейки			
1	Прямая	12	35,3
2	Отогнутая	7	20,6
3	Дуговидно выгнутая	13	38,1
4	Закрытая форма	1	3
5	Неопределимая	1	3
Форма венчика			
7	Плоский	13	38,1
8	Округлый	10	29,5
9	Скошенный внутрь	5	14,7
10	Скошенный наружу	1	3
11	Приостренный	5	14,7
Техника нанесения узора			
12	Гладкий штамп	9	26,5
13	Прочерченный	18	52,9
14	Гребенчатый	1	3
15	Наколы	19	55,9
16	Защипы	9	26,5
Элементы орнамента			
17	Фестоны	4	11,8
18	Вертикальные линии	11	32,4
19	«Треугольники»	5	14,7
20	«Столбики»	3	8,8
21	Наклонные линии	3	8,8
22	Вертикальный зигзаг	1	3
23	Сетка	1	3
24	Горизонтальный зигзаг	1	3
25	«Трилистники»	1	3
26	Прочие	5	14,7

Поздний этап заселения площади мыса относится к раннесредневековому времени и связан с населением бакальской культуры. В этот период происходит обновление укреплений, что хорошо видно на разрезе вала. Сформировавшаяся во время опустения территории памятника почва на валу, представленная в разрезе серой супесью мощностью 0,1–0,15 м, которая, вероятно, развивалась на протяжении 6–7 столетий, вновь была перекрыта в средневековье выбросом изо рва (рис. 2, 3, 4). Средневековая оборонительная линия городища, оформленная в виде системы вал с башнеобразными выступами — ров, идентична фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 в Пришимье [Зах, 2009, с. 75]. Различия отмечаются лишь в количестве бастيونов и их размерах. На Ласточкином Гнезде их два, на Калачике 1 — четыре; на ишимском городище они значительно массивнее, заметно выступают за пределы вала, прикрывая с двух сторон въезд на укрепленную площадку.

Так же как и на некоторых других бакальских городищах (Усть-Утяк 1, Ласточкино Гнездо 1), остатки углубленных в материк жилищ на Калачике 1 не обнаружены. Судя по фиксации в верхних горизонтах прокалов — очагов, находок развалов сосудов и отдельных фрагментов керамики бакальской культуры, вероятнее всего, бакальским населением использовались легкие наземные конструкции жилищ.

Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье

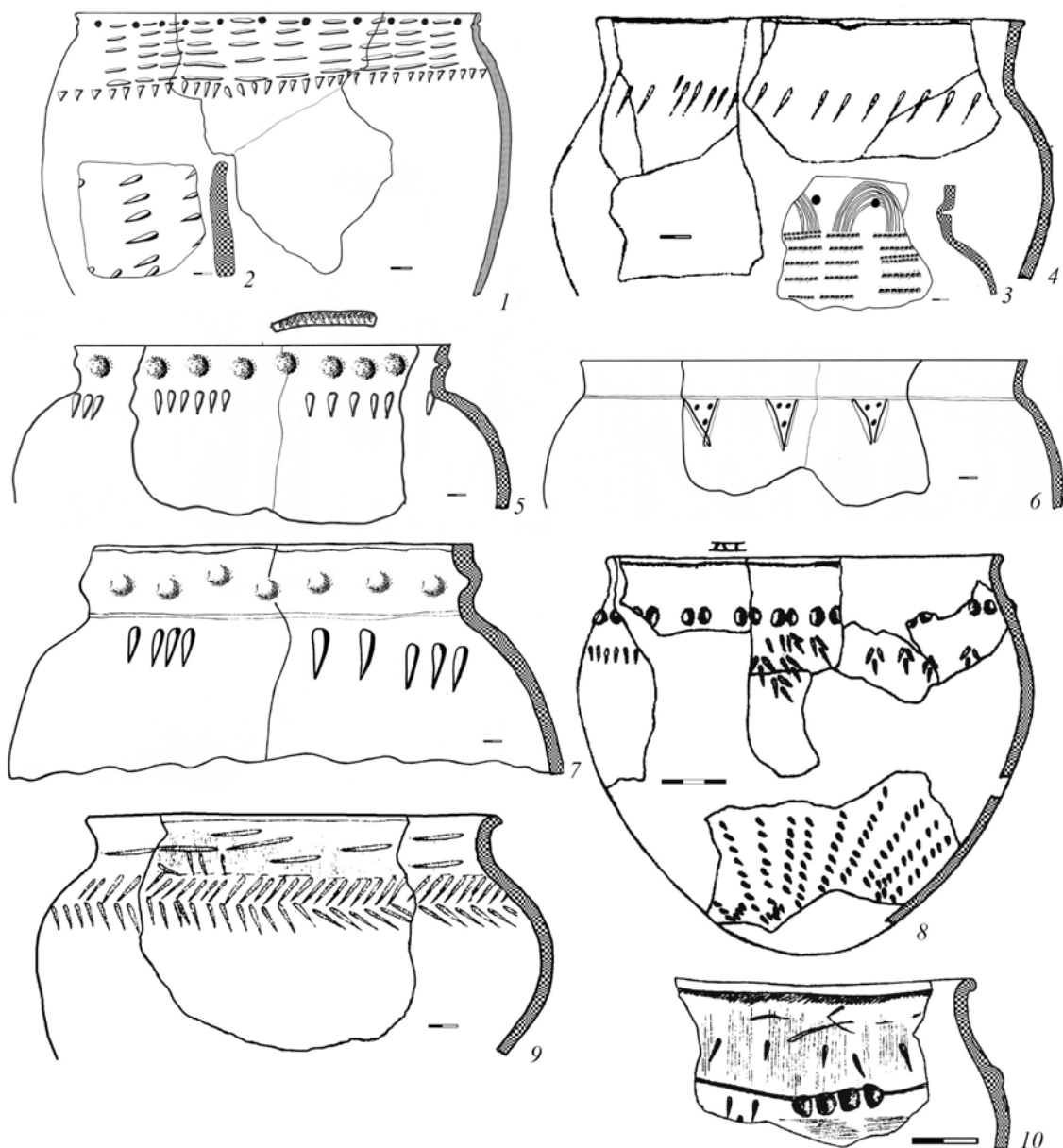

Рис. 4. Керамика баитовско-гороховская (1–4, 5, 7, 9) и саргатовидного облика (6, 8, 10)

Бакальская посуда, собранная в результате раскопок на городище, представлена фрагментами 110 сосудов (табл. 4). Из них 10 экз. (9 %) — сосуды баночной формы, остальные (91 %) — горшковидные (табл. 4).

Вариаций форм горловин бакальских сосудов немного, в основном они прямые (44,6 %) и представлены закрытой формой (40,9 %). Обнаружено 6 горшков с выгнутой шейкой (5,5 %). Венчики в большинстве случаев скошены внутрь (40,9 %), довольно много и плоских (25,5 %). Остальные формы представлены незначительно: заостренный — 19 %, округлый — 12,8, скошенный наружу — 1,8 %. Большинство срезов горловин не орнаментированы (60,9 %), на остальных орнамент нанесен довольно грубо в виде насечек (23,6 %), наколов (4,6 %). Венчики 12 (10,9 %) сосудов украшены отпечатками гребенчатого штампа. Декорирована бакальская посуда довольно бедно. Узором, представленным наклонными резными (19 %) или гребенчатыми (19 %) оттисками, елочкой, резной решеткой, покрыта зона перехода от шейки к тулову. Чаще всего (86,4 %) декор состоит из пояска ямок, нанесенного на горловину (рис. 5, 1–13).

Характеристика шеек сосудов бакальской культуры (110 экз.)

№	Признак	Количество	%
Форма шейки			
1	Закрытая форма сосуда	45	40,9
2	Прямая	49	44,6
3	Выгнутая	6	5,5
4	Без выделенной шейки (банка)	10	9
Форма венчика			
5	Плоский	28	25,5
6	Округлый	14	12,8
7	Скошенный наружу	2	1,8
8	Скошенный внутрь	45	40,9
9	Заостренный	21	19
Орнаментация венчика			
10	Гребенчатый штамп	12	10,9
11	Насечки	26	23,6
12	Наколы	5	4,6
14	Без орнамента	67	60,9
Элементы орнамента			
15	Наклонные линии, выполненные гребенчатым штампом	21	19
16	Горизонтальная елочка, выполненная гребенчатым штампом	11	10
17	Резная решетка	15	13,6
18	Желобок	5	4,6
19	Резные наклонные линии	21	19
20	Резная горизонтальная елочка	4	3,6
21	Ногтевые вдавления	1	0,9
22	Ямки	95	86,4

Бакальский комплекс городища Калачик 1, на наш взгляд, относится к раннему этапу культуры. Об этом свидетельствуют и небольшой процент чаш (40,9 %), которые, по сложившемуся мнению исследователей бакальской культуры, в поздних бакальских комплексах преобладают над горшечными формами, и значительная доля гребенчатого штампа (30,9 %), в процессе развития культуры замещаемого резными и ямочно-накольчатыми орнаментами [Матвеева и др., 2008, с. 170]. Вместе с бакальской керамикой в средневековом слое городища обнаружены фрагменты посуды кушнаренковского (рис. 5, 15) и караякуповского (рис. 5, 14) типов.

Инвентарь, обнаруженный на городище за два года исследований, относится к нескольким хронологическим периодам. С самым ранним — эпохой раннего металла связаны два грузила, из которых одно сигаровидной формы, второе уплощенное. В 1984 г. в раскопе обнаружены фрагменты сосуда этого времени, который, возможно, как и грузила, происходит с расположенного к югу от городища на останце террасы поселения Чечкино 2 [Зах, 2002].

К эпохе поздней бронзы, скорее всего, относятся шесть обломков глиняных грузил с перехватом в виде желобка по периметру изделия. По мнению М.Ф. Косарева, подобные грузила появились в андроновскую эпоху и распространились в пределах всего южно-таежного андронидного массива, включавшего памятники черкаскульской, сузгунской и еловской культур [1979, с. 23]. Встречаются они и в бархатовских комплексах. С этими же материалами, вероятно, можно связать и обломок глиняной «катушки» — своеобразного «индикатора» бархатовской культуры [Матвеев, Аношко, 2009].

С первым периодом функционирования городища в эпоху раннего железного века связан инвентарь, представленный изделиями из глины, бронзы, кости и камня.

С городища происходит значительная серия (92 экз.) (рис. 6, 6, 10) *керамических скребков*, использовавшихся в кожевенном и деревообрабатывающем производстве в пределах достаточно широкого хронологического диапазона (см., напр.: [Шаманаев, Зырянова, 1998]).

Еще одним типом изделий из глины являются *пряслица* (13 экз.), которые подразделяются на две группы: лепные (8 экз.) (рис. 6, 9) и выполненные из стенок сосудов (5 экз.) (рис. 6, 7, 8). Изделия первой группы подразделяются на два вида: дисковидные (4 экз.) и конические (4 экз.) пряслица. Некоторые лепные изделия орнаментированы насечками или отпечатками гребенчатого штампа, в одном случае оттиски представляют собой солярный узор. Изделия из керамики — с орнаментом сосуда или без орнамента.

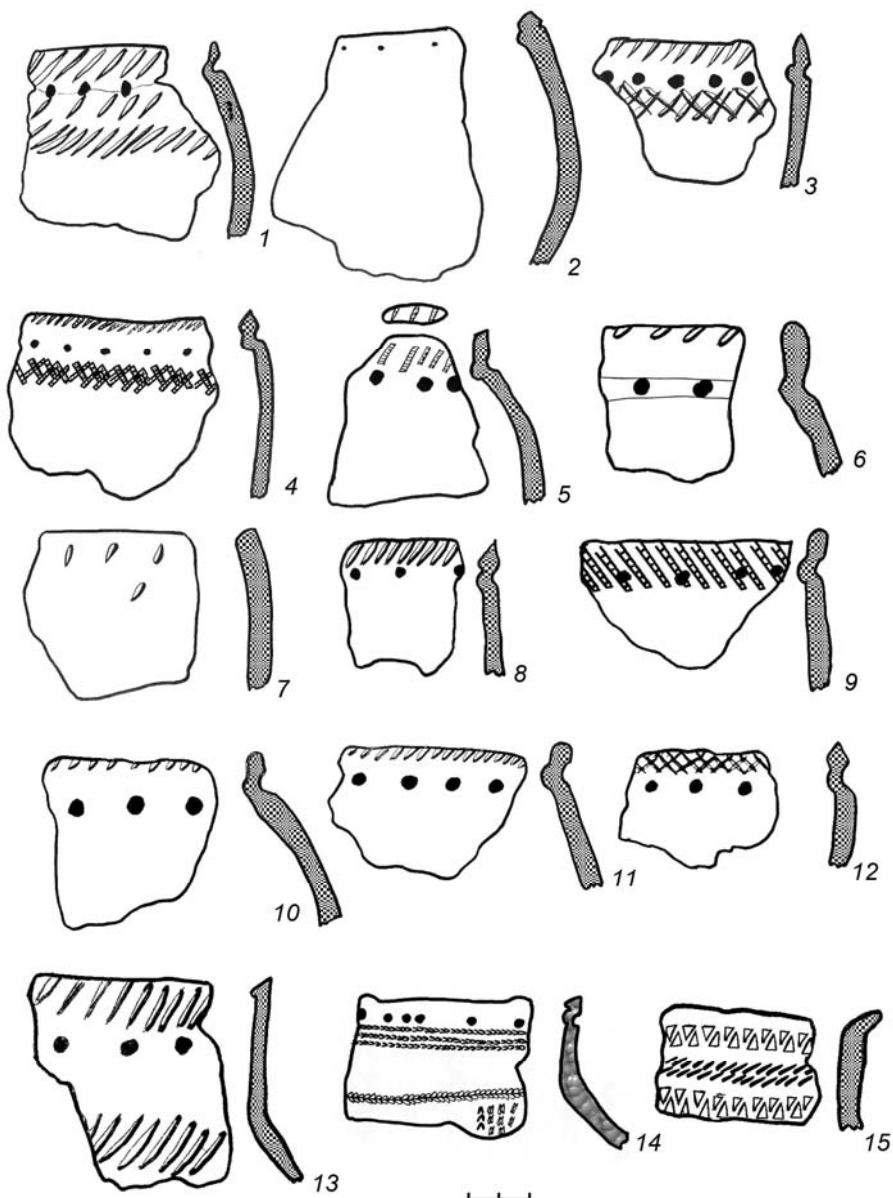

Рис. 5. Керамика бакальской культуры (1–13), караякуповского (14) и кушнареновского (15) типа

Интересны два глиняных изделия, одно из которых является обломком навершия в виде головы животного, второе напоминает фаллос.

У *навершия* высотой 6,5 и диаметром 2,0 см сохранилась лишь затылочная часть изображения, с ушами, выполненными пальцевыми защипами. Тело фигурки округлой формы, на противоположной морде животного стороне проделано отверстие диаметром 1,2 см (рис. 6, 1). Близкий аналог скульптурке известен в Омском Прииртышье: это глиняная скульптурка лошади, найденная в слое красноозерской культуры поселения Новотроицкое 1 [Труфанов, 1983]. Однако, при некоторых общих чертах — материал, круглая в сечении форма, — изделия различаются по технике исполнения.

Изделие в виде *фаллоса* имеет длину около 5 см и диаметр 1,8 см, представляет собой толстостенную, вылепленную из глины трубку, основание которой оформлено защипами для придания устойчивости изделию, поставленному вертикально. Головка предмета отделена от

остальной части валиком (рис. 6, 2). Как правило, аналогичные изображения символизируют мужское плодородие и начало новой жизни [Словарь..., 2001].

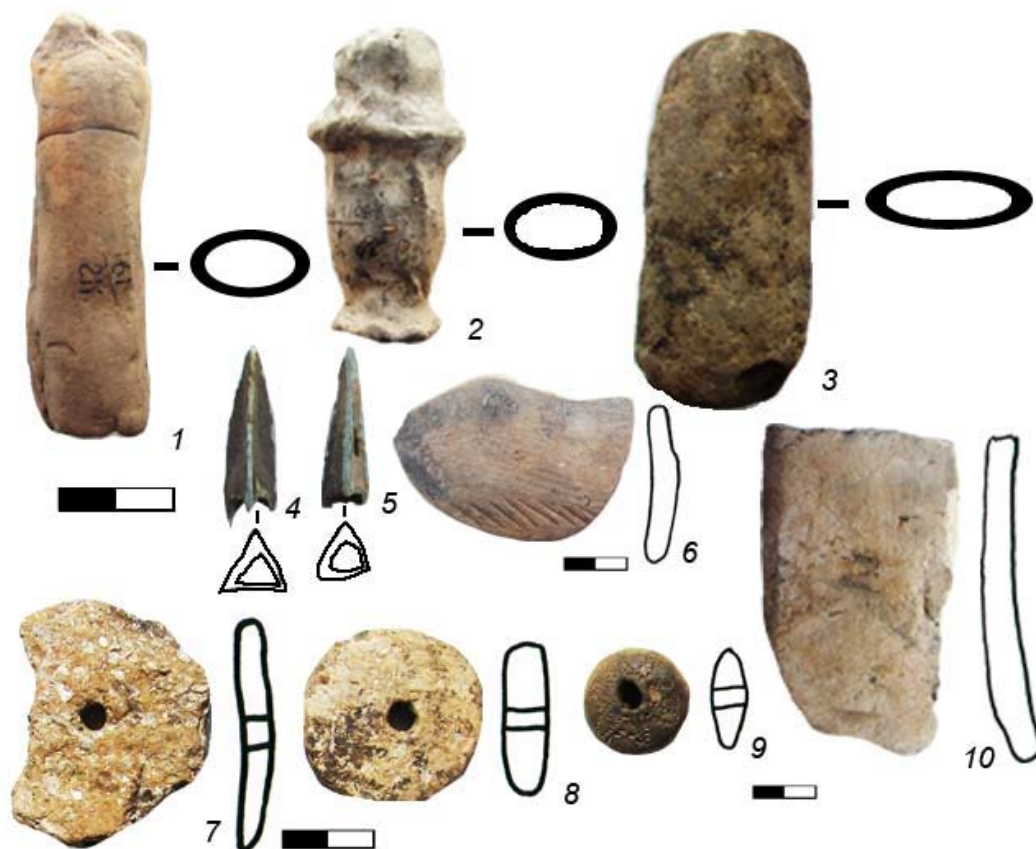

Рис. 6. Инвентарь:
1, 2, 6–10 — глина; 3 — камень; 4, 5 — бронза

Среди инвентаря есть два глиняных обломка *тиглей* небольших размеров с ошлакованной поверхностью.

Из камня изготовлен *оселок* подпрямоугольной в сечении формы размерами около 6,0x2,0 см (рис. 6, 3). Аналогичные изделия были широко распространены в раннем железном веке, близкие встречены в материалах большереченской культуры лесостепного Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 34, 166, табл. XXXVI, 9, 10], тасмолинской культуры Центрального и Восточного Казахстана [Вишневская, 1992, с. 403, табл. 53, 10, 11, 19–21].

Изделий из бронзы немного, это три *бронзовых наконечника стрел*, все они трехлопастные, втульчатые, со сводчатой головкой, опущенными шипами, ложками вдоль граней или без них (рис. 6, 4, 5). Данный тип появляется в VI–V вв. до н.э., а широкое распространение получает в V–IV вв. до н.э. [Кузьминых, 1983, с. 110; Смирнов, 1961, с. 50].

Супесчаная почва террасы не способствует сохранению кости. Из костяных орудий сохранились две *проколки*, изготовленные из трубчатых костей. Изделия имеют широкие хронологические и территориальные рамки, применялись в основном при работе с кожей [Зах и др., 2008, с. 100–101].

Кроме этого, в раскопе обнаружены три каменных скребка, пять камней, в том числе простые гальки, и три абразива, которые невозможно соотнести с определенным хронологическим периодом.

Для радиоуглеродного датирования периодов обитания мыса из заполнения жилища 2 и крепицы вала были отобраны образцы угля (рис. 7). Данные представлены в табл. 5.

Радиоуглеродные даты городища Калачик 1

№	Квадрат, глубина	Индекс образца СОАН	Абсолютная дата, л.н.	Калиброванная дата	
				±1σ	±2σ
1	4 усл. гор., кв. Е/14-15 (0,5–0,55 м)	6691	2330±120	750–600 550–200	800–100
2	4 усл. гор., кв. Л/6 (0,75–0,8 м)	6692	2500±50	770–720 700–540	790–480 470–410
3	Вал, 5 усл. гор, кв. К/7 (0,5–0,55 м)	6693	2555±80	810–720 700–540	830–410
4	Вал, 5 усл. гор, кв. К/8 (0,65–0,7 м)	6694	2390±80	750–680 670–640 560–380	800–350 470–410
5	4 усл. гор, кв. Л/8 (0,7–0,75 м)	6695	2310±80	510–430 420–340 320–200	750–150
6	Вал, 5 усл. гор, кв. Ж/9 (0,8–0,85 м)	6696	3175±100	1610–1570 1540–1310	1700–1100
7	Вал, 5 усл. гор, кв. Г–Д/9–10 (0,75–0,8 м)	6697	2600±40	820–760	840–740 690–660 650–550
8	4 усл. гор, кв. К/17 (0,6–0,65 м)	6698	2150±80	360–280 240–50	390
9	Яма 19, кв. Ж/10 (1,3–1,35 м)	6699	2315±70	510–430 420–350 300–200	750–150
10	4 усл. гор, кв. Л/16 (0,55–0,6 м)	6700	1700±100	220–440 AD 480–530 AD	120–570 AD
11	4 усл. гор, кв. И/14 (0,55–0,6 м)	6701	2610±100	900–740 690–660 650–550	1000–400
12	Вал, 5 усл. гор, кв. Ж/8, фортификационные укрепления (0,65–0,7 м)	6702	2565±80	820–730 700–540	850–410
13	Вал, 4 усл. гор, кв. И/12 (0,4–0,45 м)	6703	2110±80	350–300 210–30	370 BC– 50 AD

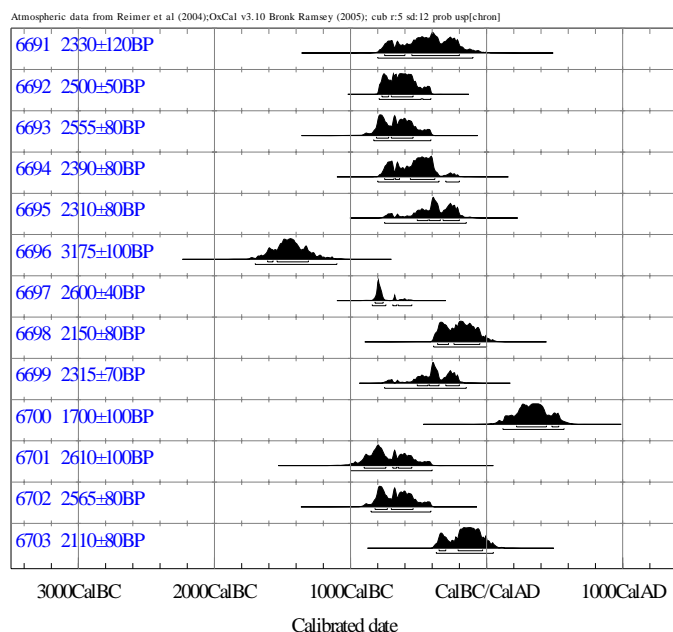

Рис. 7. Калибровка дат, полученных по углю на городище Калачик 1

Полученные результаты подтверждают наши выводы в отношении этапов освоения площади мыса, который посещался еще в эпоху раннего металла, а в эпоху поздней бронзы здесь, вероятно, функционировал могильник бархатовской культуры, о чем говорит дата 3175 ± 100 (СОАН-6696).

Наиболее интенсивное использование ресурсов территории мыса приходится на ранний железный век и связано с «лесным» баитовским населением, чей поселок с наземными жилищами был частично перекрыт городищем раннего железного века носителей баитовско-гороховско-саргатской посуды. В общем этот этап укладывается в пределы VII–II вв. до н.э., причем «лесное» баитовское население осваивало этот участок террасы, вероятно, в самом начале данного интервала (VII–VI вв. до н.э.). Первые укрепления здесь появляются в конце VI — V в. до н.э., о чем свидетельствуют как радиоуглеродные даты, так и фрагмент баитовско-гороховского облика, залегавший на погребенной почве под валом.

Самый поздний этап обитания городища связан с ранним средневековьем, когда укрепления были обновлены представителями бакальской культуры. Их обитание на мысу относится, вероятно, к середине III в. н.э., о чем свидетельствует радиоуглеродная дата 1700 ± 100 (СОАН-6700).

Материалы городища Калачик 1 имеют, на наш взгляд, большое значение для понимания генезиса комплексов раннего железного века, и в частности саргатской культуры. Смену баитовских комплексов гороховскими в Притоболье следует рассматривать не в плане вытеснения баитовского населения продвигавшимися с запада гороховцами, как считает Н.П. Матвеева [1989, с. 100], а как процесс последовательного, этапного развития. Он является частью процесса культурогенеза в рамках переходного периода к раннему железному веку Притоболья, где, по нашему мнению, за усть-утякскими следуют иткульские, затем баитовские, за ними — гороховские и, наконец, саргатские комплексы. С формированием последних (саргатских) заканчивается 3–4-вековой длительности процесс «освобождения» местной лесостепной позднебронзовой традиции от элементов пришедшей лесной этнокультурной традиции.

Поздний комплекс городища важен при изучении формирования средневековой — бакальской культуры, так как представлен материалами, в которых отсутствует карымская посуда, а имеется незначительное количество фрагментов, сопоставимых с кушнаренковскими сосудами и керамикой караякуповского типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вишневская О.А. Центральный и Восточный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 130–140.

Зах В.А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. № 4. С. 25–36.

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 67–80.

Зах В.А., Зах Е.М. Городище раннего железного века Калачик 1 на Тоболе // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 32–44.

Зах В.А., Зими́на О.Ю., Рябогина Н.Е. и др. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 85–100.

Зими́на О.Ю., Цембалюк С.И. Памятники баитовской культуры подтаежной зоны Притоболья // АВ ORIGINE: Археолого-этногр. сб. Тюм. гос. ун-та. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 22–38.

История Курганской области. Курган: Изд-во КГПИ, 1995. Т. 1. С. 76–131.

Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 15–25.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983. 256 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 77–103.

Матвеева Н.П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 148–164.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. 238 с.

Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Приоболье

Словарь символов / Дж. Тресиддер. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. 161 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 63–76.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. С. 196–204.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
svetac80@mail.ru

The paper quotes investigation results regarding a multi-layer fortified settlement of Kalachik 1 from the sub-taiga zone of the Low Tobol basin. The earliest few findings on the territory of the site are dated from the Early Iron Age. In the Late Bronze Time here on the cape there was a burial ground of the Barkhatovo culture. The main complexes of the fortified settlement are represented by materials of the Early Iron Age left by the population residing here in VII–III cc. B.C. and in the early Middle Ages when the bearers of the Bakal culture managed to improve defensive constructions of the settlement.

The Low Tobol basin, the Barkhatovo culture, «forest» Baitovo complexes, the Gorokhovo and Sar-gatka cultures, the Early Middle Ages, the Bakal culture.

К ВОПРОСУ ОБ ИСХОДНЫХ КОМПОНЕНТАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ (по данным изучения гончарства)

Н.П. Матвеева*, Л.С. Кобелева**

Рассматриваются проблемы культурогенеза в лесостепной зоне Урала и Зауралья по данным технологического анализа керамики могильников IV–V вв. Козлов Мыс-2 и Устюг-1. По формам и декору посуды выделены четыре типологические группы: саргатская, карымская, бакальская и «псевдокушнаренковская». По составу формовочных масс, способам конструирования и обработке поверхности просматриваются две гончарные традиции: местная и чужеродная. Делается вывод о саргатском технологическом наследии в бакальском гончарстве, полной переработке карымского таежного компонента, наличии существенного среднеазиатского суперстрата, а также о несомненной трансляции этих традиций с востока на запад с мигрантными группами.

Раннее средневековье, культурогенез, бакальская, саргатская, карымская, кушнаренковская, караякуповская культуры, технология гончарства.

Начало средневековой эпохи в лесостепной зоне западной части Западной Сибири в настоящее время связывается с формированием бакальской культуры [Сальников, 1956, с. 211–214; Викторова, Морозов, 1993, с. 178; Маслюженко, 2005, с. 172; Матвеева и др., 2008, с. 157, 176], в лесостепной зоне — карымской (или карымского этапа нижеобской культуры) [Федорова и др., 1991; Карачаров, 2010, с. 251]. Поскольку в Козловом Мысу-2 и Устюге-1 уже оформившимися предстали керамическая традиция и особенности погребений, бакальскую культуру можно считать сложившейся к середине IV в. н.э. [Матвеева, 2012а, с. 84; 2012б]. Однако памятники самого раннего ее этапа (IV–V вв.) в Зауралье, такие как вышеназванные могильники и Ипкульский [Чикунова, 2011], не выглядят однородными, особенно с точки зрения состава керамических коллекций. В них в различных пропорциях представлены комплексы разных типологических групп, уже выделенных к моменту раскопок этих некрополей в качестве самостоятельных археологических культур: саргатской, карымской, кушнаренковской, собственно бакальской керамики. Возникает вопрос: являются ли вышеперечисленные компоненты слагаемыми бакальской культуры или сопутствуют ей как включения импорта вследствие активной торговли в лесостепном и степном регионах.

В данной статье мы провели специальную работу¹ по анализу форм и технологии изготовления разнородной посуды двух памятников — Устюг-1 и Козловского, с тем чтобы выявить существенные черты гончарства. При характеристике сосудов была использована программа статистической обработки В.Ф. Генинга [1973, с. 114–135; 1992]. Керамику, изученную с точки зрения состава формовочных масс и способов конструирования, в основном по целым экземплярам, мы разделили на четыре группы. В бакальскую попали приземистые горшковидные формы с округлым дном, короткой шейкой и небрежными узорами по венчику и шейке в виде отпечатков гребенки, нарезок, «защипов», разнообразных вдавлений, типичные и для поселенческих памятников (рис. 1).

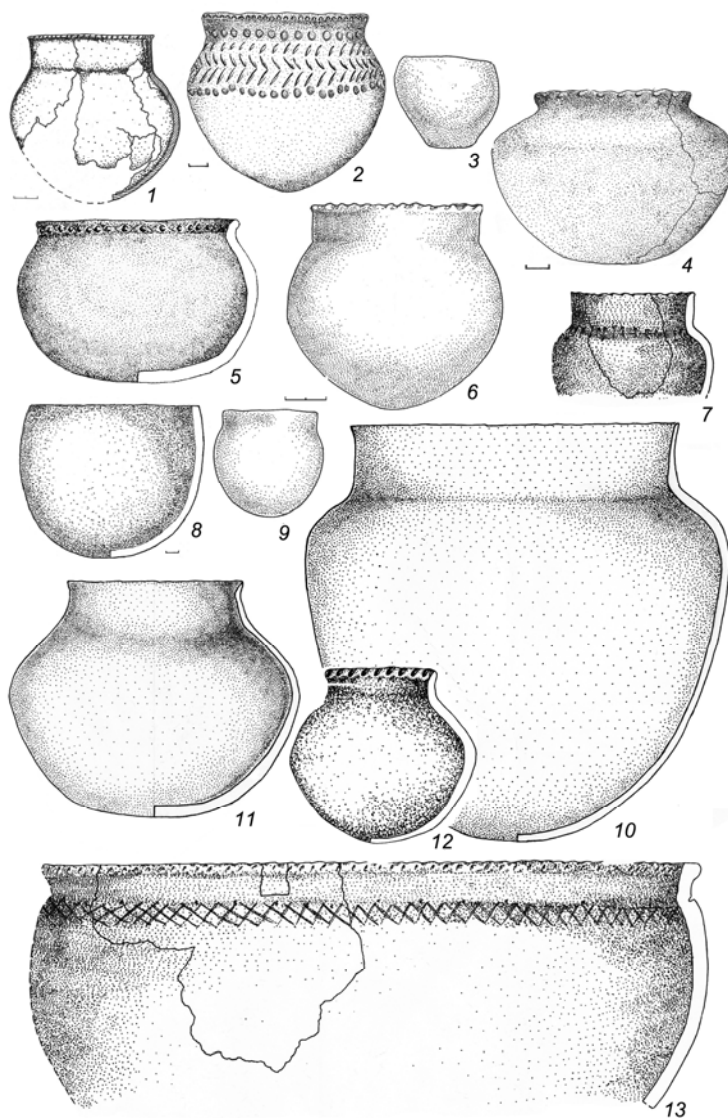
В «псевдокушнаренковскую» мы включили все сосуды «чужеродного» для бакальских комплексов вида: тонкостенные кувшины, плоскодонные горшки с ручками и без них, декорированные металлическими орнаментами и фигурными штампами (рис. 2). В саргатскую группу, взяв исключительно для сравнения гончарных традиций при общности сырьевых ресурсов местности, были объединены только материалы с Устюга-1, из могил, датированных III–II вв. до н.э., и погребения 3 кургана 29, куда такой кувшинчик попал, видимо, в качестве «антиквариата» (рис. 3, б). Карымская типологическая группа в нашей выборке представлена только со-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культуросеиза...

судами Козлова Мыса-2, поскольку единственный в Устье-1 «карымский» сосуд является синкретичным, так как использован фигурный штамп на кувшиновидном изделии (рис. 3, 4).

Состав формовочных масс определялся с использованием метода бинокулярной микроскопии. Выделено три их основных рецепта: 1) глина + жженые кости + песок; 2) глина + песок (разного размера, иногда со слюдистыми включениями); 3) глина + песок + шамот.

Рис. 1. Керамика бакалевской культуры: 1 — У1-2/09-VII; 2 — У1/40-X; 3 — У1-35/II-76; 4 — У1-14-31; 5 — У1-28-72; 6 — У1-35/II-77; 7 — У1/2-26-67; 8 — У1-3-09-XI; 9 — У1-35/II-67; 10 — У1-25/XXVI; 11 — У1-25/XLIX; 12 — У1/12-26-IV; 13 — У1/12-25-166, 168, 169, 176

Установлено, что формовка сосудов осуществлялась комбинированным ленточно-лоскутным способом. В отдельных случаях верхняя часть сосуда лепилась с использованием лент, нижняя — лоскутов. Затем обе части соединялись. Иногда придонная часть изготавливалась из одного куска глины, в виде чашечки или лепешки. У нескольких образцов округлое дно специально уплощали. Горловина практически всегда лепилась отдельно, а затем прикреплялась к тулову. У нескольких образцов ее прикладывали к тулову с внутренней стороны, из-за чего на шейке есть «шов» или небольшой карнизик. После формовки поверхность заглаживалась, в некоторых случаях заметны следы зубчатого инструмента с неровным краем (щепка, гребенка?). Потом проводилось лощение. Иногда перед процедурой лощения наносился орнамент. Об этом свидетельствуют следы затертости на орнаменте.

Керамика бакальской культуры

Шифр	Форма	Венчик	Состав	Конструирование	Обработка поверхности	Орнамент
У1/12-26-IV	Горшок с прямой, слегка отогнутой горловиной	Заострен	Г + Ш + ПР	Горловина изготовлена отдельно от тулова. Тулово из двух частей. Дно в виде лепешки прилеплено с внешней стороны	Внешняя — заглажена, слегка залощена	По внешнему краю треугольными наколами
У1/12-26-1	Фрагмент банки	Слегка отогнут, заострен	Г + ПР много	?	Внешняя — заглажена и слегка залощена	ребенчатым штампом, композиция из трех горизонтальных линий в технике протасенной гребенки и одного ряда круглых ямок между ними.
У1/12-25-166, 168, 169, 176	Объемистый горшок с низкой горловиной	Уплощен. Шейка выражена небольшим карнизом	Г + Ш + МП	Горловина изготовлена отдельно от тулова. Венчик наклеплен на горловину в завершающей стадии конструирования	Изнутри и снаружи — заглаживание и легкое лощение	По карнизу — ряд насечек. По плечикам — сетка гребенчатым штампом, поставленным под углом и ряд ямок
У1/12-25-211	Горшок с прямой горловиной, слегка отогнутой	Округлый, загнут вовнутрь	Г + ПР много	?	Внешняя — хорошо заглажена. Изнутри — следы щепы	Костяным или металлическим инструментом с острым углом. По шейке — ряд округлых ямок этим же орудием
У1/12-26-67	Горшок	Округлый	Г + Ш + МП	?	Снаружи — следы заглаживания щепой сверху вниз	—
У1/12-25-90	Горшочек	Заострен	Г + МП	Тулово сделано из одного куска глины, к нему прикреплена достаточно высокая, слегка отогнутая горловина	Очень грубо, пальцами	С внутренней стороны венчика — вдавлениями. По плечикам — ряд вдавлений узкого, плоского, закругленного с одной стороны инструмента
У1/40-X	Горшок с очень низкой горловиной	Скошен вовнутрь	Г + МП	Сосуд из двух частей. Горловина и плечики соединены с туловом. В месте крепления фиксируется небольшое утолщение	Изнутри и снаружи хорошо заглажен	Венчик — полукруглыми вдавлениями. Горловина — рядом кольцевых вдавлений обрубленным концом кости птицы. По тулову — ряд зигзагов гребенкой, а также ряд кольцевых вдавлений
У1-14-24	Закрытая банка	Уплощен, имеет небольшой карниз	Г + Ш + МП	?	Снаружи — хорошо заглажена, слегка залощена. Изнутри — следы заглаживания щепой	Венчик — по внутреннему краю. На тулове — четыре ряда вдавлений частью челюсти мелкого хищного животного (?)
У1-2-1/09	Горшок с узкой горловиной, уплощенным дном.	Плоский	Г + Ш	Горловина изготовлена отдельно, а затем прикреплена к тулову	Внешняя — хорошо заглажена, слегка залощена	Венчик — с внешней стороны округлыми вдавлениями. По шейке — ямками квадратными
У1-2/09-VII	Горшок с высокой узкой горловиной	Слегка отогнут	Г + МП много + Ш очень мало	?	Внешняя — сильно залощена	Венчик — с нарезками по внешнему краю
У1-28-72	Приземистый горшок с низкой горловиной	Край слегка отогнут. Венчик плоский	Г + ПР много	Сосуд собирался из двух частей. Дно в виде чашки крепили к тулову. Горловину обозначили пальцевыми вдавлениями при прикреплении к тулову последней ленты	Внешняя — заглажена и слегка залощена	С внешней и с внутренней стороны рядами семечковидных вдавлений
У1/4-09-456	Закрытая банка	Плоский	Г + Ш	Плечики и придонная часть «склеивались» в месте максимального диаметра по тулову	Внешняя — очень грубо, «расчесы», выполненные щепой	—
У1/4-09-449	Горшочек, горловина прямая, низкая	Венчик уплощен	Г + МП	Горловина изготавливалась отдельно от тулова, затем к нему крепились	Изнутри и снаружи щепой, затем слегка залощена	По венчику — вдавлениями, выполненными углом плоского инструмента; по горловине — рядом округлых ямок
У1-3-09-XI	Открытая банка круглодонная	Уплощен	?	?	Внешняя — щепой, затем слегка залощена	—
У1-35/II-77	Горшок, горловина прямая, невысокая	Скошен и уплощен	Г + О	Из трех частей: горловина, плечики и придонная часть	Внешняя — заглажена, затем слегка залощена	С внешней и внутренней стороны рядами семечковидных вдавлений
У1-35/II-69	Горшок с очень низкой прямой горловиной	Уплощен	Г + МП + О	?	Внешняя — слегка залощена	Венчик — «защипами», шейка — круглыми ямками

К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культуругенеза...

Окончание т а б л . 1

Шифр	Форма	Венчик	Состав	Конструирование	Обработка поверхности	Орнамент
У1–35/ II–67	Горшок маленький с невысокой, широкой горловиной	Слегка приплюснут, дно уплощено	Г + ПР + О	?	Заглажена, скорее всего пальцами	—
У1–35/ II–76	Закрытая баночка, дно плоское	Уплющено	Г + ПР + О	?	Заглажена, скорее всего пальцами	—
У1–14–31	Горшок с невысокой сильно отогнутой горловиной	Заострен	Г + МП	Тулово из двух частей склеенных в месте максимального диаметра. Горловина в виде последней верхней ленты отогнута наружу	Залощена	Венчик по внешнему краю — защипами
У1–25/ XXVI	Средний горшок с невысокой, прямой горловиной	Отогнут	Г + ПР много	Горловина соединена с туловом с внутренней стороны, дно в виде чашечки прикрепили также отдельно	Внешняя и внутренняя — хаотичные следы инструмента с неровным краем	—
У1–25/ XLIX	Горшок, с невысокой, узкой наклонной вовнутрь горловиной	Скошен вовнутрь	Г + П + Ш	Из четырех частей: горловина, плечики и придонная часть, затем крепили дно в виде небольшой лепешки	Заглажена и слегка залощена	—
КМ–07/ 98	Банка	Край уплощен	Г + ПР	Соединены горловина, плечики и придонная часть	Внешняя — заглажена и слегка залощена. Орнамент частично затерт в результате обработки поверхности	Венчик — с внешней стороны отпечатками прямоугольного инструмента. Горловина — рядом оттисков мелкозубой гребенки и рядом округлых ямок, плечики — свисающими заштрихованными треугольниками
КМ–10/ 18–2	Горшок	Скошен	Г + ПР много	?	На внешней — горизонтальные «расчесы» зубчатого инструмента	Венчик, горловина — гребенкой в виде зигзага. Поверх него — ряд ямок, нанесенных пятиугольным в сечении инструментом
КМ–10/ 21	Горловина сосуда	Заострен	Г + П + Ш	?	Внешняя — залощена	Венчик — семейковидными вдавлениями и рядом жемчужин
КМ–10/4	Горшок	?	Г + П + Ш	?	?	«Елочкой», выполненной в гребенчатой технике

Примечание: Г — глина, ЖК — жженые кости, МП — мелкий песок, Ш — шамот, КП — крупный песок, ПР — песок разнокалиберный; О — органика естественного происхождения.

Исходя из количественных показателей можно сказать, что вся коллекция неоднородна. По форме организации дна из данной выборки к плоскодонным можно отнести только 4 экз. из Устюга-1 (кург. 13, погр. 3; кург. 28, насыпь; кург. 28, погр. 2; кург. 35, погр. 3–2). Общая конфигурация тулова (табл. 5, ФЕ) у сосудов с горловиной выражена наличием средних (19 шт.) или высоких (6 шт.) плечиков. Согласно высотному указателю ФД, определяющему общую профилировку линии тулова, большинство сосудов «приплюснутые» (17 шт.) или округлые (8 шт.). Для комплекса наиболее показательные признаки — ширина горловины (ФБ) и общая пропорция сосудов (ФА). Согласно табл. 5, характеризующей целые формы, 10 сосудов имеют узкую горловину, 10 — горловину средней ширины и 6 — широкую. Из них 6 банок, остальные — горшки. При этом обобщающим признаком, характеризующим весь комплекс, является высота горловины (табл. 5, ФБ). Большинство образцов обладают очень низкой или низкой горловиной.

По составу теста бакальскую посуду можно признать запесоченной, при этом 10 ед. имеют композицию «глина + песок», 10 ед. — «глина + песок + шамот» (но шамота обычно мало), для 4 ед. установлено включение в состав органики естественного происхождения. Лепили сосуды в четыре этапа: сначала тулово, потом днище к тулову, потом горловину к тулову, часто еще венчик на горловину в завершение. Венчику придавали плоскую форму. Часть сосудов залощены (15 ед.), остальные — грубо заглажены щепой или пальцами. Для данной группы выделено пять орнаментальных мотивов (рис. 1). Характерны «елочка» (в данном случае нанесенная штампованной «гребенкой»), решетка (нарезкой), горизонтальные линии из ямок или разнообразных наколов, защипов, ногтевых отпечатков. Наблюдаются вариации декоративных элементов и техники нанесения выделенных мотивов (табл. 1).

Проявляется преемственность бакальского комплекса с саргатской керамикой Тоболо-Иртышья, но только в части форм и орнаментов, что уже отмечено Б.Б. Овчинниковой [1987, с. 139–140]. Добавим, что и в формовочных массах саргатских сосудов преобладает состав с песком и шамотом. Некоторые аналогии по формам нашей посуде можно усмотреть во всех основных типах мазунинско-бахмутинской керамики, однако состав теста (добавлен в основном мелкий песок) и декор существенно различаются, за исключением Чужьяловского городища, где орнаменты близки бакальским [Останина, 1997, табл. 30; рис. 50; с. 100]. По нашим наблюдениям при просмотре музейных фондов в Национальном музее Башкирии, значительное сходство по формам и декору устюжская керамика бакальского типа имеет с караякуповским типом посуды, особенно с Ново-Турбаслинского селища за 1958 г., где посуда также из теста с песком и шамотом. И в коллекции Караякуповского городища керамический материал близок по облику бакальскому, но там сосуды изготовлены из смеси с песком, шамотом и с обильной примесью органики, имеют пористую структуру. Караякуповская керамика с Таптыковского городища, Казанларовского-1, Бирского могильника, как нам кажется, демонстрирует самостоятельное дальнейшее развитие приуральской гончарной традиции — она становится стандартизованно тонкостенной, запесоченной, мелко декорированной с обилием ямочных поясов.

«Псевдокушнаренковская» группа на две трети представлена кувшинами (10 ед. из 16), остальные — тонкостенные маленькие горшочки (табл. 2). Среди тех и других встречаются плоскодонные и со слегка уплощенным дном формы. Ручки имелись только у 5 кувшинов (рис. 2). По составу теста эта группа керамики значительно отличается от других: формовочная масса в большинстве случаев, кроме мелкого песка, содержит жженую кость, поэтому сосуды тонкие и легкие. Однако есть и толстостенные и тонкостенные кувшины только с песком (4 ед.). Интересно, что по способу формовки посуда данного типа также несколько отличается от бакальской: емкости лепились из трех частей: тулово + днище + горловина, но округлую чашечку донца затем сплющивали. Один экземпляр изготовлен выбивкой из куса глины. Ряд кувшинов имеют валик в месте склейки горловины с плечиками. Почти все емкости тщательно заглажены и залощены. Технология орнаментации также специфическая: металлическим орнаментом, фигурным штампом, зубами мелкого хищника. Композиции нанесены только по шейке и плечикам, но мелкими, плотными рядами горизонтальных линий, зигзагов, решетки.

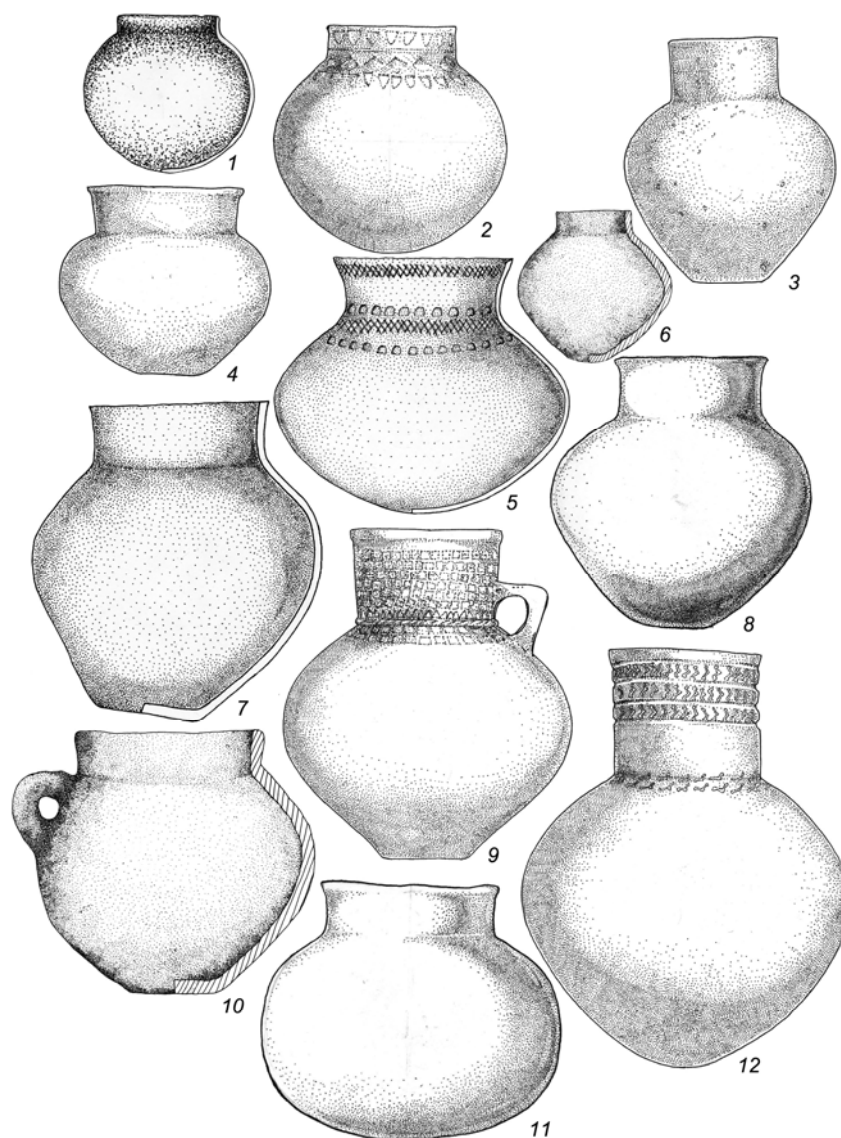
На основании применения жженой кости и формовки оригинальных узкогорлых кувшинов с ручками, а также декора металлическими орнаментирами, которые не находят аналогий в предшествующих и синхронных памятниках Тоболо-Ишимья, эту группу посуды следует признать импортной. Однако присутствующие в ней сосуды из запесоченного теста, без добавления кости, могли быть изготовлены на месте в районе Устюга-1 как подражание привозным: это широкая кружка с ручкой без орнамента из погр. 2 кург. 28 (рис. 2, 10), неорнаментированный горшок из погр. 3 кург. 35, кувшиновидный сосуд из погр. 2 кург. 14. Они могут происходить и с какой-то другой территории, где также были местными копиями импортных форм.

Поиск места происхождения технологии «жженой кости и кувшинных форм» затруднен отсутствием массовых определений состава формовочных масс в памятниках сопредельных территорий, но любопытно отметить, что эти приемы видим как исключение в саргатской культуре (табл. 3). Данное наблюдение может указывать на традиционный для региона южный источник заимствований, связанный с движением товаров по караванным путям из Средней Азии [Матвеева, 1997]. В частности, жженая кость как отошитель присутствует в одной из групп сарматской керамики Южного Приуралья и там также является чуждой чертой гончарства [Краева, 2008].

В джетыясарском регионе точных аналогий вышеописанным формам и технологии не имеется. Некоторое сходство обнаруживаем с посудой катакомбных могильников Средней Сырдарьи и предгорьев Каратау IV–V вв. н.э., где распространены закрытые баночки с наклоненной вовнутрь краиной, использовавшиеся как кружки, высокогорлые кувшины с узким дном, шаровидные горшки с петлевидной ручкой, расположенной на плечиках, там же встречены приемы насечения валиков при переходе от шейки к тулову, декорирование полый тростниковой трубкой [Нурмуханбетов, 1975, с. 109; Байпаков, Подушкин, 1989, с. 112, 114], однако там керамика преимущественно ангобированная.

«Псевдокушнаренковский» тип посуды

Шифр	форма	Состав	Конструирование	Поверхность	Орнамент
У1–28–75	Кувшин плоскодонный толсто-стенный с прямой высокой горловиной. Ручка утеряна	Г + ЖК + МП	Горловина сделана отдельно от тулова из двух лент, частично наклепленных друг на друга. Вторая лента использована для более надежной фиксации с туловом сосуда	Хаотично бороздящим инструментом — щепой (?). После этого слегка пролощили	—
У1–13/10–38	Кувшин толсто-стенный с прямой высокой горловиной, край слегка отогнут. Венчик уплощен. Ручка прямоугольная в сечении.	Г+ ЖК+ МП	Горловина изготавливалась отдельно от тулова, место ее крепления к тулову обозначено небольшим валиком	Внешняя заглажена и слегка залощена	По горловине и плечикам, ручке — ряды вдавлений фигурного штампа с неровным краем (возможно, фрагмент челюсти мелкого хищного животного)
У112–26 III	Горшочек с прямой, слегка отогнутой горловиной, венчик заострен	Г+ ЖК очень мало + ПР	Из трех отдельных частей: горловина, тулово, дно (в виде чашечки прикреплено к тулову)	Изнутри — следы щепы. Внешняя — залощена	—
У1–28–3	Кружка толсто-стенная с прямой низкой горловиной, край слегка отогнут. Венчик уплощен. Ручка, прямоугольная в сечении. По другую сторону от ручки - 2 отверстия. Дно уплощено	Г + МП	Горловина изготавливалась отдельно от тулова. Ручку крепили в последний момент	Внешняя — заглажена и слегка залощена	—
У1–28–287	Круглодонный кувшинчик, горловина прямая, край слегка отогнут. Венчик уплощен.	Г + ЖК	Горловина сделана отдельно и соединена с туловом, собранным из двух частей в месте максимального диаметра по тулову. Дно было округлым, затем его сплюснули	Внешняя — заглажена и слегка залощена	—
У1/4–09	Кувшинчик с прямой высокой горловиной. Венчик уплощен и орнаментирован по внешнему краю	Г + ЖК + П	Горловина изготавливалась отдельно, а затем соединялась с туловом	Заглажена и залощена	По горловине — четыре резные линии, между ними вписаны зигзаги
У1–35/II–71	Кувшин, горловина прямая, высокая, край слегка отогнут	Г + ПР много	Горловина изготавливалась отдельно, а затем соединялась с туловом	Заглажена и залощена, лощение производили по уже орнаментированной поверхности	Венчик — фигурным штампом; горловина — 4 резные линии, между ними 3 ряда вдавлений фигурного штампа, плечики — 2 ряда вдавлений
У1–34/II–66	Кувшин, горловина прямая, высокая край слегка отогнут. Венчик округлый	Г + ЖК + П	Горловина сделана отдельно от тулова. Тулово из двух частей. Дно в виде небольшой лепешки прилеплено с внешней стороны	Заглажена, не залощена	—
У1–35/II–68	Горшок плоскодонный, горловина прямая, невысокая, край слегка отогнут. Венчик округлый	Г+ МП+ ЖК	Горловина изготавливалась отдельно от тулова, затем к нему крепилась	Заглажена, затем слегка залощена	—
У1–35/II–72	Горшок шаровидный, горловина прямая, невысокая. Венчик округлый	Г + МП + Ш	Дно в виде чашечки крепилось отдельно	Изнутри и снаружи заглажена, но не залощена	Горловина и плечики — 2 ряда оттисков треугольного металлического штампа, шейка — ромбы в той же технике
У1–12/25–XLVII	Горшок с прямой низкой горловиной, венчик уплощен. Дно, плоское, скошенное на один край	Г+ КП + ЖК мало	?	Изнутри — следы работы щепой, внешняя сильно залощена	—
У1–35/II–75	Кувшин с ручкой прямоугольного сечения, с прямой высокой горловиной, край слегка отогнут. Венчик уплощен	Г + ЖК + МП	Горловина сделана отдельно, затем крепилась к тулову, ручка присоединялась в последний момент	Внешняя — заглажена и залощена	Горловина — ряды оттисков квадратного штампа, шейка — ряд оттисков треугольного штампа, плечики — 2 ряда квадратных оттисков. Ручка — оттиски треугольного штампа
У1–35/II–63	Кувшин с прямой высокой горловиной, край слегка отогнут, дно уплощено	Г + МП + ЖК	Горловина изготавливалась отдельно, затем крепилась к тулову	Заглажена и залощена в области горловины и плеч	—
У1–35/II–56	Горшок с прямой высокой горловиной, край слегка отогнут. Венчик округлый	Г + МП	Выбивка?	Внешняя — заглажена и залощена	—
У1–14–25	Фрагмент сосуда с высокой горло-виной и слегка отогнутым краем. Венчик уплощен	Г + МП	?	Заглажена, но не залощена	Пять резных горизонтальных линий и зигзаг между ними, небрежно
У1–12–25–XLVIII	Кувшин со слегка отогнутой, невысокой горловиной. Венчик приплюснут, с одной из сторон - ручка, прямоугольная в сечении	Г + МП	Горловина изготавливалась отдельно	Внешняя — заглажена и залощена	Венчик — семечковидные вдавления, частично затертые при лощении; горловина и плечики — сетка гребенчатым штампом (зубцы округлые в сечении) и ряд оттисков трапециевидного в сечении металлического штампа

Рис. 2. «Псевдокушнаренковский» тип посуды:

1 — У1/12-26-III; 2 — У1/11-35-72; 3 — У1/11-34-66; 4 — У1/11-35-68; 5 — У1/12-25-XLVIII; 6 — У1/10-28-287; 7 — У1/12-25-XLVII; 8 — У1/11-35-63; 9 — У1/11-35-75; 10 — У1/10-28-3; 11 — У1/11-35-56; 12 — У1/11-35-71

Важен вопрос: насколько близок данный тип керамики собственно кушнаренковской. Кушнаренковская культура, распространенная в бассейнах Камы и Белой на два века позднее, характеризуется тщательной выделкой посуды из хорошо отмученного теста с мелким песком, заглаживанием с водой и лощением, тонкостенностью, высококачественным обжигом [Мажитов, 1977, с. 60]. И хотя орнаменты нашей выборки находят в ней аналогии, но формы не тождественны. В приуральских комплексах преобладают плавно профилированные высокие или средних пропорций [Белавин и др., 2009, с. 145], в устюжском — с узкой высокой шейкой, резко переходящей в раздутое тулово (рис. 2). Промежуточных по хронологии комплексов между устюжским и приуральскими пока не известно, ближайший территориально Перейминский могильник синхронен ранним собственно кушнаренковским памятникам. Причем из найденных там 10 сосудов 5 ед. идентичны кушнаренковским по форме и декору — плоскодонные и круглодонные кувшины с шейкой раструбом, но происходят они из двух могил (погр. 7 и 8), причем находятся в изолированных от бакальских сосудов из курганных погребений комплексах. Поэтому предполагаем, что кушнаренковская гончарная традиция возникла около VI в. и имела общие с

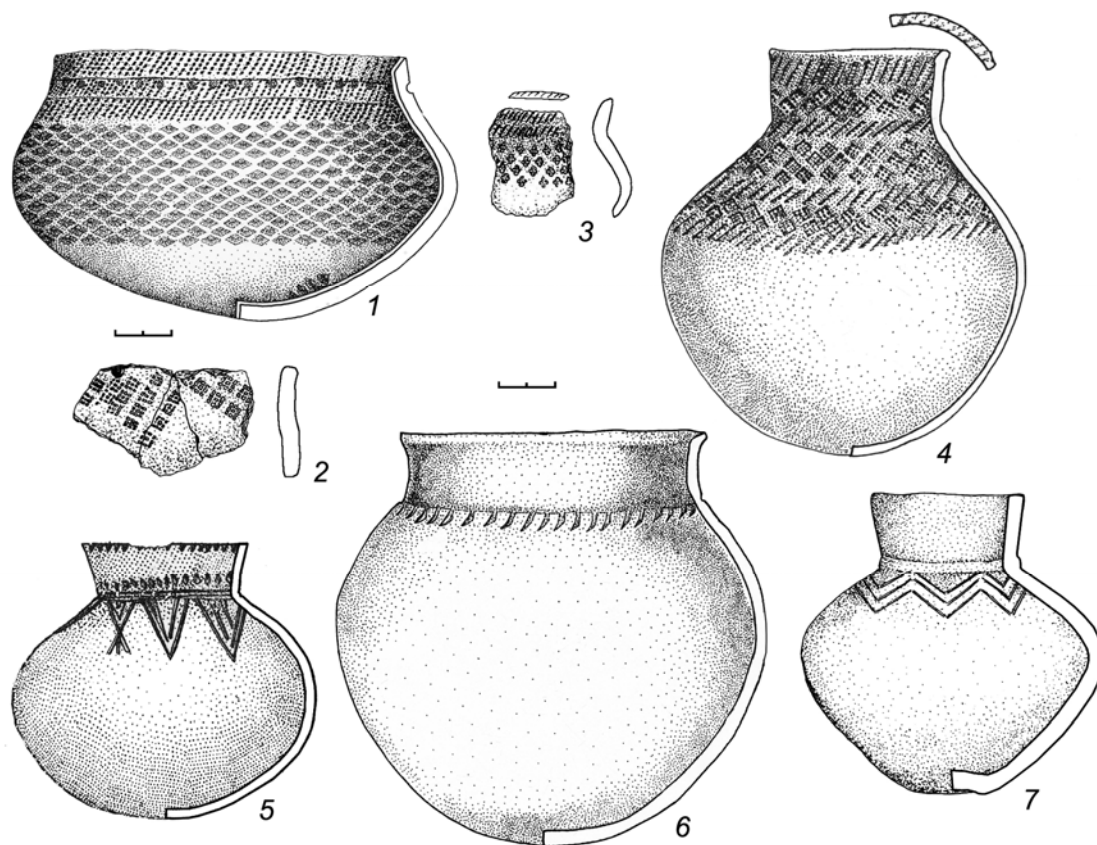
К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза...

устюжским комплексом прототипы. Устюжская выборка (табл. 2) мало похожа на мазунинско-бахмутинскую керамику, она скорее «среднеазиатская» по общему облику, чем приуральская. О формах посуды мазунинской культуры известно, что наряду с приземистыми горшками и чашами в коллекциях имеются единичные формы с ребром, ручками, плоским или круглым дном, орнаментированные в основном ямками [Красноперов, 2008, с. 57]. В состав их глиняного теста, кроме песка, входят раковина и растительность [Останина, 1997, с. 100].

Таблица 3

Саргатский тип керамики (III–II вв. до н.э.)

Шифр	Форма	Состав	Конструирование	Обработка поверхности	Орнамент
У1–29–IX	Кувшинчик, горловина прямая, высокая, узкая. Венчик уплощен	Г + КП (калиброванный)	Горловина изготавливалась отдельно от тулова, место ее крепления к тулову обозначено небольшим валиком	Заглажена и залощена. Обжигали в костре вверх дном	По плечикам свисающими треугольниками, выполненными в резной технике
У1–5/09–IX	Кувшинчик, горловина прямая, высокая, узкая, край слегка отогнут, венчик заострен	Г + МП + ЖК мало	Горловина изготавливалась отдельно от тулова, затем к нему крепилась	Внешняя — залощена. Горловина изнутри и снаружи — инструментом с мелкими зазубринами на конце	По внешнему краю венчика; по горловине — рядом треугольных вдавлений, по плечикам — свисающими резными треугольниками
У1–12–27/XXIX	Горшок с низкой горловиной. Венчик округлый, слегка отогнутый	Г + МП	Горловина крепилась к тулову с внутренней стороны, из-за чего на шейке есть небольшой карнизик	Внешняя — хаотично обработана по всей площади зубчатым инструментом	Внешняя поверхность сосуда хаотично обработана по всей поверхности зубчатым инструментом

Рис. 3. Керамика карымского (1–4) и саргатского (5–7) типов:
1 — КМ/07–110; 2 — КМ/10–18 3; 3 — КМ/10–18 1; 4 — У1/09–3 30; 5 — У1/09–5 IX; 6 — У1/10–29 IX; 7 — У1/12–27 XXIX

Карымский тип посуды, определенный как по формам, так и по декору, довольно хорошо представлен в коллекции Козлова Мыса-2 (рис. 3), там он составляет около 25 % всей посуды и содержится в одних и тех же могилах с бакальскими горшками [Матвеева, 2012в, табл. 6]. Кроме их совместного использования в быту, можно отметить один и тот же состав их теста — с разнокалиберным песком (табл. 1 и 4). Из-за малых размеров просмотренных целых экземпляров характер конструирования установить не удалось. Как нам кажется, карымское влияние на сложение бакальской керамической традиции обнаруживается в увеличении доли мисок по сравнению с предшествующим временем, а также появлении воротничков и карнизиков на венчиках, в декоре поясами ямок и наклонной гребенки. Утолщенные венчики вышеописанного вида предположительно возникли из-за дополнительного прилепа ленты по бортику, что ранее также было не известно в конструировании емкостей на лесостепной территории.

Несомненно влияние карымской фигурно-штамповой орнаментации на сложение кушнаренковских декоров, как уже отмечалось многими исследователями, при выразительном различии форм.

Таблица 4

Карымский тип посуды

Шифр	Форма	Состав	Поверхность	Орнамент
КМ-07/ 110	Миска с горловиной, слегка наклоненной вовнутрь. Венчик скошен вовнутрь, уплощен	Г + ПР + Ш	Внешняя — заглажена, не залощена, видны «расчесы» гребенкой	Венчик — семечковидными вдавлениями. Горловина и плечики — рядами отступающего 5-зубого гребенчатого штампа, округлыми ямками и двумя горизонтальными резными линиями. Тулово — ковровый орнамент оттисков фигурного штампа, ромбовидного в сечении и полого внутри. Этим же штампом орнаментирована центральная часть дна
КМ10/ 18-1	Сосуд с низкой слегка отогнутой горловиной. Венчик приострен	Г + ПР (много)	?	Изнутри — семечковидными вдавлениями. Горловина — 2 ряда отступающих вдавлений гребенки, по тулову — 4 ряда оттисков фигурного крестообразного штампа, смещенными друг относительно друга в шахматном порядке
КМ10/ 18-3	Фр. стенки сосуда	Г + П		Свисающими треугольниками, составленными из оттисков ромбического штампа

Таблица 5

Распределение указателей целых сосудов всех типологических групп по категориям размеров

	Очень малый	Малый	Средний	Большой	Очень большой
ФА	До 0,40	0,41–0,80	0,81–1,20	1,21–1,60	Свыше 1,60
Кол-во	0	1	14	6	5
ФБ	До 0,50	0,51–1,50	1,51–3,0	3,01–5,00	Свыше 5,00
Кол-во	22	4	0	0	0
ФВ	До 0,32	0,33–0,50	0,51–0,65	0,66–1,00	Свыше 1,00
Кол-во	0	10	10	6	0
ФГ	До 0,0	0,01–0,26	0,27–0,57	0,58–1,0	Свыше 1,00
Кол-во	3	4	2	6	0
ФД	До 0,50	0,51–0,85	0,86–1,15	1,16–1,50	Свыше 1,51
Кол-во	1	17	8	0	0
ФЕ	Свыше 2,00	1,01–2,00	0,51–1,00	0,26–0,50	До 0,25
Кол-во	0	0	19	6	0
ФЖ	До 0,25	0,26–0,56	0,57–1,00	1,01–1,50	Свыше 1,51
Кол-во	0	9	10	2	0
ФИ	Свыше 1,50	1,01–1,50	0,57–1,00	0,25–0,57	До 0,25
Кол-во	0	9	14	2	0

В целом, сравнивая способы формовки и составы глиняного теста посуды четырех типологических групп, следует сказать, что по технологии выделяются два массива: местная керамика с песком, а иногда с песком и шамотом, и привозная — со жженой костью. Причем в местную уже интегрировались заимствованные кувшиновидные и мисковидные формы вместе со способами их лепки, которые в саргатское время были крайне редки. Интересно, что местное население не восприняло фигурно-штамповые узоры. Они почти неизменными, как и в таежной зоне, присутствуют еще на посуде Козлова Мыса-2, но уже в сильно трансформированном виде эпизодически встречаются на «псевдокушнаренковской» части керамического комплекса Устю-

К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза...

га-1. Данный тип керамики, будь он гомогенным, следовало бы назвать «устюжским». Но до выяснения технологии изготовления и центров производства «гунно-сарматской» керамики Южного Урала [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 137, рис. 39] сохраняется вероятность встретить в этом степном массиве материалов сходные с нашими приемы гончарства.

Проделанный анализ подтверждает саргатское технологическое наследие в производстве лесостепной керамики эпохи раннего средневековья, а также показывает почти полную переработку таежного карымского культурного импульса. Кроме того, можно считать, что роль среднеазиатского (центрально-казахстанского?) компонента в формировании бакальской культуры уже в IV–V вв. была существенной. В дальнейшем к решению вопросов о количестве и датировке миграционных волн в Приуралье с востока, так интересующих большинство исследователей культурогенеза обсуждаемого периода, и роли в них бакальского населения и других групп кочевников следует, видимо, также привлечь данные по технологии гончарства и решать их при опоре на стратифицированные участки поселений из бассейнов рек Уфы и Сылвы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 160 с.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н. Б.* Угры Предуралья. Уфа: Изд. дом БПГУ, 2009. 286 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 173–192.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.
- Генинг В.Ф.* Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наук. думка, 1992. 188 с.
- Краева Л.А.* Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Красноперов А.А.* Погребальная керамика Прикамья пьяноборско-мазунинского времени // Культуры степей Евразии второй половины 1 тыс. н.э.: Тез. докл. Самара, 2008. С. 55–61.
- Карачаров К.Г.* Средневековье на Средней и Нижней Оби // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Ханты-Мансийск, 2010. С. 251–253.
- Матвеева Н.П.* О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. 1997. № 2. С. 63–77.
- Матвеева Н.П.* Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода о раннего к позднему железному веку в Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012а. № 4. С. 70–85.
- Матвеева Н.П.* Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 годов // Ab origine: Археолого-этногр. сб. Тюм. гос. ун-та. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012б. Вып. 4. С. 38–76.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012в. 178 с.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. Археолого-палеозоологическое исследование. Новосибирск: Наука, 2008. 228 с. (Древности Ингальской долины; Вып. 2).
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Маслюженко Д.Н.* Происхождение и ранний период эволюции бакальской культуры (не археологический взгляд на археологическую проблему) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западносибирской конф. Томск, 2005. С. 172–175.
- Нурмуханбетов В.Н.* Катакомбы Бориджарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 106–115.
- Овчинникова Б.Б.* О зауральских памятниках сылвенской этнокультурной области конца I — начала II тысячелетия нашей эры // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1987. С. 133–142.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. н.э. Ижевск: Удм. НИИЯЛИ УрО РАН, 1997. 328 с.
- Сальников К.В.* Исетские древние поселения // СА. 1956. XXV. С. 189–214.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–144.

Н.П. Матвеева, Л.С. Кобелева

Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Тр. III Всерос. археол. съезда. Вел. Новгород; Старая Русса, 2011. Т. 2. С. 112–113.

*Тюменский государственный университет
nataliamatveeva1703@yandex.ru

**Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
LilyaKobeleva@yandex.ru

The article considers questions of cultural genesis in the forest-and-steppe zone of the Urals and Trans Urals, following data of technological analysis regarding pottery from burial places of Kozlov Mys-2 and Ustyug-1 of IV–V cc. Following shapes and ornamentation of the pottery, subject to identification being 4 typological groups: the Sargatka, Karym, Bakal and «pseudo-Kushnarenkovo». Following composition of the molding compound, molding methods and surface treatment, one could trace two pottery traditions: local and foreign. The authors come to a conclusion on the Sargatka technological heritage in the Bakal pottery, a total transformation of the Karym taiga component, the availability of substantial Middle Asian superstratum, as well as the undoubted translation of these traditions from east to west together with migrant groups.

The Early Middle Ages, cultural genesis, the Bakal culture, the Sargatka culture, the Karym-like culture, the Kushnarenkovo-like culture, the Karayakupovo-like culture, pottery technology.

ГОРОДИЩА ЛЕСНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ — СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (опыт классификации и анализа в среде ГИС)¹

С.В. Берлина, В.М. Костомаров, Н.А. Попов

Представлены результаты использования методов ГИС при изучении городищ Зауралья. Выделено несколько типов городищ, соответствующих условиям географического расположения и соотносящихся с определенными культурными типами. Определены основные критерии сооружения городищ в данных локациях.

Городища, ландшафт, оборонительная архитектура, обороноспособность, ГИС, картография.

Укрепленные поселения являются одним из информативных археологических источников, содержащим данные по социально-экономическому и политическому развитию исследуемой территории. Однако получить эти сведения можно лишь при комплексном подходе. В настоящее время методика исследований предполагает длительные планомерные работы на одном памятнике и включает большое число естественно-научных методов, используемых для установления социально-экономического статуса поселения, датировки этапов его существования и архитектурных особенностей. Результатом подобных исследований, как правило, являются более полные сведения по экономике, конструктивным особенностям фортификационных и жилых сооружений, их эволюции в рамках одного объекта и абсолютному датированию. Однако при таком подходе полученные данные нередко оказываются оторванными от материалов всей совокупности памятников или делаются необоснованные выводы об уникальных особенностях изучаемого объекта. Так как раскопки фортификаций представляют собой трудоемкий процесс, то закономерно обращение исследователей при характеристике укрепленных поселений к их описанию и классификации по внешним признакам, включающим в себя обычно расположение на местности, конфигурацию фортификационных линий и размеры рвов и валов. Однако раскопки на памятниках показывают, что устройство внешне одинаковых фортификаций могло существенно различаться, и в то же время в отдельные эпохи фиксируются определенные традиции, схожие черты в их устройстве.

История изучения городищ лесной полосы Зауралья

История изучения укрепленных поселений Западной Сибири насчитывает не одно столетие. О подлинно научных исследованиях в привычном понимании можно говорить только со второй половины XIX в. До настоящего времени сохраняется ситуация, когда при организации полевых исследований приоритет отдается могильникам и селищам, так как качественное изучение остатков фортификационных сооружений является крайне трудоемким и длительным процессом. Однако длительное изучение поселений и могильников еще более актуализирует вопросы появления и генезиса укреплений, процесса урбанизации на территории лесостепи в период голоцена.

С «инородческими острожками» Сибири русские первопроходцы познакомились сразу после проникновения за Каменный пояс. Самые ранние научные сведения об археологических памятниках Зауралья можно найти в трудах ученых и путешественников XVIII–XIX вв. — академиком Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.И. Лепехина и пр. А.А. Спицыным в 1896 г. составлена специальная сводка городищ Зауралья.

Планомерное изучение укрепленных поселений раннего железного века начинается с работ К.В. Сальникова на городище Чудаки и В.Н. Чернецова на городище «Андрюшин городок» [Сальников, 1951; Чернецов, 1953].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 12-06-31005.

В число первых обобщающих работ по городищам раннего железного века входит исследование В.Е. Стоянова «Зауральские лесостепные поселения раннего железного века», в котором автор сделал попытку соотнести керамические комплексы и типы поселений, городищ на территории западно-сибирской лесостепи в зависимости от формы поселка [Стоянов, 1969]. Материалы раннего железного века обобщены в работах Л.Н. Коряковой, посвященных поселениям саргатской культуры, где высказана гипотеза о большем распространении мысовых городищ в Прииртышье и береговых в Притоболье [Корякова, 1984, 1988].

В 1980 г. полностью раскопаны фортификации городища Ак-тау в Приишимье, предложена их реконструкция [Хабдулина, 1993]. В 80–90-е гг. проводятся раскопки нескольких городищ эпохи поздней бронзы, раннего железа и средневековья (Абатское-6, Чудская Гора, Ефимово-1, Борковское-1, Павлиново, Рафайловское, Коловское, Красногорское и др.), на материалах которых в дальнейшем исследователи делали выводы о генезисе поселений и типах укреплений.

В 80–90 гг. вышел ряд работ Н.П. Матвеевой, посвященных городищам раннего железного века, в них приводятся материалы раскопок отдельных памятников и анализируется их расположение с выдвиганием гипотезы о возникновении городищ, подразделяемых на социально-экономические центры, форпосты освоения территории и центры-крепости раннепотестарного образования, вокруг которых в дальнейшем появлялись неукрепленные поселки [Матвеева, 1997, 2000].

Обобщающий труд с характеристикой планировки городищ и их расположения на местности вышел в 1994 г. в составе «Очерков культурогенеза народов Западной Сибири» (т. 1; авторы В.А. Борзунов, Л.Н. Корякова, В.М. Морозов и др.). В книге представлена эволюция укрепленных поселений указанной территории начиная с каменного века и заканчивая поздним средневековьем [Очерки..., 1994]. Одни из недавних работ, связанные с изучением укрепленных поселков Притоболья,— исследования О.Ю. Зиминной и В.А. Заха [2009], а также О.С. Сизова и О.Ю. Зиминной [2012].

О широком привлечении картографического материала при исследовании топографических особенностей расположения памятников можно говорить только с 60-х гг. XX в., когда появились массовые данные о их расположении и культурной принадлежности. Попытки анализа топографического распределения памятников саргатской культуры привели к заключению, что укрепленные поселения являются центрами освоенной территории [Матвеева, 1997] или располагаются гнездами в наиболее удобных местах [Очерки..., 1994]. К сожалению, отсутствие точных датировок не позволяет с большой степенью достоверности подтвердить или опровергнуть предложенные гипотезы. Трудность при этом представляет и наличие слабо изученных в археологическом отношении территорий.

В последнее время особый интерес вызывают исследования с целью установить функциональное назначение городищ. В качестве источников, как правило, выступает значительный пласт археологического и этнографического материала. Развитие ГИС-технологий позволило значительно повысить точность анализа.

Актуальность данного исследования заключается в применении принципиально новой методики. Другим немаловажным фактом является то, что с 1994 г. не было представлено ни одной обобщающей работы, посвященной укрепленным поселениям Тоболо-Ишимья, однако количество данных значительно выросло. Исследователями открыты и изучены городища иткульской культуры [Зимина, Зах, 2009], пополнились сведения о расположении баитовских крепостей, произведены раскопки на укреплениях ряда поселков [Цембалюк, 2009], увеличилось количество открытых саргатских городищ, имеются новые материалы и по крепостям средневековья: открыты памятники, изучены фортификации на городищах Усть-Терсюкском, Коловском, Коняшино-2, Криволукском, Черепаниха и др.

Источники, результаты исследования и интерпретация

В качестве источников нашего исследования выступают городища, всего статистически учтены данные около 200 крепостей эпохи бронзы — средневековья. Анализировались такие показатели, как гипсометрическое положение, положение на террасе-мысу, останце в пойме, форма фортификаций, их параметры, площадь городка, культурная принадлежность, время функционирования поселка, окружающий ландшафт, гидрологическая сеть. Из известных укрепленных поселений, датирующихся эпохой бронзы, переходным временем, ранним железным веком и средневековьем, лишь четверть памятников исследовались стационарно. Часто рас-

копки осуществлялись только на площадке городища, совершенно не затрагивая оборонительную линию. К сожалению, не все памятники удалось внести в базу данных ГИС, так как недостаточно информации для анализа и оценки параметров памятника и его географического положения, полнота сведений для отдельных объектов различается.

В ходе исследования был разработан классификатор параметров, характерных для каждой строки в базе данных ГИС, который напрямую отражает важные параметры при изучении городища как объекта историко-географического анализа. Помимо указанных географических и археологических параметров было важно наполнение, связанное с решением вопросов палеоэкономического характера. Это площадь городища и наличие селища, степень защищенности или системы обороны, все, что могло дать представление о геополитическом положении данного объекта на карте. ГИС построена на платформе QGIS 1.8, в некоторых случаях использовались модули программы SAGA, большинство выборок обрабатывалось языком запросов SQL, а также при помощи интегрированных модулей геостатистической обработки.

Хронологические рамки данного исследования определяются временем существования укрепленных поселений на территории Западной Сибири в целом и в частности на территории лесостепи и южной кромки тайги и началом освоения Сибири русскими. Полное прекращение традиции строительства укрепленных поселений в эпоху средневековья В.Н. Чернецов связывает с успехами русских первопроходцев и ликвидацией военной организации у местного населения [1937].

Обоснование термина «уровень обороноспособности» принадлежит А.В. Коробейникову [2006]. Это понятие включает в себя как фактор естественной защищенности местности, так и наличие искусственных оборонительных сооружений. Однако нами при учете географических особенностей расположения городищ уровень обороноспособности понимается как совокупность элементов, используемых для достижения максимальной неуязвимости и логистической доступности объекта. Совокупность анализа географических и ландшафтных показателей вкупе с изучением оборонительной архитектуры и особенностей материальной культуры строителей того или иного городка предполагает комплексный и многомерный подход, в том числе использование естественно-научных методов.

Таким образом, исследуемая выборка включает 174 объекта (рис. 1). Статистическое распределение городищ по признаку приуроченности к ландшафту следующее: мысовые — 54 %, береговые — 41 %, остальные — объекты, расположенные в высоких поймах и на останцах, т.е. городища располагались как на высоких береговых террасах, так и на пойменных останцах.

Говоря об особенностях регионального расположения городищ в долинах Тобола и Ишима, нужно подчеркнуть их различие как в гипсометрическом, так и в ландшафтном отношении. Группа памятников Притоболья располагалась и непосредственно на невысоких террасах, в так называемых высоких поймах, и на коренных надпойменных террасах. В Приишимье же подавляющее большинство городищ находится на высоких коренных террасах, реже — на береговых террасах. В силу достаточно ровной поймы Ишима и его гидрологической сети памятников с укреплениями в ней отмечено крайне мало.

Если рассматривать операции с выборками объектов по эпохам, то результаты демонстрируют преобладание памятников эпохи раннего железа (72 ед.), менее представлены памятники раннего средневековья (35 ед.), памятников эпохи бронзы наименьшее количество (12 ед.), часть объектов соотносится с культурами переходного периода от бронзы к железу (18 ед.).

В классификации присутствуют многие варианты организации систем оборонительных укреплений, однако их можно разделить на две основные группы — простые укрепления (ров — вал, просто ров или вал) — 62 %; вариативные подходы к организации в обороне, включающие в себя множество комбинаций организации архитектурных форм для защиты: наличие башен, выступов, изгибов, — 20 %.

Таким образом, проведя анализ средствами ГИС, мы можем выделить несколько особенностей-закономерностей в расположении городищ и укрепленных поселений в лесостепной полосе Тоболо-Ишимья. Несмотря на наличие бархатовского слоя на многих городищах, раскопками не установлена конкретная принадлежность оборонительных сооружений к этой группе населения. Скорее всего, эти поселки были укреплены с использованием естественных ландшафтных особенностей территории. Целенаправленное использование территорий как площадки для сооружения именно городища в эпоху бронзы характерно в большей степени для сузгунского населения, которое оставило однослойные городища.

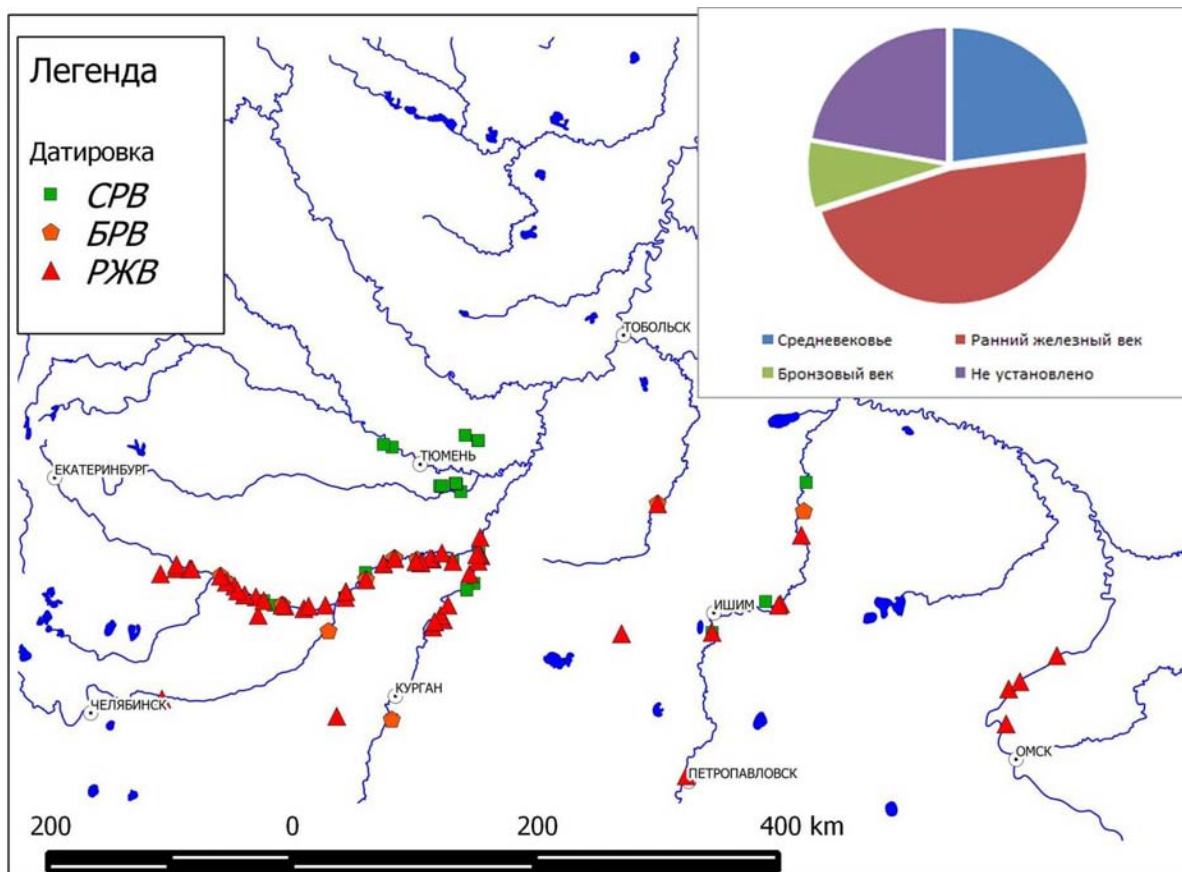

Рис. 1. Распределение городищ лесного Тоболо-Ишимья по эпохам

При картировании нам удалось выделить участки скопления городищ, при этом следует отметить, что они зачастую разновременные, имеют различную конфигурацию и систему обороны. Мы не можем пока в полной мере поддержать гипотезы о появлении городищ в местах наиболее важных экономических путей или как политических центров-форпостов освоения территории. Данные факторы обуславливали локацию лишь опосредованно. Логистический анализ показывает, что многие из городищ были труднодоступны со стороны пойм, но весьма уязвимы с ровных площадок, некоторые из них расположены в непроходимых местах. То есть фактор безопасности и пригодности естественного рельефа был ведущим в выборе места и формы городищ. Поэтому мы часто встречаем городища, на которых обнаружены артефакты многих культур в широком хронологическом диапазоне. Тенденция сооружать городища в одних и тех же местах наиболее полно иллюстрируется расположением городищ эпохи раннего средневековья и переходного периода от бронзы к железу. Немаловажно в данном случае и то, что, согласно реконструкции, климатические характеристики в эти эпохи практически совпадают [Зах и др., 2008, рис. XXI]. Возможно, экологический, а именно климатический, фактор повлиял на создание городищ в этих местах в различные хронологические отрезки с идентичными климатическими показателями. Также нельзя отрицать и сходные процессы в культурогенезе в эти периоды, когда под влиянием изменения климатической обстановки появляются группы населения (преимущественно северные красноозерские в финале эпохи бронзы, карымские в раннем средневековье), которые активно участвовали в ассимиляции местных групп.

Была проанализирована и система телекоммуникации, т.е. возможность сигнализации о нападении другим поселкам. Построенные вектора прямой видимости в совокупности с анализом гипсометрии показали, что в большинстве случаев население городищ могло создавать цепь оповещения. В рамках гипотезы принимаем, что это могло быть дымовое сообщение. Но

так как процент изученных и датированных объектов несоизмерим с общим количеством памятников, пока рано говорить об одновременно существовавшей цепи поселков.

В целом ГИС-анализ позволил выделить наиболее вероятные признаки территорий, на которых располагались городища: в первую очередь это места с хорошей дренажной системой, как правило, с высокими гипсометрическими отметками. При этом городище не всегда оказывается на выгодных путях сообщения. Выдвинутая ранее гипотеза о городищах как политических и экономических центрах отчасти имеет подтверждение, однако требует дополнительной верификации в рамках дальнейших исследований культур эпохи раннего железа с использованием сопутствующих модулей, рассчитывающих расстояния от объекта, с учетом поставленного алгоритма обработки рельефа и естественных преград. Однако мы не выявили каких-либо культурных особенностей в выборе места расположения городищ. Все эпохальные и культурные отличия в большей степени увязаны с изменениями в климатической обстановке, смене режимов увлажнения. Поэтому пока на основе использованной нами выборки можно говорить о преобладании утилитарного фактора (близость воды, экологическая емкость территории, наличие ресурсов) над культурно-идеологическим или социально-политическим при постройке городища, выборе места для него. Полагаем, отдельные поселения постепенно трансформировались в городища, последние же выросли впоследствии в крупные социальные центры исходя из позиций доступности и возможностей обмена-управления, а не строились таковыми изначально.

Количество городищ эпохи бронзы в лесостепной полосе невелико, все они относятся к бархатовской или сузгунской культуре. В Притоболье для городищ бархатовского населения характерно расположение на коренных или вторых надпойменных террасах, окруженных открытым пространством с просматриваемой площадкой и достаточно высоким подъемом на террасу. Основное расположение городищ — в нескольких сотнях метров от основного современного русла реки. При этом у подножия террасы наблюдается водоем в виде болота или протоки.

Оценивая городища переходного периода от бронзы к железу в Тоболо-Ишимье, мы опирались на ранее представленные исследования по иткульской культуре в Притоболье [Зими́на, Зах, 2009; Сизов, Зими́на, 2012]. Для Приишимья анализировалось расположение памятников переходного периода, оставленных носителями красноозерской культуры. Установлено, что в данный период известны памятники, обладающие признаками оборонительных сооружений, но полноценными городищами их назвать нельзя.

В эпоху раннего железа городище — уже неперменный тип поселения любой культуры. Если оценивать количество городищ в общей выборке, то оно самое внушительное — 72 ед. (бронзовый век — 12 ед., средневековье — 35 ед.). Саргатская культура наиболее изучена в регионе, и ряд исследователей связывают увеличение количества городищ и расцвет эпохи военной опасности именно с нею, хотя, как показывает статистический анализ, данная гипотеза не имеет прочных оснований. Распределение количества городищ по культурам раннего железного века показало, что соотношение городищ в Притоболье следующее: байтовских — 15, гороховских — 20, саргатских — 18. В данные группы попали однослойные городища либо объекты, на которых присутствуют культурные слои различных эпох; объектов со смешанными культурными слоями раннего железа — 29 ед. (рис. 2).

Таким образом, проанализировав распространение и расположение городищ эпохи бронзы — средневековья на территории лесостепного Тоболо-Иртышья, можно выделить следующую тенденцию. На расположение городищ и их форму большое влияние оказывали природные факторы — либо смена климата, либо насыщенность территории ресурсами. Поэтому в эпоху бронзы укрепления сосредоточивались на высоких мысах-террасах, в переходный период большая часть их расположена на останцах; по форме преобладают округло-овальные городки. Эта тенденция прослеживается и на протяжении всего раннего железного века: крепости на останцах широко распространены в байтовской, кашинской, гороховской и саргатской культурах. В этот период появляются крепости на мысу со сложными укреплениями, выступами-башнями и т.д. В эпоху средневековья происходит общее усложнение фортификаций, однако отмечаются городища как мысовые, так и расположенные на останцах.

Скорее всего, определяющим фактором при выборе формы укреплений были условия местности и соображения экономии трудозатрат на их возведение, в частности — длина фортификаций. При изучении укреплений городищ, на которых производились раскопки, было установлено, что разные типы стен: и в технике заплота, и плетневые, и частокол — фиксировались

на городищах обоих типов, т.е. нет зависимости между формой городищ и характером укреплений, а также расположением их на местности.

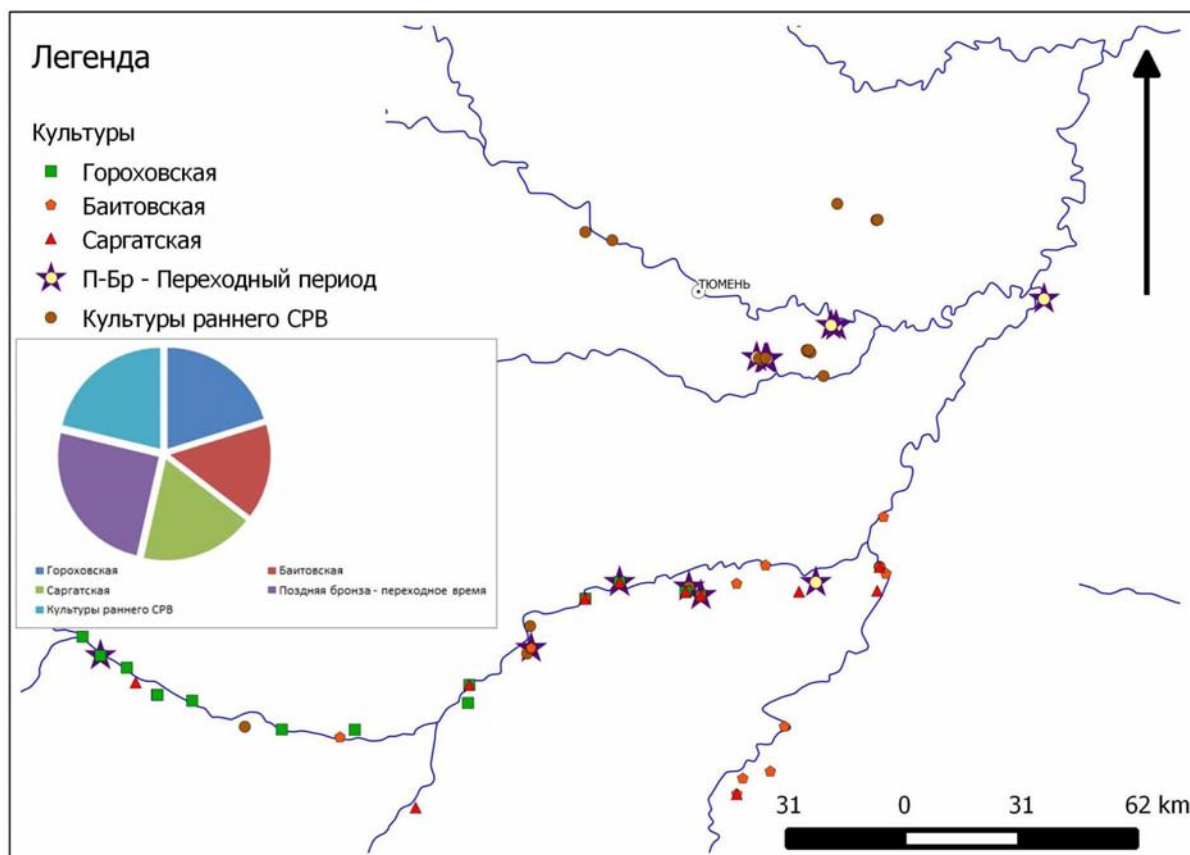

Рис. 2. Распределение городищ по культурам и хронологическим периодам в Притоболье

Архитектурные особенности укреплений городищ

Ввиду того что городища финала эпохи бронзы и переходного периода изучались единично, есть информация лишь об отдельных объектах сузгунской культуры, красноозерской и иткульской культур переходного времени от бронзы к железу. Для позднебронзовых городищ отмечаются не выраженные линии обороны, одна площадка, отсутствие селища и малая площадь. Есть некоторые особенности, которые нашли продолжение в культурах переходного времени в Приишимье, где красноозерские коллективы переняли позднебронзовые традиции техники сооружения укреплений. Наоборот, в Притоболье структура и облик городищ меняются. Иткульские поселки округло-овальной формы, укрепления, судя по невысоким широким валам и мелким рвам, редко встречающимся уголькам и ямкам, были легкие, каркасные — вероятно, плетни.

Фортификации баитовской культуры изучались на городище Лихачевское в Приишимье, Боровушка и Увал в Притоболье. Фортификации раннего этапа на основании небольших канавок по периметру или ямок от столбов, угольков в насыпи реконструируются как изгороди из частокола, плетней вокруг жилой площадки, некоторые из них могли и не выполнять оборонительной функции, а ограждали от зверей. Для более позднего этапа фиксируются усложнение и усиление фортификаций (V–IV вв. до н.э., Баитовское, Большой Имбиряй 3), выраженное в увеличении валов, где фиксируются остатки деревянных конструкций, и рвами [Цембалюк, 2009]. Усиление оборонительной линии достигалось за счет увеличения глубины рва и высоты вала, поверх которого, вероятно, устанавливались уже известные частоколы и плетни.

Городище гороховской культуры известно около 20, они также делятся на мысовые и береговые. Зафиксированы городища простые — округлых форм и сложные: многогранных форм, с

выступами, бастионами, сложными входами (Чудаки, Марьино ущелье 4, Ильтяково, Павлиново и др.) [Матвеева, 2000; Борзунов, 2002]. Раскопки проводились на городищах Чудаки, Мало-Казахбаевское, Марьино ущелье 4, Павлиново: установлено устройство частоколов с хорошо углубленным основанием, клетей, башен, выступов, акцентировалось применение дерева в строительстве.

Исследованы оборонительные линии ряда саргатских городищ: Инберень-4 [Корякова, Стефанов, 1981], Розаново [Генинг, Зданович, 1965], Ак-Тау в Приишимье [Хабдулина, 1993], Коловском городище [Матвеева и др., 2008], Павлиново [Среда, культура, общество..., 2009] и Рафайлово [Матвеева и др., 2005] в Приисетье. Реконструкции по материалам изученных памятников позволяют говорить о наличии в оборонном строительстве частоколов, плетней, стен, сложенных в пазово-шиповой технике, укреплении стенок рва деревом для увеличения мощности и высоты вала [Берлина, 2010, с. 16].

Таким образом, видим усложнение фортификационного зодчества от простых легких ограждений у носителей байтовской культуры к более сложным оборонительным системам V в. до н.э., времени появления носителей саргатской и гороховской культур. Наряду с продолжением традиции сооружения округлых крепостей наблюдается широкое распространение мысовых городищ, где активно используется естественная защищенность местности. При этом прослеживается тенденция не только к общему усилению фортификаций, но и к усложнению их строения: появляются двух-, трехплощадочные городища, различна форма оборонительных линий — от простых прямых до сложных, с выступами, башнями, отмечается поиск новых форм, комбинаций известных элементов, конструкций для усиления общей обороноспособности. Изменяется вид памятников — от простых мысовых к сложным двух-трехплощадочным.

В средневековье фиксируются сложные деревоземляные конструкции, по исследованным памятникам (Большое Бакальское, Усть-Терсюкское, Коловское, Красногорское и др.) реконструируется сооружение клетей, тарас в устройстве вала, изменяются и формы фортификаций — широкое распространение получают бастионы, башни.

Оценивая объективно строение фортификаций, следует отметить, что многие городища не могли выдерживать какую-либо длительную осаду, особенно если на их территории не было источников воды. Кроме того, все фортификационные сооружения были сильно уязвимы в отношении пожара.

Что касается выводов по поводу хронологического развития форм фортификаций в культурах, констатируем, что уровень изученности остается низким. Даже на тех памятниках, где производились раскопки, авторам не всегда удается датировать продолжительность бытования поселений и этапы фортификационного строительства.

Оценивая поселения комплексно, следует учитывать еще один факт. За пределами укрепленной площадки обычно функционировали селища, при этом жилая застройка подходила вплотную к фортификациям, или же селища располагались на соседних мысах. Поэтому либо население скрывалось в крепости в момент опасности, бросая свои дома и пожитки, либо угроза нападения была не столь серьезной.

Выводы

Таким образом, при изучении местоположения и структуры городищ средствами ГИС установлено, что определяющим фактором при их создании были благоприятные географические условия, экологическая емкость территории. Наблюдается постепенное усложнение оборонительных линий: увеличение параметров валов и рвов, усложнение деревянных конструкций от эпохи бронзы к средневековью, но эти изменения носили эволюционный, эпохальный характер — не обнаружено зависимости вида укреплений от месторасположения городища и формы укреплений. В раннем железном веке по сравнению с предыдущими и последующими эпохами количество городищ возрастает, однако, учитывая достаточно долгий временной промежуток и разнообразие культурных групп на территории Тоболо-Ишимья, следует отметить, что на протяжении всех эпох количество городищ варьируется в небольшом интервале и не прослеживаются пики развития строительства укрепленных объектов. Методы ГИС-анализа позволяют по-новому оценить развитие процесса урбанизации в Сибири в эпоху голоцена и скорректировать выводы по отдельным эпохам, поэтому работа в данном направлении будет продолжена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берлина С.В.* Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.
- Борзунов В.А.* Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б.* Отчет о раскопках Розановского городища на р. Иртыш, произведенных Уральской археологической экспедицией в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3152.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е. и др.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зимица О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Коробейников А.В.* Новый Иднакар: Очерк историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2006. 246 с.
- Корякова Л.Н.* Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 61–79. (ВАУ; Вып. 17).
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. 239 с.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И.* Городище Инберень IV на Иртыше // СА. 1981. № 2. С. 178–196.
- Матвеева Н.П.* Система расселения племен раннего железного века западносибирской лесостепи // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр. Тобольск, 1997. С. 64–65.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке: (Лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с. (Древности Ингалской долины: Археолого-палеоэкологическое исследование; Вып. 2).
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чукунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири: (Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск, 1994. 485 с.
- Сальников К.В.* Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // КСИИМК. 1951. Вып. 19. С. 88–96.
- Сизов О.С., Зимица О.Ю.* Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н.э.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 4 (19). С. 150–159.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э.:* (По материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин и др. Екатеринбург; Сургут: Маггелан, 2009. 298 с.
- Стоянов В.Е.* Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 52–61.
- Хабдулина М.К.* Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 112–143.
- Цембалюк С.И.* Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 57–64.
- Чернецов В.Н.* Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) // СА. 1937. Вып. 3. С. 254–255.
- Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.

Тюмень, ИПОС СО РАН
svb82@mail.ru
vkostomarov@yandex.ru
katuschka_z@mail.ru

The paper presents approbation results regarding investigation methods of fortified settlements from Trans Urals using GIS methods. Following the analytical results, subject to identification being several types of fortified settlements corresponding to conditions of geographical location, and correlating with certain local types. The authors select basic criteria determining a construction of fortified settlements in certain locations.

Fortified settlements, landscape, defense architecture, defense potential, GIS, cartography.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА¹

Н.Н. Серегин

Представлены результаты изучения специфики детской погребальной обрядности, получившей распространение у раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий. Определены общие и особенные характеристики захоронений умерших данной возрастной группы, выявлена социальная дифференциация по археологическим материалам. Выводы, полученные в ходе изучения погребальных комплексов, дополнены сведениями письменных источников.

Раннесредневековые тюрки, Алтае-Саянский регион, детские захоронения, погребальный обряд, социальный анализ, письменные источники.

Введение

Значительные возможности для реконструкции различных аспектов культуры древних и средневековых обществ дает анализ материалов раскопок детских погребений. Такие объекты не только отражают статус представителей данной возрастной группы в конкретном социуме, но и нередко демонстрируют специфику мировоззрения, общественной организации, а также некоторые элементы демографической структуры населения, оставившего памятник. К примеру, отмечено, что распространение «богатых» детских захоронений является одним из свидетельств иерархического характера социума. Большой интерес для реконструкции отдельных аспектов мировоззрения и обрядовой практики представляют известные для многих древних и средневековых культур захоронения на территории поселений, традиция создания отдельных кладбищ для детей, ритуальные погребения младенцев в фундаменте крепостей, отдаленные скальные объекты и др. Очевидно, что необходимо специальное изучение таких памятников с привлечением всех имеющихся источников и материалов. В настоящей статье приведены основные результаты анализа и интерпретации детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона.

В отечественной археологии долгое время отсутствовал устойчивый интерес к исследованию специфики детских погребений и реконструкции различных аспектов положения представителей данной возрастной группы в обществе. Вместе с тем имелись работы, в которых изучались отличительные характеристики подобных объектов [Молодин, 1984; Троицкая, 1989; и др.], Гораздо более последовательный интерес к обозначенным вопросам наблюдается в западной историографии [Берсенева, 2010, с. 108–109]. Во второй половине 1990-х — 2000-х гг. отчетливо отмечается положительная динамика в этом отношении и в работах отечественных специалистов. В эти годы вышла целая серия публикаций, посвященных проблемам интерпретации детских погребений и различным вопросам социально-демографических и мировоззренческих реконструкций на основе анализа материалов раскопок таких объектов [Полищук, 1999; Боброва, Торощина, 2001; Матренин, 2004; Ражев, Епимахов, 2004; Ковалевский, 2009; Мишина, 2010; Стоянова, 2012; и мн. др.]. Эти и другие многочисленные работы, весьма ценные как с точки зрения объективной реконструкции истории конкретных обществ, так и в плане усовершенствования методики подобных исследований, позволяют рассчитывать на дальнейшее повышение уровня осмысления вопросов в указанной области.

Степень изученности особенностей детской погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона в целом соответствует обозначенным выше тенденциям. Долгое время такие объекты не являлись предметом специального исследования. Некоторые характеристики половозрастной дифференциации по материалам памятников рассматриваемой территории второй половины I тыс. н.э. отметила Г.В. Длужневская [1976]. По мнению исследо-

¹ Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири, мероприятие «Конкурс грантов» (№ 2013.312.2.51).

вателя, детские захоронения от могил взрослых людей отличает, в частности, наличие одного стремени вместо двух [Длужневская, 1976, с. 194, 196].

Отдельные замечания о специфике детских погребений раннесредневековых тюрок встречаются в публикациях, посвященных введению в научный оборот результатов полевых исследований. А.Д. Грач [1960, с. 71], подводя итоги рассмотрению материалов комплекса Мойгун-Тайга, отметил, что зафиксированная на данном памятнике традиция сопроводительного захоронения овцы связана с символической «заменой» лошади. В последующие годы к этой точке зрения присоединились другие археологи [Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 65; Худяков, 2004, с. 48; и др.], объясняя «замену» лошади на овцу в погребениях детей и подростков именно возрастом умерших, которые не являлись полноправными членами социума. Г.В. Кубарев [2005, с. 22] обратил внимание на малое количество детских погребений раннесредневековых тюрок и подчеркнул высокую степень вариативности и неустойчивости норм обрядности для таких объектов. В особую группу памятников исследователь выделил детские скальные захоронения, отметив распространение традиции сооружения подобных объектов в рассматриваемом регионе в этнографическое время.

Общая характеристика детских погребений раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона была представлена в одной из публикаций автора настоящей статьи [Серегин, 2011]. Последующая разработка данной тематики позволила существенно расширить и скорректировать имеющиеся наблюдения.

Источники и материалы

Нет сомнений, что фрагментарность разработок по различным аспектам исследования детских погребений раннесредневековых тюрок в значительной степени связана с ограниченностью источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователей. Анализ материалов раскопок погребальных комплексов на территории Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий позволил выделить менее 40 разного рода объектов, связанных с захоронением представителей рассматриваемой возрастной группы. Значительная часть детских погребений исследована в Минусинской котловине, остальные памятники обнаружены на территории Алтая и Тувы.

Обращает на себя внимание немногочисленность рассматриваемых памятников, составляющих всего около 12 % от общего количества известных погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (более 350). При этом данная ситуация не уникальна. Низкий процент детских захоронений отмечен в ходе исследования памятников целого ряда обществ древности и средневековья [Берсенева, 2010, с. 108]. Особенно это характерно для кочевых социумов, отличающихся высокой степенью подвижности [Балабанова, 2009, с. 83–84]. Однако, судя по имеющимся данным, основным объяснением зафиксированной ситуации является специфика похоронной обрядности населения тюркской культуры, более подробно представленная ниже. Несмотря на обозначенные обстоятельства, известным образом ограничивающие возможности исследования, накопленные материалы позволяют не только представить общую характеристику детских захоронений, но также дают возможность для рассмотрения семантики объектов и определения направлений их дальнейшего изучения.

Анализ археологических материалов

Исследование основных характеристик погребальных сооружений и ритуала раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона продемонстрировало возможность выделения нескольких групп детских захоронений.

Первая группа, наиболее многочисленная (20 погребений), представлена объектами, создание которых предполагало сооружение отдельной курганной насыпи, под которой находилась одна могильная яма (рис.). Специфика погребального ритуала позволяет обозначить в рамках первой группы три варианта реализации данного компонента обрядовой практики:

1) детские захоронения в сопровождении лошади (4 объекта): Аргалыкты VIII (курган № 2), Кара-Тал IV (курган № 4), Даттыг-Чарыг-Аксы (курган № 2), Джолин-III (курган № 2) [Трифонов, 1967, 1968, 1975; Кубарев, 2005];

2) детские захоронения в сопровождении овцы (11 объектов): Монгун-Тайга-57-XXXVI, Кырлык II (курганы № 2, 4), Перевозинский чаатас (курганы № 79, 94), Тепсей III (курганы № 15, 19,

Детские погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона...

32, 50), Капчалы II (курганы № 10, 17) [Левашова, 1952; Грач, 1960; Грязнов, Худяков, 1979; Бородаев, Мамадаков, 1985; Худяков, 2004];

3) «одиночные» детские погребения — без сопроводительного захоронения животного (5 объектов): Кара-Тал III (курган № 4), Аймырлыг XX (курган № 14), Катанда III (курган № 7), Белый Яр II (курган № 5), Усть-Чоба I (курган № 3) [Трифонов, 1968; Мамадаков, Горбунов, 1997; Поселянин и др., 1999; Соловьев, 1999; Овчинникова, 2004].

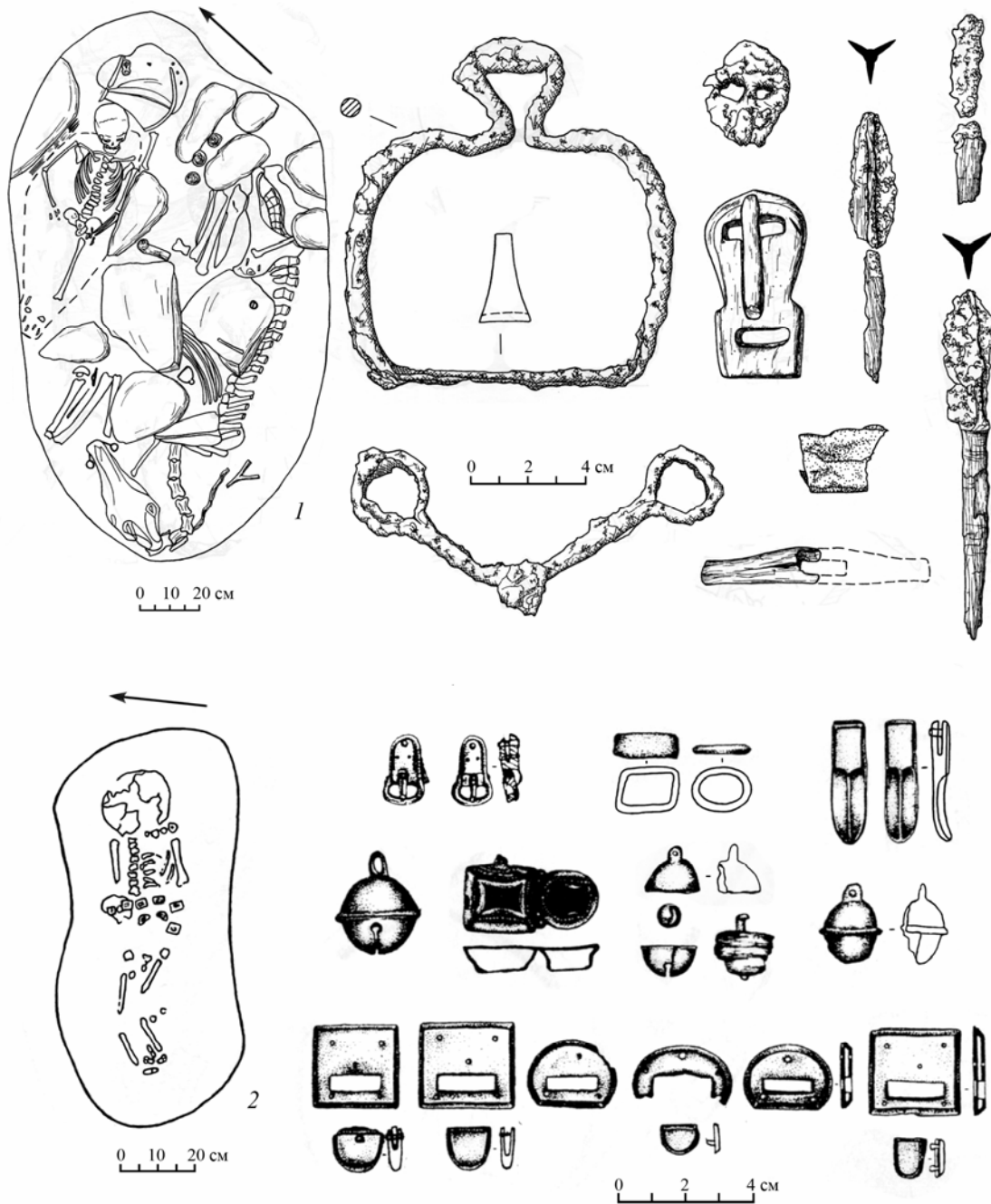
Ко **второй группе** отнесены детские погребения раннесредневековых тюрков, отличительной характеристикой которых является расположение рассматриваемых объектов под одной курганной насыпью с другими захоронениями. При этом в ряде случаев отмечено присутствие специальной надмогильной конструкции в виде небольшой кольцевой выкладки, перекрытия и др. Погребения данной группы (11 объектов) исследованы только на некрополях Минусинской котловины: Белый Яр II [Поселянин и др., 1999], Тепсей III [Грязнов, Худяков, 1979]. К данной группе также следует отнести детское впускное погребение, исследованное при раскопках кургана № 3 могильника Кирбинский Лог [Савинов и др., 1988], под насыпью которого находились и другие захоронения.

Третья группа включает погребения детей, совершенные в одной могиле со взрослым человеком. Такие объекты раскопаны на некрополях Алтая, Тувы и Минусинской котловины: Белый Яр II (курган № 7, мог. 4, захор. 1); Бийке IV (курган № 1), Кара-Коба I (курган № 47), Кудыргэ (курган № 4), Улуг-Хову (курган № 54) [Гаврилова, 1965; Кызласов, 1979; Могильников, 1990; Поселянин и др., 1999; Семибратов, Матренин, 2008]. Материалы раскопок обозначенных объектов показывают, что чаще всего ребенок был просто положен рядом со взрослым человеком. При этом в двух случаях останки детей помещены в специальный берестяной туесок. Интересно, что рассматриваемые захоронения зафиксированы как в женских, так и в мужских погребениях.

К **четвертой группе** отнесены немногочисленные скальные захоронения: Юстыд [Кубарев, 2005], Каменный Лог [Соенов и др., 2002]. **Пятая группа**, выделенная на основании материалов только одного памятника, включает детские погребения, совершенные в межкурганном пространстве. Такие объекты зафиксированы в ходе раскопок на комплексе Урочище Балчиова III [Шульга, Горбунов, 2002].

По имеющимся материалам тюркской культуры представляется возможным определить стандарт погребального обряда детей, характерный для значительного количества рассмотренных объектов. Он предполагал: 1) возведение наземной конструкции в виде небольшой курганной насыпи; 2) захоронение в неглубокой могильной яме; 3) отсутствие сопроводительного захоронения лошади, в ряде случаев «замененной» на овцу; 4) ограниченный набор сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Такие характеристики погребального обряда в разном сочетании зафиксированы при исследовании большинства объектов рассматриваемой серии. Имеющиеся отклонения, отмеченные в ходе раскопок остальных памятников, демонстрируют вариабельность обрядовой практики раннесредневековых кочевников.

Представленный стандарт погребального обряда детей демонстрирует высокую степень схожести основных показателей с традициями, присущими взрослому населению общества раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Так, не наблюдается существенных расхождений в характеристиках наземных и внутримогильных сооружений. Погребальные конструкции детских захоронений даже выделяются своим разнообразием: каменный ящик, колода, каменная, грунтовая или деревянная перегородка, подбой, приступка, берестяной туесок и др. Вместе с тем достаточно четко фиксируются и отличительные признаки. Относительным показателем детских погребений являются уменьшенные по сравнению с захоронениями взрослых людей параметры наземных и внутримогильных сооружений. Кроме того, возрастная дифференциация общества тюркской культуры получила отражение в таких элементах ритуала, как вид и количество захороненных животных, сопровождавших умершего человека. Лошадь присутствовала только в четырех детских погребениях, в то время как в могилах взрослых наличие животного — стандартный показатель. Более чем в половине детских погребений животное отсутствовало. В 11 случаях зафиксирована символическая «замена» лошади на овцу. Подобный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Минусинской котловины.

Рис. Детские погребения раннесредневековых тюрок:
 1 — Джолин III, курган 2 (по: [Кубарев, 2005, табл. 67–68]);
 2 — Катанда-3, курган № 7 (по: [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI])

Наиболее существенным признаком, отличающим детские погребения раннесредневековых тюрок, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Основная характеристика захоронений представителей данной возрастной группы — редкость или отсутствие большинства категорий предметного комплекса, распространенных в могилах взрослого населения. Чаще всего в погребениях детей находят ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений какие-либо вещи отсутствовали.

Детские погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона...

Своеобразными вариантами оформления детских погребений раннесредневековых тюрков являются захоронения в межкурганном пространстве, а также скальные объекты. Фиксация таких комплексов и немногочисленность «стандартных» памятников, связанных с представителями рассматриваемой возрастной группы, дают основания для утверждения о том, что захоронение далеко не всех умерших детей предполагало реализацию всех традиционных норм обрядовой практики. Не исключено, что определенная часть детских погребений еще не известна в связи с несовершенством методики раскопок (неполнотой исследования межкурганного пространства), а также очевидной сложностью обнаружения скальных объектов. Следует признать, что предположение о связи незначительного количества детских захоронений раннесредневековых тюрков с тем, что далеко не для всех умерших сооружался «стандартный» погребальный комплекс, является лишь гипотезой, требующей подтверждения в ходе дальнейших археологических исследований.

Итак, материалы раскопок детских погребений раннесредневековых тюрков, несмотря на их немногочисленность, демонстрируют определенный уровень варибельности признаков, обусловленных, судя по всему, как возрастными и индивидуальными особенностями, так и заметной социальной дифференциацией внутри данной группы.

Социальная дифференциация в материалах детских погребений

Известно, что материалы детских захоронений отражают социальную дифференциацию общества весьма опосредованно [Алексин, 1981, с. 6]. Данное наблюдение нашло подтверждение и в ходе социальной интерпретации памятников тюркской культуры Алтае-Саянского нагорья и Центральной Азии. Корреляция качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря позволяет выделить всего три социально-типологические группы детских погребений тюркской культуры². К **первой группе**, включающей 3 (9,67 %) детские могилы, отнесены погребения, в состав сопроводительного инвентаря которых включены предметы тюркской культуры из бронзы — наборный пояс, украшения конской амуниции, металлическое зеркало, а также дополнительные аксессуары костюма (рис.). Объекты, объединенные в рамках **второй группы** (6 — 19,35 %) погребений, характеризуются фрагментарным присутствием предметов сопроводительного инвентаря, свойственных погребениям взрослых. В трех детских могилах встречены наконечники стрел, трижды отмечены предметы тюркской культуры из бронзы (серьги, медальон). В большинстве погребений зафиксирован нож. В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Во всех остальных захоронениях животное отсутствовало. Для погребений **третьей группы**, включающей 22 (70,96 %) могилы, характерен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие.

Степень дифференциации детских погребений тюркской культуры значительно ниже той, что зафиксирована при изучении захоронений взрослых членов общества. В то же время выделяются объекты, содержащие исключительный для лиц рассматриваемого возраста инвентарь, включавший «престижные» вещи. Вероятно, погребения, объединенные в рамках группы I, принадлежали членам богатых семей. К сожалению, редкость определений возраста умерших исключает возможность обозначения градации погребений в этом отношении, а также рассмотрения дополнительных аспектов, связанных, к примеру, с определением возраста инициации и получения статуса взрослого члена общества. Вместе с тем имеющиеся данные позволяют утверждать, что насыщенность могил сопроводительным инвентарем зависела в первую очередь не от возраста умерших детей, а от их социального положения. Отметим, что существуют и другие объяснения наличия «богатого» предметного комплекса в детских погребениях: последующая передача вещи ее истинному владельцу (взрослому человеку) в загробном мире [Нестеров, 1999, с. 97], необходимость защиты ребенка от злых сил [Троицкая, 1989, с. 66–67] и др.

Весьма показательным, что изучение ряда памятников позволило обозначить половую дифференциацию среди детских погребений. Обнаружение в отдельных могилах наконечников стрел, наборного пояса и тесла («мужские» предметы), а также металлического зеркала, пряслица, серег и других украшений, характерных для женских погребений, отражает, судя по всему, попытку обозначения принадлежности умершего к гендерной группе взрослых. Этой же причиной может быть объяснено присутствие лошади в четырех детских захоронениях.

² При рассмотрении социальной дифференциации учитывались материалы 31 погребения со всеми необходимыми для полноценного анализа показателями.

Заключение

Изучение результатов раскопок раннесредневековых комплексов Алтае-Саянского региона и Центральной Азии позволяет выдвинуть предположение о том, что в ряде случаев захоронение детей не предполагало создания традиционного погребального сооружения. Это объясняет немногочисленность детских захоронений и позволяет надеяться на получение в дальнейшем новых материалов. Анализ имеющихся комплексов продемонстрировал высокую степень варибельности элементов обрядовой практики, имеющих как общие, так и отличительные черты по сравнению с захоронениями взрослых членов социума раннесредневековых тюрок.

Несмотря на ограниченные возможности привлечения материалов раскопок детских погребений при социальных реконструкциях, анализируемая серия показала наличие достаточно четкой дифференциации. Отдельные погребения демонстрируют показатели, отражающие попытку обозначения принадлежности умершего ребенка к гендерной группе взрослых.

Редкость определений возраста и фрагментарность археологических материалов не позволяют определить четкие этапы социализации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Вместе с тем заметно выделение погребений подростков (от 14–15 лет), не включенных в анализируемую выборку и отличающихся более частым присутствием захоронения лошади и фиксацией предметов сопроводительного инвентаря, не встреченных в захоронениях детей [Гаврилова, 1965; Могильников и др., 1992]. Следует принимать во внимание сведения письменных источников, в которых сообщается о раннем взрослении представителей высших слоев общества. В рунических текстах имеется информация о том, что Кюль-тегин к 16 годам уже «снискал воинское имя» и добился восстановления державы тюрок [Тугушева, 2008, с. 44]. Бильге-каган в возрасте 17 лет успешно руководил военной операцией против тангутов [Там же, с. 58].

Подтверждение находим в материалах раскопок археологических комплексов, где известна серия захоронений молодых мужчин в возрасте 16–20 лет, отличающихся высоким положением в воинской иерархии [Могильников, 1997; Кубарев, 2005]. Что касается детей до подросткового возраста, то в письменных источниках о представителях данной группы практически нет упоминаний. Исключение представляет ставшая хрестоматийной легенда о происхождении тюрок, где главным действующим лицом является мальчик, спасшийся от врагов и положивший начало роду Ашина [Бичурин, 1950, с. 220]. Это указывает на то, что в целом дети до достижения определенного возраста не рассматривались как самостоятельные члены социума кочевников и, видимо, получение такого статуса требовало реализации определенных обрядовых действий, различные варианты которых известны в этнографических материалах.

Появление новых археологических материалов, расширение серии антропологических определений, а также привлечение письменных и этнографических источников будет способствовать детализации представлений о специфике положения детей в обществе раннесредневековых тюрок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексин В.А.* Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 3–9.
- Балабанова М.А.* Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79–88.
- Берсенева Н.А.* Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: Теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 107–110.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.
- Боброва А.И., Торощина Н.В.* Погребения детей в средневековых некрополях Бедеревский Бор I, II на р. Тым // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 423–428.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т.* Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве: (Полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 7–72.

Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона...

- Грязнов М.П., Худяков Ю.С.* Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.
- Длужневская Г.В.* Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 21. С. 193–200.
- Ковалевский С.А.* Погребения детей и подростков из ирменских курганных могильников Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. 17. С. 271–275.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Левашова В.П.* Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952. № 24. С. 121–136.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Матренин С.С.* Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 81–86.
- Мишина Т.Н.* Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. 2010. № 224. С. 136–148.
- Могильников В.А.* Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А.* Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1997. С. 187–234.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н.* Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ГАГПИ: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 83–84.
- Молодин В.И.* Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1984. С. 37–44.
- Нестеров С.П.* Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 91–102.
- Овчинникова Б.Б.* Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.
- Полищук Т. И.* Особенности детского погребального обряда в памятниках гунно-сарматского времени на Среднем Енисее // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 7–10.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.* Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Там же. С. 88–116.
- Ражев Д.И., Епимахов А.В.* Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестн. археологии, этнографии и антропологии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. № 5. С. 107–113.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.* Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакассии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
- Семибратов В.П., Матренин С.С.* Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. Вып. 4. С. 54–66.
- Серегин Н.Н.* Специфика детской погребальной обрядности населения тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V — XI вв.) // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 151–153.
- Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И.* Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. № 9. С. 117–124.
- Соловьев А.И.* Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуни // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. № 4. С. 123–133.
- Стоянова А.А.* Детские погребения из могильника Опушки (по материалам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Трифонов Ю.И.* Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара-Тала // АО 1966. М.: Наука, 1967. С. 129–131.
- Трифонов Ю.И.* Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // АО 1967. М.: Наука, 1968. С. 174–176.
- Трифонов Ю.И.* Работы в Туве и Хакассии // АО 1974. М.: Наука, 1975. С. 236–238.

Н.Н. Серегин

Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. — VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 59–68.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 112–130.

*Барнаул, Алтайский государственный университет
nikolay-seregin@mail.ru*

The article presents investigation results regarding specificity of children's burial rites which obtained a wide circulation with the Early Middle Ages Turks from Altai-and-Sayans region and the adjoining territories. Subject to determination being general and specific characteristics regarding burial places of the said age group, as well as their social differentiation following archaeological data. The conclusions obtained in the course of investigation of the burial complexes being supplemented with data from written sources.

Middle Ages Turks, Altai-and-Sayans region, children's burial places, burial rite, social analysis, written sources.

АНТРОПОЛОГИЯ

БИОМЕХАНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ¹

С.С. Тур

Для изучения характера физических нагрузок у скотоводов лесостепного Алтая эпохи бронзы и раннего железного века на основе биомеханического подхода были исследованы две антропологические выборки (андроновской культуры эпохи развитой бронзы и староалейской культуры скифского времени). Исследование показало, что население лесостепного Алтая эпохи бронзы и скифского времени существенно различалось по продольным размерам скелета, а также уровню их полового диморфизма. Для мужчин-скотоводов были характерны очень высокие мануальные нагрузки, сочетавшиеся с умеренно высоким уровнем мобильности. Андроновские женщины существенно уступали мужчинам только по уровню мобильности. У женщин староалейской культуры физические нагрузки были относительно низкими. Диапазон межгрупповой изменчивости уровня полового диморфизма физических нагрузок у алтайских скотоводов больше, чем у охотников-собирателей. Уровни полового диморфизма физических нагрузок и продольных размеров длинных костей конечностей в исследованных выборках имеют обратное соотношение. Предполагается, что тяжелые физические нагрузки могли оказывать негативное влияние на длину тела у андроновских женщин и староалейских мужчин.

Биомеханика, физические нагрузки, скотоводы, эпоха бронзы, скифское время, лесостепной Алтай.

Введение

Под влиянием механических нагрузок в кортикальном слое диафиза трубчатых костей происходят структурные изменения, которые отражают величину и направление этих воздействий. Наличие взаимосвязи между структурой кости и ее механической функцией широко используется для реконструкции физической активности в ископаемых популяциях [Bridges, 1989, 1995; Bridges et al., 2000; Holt, 2003; Larsen, 1997, p. 195–225; Marchi, 2008; Marchi et al., 2006, 2011; Nikita et al., 2011; Ogilvie, Hilton, 2011; Rhodes, Knusel, 2005; Ruff, 2000; 2008, p. 184; Ruff, Hayes, 1983; Sladek et al., 2007; Sparacello, Marchi, 2008; Sparacello et al., 2011; Stock, 2006; Stock, Pfeiffer, 2001, 2004; Stock et al., 2011; Weiss, 2009]. Однако большинство таких исследований, за редким исключением [Lieverse et al., 2011; Stock et al., 2010], были выполнены на материалах, происходящих с зарубежных территорий.

В результате структурной адаптации кость при повышении привычного уровня физических нагрузок становится прочнее. Прочность кости оценивается на основе теории сопротивления материалов. Механической моделью трубчатых костей является полый стержень, прочность которого зависит от размеров и формы его поперечного сечения. Наибольшее значение для костей конечностей имеют такие нагрузки, как изгиб и кручение, мерой которых служат моменты площади и сопротивления сечения. При изгибе (кручении) напряжение в поперечном сечении кости нарастает в направлении от внутренних волокон к внешним. Моменты площади характеризуют общую внутреннюю устойчивость структуры к механическим нагрузкам (rigidity), моменты сопротивления сечения — максимальный стресс, возникающий во внешнем слое диафиза (strength) [Ruff, Hayes, 1983, p. 359].

Анализ геометрических свойств поперечных сечений диафиза длинных костей верхних конечностей позволяет оценить величину и направление мануальных нагрузок, возникающих в процессе привычной физической деятельности. Нагрузки на кости нижних конечностей, особенно в сагиттальном направлении, в значительной мере связаны с уровнем локомоторной активности (мобильности), включающей ходьбу и бег.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ (№ 11-06-00360-а) и РГНФ (№ 12-01-00159).

Основные методические сложности точной оценки механических свойств трубчатых костей конечностей обусловлены тем, что форма наружного, периостального, контура диафиза не является геометрически правильной, а размеры внутреннего, эндостального, контура недоступны для непосредственного измерения. Для расчета геометрических свойств поперечного сечения костного диафиза существует несколько методических приемов, каждый из которых имеет преимущества и недостатки. Наиболее точные результаты и широкие возможности их функциональной интерпретации дают секционирование, компьютерная томография и двухплоскостная рентгенография в сочетании с силиконовым слепком внешнего контура («Latex cast method»). Все данные, полученные этими способами, непосредственно сопоставимы между собой [Neill, Ruff, 2004; Stock, 2002]. Однако секционирование из-за своей деструктивной природы применяется крайне редко, компьютерная томография и рентгенография не всегда доступны, а изготовление и оцифровка слепков поперечных сечений диафиза достаточно трудоемкая процедура. Поэтому для оценки геометрических свойств поперечного сечения диафиза нередко используются и другие, в той или иной степени менее точные, но более простые методы [Lieverse et al., 2011; Neill, Ruff, 2004; Sparacello, Pearson, 2010; Stock, 2002; Stock, Shaw, 2007; Weiss, 2009]. Самый простой вариант, когда прочность диафиза оценивается только на основе его внешних диаметров, сохраняет свое значение при изучении очень многочисленных материалов, для выработки рабочих гипотез на начальном этапе исследования, а также при невозможности применения других, более совершенных методов [Auerbach, 2007; Cole, 1994; Pearson, 2000; Stock et al., 2010; Wescott, 2001, 2006, 2008].

Цель данной работы — изучить на основе биомеханического подхода физические нагрузки у населения лесостепного Алтая эпохи бронзы и раннего железного века.

Материал и методы

Были исследованы костные останки 61 индивида (36 мужчин, 25 женщин) андроновской культуры эпохи развитой бронзы и 48 индивидов (22 мужчин, 26 женщин) староалейской культуры скифского времени лесостепного Алтая. Хозяйственной основой обеих групп являлось скотоводство.

Пол индивидов определялся стандартными методами на основе морфологических особенностей черепа и таза. Измерялись длинные кости конечностей без деформации и явной патологии, с полностью приросшими эпифизами. Продольные размеры костей оценивались в соответствии с рубрикацией Д.В. Пежемского [2011, с. 17], для характеристики общих размеров тела использовался условный показатель величины скелета (УПВС 1), равный сумме наибольших длин плечевой, лучевой, бедренной костей и полной длины большой берцовой [Там же, с. 19].

Так как проксимальные сегменты конечностей по сравнению с дистальными более адекватно отражают различия в величине механических нагрузок [Stock, 2006; Shaw, Stock, 2009, p. 171], для анализа прочности были выбраны плечевые и бедренные кости.

Прочность диафиза на изгиб оценивалась на основе наружных диаметров середины диафиза, исходя из того, что величина момента сопротивления сечения (section modulus Z) прямо пропорциональна ширине диафиза в третьей степени (диаметр³ $\propto Z$). Поскольку механические нагрузки на длинные кости конечностей зависят не только от физической активности, но также от размеров и формы тела, геометрические параметры поперечного сечения диафиза шкалировались по длине костей и массе (весу) тела [Ruff, 2000; Stock, Shaw, 2007, p. 421].

Для расчета прочности использовалась формула

$$\frac{D^3}{L \times BM} \times 1000,$$

где D — диаметр поперечного сечения середины диафиза в мм (сагиттальный — ap , медиолатеральный — ml , средний), L — наибольшая длина кости, BM — масса тела в кг, вычисленная по ширине головки бедренной кости. Данные для парных костей правой и левой стороны усреднялись.

Масса тела населения андроновской культуры, имеющего европеоидное происхождение, вычислялась по новым формулам Раффа [Ruff et al., 2012]. Эти формулы для вычисления веса по ширине головки бедренной кости были разработаны на основе скелетных серий с территории Европы, которые охватывают значительную часть континента и период от мезолита до XX в. При этом рост референтной группы восстанавливался анатомически, вес — морфометрически,

Биомеханический подход к изучению физической активности древних скотоводов...

исходя из роста и наибольшей ширины таза. Для староалейского населения, имеющего, по всей видимости, смешанное европеоидно-монголоидное происхождение, вес тела вычислялся по трем разным формулам [Ruff et al., 1991; McHenry, 1992; Grine et al., 1995], результаты которых в соответствии с рекомендациями усреднялись [Auerbach, Ruff, 2004, p. 340].

Коэффициенты полового диморфизма вычислялись по формуле

$$\frac{m - f}{0,5(m + f)} \times 100,$$

где m — мужские размеры, f — женские.

Для статистической обработки данных использовался однофакторный дисперсионный анализ (STATISTICA 10). При проверке нормальности распределения критерием Лиллиефорса и равенства дисперсий критерием Левена серьезных противопоказаний для применения параметрических методов не обнаружено.

В качестве масштаба межгрупповой вариабельности анализируемых признаков использовались данные по группам америндов с различными хозяйственными стратегиями: охотников-собирателей (неспециализированных, охотников-собирателей и пресноводных рыболовов, морских охотников-рыболовов и собирателей); земледельцев, а также групп, в хозяйстве которых охота и собирательство сочетались с примитивным или интенсивным земледелием [Auerbach, 2007].

Результаты и обсуждение

Как показывают остеометрические данные (табл. 1), население лесостепного Алтая эпохи бронзы и скифского времени существенно различалось по общим размерам тела. У мужчин в андроновской группе продольные размеры длинных костей конечностей большие, величина УПВС близка к очень большой, в староалейской группе кости рук средней длины, кости ног — малой, УПВС ниже среднего. Средний уровень полового диморфизма продольных размеров длинных костей конечностей ($H1$, $R1$, $F2$, $T1$) составляет у андроновцев 10,5 %, у староалейцев — 6,4 %. Мужчины из андроновской и староалейской выборки различаются по длиннотным параметрам больше, чем женщины (8,2 против 4,1 %). Межгрупповые различия по уровню полового диморфизма продольных размеров скелета могут быть обусловлены как генетическими, так и средовыми факторами. Мужской пол более чувствителен к негативному воздействию среды [Stini, 1969, 1972, 1975; Stinson, 1985], однако ухудшение природно-климатических и социально-экономических условий не всегда приводит к снижению уровня полового диморфизма продольных размеров. Это объясняется тем, что замедление скорости роста у мужчин, вызванное негативными факторами, в некоторых случаях может компенсироваться удлинением ростового периода [Stini, 1972, 1975]. У женщин отрицательное влияние на продольные размеры скелета могут оказывать ранние роды (< 15 лет) [Vercellotti, Piperata, 2012] и, возможно, тяжелые физические нагрузки [Larsen, 1984].

Данные, характеризующие прочность плечевых и бедренных костей в исследованных алтайских выборках, приводятся в табл. 2 и на рис. 1.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что влияние фактора «КУЛЬТУРА» на прочность костей было существенным для женского населения ($F[7, 34] = 6,177$, $p = 0,000$) и несущественным для мужского ($F[7, 26] = 0,988$, $p = 0,461$). Мужчины андроновской и староалейской культуры не обнаруживают значимых различий ни по одному из исследованных показателей. У андроновских женщин по сравнению со староалейскими кости были значительно более прочными, и только в медиолатеральном направлении бедренной кости ($F m$) разница между ними не достигала статистически значимого уровня ($P = 0,184$). Однако медиолатеральный диаметр бедренных костей больше зависит от поперечных размеров тела (ширины таза), чем от локомоторной активности (ходьбы, бега).

Мужчины в целом имели более прочные кости, чем женщины, хотя в андроновской выборке влияние фактора «ПОЛ» проявлялось слабее ($F[7, 28] = 3,005$, $p = 0,017$), чем в староалейской ($F[7, 32] = 8,601$, $p = 0,000$). Это объясняется тем, что у андроновцев, в отличие от староалейцев, значимые половые различия обнаруживают только бедренные кости. По прочности плечевых костей андроновские женщины не уступают мужчинам. Коэффициенты полового диморфизма в староалейской группе по всем показателям значительно выше, особенно для плечевых костей

С.С. Тур

(табл. 2). Следует отметить также, что в обеих группах уровень половых различий по прочности бедренной кости больше в сагиттальном, чем в медиолатеральном, направлении ($F m$).

Таблица 1

Средние размеры длинных костей конечностей

		Андроновская культура				Староалейская культура			
		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
		Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая
Плечевая кость — Humerus									
1. Наибольшая длина	M	342,4	341,0	306,9	305,9	318,5	315,4	300,2	295,4
	S	10,03	8,93	13,63	12,46	14,76	14,03	14,92	13,92
	N	21	20	20	19	16	17	22	20
6b. Ширина середины диафиза (m)	M	23,39	23,73	20,68	21,15	22,76	22,97	19,34	19,01
	S	1,46	1,60	1,27	1,38	1,41	1,87	2,03	1,74
	N	23	20	20	20	16	18	22	20
6с. Сагиттальный диаметр середины диафиза (ap)	M	22,77	22,56	20,97	20,07	22,19	21,54	17,95	17,36
	S	1,36	1,41	1,50	1,02	1,92	2,16	1,83	1,86
	N	23	20	21	20	16	18	22	19
Лучевая кость — Radius									
1. Наибольшая длина	M	262,3	258,6	229,1	233,5	241,1	240,7	224,7	221,9
	S	9,73	11,04	12,010	8,35	11,39	11,30	10,33	10,08
	N	14	18	13	15	13	17	21	19
Локтевая кость — Ulna									
1. Наибольшая длина	M	280,4	282,9	250,6	254,4	264,2	259,5	244,6	242,1
	S	11,69	13,52	10,54	8,45	10,05	10,77	11,02	10,59
	N	14	20	15	10	17	14	20	17
Бедренная кость — Femur									
1. Наибольшая длина	M	463,9	462,5	423,8	425,3	427,5	425,0	402,5	404,0
	S	17,39	16,43	14,87	16,50	21,85	23,81	17,39	18,39
	N	24	22	22	22	20	16	24	21
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза (ap)	M	29,55	29,25	25,73	25,78	28,77	27,84	23,42	23,38
	S	2,02	2,10	1,73	1,97	2,19	2,00	1,73	2,08
	N	25	25	20	22	20	15	24	23
7а. Ширина середины диафиза (m)	M	29,19	29,52	26,01	26,70	28,11	28,31	24,68	25,38
	S	1,72	1,89	1,47	1,50	1,81	1,65	1,42	1,74
	N	25	24	22	21	20	16	24	23
18. Вертикальный диаметр головки	M	49,81	49,14	44,81	44,47	46,94	46,79	42,48	42,30
	S	1,97	1,95	2,14	2,12	2,49	2,37	2,57	2,89
	N	20	16	20	15	18	15	21	16
19. Сагиттальный диаметр головки	M	49,48	49,23	44,30	44,20	46,86	46,43	42,17	41,96
	S	2,22	1,98	1,55	2,00	2,43	2,34	2,54	2,23
	N	18	19	17	17	16	15	22	19
Большая берцовая кость — Tibia									
1. Полная длина	M	381,1	378,6	345,9	342,9	344,8	348,6	327,3	327,2
	S	18,90	16,47	14,40	12,93	18,17	16,52	14,81	15,15
	N	22	21	19	20	19	18	24	23

Примечание: M — среднее значение, S — стандартное отклонение, N — число наблюдений.

По имеющимся данным прочность плечевых и бедренных костей четкой связи с основными хозяйственными укладами не обнаруживает [Auerbach, 2007, p. 378–386]. Наиболее высокая прочность плечевых костей характерна для морских охотников-собирателей, которые существенно превосходят по этому признаку все остальные группы, включая неспециализированных охотников-собирателей, охотников-собирателей-пресноводных рыболовов, земледельцев, а также группы с комплексным хозяйством [Ibid., p. 379]. Население андроновской культуры, а также мужчины староалейской по прочности плечевых костей (как в абсолютном измерении, так и относительно бедренных) попадают в диапазон изменчивости морских охотников-собирателей, причем андроновские женщины приближаются к его верхнему пределу. Староалейские женщины на межгрупповой шкале варибельности по этому признаку занимают относительно низкое положение.

Прочность бедренных костей у андроновского населения и староалейских мужчин в межгрупповом масштабе оценивается как умеренно высокая, у староалейских женщин — как низкая.

Биомеханический подход к изучению физической активности древних скотоводов...

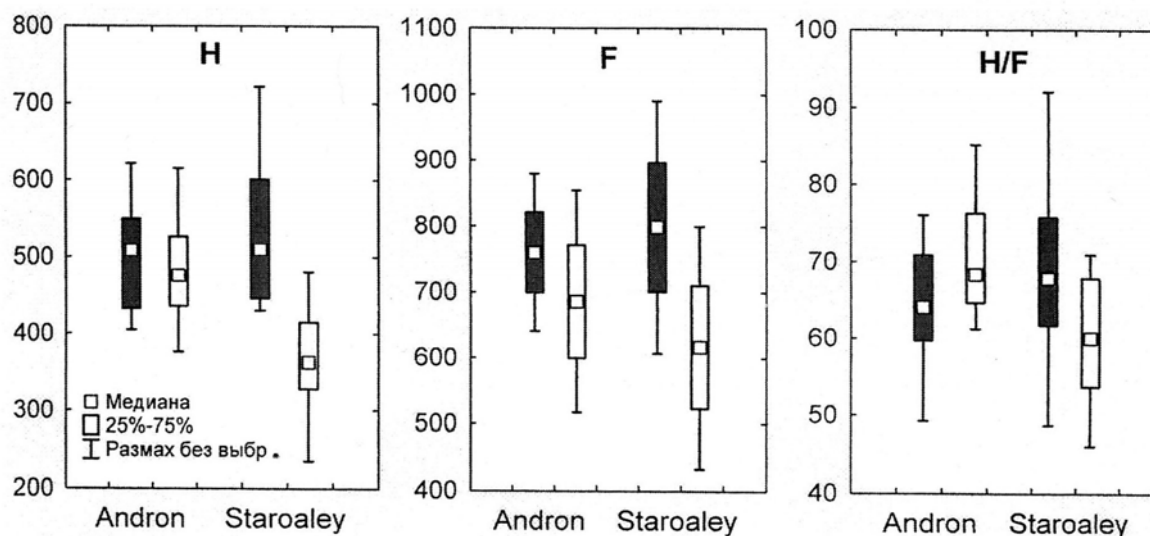

Рис. 1. Диаграммы размаха прочности плечевых (H) и бедренных (F) костей в выборках андроновской (Andron) и староалейской (Staroalei) культур. Черный цвет — мужчины, белый — женщины

Таблица 2

Прочность плечевых и бедренных костей

Признак			Андроновская культура			Староалейская культура		
			Мужчины	Женщины	<i>k</i> (%)	Мужчины	Женщины	<i>k</i> (%)
Плечевая кость	Сагиттальный диаметр середины диафиза — <i>H ar</i>	<i>M</i>	476,1	473,7	0,5	495,9	328,7	40,6***
		<i>S</i>	77,7	77,5		97,7	81,6	
		<i>N</i>	(20)	(20)		(18)	(23)	
Плечевая кость	Медиолатеральный диаметр середины диафиза — <i>H ml</i>	<i>M</i>	535,5	497,5	7,4	568,8	428,6	28,1***
		<i>S</i>	82,5	84,7		110,3	112,3	
		<i>N</i>	(19)	(20)		(18)	(23)	
Плечевая кость	Средний диаметр середины диафиза — <i>H</i>	<i>M</i>	501,3	483,8	3,6	530,1	373,9	34,6***
		<i>S</i>	68,3	61,3		93,2	77,6	
		<i>N</i>	(19)	(20)		(18)	(23)	
Бедренная кость	Сагиттальный диаметр середины диафиза — <i>F ar</i>	<i>M</i>	777,8	664,7	15,7**	821,6	558,2	38,2***
		<i>S</i>	131,0	112,2		144,9	107,4	
		<i>N</i>	(24)	(22)		(18)	(24)	
Бедренная кость	Медиолатеральный диаметр середины диафиза — <i>F ml</i>	<i>M</i>	750,9	711,4	5,4	780,9	682,7	13,4*
		<i>S</i>	94,0	102,7		100,3	114,0	
		<i>N</i>	(24)	(23)		(18)	(24)	
Бедренная кость	Средний диаметр середины диафиза — <i>F</i>	<i>M</i>	760,4	685,9	10,3***	798,6	616,4	25,8***
		<i>S</i>	60,9	86,1		97,9	93,5	
		<i>N</i>	(24)	(22)		(18)	(24)	
H/F (%)		<i>M</i>	64,4	70,2	-8,6*	68,0	60,3	12,0*
		<i>S</i>	7,8	7,1		11,9	7,8	
		<i>N</i>	(17)	(19)		(17)	(23)	

Примечания: *k* — коэффициент полового диморфизма; *M* — среднее значение, *S* — стандартное отклонение, *N* — число наблюдений; курсивом выделены половые различия в пределах одной культуры, достоверные на уровне: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,00$; жирным шрифтом выделены достоверные различия между культурами в пределах одного пола.

Для охотников-собирателей в целом характерны высокие половые различия по прочности плечевых костей, однако если у неспециализированных охотников-собирателей наибольшие различия отмечаются в сагиттальном направлении, то у охотников-рыболовов-собирателей — в медиолатеральном (очевидно, за счет более сильного развития дельтовидных мышц у мужчин). Для неспециализированных охотников-собирателей в отличие от всех остальных групп характерны также высокие половые различия по прочности бедренных костей, причем как в сагиттальном, так и в медиолатеральном направлении. В группах с комплексным хозяйством уро-

вень половых различий по прочности плечевых костей ниже, чем у охотников-собирателей, но выше, чем у земледельцев [Auerbach, 2007, p. 387].

Андроновцы по уровню половых различий показателей прочности плечевых и бедренных костей сближаются с группами, имеющими комплексное хозяйство. У староалейского населения половые различия по прочности бедренных и особенно плечевых костей в межгрупповом масштабе являются беспрецедентно высокими. Таким образом, уровень половых различий в физических нагрузках среди алтайских скотоводов варьируется больше, чем среди охотников-собирателей, что согласуется с общими представлениями об увеличении диапазона изменчивости этого показателя при переходе от присваивающего хозяйства к производящему [Panter-Brick, 2002, p. 637].

В андроновской выборке низкий половой диморфизм физических нагрузок сочетается с высоким половым диморфизмом продольных размеров длинных костей конечностей, в староалейской — наоборот. Как уже отмечалось, ростовые процессы у мужчин больше, чем у женщин, зависят от питания. Интенсивное образование зубного камня и отсутствие кариеса характеризуют диету скотоводов Алтая эпохи бронзы как преимущественно белковую. Однако в скифское время в ней происходят существенные изменения — увеличивается доля углеводов, особенно у женщин [Тур, Рыкун, 2011]. Можно предположить, что некоторое сокращение в питании белкового компонента у староалейских мужчин в сочетании с очень тяжелыми физическими нагрузками приводило к энергетическому дисбалансу и редукции размеров тела.

Тяжелые мануальные нагрузки андроновских женщин, приближающиеся по величине к межгрупповому женскому максимуму, также могли вызывать физиологический стресс. Тяжелый труд, даже при положительном энергетическом балансе, может оказывать негативное воздействие не только на ростовые процессы у женщин, но и на их репродуктивные функции, особенно при сокращении интервалов между родами. С учетом высокой частоты преждевременных родов и младенческой смертности в андроновском обществе этот фактор заслуживает особого внимания.

Заключение

Таким образом, в результате анализа прочности (strength) длинных костей конечностей у алтайских скотоводов эпохи бронзы и раннего железа установлено, что для мужчин были характерны очень высокие мануальные нагрузки, сочетавшиеся с умеренно высоким уровнем мобильности. Андроновские женщины существенно уступали мужчинам только по уровню мобильности. У женщин староалейской культуры физические нагрузки были относительно низкими. Уровни полового диморфизма физических нагрузок и продольных размеров длинных костей конечностей в исследованных выборках имеют обратное соотношение.

Метод оценки прочности длинных костей конечностей на основе внешних диаметров диафиза, который использовался в данной работе, не точен и позволяет лишь в грубом приближении выявлять основные тенденции межгрупповой и половой изменчивости этих признаков. Поэтому выводы данного исследования представляют собой рабочие гипотезы, нуждающиеся в проверке более точными методами и на более обширных материалах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Пежемский Д.В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.
- Тур С.С., Рыкун М.П.* Заболеваемость зубным кариесом среди населения Алтая скифского времени // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 341–344.
- Auerbach B.* Human skeletal variation in the New World during the Holocene: Effects of climate and subsistence across geography and time: Unpublished PhD Thesis. Johns Hopkins Univ., 2007. 1076 p.
- Auerbach B.M., Ruff C.B.* Human body mass estimation: A comparison of «morphometric» and «mechanical» methods // Am. J. Phys. Anthropol. 2004. Vol. 125. P. 331–342.
- Bridges P.S.* Changes in activities with the shift to agriculture in the Southeastern United States // Curr. Anthropol. 1989. Vol. 30. P. 385–394.
- Bridges P.S.* Skeletal biology and behavior in ancient humans // Evol. Anthropol. 1995. Vol. 4. P. 112–120.
- Bridges P.S., Blitz J.H., Solano M.C.* Changes in long bone diaphyseal strength with horticultural intensification in westcentral Illinois // Am. J. Phys. Anthropol. 2000. Vol. 112. P. 217–238.

Биомеханический подход к изучению физической активности древних скотоводов...

- Cole T.M.* Size and shape of the femur and tibia in Northern Plains Indians // *Skeletal biology in the Great Plains: Migration, warfare, health, and subsistence* / Ed. Owsley D.W., Jantz R.L. Washington, DC: Smithsonian Inst. Press, 1994. P. 219–233.
- Grine F.E., Jungers W.L., Tobias P.V., Pearson O.M.* Fossil Homo femur from Berg Aukas, northern Namibia // *Am. J. Phys. Anthropol.* 1995. Vol. 26. P. 67–78.
- Holt B.M.* Mobility in upper Paleolithic and Mesolithic Europe: Evidence from the lower limb // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2003. Vol. 122. P. 200–215.
- Larsen C.S.* Health and disease in prehistoric Georgia: The transition to agriculture // *Paleopathology at the origins of agriculture* / Ed. Cohen M.N., Armelagos G.J. L.: Orlando, 1984. P. 367–392.
- Larsen C.S.* *Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 469 p.
- Lieverse A.R., Stock J., Katzenberg M.A., Haverkort C.M.* The Bioarchaeology of habitual activity and dietary change in the Siberian Middle Holocene // *Human Bioarchaeology of the Transition to Agriculture* / Ed. Pinhasi R., Stock J.T. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. P. 265–291.
- Marchi D.* Relationships between lower limb cross-sectional geometry and mobility: The case of a Neolithic sample from Italy // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2008. Vol. 137. P. 188–200.
- Marchi D., Sparacello V.S., Hol B.M., Formicola V.* Biomechanical approach to the reconstruction of activity patterns in Neolithic Western Liguria, Italy // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2006. Vol. 131. P. 447–455.
- Marchi D., Sparacello V., Shaw C.* Mobility and lower limb robusticity of a pastoralist neolithic population from North-Western Italy // *Human bioarchaeology of the transition to agriculture* / Ed. Pinhasi R., Stock J.T. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. P. 317–346.
- McHenry H.M.* Body size and proportions in early Hominids // *Am. J. Phys. Anthropol.* 1992. Vol. 87. P. 407–431.
- Neill M.C., Ruff C.B.* Estimating human long bone cross-sectional geometric properties: A comparison of noninvasive methods // *J. Hum. Evol.* 2004. Vol. 47. P. 221–235.
- Nikita E., Siew Y.Y., Stock J., Mattingly D., Lahr M.M.* Activity patterns in the Sahara desert: An interpretation based on cross-sectional geometric properties // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2011. Vol. 146. P. 422–434.
- Ogilvie M.D., Hilton C.E.* Cross-sectional geometry in the humeri of foragers and farmers from the prehispanic American Southwest: Exploring patterns in the sexual division of labor // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2011. Vol. 144. P. 11–21.
- Panther-Brick C.* Sexual division of labor: Energetic and evolutionary scenarios // *Am. J. Hum. Biol.* 2002. Vol. 14. P. 627–640.
- Pearson O.M.* Activity, climate, and postcranial robusticity: Implications for modern human origins and scenarios of adaptive change // *Curr. Anthropol.* 2000. Vol. 41. P. 569–607.
- Rhodes J.A., Knusel C.J.* Activity-related skeletal change in medieval humeri: Cross-sectional and architectural alterations // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2005. Vol. 128. P. 536–546.
- Ruff C.B.* Body size, body shape, and long bone strength in modern humans // *J. Hum. Evol.* 2000. Vol. 38. P. 269–290.
- Ruff C.B.* *Biomechanical analyses of archaeological human skeletons* // *Biological anthropology of the human skeleton* / Ed. Katzenberg M.A., Saunders S.R. N. Y.: Wiley-Liss, 2008. Second edition. P. 183–206.
- Ruff C.B., Hayes W.C.* Cross-sectional geometry of Pecos Pueblo femora and tibiae — a biomechanical investigation: 1. Method and general patterns of variation // *Am. J. Phys. Anthropol.* 1983. Vol. 60. P. 359–381.
- Ruff C.B., Holt B.M., Niskanen M. et al.* Stature and body mass estimation from skeletal remains in the European Holocene // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2012. Vol. 148. P. 601–617.
- Ruff C.B., Scott W.W., Liu A.Y.-C.* Articular and diaphyseal remodeling of the proximal femur with changes in body mass in adults // *Am. J. Phys. Anthropol.* 1991. Vol. 86. P. 397–413.
- Shaw C.N., Stock J.T.* Habitual throwing and swimming correspond with upper limb diaphyseal strength and shape in modern human athletes // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2009. Vol. 140. P. 160–172.
- Sládek V., Berner M., Sosna D., Sailer R.* Human manipulative behavior in the Central European Late Eneolithic and Early Bronze Age: Numeral bilateral asymmetry // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2007. Vol. 133. P. 669–681.
- Sparacello V., Marchi D.* Mobility and subsistence economy: a diachronic comparison between two groups settled in the same geographic area (Liguria, Italy) // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2008. Vol. 136. P. 485–495.
- Sparacello V.S., Pearson O.M.* The importance of accounting for the area of the medullary cavity in cross-sectional geometry: A test based on the femoral midshaft // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2010. Vol. 143. P. 612–624.
- Sparacello V., Pearson O.M., Coppa A., Marchi D.* Changes in skeletal robusticity in an Iron Age agropastoral group: The Samnites from the Alfedena necropolis (Abruzzo, Central Italy) // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2011. Vol. 144. P. 119–130.
- Stini W.A.* Nutritional stress and growth: Sex difference in adaptive response // *Am. J. Phys. Anthropol.* 1969. Vol. 31. P. 417–426.
- Stini W.A.* Malnutrition, body size and proportion // *Ecol. Food Nutr.* 1972. Vol. 1. P. 121–126.
- Stini W.A.* Adaptive strategies of populations under nutritional stress // *Biosocial interactions in population adaptation* / Ed. Watt E.S., Johnston F.E., Lasker G.W. Mouton: The Hague, 1975. P. 19–39.

C.C. Typ

Stinson S. Sex differences in environmental sensitivity during growth and development // Yearbk Phys. Anthropol. 1985. Vol. 28. P. 123–147.

Stock J.T. A test of two methods of radiographically deriving long bone cross-sectional properties compared to direct sectioning of the diaphysis // Int. J. Osteoarchaeol. 2002. Vol. 12. P. 335–342.

Stock J.T. Hunter-gatherer postcranial robusticity relative to patterns of mobility, climatic adaptation, and selection for tissue economy // Am. J. Phys. Anthropol. 2006. Vol. 131. P. 194–204.

Stock J.T., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A., Weber A.W. Skeletal morphology, climatic adaptation and habitual behavior among the Mid-Holocene populations of the Cis-Baikal // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways / Ed. Weber A.W., Katzenberg M.A., Schurr T.G. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2010. P. 193–216.

Stock J.T., O'Neill M., Ruff C.B. et al. Body size, skeletal biomechanics, mobility and habitual activity from the Late Palaeolithic to mid-Dynastic Nile Valley // Human bioarchaeology of the transition to agriculture / Ed. Pinhasi R., Stock J.T. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. P. 347–370.

Stock J.T., Pfeiffer S.K. Linking structural variability in long bone diaphyses to habitual behaviors: Foragers from the southern African Later Stone Age and the Andaman Islands // Am. J. Phys. Anthropol. 2001. Vol. 115. P. 337–348.

Stock J.T., Pfeiffer S.K. Long bone robusticity and subsistence behavior among Later Stone Age foragers of the forest and fynbos biomes of South Africa // J. Archaeol. Sci. 2004. Vol. 31. P. 999–1013.

Stock J.T., Shaw C.N. Which measures of diaphyseal robusticity are robust? A comparison of external methods of quantifying the strength of long bone diaphyses to cross-sectional geometric properties // Am. J. Phys. Anthropol. 2007. Vol. 134. P. 412–423.

Vercellotti G., Piperata B.A. The use of biocultural data in interpreting sex differences in body proportions among rural amazonians // Am. J. Phys. Anthropol. 2012. Vol. 147. P. 113–127.

Weiss E. Sex differences in humeral bilateral asymmetry in two hunter-gatherer populations: California amerinds and British Columbian amerinds // Am. J. Phys. Anthropol. 2009. Vol. 140. P. 19–24.

Wescott D.J. Structural variation in the humerus and femur in the American Great Plains and adjacent regions: Differences in subsistence strategy and physical terrain: Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Anthropology, Univ. of Tennessee. Knoxville, 2001. 295 p.

Wescott D.J. Effect of mobility on femur midshaft external shape and robusticity // Am. J. Phys. Anthropol. 2006. Vol. 130. P. 201–213.

Wescott D.J. Biomechanical analysis of humeral and femoral structural variation in the Great Plains // Plains Anthropologist. 2008. Vol. 53. № 207. P. 333–355.

Барнаул, Алтайский государственный университет
tursvetlana@mail.ru

With the purpose of studying physical activity among pastoralists from the forest-and-steppe Altai of the Bronze Age and the Early Iron Age basing on biomechanical approach, subject to investigation being two anthropological samplings (of the Andronovo culture of the developed Bronze Age and the Staroalejka culture of Scythian time). The undertaken investigation showed that the population from the forest-and-steppe Altai of the Bronze Age and Scythian time considerably differed in skeleton lengthwise dimensions and a level of their sex dimorphism. Male pastoralists were notable for very high manual loadings, combining with a moderately high level of mobility. The Andronovo females substantially lagged behind males only in the level of their mobility. As to the Staroalejka females, their physical loadings were relatively low. A range of intergroup variability regarding a level of sex dimorphism of physical loadings with Altai pastoralists was bigger compared with hunter-gatherers. In the investigated samplings, levels of sex dimorphism of physical loadings and long limbs' lengthwise dimensions being of an inverse relation. It is suggested that hard biomechanical stress could negatively affect body length with the Andronovo females and the Staroalejka males.

Biomechanics, physical loadings, pastoralists, Bronze Age, Scythian time, forest-and-steppe Altai.

САРМАТЫ ВЕНГРИИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Д.А. Кириченко

Рассматриваются палеоантропологические материалы, относящиеся к сарматам Венгрии. Статья является историографическим исследованием, в котором приводится обзор венгерской антропологической литературы, касающийся вопроса присутствия сарматов на территории Венгрии, и предпринимается первая в отечественной антропологии попытка осветить данный вопрос. Сарматы Венгрии были крайне смешанны в антропологическом отношении. В материалах присутствуют как чисто европеоидные черепа, так и черепа с легкой монголоидной примесью. Некоторые из сарматских племен на территории Венгрии практиковали обычай искусственной деформации головы. На отдельных черепах обнаружены следы трепанации. Антропологические типы сарматов Венгрии схожи с антропологическими типами сарматов Украины, Поволжья, Подонья, наиболее близки они в антропологическом отношении к сарматам Украины. Сарматы Венгрии включали в себя и значительный аланский компонент.

Венгрия, Украина, сарматы, аланы, антропологические типы, искусственная деформация черепа, трепанация.

Данная статья является историографическим исследованием, в котором приводится обзор венгерской антропологической литературы, касающейся присутствия сарматов на территории Венгрии. Такое исследование в отечественной антропологии предпринимается впервые. Автором статьи проанализированы и использованы данные венгерских исследователей по палеоантропологии сарматов Венгрии, в том числе многие до сих пор недоступные или остававшиеся вне поля зрения отечественных антропологов. Для дополнительного освещения картины привлечены также данные истории и археологии.

Одним из первых сарматских племен, прибывших на территорию Венгрии и зафиксированных в письменных источниках, были племена языгов. Время их прибытия — I в. н.э. Существует две версии их маршрута в Венгрию: через горные перевалы в Карпатах, территорию украинской Галиции, и южный путь — через области Олтению и Банат в Румынии [Harmatta, 1970].

По поводу причины их переселения высказано много разных версий. Основные из них следующие. Во-первых, Рим стремился создать еще одно буферное государство между своими владениями и варварами, прежде всего с даками, а во-вторых, следует отметить давление, которое оказали вновь прибывшие с востока племена алан, в первые десятилетия I в. н.э. пришедшие в причерноморские и южно-русские степи [Harmatta, 1970].

Археологические сарматские памятники широко представлены на территории Венгрии. Здесь есть не только погребения, но и поселения. Впервые исследованием археологических памятников сарматов на территории Венгрии занимался венгерский археолог М. Пардуц [Párducz, 1950].

Со второй волной сарматского расселения в Венгрии А. Мосчи (A. Moscu) и М. Пардуц связывают появление здесь роксолан около 180 г. н.э. А. Соломон относит их появление ко времени около второй половины III в. н.э. [Harmatta, 1970].

Вероятно, расселение роксолан на территории Венгрии связано с давлением на них готов, которые к этому времени стали господствовать в причерноморских степях [Harmatta, 1970]. Между языгами и роксоланами еще в I–II вв. н.э. существовали дружественные отношения. Одним из условий мира между языгами и Римом был свободный контакт с роксоланами через римские провинции.

Сарматскую эпоху в Карпатском бассейне принято делить на три периода: ранний (20–160 гг.), средний (161–260 гг.) и поздний (261–430 гг.) [Археология Венгрии, 1986, с. 280]. Памятники сарматов первого периода переселения — грунтовые могилы с небогатым инвентарем погребений, изредка — короткими железными мечами. Второй период сарматского освоения Альфельда отличается уже большим разнообразием памятников. Археологическим индикатором этого периода, помимо прочего, является так называемый комплекс «пастушьей сумки»: железный нож, оселок, кремьень, кресало. Социальная стратификация сарматского общества в

этот период более осязаема: возникает группа подкурганных захоронений, отличающаяся богатым инвентарем, оружием и погребением коней [Лысенко, 2006].

Для третьего периода характерной особенностью является то, что деревянные гробы в могилах скреплены S-образными скобками. Группу сарматских находок, датируемых 350–430 гг., М. Пардуц связывает с аланами [Археология Венгрии, 1986, с. 287].

Женские сарматские погребения были богаче мужских [Hungarian Archaeology..., 2003, p. 274].

Погребения под курганами отмечаются в северной части Великой Венгерской равнины, а также в некоторых местах Бачки и Баната. Однако, возможно, они были распространены значительно шире, так как много курганов оказалось уничтожено на протяжении веков в результате сельскохозяйственных работ [Hungarian Archaeology..., 2003, p. 272–273].

Археологические памятники и предметы, относящиеся к поздесарматскому периоду и связываемые с аланами, отмечаются на северной окраине Великой Венгерской равнины [Hungarian Archaeology..., 2003, с. 274].

Палеоантропологический материал по сарматской культуре Венгрии впервые был описан П. Липтаком [Liptak, 1959]. Он исследовал три женских черепа из Оски, датируемых III–IV вв. н.э. Черепа неудовлетворительной сохранности. Череп из погребения № 9997 был очень плохой сохранности и характеризовался долихоморфностью [Ibid., p. 91]. Череп из погребения № 9998 гипербрахикранный, с очень малым продольным, большим поперечным диаметрами мозговой коробки, относился к памиро-ферганскому антропологическому типу. Череп из погребения № 9999 долихокранный, со средним продольным, очень малым поперечным и средним высотным диаметрами мозговой коробки, относился к грацильному средиземноморскому типу [Ibid., p. 93].

Л. Бартуц исследовал палеоантропологический материал, соотносимый археологически с сарматами из могильников Ходмезёвасархели-Фехерто (Hódmezővásárhely-Feherto) и Сзентес-Кистоке (Szentés-Kistoke) [Bartusz, 1961]. Л. Бартуц приводит также таблицу всех палеоантропологических находок 1961 г., относящихся к I и II сарматским периодам в Венгрии [Ibid., p. 162–165].

Из могильника Ходмезёвасархели-Фехерто было исследовано 11 мужских и 9 женских черепов удовлетворительной сохранности. Измерения удалось провести на 8 мужских и 8 женских черепках. Л. Бартуц указывает, что 4 мужских и 1 женский череп относились к нордическому типу с элементами протонордического, протоевропеоидного и нордически-средиземноморского [Bartusz, 1961, p. 199–200]. Два мужских и два женских черепа относились к средиземноморскому типу, 1 мужской череп — к восточно-европейскому, 1 мужской — к динарскому, 1 мужской и 2 женских — к памирскому типу, 2 мужских и 4 женских — к туранскому антропологическому типу [Ibid., p. 202]. Небольшие признаки монголоидности в виде легкой примеси могут быть отмечены на черепках восточно-европейского и туранского типов. В целом сарматы-языги из могильника Ходмезёвасархели-Фехерто принадлежали к европеоидной расе [Ibid., p. 202].

По нашему мнению, черепа туранского типа можно соотнести с памиро-ферганским антропологическим типом (или, по-другому, расой Среднеазиатского междуречья), а нордический тип — с северным, представленным у сарматов Саратовского Заволжья [Тот, Фирштейн, 1970, с. 91–92].

В целом мужская серия черепов сарматов-языгов из могильника Ходмезёвасархели-Фехерто (табл. 1) характеризуется мезокранией, средним продольным, средним поперечным и средним высотным диаметрами черепной коробки. Лицо среднеширокое и средневысокое, по указателю — мезен. Нос среднеширокий и средневысокий, мезоринный. Орбиты большие по ширине и малые по высоте, хамеконхные.

Женская серия черепов сарматов-языгов из могильника Ходмезёвасархели-Фехерто характеризуется брахикранией, малым продольным, средним поперечным и средним на границе с большим высотным размерами мозговой коробки. Лицо малое по ширине и очень малое по высоте, по указателю — приближается к мезен. Нос малый по ширине и на границе очень малых и малых параметров по высоте, мезоринный. Орбиты малые по ширине и средние по высоте, гипсиконхные.

Из могильника Сзентес-Кистоке (Szentés-Kistoke) было получено 6 мужских и 4 женских черепа. В материалах могильника антрополог Л. Бартуц выделяет нордический тип (один мужской череп с примесью протоевропеоидного, а другой, женский — с примесью средиземноморского), а также динарский, преобладают черепа памирского (3 черепа) и туранского (4 черепа) типов. Отсутствует в чистом виде средиземноморский тип, который был отмечен в могильнике Ходмезёвасархели-Фехерто [Bartusz, 1961, p. 225–226].

Сарматы Венгрии по данным антропологии

Л. Бартуц не привел средние данные по могильнику Сзентес-Кистоке, и автором настоящей статьи были подсчитаны средние данные по мужским и женским черепам из этого могильника (табл. 1) Мужская серия черепов из могильника Сзентес-Кистоке характеризуется брахикранией, средним продольным, большим поперечным и большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо широкое, по высоте на границе малых и средних величин, по указателю — мезен. Нос среднеширокий и средневысокий, мезоринный. Орбиты среднеширокие и малые по высоте, мезоконхные.

Таблица 1

Средние данные черепов из могильников Ходмезёвасархели-Фехерто и Сзентес-Кистоке

Признак (№ по Мартину)	Ходмезёвасархели-Фехерто ♂	Сзентес-Кистоке ♂	Ходмезёвасархели-Фехерто ♀	Сзентес-Кистоке ♀
1	186,2 (6)	179,4 (5)	174,37 (8)	169,25 (4)
8	140,4 (7)	147,5 (6)	142,11 (8)	140 (4)
17	142,8 (4)	138 (4)	136,25 (4)	134 (2)
45	135,5 (4)	137,4 (5)	128,6 (5)	127 (3)
48	72,8 (4)	68,5 (4)	62,7 (6)	69,3 (3)
51	43 (4)	41,75 (4)	39,3 (6)	40,7 (3)
52	32,3 (4)	33 (4)	33,9 (7)	34 (4)
54	25,5 (4)	24,75 (4)	23,8 (4)	23,75 (4)
55	51,8 (4)	51 (4)	47,4 (5)	52 (3)
8:1	76,5 (6)	82,9 (5)	80,9 (8)	82,7 (4)
48:45	53,8 (4)	50,55 (4)	49,8 (5)	54,6 (3)
52:51	74,9 (4)	79,04 (4)	86,2 (6)	85,2 (3)
54:55	49,3 (4)	48,5 (4)	50,8 (4)	46,8 (3)

Женские черепа из могильника Сзентес-Кистоке брахикранные, характеризуются очень малым продольным, средним поперечным, малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо малое по ширине, среднее по высоте, по указателю — мезен. Нос малый по ширине и средний по высоте, лепторинный. Орбиты малые по ширине и средние по высоте, мезоконхные.

К сожалению, Л. Бартуц не приводит сравнения с материалами с территории тогдашнего СССР, где к тому времени уже были исследованы многие сарматские памятники.

Исходя из данных Л. Бартуца мы можем говорить о том, что у сармат-языгов Венгрии были представлены в основном те же антропологические типы, что и у сармат Саратовского Заволжья, а именно: северный, памиро-ферганский (раса Среднеазиатского междуречья), средиземноморский. Памиро-ферганский тип встречался также у сармат Нижнего Поволжья, Подонья.

Г. Холло (G. Hollo) в своей диссертационной работе приводит средние данные по мужским и женским черепам (табл. 2) сарматов Венгрии с ссылкой на О. Димени (O. Dimeny) [Hollo, 2009, p. 105–107].

Таблица 2

Сарматы Венгрии (сборная серия)

Признак (№ по Мартину)	♂	♀
1	179,6	174
8	141,5	138
17	138,7	130,5
45	136,9	126,4
48	70,9	65,1
51	40,6	39,2
52	32,6	32,7
54	24,7	23,7
55	51,1	48,6
8:1	78,8	79,3
48:45	51,8	51,5
52:51	80,3	83,4
54:55	48,3	48,8

Таблица 3

Сравнительные данные по сарматским краниологическим сериям ♂

Признак (№ по Мартину)	Сарматы Венгрии сборная	Сарматы Украины [Кондукторова, 1972]	Ранние сарматы Поволжье [Балабанова, 2000]	Средние сарматы Поволжье [Балабанова, 2000]	Поздние сарматы Поволжье [Балабанова, 2013]
1	179,6	184,2	183,1	183,6	186,5
8	141,5	146,5	145,6	144,6	139,9
17	138,7	133,8	132,7	133,8	136,0
45	136,9	136,8	135,9	135,2	135,2
48	70,9	71,3	70,4	70,2	71,5
51	40,6	42,07	43,5	43	43,1
52	32,6	32,78	33,1	33	32,8
54	24,7	25,35	24,8	24,6	24,8
55	51,1	51,86	50,9	50,8	51,4
8:1	78,8	79,5	79,9	79	75,2
48:45	51,8	51,9	51,8	51,9	52,5
52:51	80,3	81,4	76,1	76,9	76,0
54:55	48,3	49	48,8	48,5	48,1

Таблица 4

Сравнительные данные по сарматским краниологическим сериям ♀

Признак (№ по Мартину)	Сарматы Венгрии сборная	Сарматы Украины [Кондукторова, 1972]	Ранние сарматы Поволжье [Балабанова, 2010]	Средние сарматы Поволжье [Балабанова, 2010]	Поздние сарматы Поволжье [Балабанова, 2010]
1	174	177,5	173,7	176,4	176,6
8	138	144,4	142,8	141,6	138,3
17	130,5	125	128,1	125,9	128,1
45	126,4	129,6	129,3	129,2	127,1
48	65,1	67,5	66,5	67,4	66,9
51	39,2	40,4	42,4	41,9	41,4
52	32,7	32,88	33,1	33,2	33,2
54	23,7	23,55	24,1	24	24,3
55	48,6	49,31	48,7	50,1	48,8
8:1	79,3	81,4	81,2	80,4	78,4
48:45	51,5	52,5	51,43	52,2	52,4
52:51	83,4	84,6	78,1	79,4	80,2
54:55	48,8	48,2	49,6	48,2	49,8

Мужская серия черепов сарматов Венгрии характеризуется мезокранией, средним продольным, средним поперечным, большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо на границе средних и больших величин по ширине, среднее по высоте, по указателю — мезен. Нос среднеширокий, средневысокий, мезоринный. Орбиты среднеширокие, малые по высоте, мезоконхные. Женская серия черепов сарматов характеризуется мезокранией, малым продольным, малым поперечным, малым высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо малое по ширине, малое по высоте, по указателю — мезен. Нос малый по ширине, малый по высоте, мезоринный. Орбиты малые по ширине и высоте, мезоконхные.

К сожалению, автором не приводится численность наблюдений по отдельному признаку.

А. Марчик (A. Marcsik) был исследован палеоантропологический материал из сарматских погребений в Пуспокладани-Горепарт (Puspokladany-Gorepart) [Marcsik, 1974]. Для изучения оказался пригодным мужской череп из погребения № 4, который характеризовался брахикранией и принадлежал представителю андроновского антропологического типа [Marcsik, 1974, с. 195].

Присутствие данного антропологического типа у сарматов Венгрии вполне объяснимо. Андроновский антропологический тип был отмечен у сарматов Нижнего Поволжья, Подонья, Саратовского Заволжья и Украины, Западного Казахстана [Вуич, 1958; Гинзбург, Фирштейн, 1958; Дебец, 1948; Кондукторова, 1972; Тот, Фирштейн, 1970].

А. Вадаи и И. Кисцели (A. Vadai и I. Kiszely) изучили палеоантропологический материал из сарматских погребений в Тиссакурт-Хокомос (Tizsakurt-Homokos) [Vadai, Kiszely, 1980–1981]. Пригодным для изучения оказался мужской череп из погребения № 5, он характеризовался долихокранией и принадлежал представителю антропологического типа Иранского нагорья [Ibid., p. 111].

Сарматы Венгрии по данным антропологии

Данная антропологическая формулировка несколько размыта, судя по данным измерений этот череп, вероятно, всего относился к представителю средиземноморской расы.

Таблица 5

Индивидуальные измерения черепов сарматов Венгрии ♂

Могильник-местоположение	№ погр.	1	8	9	17	45	48	51	52	54	55
Ecser 7	48	187	139	106	139	132	74	43	33	23	54
»	152	180	139	94	147						
Hódmezővásárhely-Lelik	2	184	130	94				40			
Kakasszék-Útépítés	7	198		101				40	29		
Kistelek 57	59	170	139	98							
»	75	175	140	97				40		26	
Kiszombor B	77			90	138		67	37	31	25	48
»	78	184	130	100			68	41	36	23	50
»	81	179	142	91	139		69	40	29	23	50
»	103	178	139	103		140	73	40	31	26	45
»	209	185		88	146					21	
»	213		147	98			69	41	33	26	55
Kunpeszér-Felsőpeszér	76						79	40	36	26	58
»	90	192	139				76	40	30	24	55
Madaras-Halmok	28	177	135	96	140		69	40	33	21	
»	42	170	130	89	132			40	33	24	45
»	82	184		99	136			42	32	25	
»	83	179	135	96	136			40	34	26	49
»	154	193	146	100	138	131	65	42	33	26	43
»	216	169	148					40	33		
»	218	174	137	95							
»	249	180						42	33		
»	263	170	145	100			73			22	50
»	265	175	152	93	144			42	35	22	
»	280	176	137	103	139						
»	357		137	96			70	40	31	24	51
»	375	166	128	90							
»	405	179	137	97	132						
»	427	179	146	98	143		66	45	34	24	46
»	444	180	128	94				39	33		
»	450			103			71		31	26	51
»	453							39	32	25	52
»	462	165	146	93							
»	514	174	136	92	136					27	
»	592	181	133	103				41	35		
»	628			107				35	32	28	
»	630	170		101				41	34		
»	Szn	171	138	97							
Szeged-Alsóközpont	6	190	148	101	143	146	71	42	31	25	54
»	Szn1	183	136		143		64	41	32	23	49
»	Szn2	176	154	101	136		75	43	35	27	51
»	203	181		94						22	
»	392	183	134	99							
»	606	175	140	100				39	32		
Szentes-Kaján	2	174	155	101	136		72	39	30	25	53
»	12	174	147	96	137	138	78	39	34	27	53
Üllés-Zádori tanya	10	185	141	97							
»	14	170	154	93	129		72	38	31	25	50
»	15	190	142	97	147		72	43	34		
Üllő 5	7501			103					32	27	
»	5972			93			74	41	34		53
Vecsés 67	90	182	140	94			70	40	34	25	56

Антрополог И. Пап (I. Pap) изучила палеоантропологический материал из сарматских погребений в Эндрёд-Сзуйокерецти (Endrőd-Szujókereszt) [Pap, 1983]. Было исследовано три мужских черепа. Из них черепа из погребения № 83 и 116 принадлежали представителям протоевропеоидного типа, а череп из погребения № 108 относился к андроновскому антропологическому типу [Ibid., p. 126].

Индивидуальные измерения черепов сарматов Венгрии ♀

Могильник-местоположение	№ погр.	1	8	9	17	45	48	51	52	54	55
Apátfalva-Aranykalász Tsz	1		141	99			69	41	34	25	50
Békéssámson-Erdőháti halom	39	178		90			64	39	30		
Ecser 7	978	176	134	95				39	32	24	
»	1199/A	172	143	93							
Füzesabony-Kastélydűlő	65	188	132	88		134	63	38	31	24	47
Hódmezővásárhely-Gorzsa	5	186	146	105	140	129	63	40	32	23	56
Kakasszék-Útépités	2		150	97	129				33	20	
»	1. szórv.	179	146	95	131		66	39	30	24	52
Kistelek 57	83	168	138	100							
Kiszombor B	23	171	134	94	129		63	37	33	24	47
»	385	174	137	95	131		65	39	32	25	55
Kopáncs	3	159	131	89	134	121	63	37	33	25	49
Kunpeszér-Felsőpeszér	46	179	128	94							
»	65	178	136	92				37	30		
»	66	162	134	86	119	124	64	38	33	22	56
Madaras-Halmok	15	181							28		47
»	81	173	126		124						
»	114		139	89	127	129		39	30	22	43
»	188	174	133	97	140			38	31		
»	202/a	179	151	100	129		70				48
»	213	179	141	100							
»	221	171	129	92	126						
»	225		139	101							
»	229	174	146	96	120		69	41	34		52
»	342	170	127	86	140		64	38	34	21	45
»	344	172	142	94	132			39	32	24	46
»	358	173	137	95	132						
»	410	164	134	91							
»	450	176	139	107	134		68	41	32		48
»	451	181	129	94	125			42	30		45
»	464	171	139	91							
»	477			98			67	43	31	26	44
»	483	170	130	94							
»	500	170	131	92							
»	504	190	137	96	138		64	42	34	23	44
»	515	164		94	131		63	40	35	22	45
»	597	158		92	130			40	32	25	51
»	621	175			137			38			
»	630	175	138	100				38	32		50
»	653	180	126	91					33		
»	656	176	144	98							
»	661	183	144	95							
Ócsa	4	178	127	96	134						
»	Szn						72	40	36	29	51
Szeged-Alsóközpont	Szn3	165	138	96	123	124	58	38	32	25	46
»	Szn4	172	133	92	126	120	60	36	30	22	46
»	Szn5	173	146	97	119	122	68	38	32	25	53
»	Szn6	169	134	97	134	125	61	39	34	24	47
Szegvár-Oromdűlő	843	180	142	91	139			40	35		
Szentes-Kaján	9	157	132	90	130	123	62	39	32	23	47
Üllés	1	179	144	98	128				35	23	
»	1. szórv.	185	137	97	122				34		
»	2. szórv.	171	140	92	116						
Üllés-Zádori tanya	1	185	137	107	122						
»	2	171	142	93	126					22	54
Üllő 5	7521	169	130	96	140		71	40	35	24	50
»	7520	174	131		129		63				48
»	7503	185	153	101	125			40	32		
»	7046		157	102			70	38	29		42
»	7526				138			37	34		
Vecsés 67	95/A	176	134	96	131						

Следует отметить, что все эти антропологические типы были представлены у сармат Ук-раины, Поволжья, Подонья.

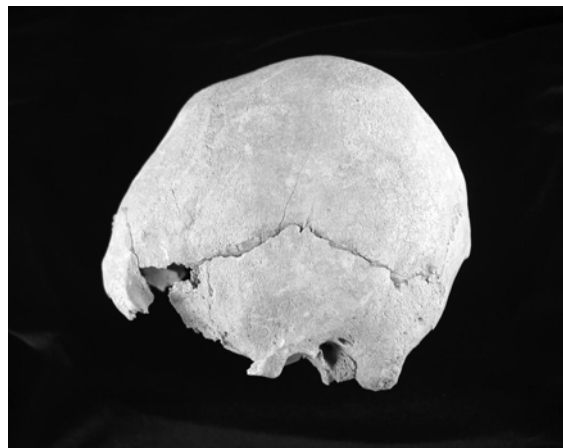
Сарматы Венгрии по данным антропологии

О. Димени (O. Dimeny) исследовал палеоантропологический материал из сарматских погребений могильника Мадарас-Халмок (Madaras-Halmok) [Dimeny, 2003].

Могильник Мадарас-Халмок датируется II — серединой V в. н.э. Материал очень плохой сохранности [Marcsik, Rajá, 2009, p. 65]. Этот могильник связывается со второй волной сарматского расселения в Венгрии, с роксоланами. Население, оставившее его, было гетерогенным. В составе материала — европеоидные и европеоидно-монголоидные черепа [Ibid., p. 71]. На 4 черепах (1 детском, 2 женских и 1 мужском) отмечены следы искусственной деформации лобно-затылочного типа [Ibid., p. 69–70]. На женском деформированном черепе из погребения № 160 и 209 (рис. 1) отмечен легкий монголоидный налет. Мужской деформированный череп из погребения № 583 (рис. 2) также имеет монголоидные черты.

Рис. 1. Женский деформированный череп из погребения № 209 могильника Мадарас-Халмок (Madaras-Halmok)

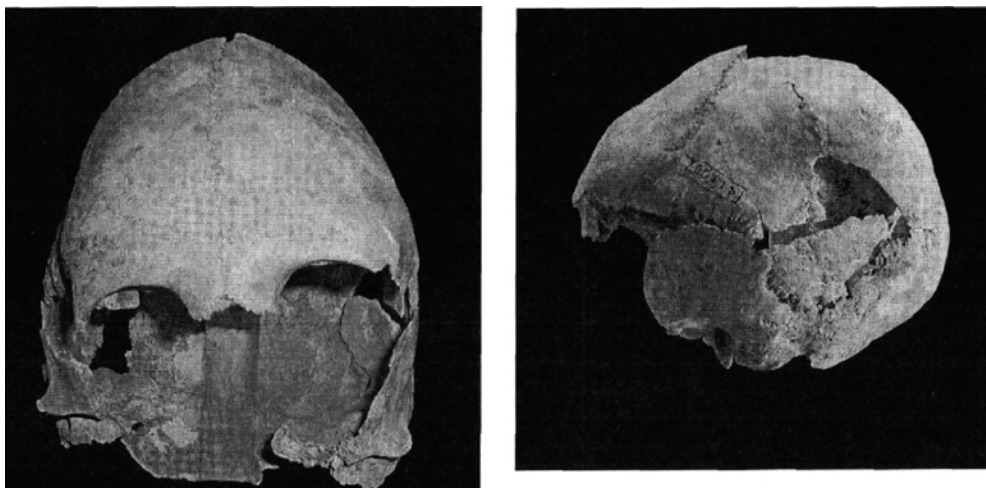
Рис. 2. Мужской деформированный череп из погребения № 583 могильника Мадарас-Халмок (Madaras-Halmok)

Т. Хайду и З. Бернерт (T. Haydu и Zs. Bernert) изучили палеоантропологический материал из сарматских погребений в Ракоцифальва-Бивалилейк (Rakoczifalva-Bivaly-lake). Черепа очень плохой сохранности. На черепе из погребения № 276 (рис. 3) отмечены следы искусственной деформации лобно-затылочного типа [Haydu, Bernert, 2007].

К сожалению, венгерские исследователи не приводят аналогий с искусственно деформированными черепами сармато-алан с территории бывшего СССР и не упоминают о возможном пути появления данного обычая на территории Венгрии. Следует отметить, что искусственная деформация черепа наблюдается у сармато-аланских племен Поволжья, Украины, Подонья, Кавказа. Появление этого обычая у сарматов Венгрии, по нашему мнению, следует связать с волной расселения роксолан на территории венгерской пушты, и привнесен он был, возможно, с востока.

А. Марчик (A. Marcsik) исследовала палеоантропологический материал из сарматских погребений в Сзегед-Кискундорозсма (Szeged-Kiskundorozsma) [Marcsik, 2011]. Материал очень плохой сохранности. Было изучено 49 черепов: 16 мужских, 18 женских и 15 детских. Черепа в целом европеоидные, однако часть их имеют некоторые монголоидные признаки (женский череп из погребения № 355, мужской из погребения № 425, женский из погребения № 921). А. Марчик выделяет черепа средиземноморского типа (женский из погребения № 305), атланти-средиземноморского (мужской из погребения № 374), памирского (памиро-ферганский) из мужского погребения № 307.

На отдельных черепах сарматов Венгрии были отмечены случаи трепанации. В сарматском могильнике Сзентес-Кистоке (Szentés-Kistoke) на черепе мальчика 15–16 лет из погребения № 124 (рис. 4) обнаружены следы трепанации [Bartusz, 1966, p. 304–307]. Трепанация зафиксирована также на черепе мужчины 40–45 лет из сарматского погребения № 28 (рис. 5) в Хевизгйорк (Hévizgyörk). Следы заживления на черепе свидетельствуют о том, что пациент перенес операцию и выжил [Ferencs, 1992]. Трепанация отмечалась также на черепах сарматов Подонья и Поволжья [Перерва, 2012; Рохлин, 1965].

Рис. 3. Искусственно деформированный череп из погребения № 276 в могильнике Ракоцифальва-Бивалилейк (Rakoczifalva-Bivaly-lake)

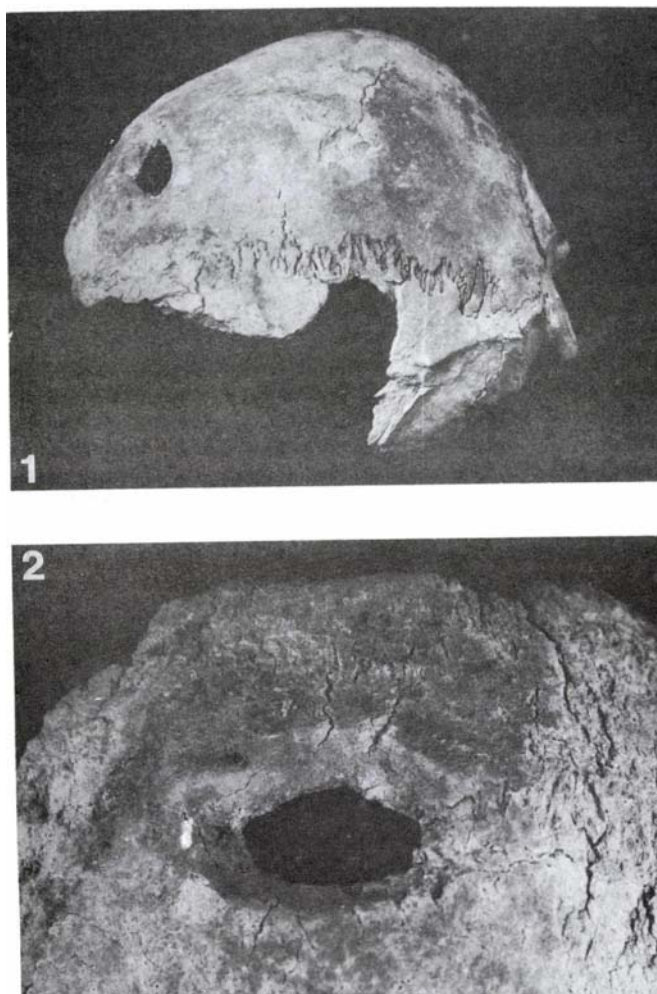
Рис. 4. Череп со следами трепанации из могильника Сзентес-Кистоке (Szentes-Kistoke)

Наличие трепанации у сарматов Венгрии и сарматов Подонья и Поволжья лишний раз свидетельствует об общности их связей и происхождения, а также о сохранении медицинских знаний и навыков у сарматов после их переселения на новую территорию.

Анализируя и суммируя сведения венгерских исследователей, приходим к выводу, что сарматы Венгрии были крайне смешанны в антропологическом отношении. Среди них присутствовали как чисто европеоидные, так и смешанные европеоидно-монголоидные типы. Антропологический тип сарматов Венгрии был сходен с антропологическим типом сарматских племен Украины, Поволжья и Подонья.

Сарматы Венгрии взаимодействовали и с местным населением, что подтверждают находки черепов динарского антропологического типа. Так же, как и сармато-аланские племена Украины, Поволжья и Подонья, сарматы Венгрии практиковали обычай искусственной деформации головы. Этот обычай был привнесен на территорию Венгрии, возможно, роксоланами. Среди сарматов Венгрии отмечены следы трепанации черепа, то же фиксируется и на отдельных черепах сарматов Подонья и Поволжья.

Сарматы Венгрии по данным антропологии

Рис. 5. Череп со следами трепанации из погребения № 28 в Хевизгйорк (Hévizgyőr)

Проведенное нами сравнение показало, что сарматы Венгрии наиболее близки к сарматам Украины, а также сходство обнаруживается с ранними и средними сарматами Нижнего Поволжья. Они включали в себя и значительный аланский компонент. Данные утверждения вполне согласуются с историческими источниками и археологическими материалами, свидетельствующими о происхождении сарматов Венгрии.

В заключение я хотел бы выразить благодарность и признательность видным венгерским антропологам А. Марчик, З. Берецки, Т. Хайду (A. Marcsik, Zs. Bereczki, T. Haydu) из департамента антропологии Сегедского университета и библиотекарю департамента антропологии Венгерского музея естественной истории Макре Сзаболцс (Makra Szabolcs) за предоставленную мне венгерскую литературу, без которой было бы невозможно написание данной статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археология Венгрии* / Под ред. В.С. Титова, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. 348 с.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Балабанова М.А.* Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья: Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 65 с.
- Вуич Л.Г.* Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // МИА. 1958. № 62. С. 17–425.

Д.А. Кириченко

- Гинзбург В.В. Фирштейн Б.В.* Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // СМАЭ. 1958. Т. 18. С. 390–427.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948. 392 с.
- Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. М.: МГУ, 1972. 155 с.
- Перерва Е.В.* Случай трепанации у сарматов: (По антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) // Антропология. 2012. № 2. С. 123–133.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука. 1965. 305 с.
- Том Т.А., Фирштейн Б.В.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 202 с.
- Bartuscz L.* Anthropologische Beiträge zur I und II. Periode der Sarmatenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica Hungarica. 1961. № 13. P. 157–229.
- Bartuscz L.* Palaeopathologia III. A praehistorikus trepanacio es orvostorteneti vonatkozasu sirleletek. Budapest, 1966. 606 p.
- Dimeny O.* Adatok a szarmata idoszak embertani feldolgozasahoz (Madaras-Halmok), Szakdolgozat. Kezirat. SZTE. Embertani tanzek, Szeged, 2003. 252 p.
- Ferencz M.* A trephined skull from Hevizgyork // Annals HNHM. 1992. Т. 84. P. 185–188.
- Harmatta J.* Studies in the history and language of the Sarmatians. Budapest, 1970 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.kroraina.com/sarm/jh>.
- Haydu T., Bernert Zs.* Embertani adatok a Tisza-Videk szarmata es gepida korahoz. 2007 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.academia.edu>.
- Hollo G.* Az 1–11 szazadokban az Alföld területen elt nepessegek kraniometriai elemzése: PhD thesis. Debrecen, 2009. 130 p.
- Hungarian Archaeology at the turn of Millenium /* Editor-in-Chief Zsolt Visy. Bugapest. 2003. 496 p.
- Liptak P.* Anthropologische funde von Osca aus der sarmatenzeit // Folia Archaeologica. 1959. № 11. P. 91–94.
- Marcsik A.* A püspökladanyi szarmatakori sorozat embertani feldolgozasa // DME. 1974. P. 191–197.
- Marcsik A., Paya L.* Examination of Sarmatian Age Human Skeletal Remains from the Madaras Graves // Medica, Social history and anthropology. 2009. № 156. P. 65–71.
- Marcsik A.* Szeged-Kiskundorozsma, hosszuhat es kistelek M 5. (27/71.) Lelohelyen feltart human csontvazanyag // MFME. 2011. № 12. P. 1–11.
- Pap I.* Az Endröd-Szujókeresztii szarmata-kori sorozat és gepida sír embertani feldolgozása // Communicationes archaeologicae Hungariae. 1983. P. 126–129.
- Parducz M.* A szarmatakor emlékei Magyarorszagon. III. Budapest: Akadémiai Kaidó, 1950. 261 p.
- Vadai A., Kiszely I.* Sarmatische Graber in Tiszakurt — Homokos // Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1980–1981. № 10/11. P. 109–117.

*Баку, Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана
sirkokozak@rambler.ru*

The presented article considers paleoanthropological data regarding Hungarian Sarmatians. The article is a historiographical investigation, giving a review of the Hungarian anthropological literature regarding the Sarmatian presence on the territory of Hungary. The present investigation is the first attempt in the domestic anthropology, describing the Sarmatian presence on the Hungarian territory. The Hungarian Sarmatians were extremely mixed in the anthropological respect. Among those one finds both purely Caucasian crania, as well as those with light Mongoloid admixture. Some of the Hungarian Sarmatians practiced artificial head deformation. Certain crania of the Hungarian Sarmatians manifest traces of trepanation. The anthropological types of the Hungarian Sarmatians were similar to those from the Ukraine, the Low Volga basin, and the Low Don basin. In the anthropological respect, the Hungarian Sarmatians were closest to the Ukrainian ones. Besides, the Hungarian Sarmatians included a substantial Alans' component.

Hungary, the Ukraine, the Sarmatians, the Alans, anthropological types, artificial head deformation, trepanation.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАЗАХСТАНА

К.Н. Солодовников*, М.П. Рыкун**, В.Г. Ломан***

Исследуются краниологические материалы эпохи бронзы с территории Центрального, Северного и Восточного Казахстана из коллекций кабинета антропологии Томского государственного университета. Проведена ревизия опубликованных другими исследователями палеоантропологических материалов бронзового века этих регионов в соответствии с современными археологическими представлениями, что позволило рассматривать ранее опубликованные и новые материалы суммарно. Авторами суммированы четыре краниологические серии археологических культур бронзового века Казахстана: петровской, алакульской, федоровской и саргаринско-алексеевской. По своим краниометрическим характеристикам они демонстрируют выраженные европеоидные особенности. Серии черепов петровской, алакульской и саргаринской культур проявляют черты долихокранного умеренно гиперморфного древнего европеоидного типа со средними размерами и пропорциями лицевого отдела, имеющего исходно западное происхождение. В расово-генетическом отношении он связан с населением культурных образований средней и поздней бронзы Восточной Европы (катакомбная, абашевская, синташтинская, покровская, срубная, западные районы распространения алакульской культуры, памятники срубно-алакульского типа). Население федоровской культуры Казахстана характеризуется особенностями андроновского варианта протоевропейского типа, свойственного населению восточных районов распространения андроновской культурно-исторической общности. Некоторая инородность федоровского населения Казахстана на фоне относительного антропологического сходства популяций других культурных образований свидетельствует о ее пришлом характере для исследуемого региона. При этом на краниологических материалах фиксируется смешение населения алакульской и федоровской культур на территории Казахстана.

Эпоха бронзы, Казахстан, андроновская культурная общность, палеоантропология, краниометрия, происхождение, расогенез.

На территории Казахстана в эпоху бронзы существовало несколько археологических культур. Все они по евразийской культурно-хронологической шкале принадлежат к поздней стадии бронзового века. По региональной сибирско-казахстанской периодизации к развитой бронзе относятся петровская, алакульская и федоровская культуры, объединяемые в огромную андроновскую культурно-историческую общность. Памятники петровской культуры исследованы на территории Северного и Центрального Казахстана. В культурно-генетическом отношении они связаны с синташтинской культурой Зауралья и сходными комплексами Волго-Уралья при гипотетическом влиянии местного казахстанского субстрата. Петровские памятники рассматриваются или как ранне-алакульские, или как самостоятельная культура, предшествующая алакульской и генетически связанная с ней. На развитой стадии алакульской культуры наблюдается ее значительное территориальное расширение, по крайней мере до Ишимо-Иртышского междуречья на восток и до кромки западно-сибирской тайги на север. Федоровская культура распространена на значительных территориях Казахстана (за исключением западных областей), Зауралья и Западной Сибири. Существует две основные точки зрения по вопросу взаимоотношения федоровской и алакульской культур: 1) преемственное развитие первой от второй; 2) параллельное существование и взаимовлияние. К эпохе поздней бронзы по региональной схеме относится саргаринско-алексеевская культура урало-казахстанских и алтайских степей, входящая в круг культур валиковой керамики (финальной стадии эпохи бронзы по общеевразийской периодизации). Формируется она на основе предшествующих культурных образований своей территории. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана археологами чаще рассматривается отдельно либо объединяется с саргаринско-алексеевскими комплексами в одно культурное образование.

В фондах кабинета антропологии Томского государственного университета хранятся краниологические материалы, собранные при широкомасштабных раскопках могильников эпохи бронзы на территории Казахстана, проводившихся археологами Карагандинского госуниверситета и Карагандинского облмузея в 1970–1980-е гг. Эти материалы вызывают особый интерес в

свете изучения расогенетических связей и происхождения населения андроновской культурной общности, в частности федоровской культуры. Антропологами отмечалось, что «накоплен и частично опубликован достаточно большой палеоантропологический материал федоровской культуры, происходящий с территории Западной Сибири. Как это ни парадоксально, но ни Казахстан, ни Южное Зауралье, оспаривающие роль ареала протофедоровских культурных традиций, не представлены в научной литературе более или менее репрезентативными антропологическими материалами андроновского времени» [Чикишева, Поздняков, 2003, с. 133]. В настоящей публикации ставится цель частично заполнить данную лакуну, а также ввести в научный оборот краниологические материалы других культурных образований эпохи бронзы с территории Казахстана¹. Черепа из могильников, исследованных карагандинскими археологами, дополнены данными по черепам из раскопок Ф.Х. Арслановой в Восточно-Казахстанской области. Небольшая часть представленных материалов ранее была изучена В.А. Дремовым [1997, прим. 17]. Оставшиеся неопубликованными индивидуальные измерения черепов из могильников Ащи-Озек, Енбек-Суйгуш и Шоиндыколь были включены в суммарные алакульскую и федоровскую серии Северо-Восточного Казахстана [Там же, табл. 15].

Сохранность заново исследованных краниологических материалов в целом удовлетворительная. Значительная часть черепов представлены лишь нижними челюстями. После реставрации были проведены их измерения по стандартной краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964] в пределах бланка Института этнографии образца 1965 г. и дополнены высотой поперечного изгиба лба [Гохман, 1961]. Индивидуальные измерения представлены в табл. 1, в которой с целью экономии места не приводятся названия краниометрических признаков, а даны только номера по Мартину и другие условные обозначения.

В процессе работы использовались данные из каталога КА ТГУ [Краниологическая коллекция...]. При сопоставлении краниологических материалов с материалами археологических отчетов о раскопках 70–80-х гг. XX в. и публикациями стало возможным в ряде случаев уточнить нумерацию погребений, из которых происходят черепа, их датировку и в отдельных спорных случаях половую принадлежность на основании набора погребального инвентаря, что особенно важно при неудовлетворительной сохранности материалов. В процессе идентификации черепов с конкретными археологическими комплексами выяснилось, что часть краниологических материалов, учтенных как принадлежащие к эпохе бронзы, датируется более поздним временем. В частности, для возможного пересчета серии бронзового века Казахстана по набору дискретных признаков [Громов, 1996, 1997а] либо одонтологической программе [Зубова, Чикишева, 2010; Зубова, 2011] необходимо отметить, что черепа из могильников Актопрак (кург. 10) и Копа (погр. соор. 4), а также череп с поселения Копа-1, по-видимому, датируются ранним железным веком, а черепа из вводных погребений кургана 2 могильника Нуртай, курганов 7 и 8 могильника Кенес, могилы 2 ограда 2 из раскопа III могильника Нуркен и ящика 2 ограда 3 могильника Копа относятся, по всей вероятности, к средневековью [Краниологическая коллекция...].

Исследованные черепа эпохи бронзы происходят из могильников, находящихся на обширной территории Центрального, Северного и Восточного Казахстана. В 1940–1960-е гг. Г.Ф. Дебец, В.В. Гинзбург и О. Исмагулов опубликовали краниологические материалы из погребений эпохи бронзы этих районов. Суммированы они были В.П. Алексеевым [1967], который разделил имеющиеся материалы эпохи бронзы Казахстана на четыре территориальные группы андроновской культуры. Данные серии Западного, Центрального, Северного и Восточного Казахстана используются как сравнительные и в некоторых современных антропологических работах, в качестве андроновских серий своих районов. Однако позже В.А. Дремов [1990, 1997] малочисленные группы Северного, Центрального и Восточного Казахстана объединил в одну, названную серией Северо-Восточного Казахстана или просто восточно-казахстанской. Как отмечалось, все местонахождения расположены практически на одной территории на северо-востоке Казахстана и четко отделяются географически лишь от серии Западного Казахстана [Дремов, 1997, прим. 16] и, добавим, смежных районов Южного Зауралья. Новые исследованные материалы не меняют эту картину в территориальном распределении материалов эпохи бронзы.

---

¹ Обобщающее исследование по палеоантропологии эпохи бронзы Южного Урала недавно было проведено Е.П. Китовым [2011].

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана

Таблица 1

Индивидуальные измерения черепов эпохи бронзы из могильников с территории Центрального, Северного и Восточного Казахстана

№	Могильник	Курган (ограда), могила	Область, район	Автор и год раскопок
1	Нуртай	Кург. 6, мог. 2	Карагандинская, Каркаралинский	Ткачев А.А., 1980
2	Нуртай	Огр. 10, мог. 2	»	»
3	Нуртай	Кург. 14, мог. 1	»	»
4	Нуртай	Кург. 15, мог. 1	»	»
5	Сатан	Кург. 4, мог. яма 2 (центр.)	»	Евдокимов В.В., 1980
6	Майтан	Огр. 1, могила	Карагандинская, Бухаржырауский	Ткачев А.А., 1984
7	Майтан	Кург. 6, мог. 1	»	»
8	Майтан	Огр. 8, мог. 1	»	Ткачев А.А., 1982
9	Майтан	Огр. 8, мог. 2 (?)	»	»
10	Майтан	Огр. 10, мог. 2	»	Ткачев А.А., 1984
11	Майтан	Кург. 13, мог. 1	»	»
12	Майтан	Кург. 15Г, могила	»	»
13	Майтан	Кург. 17В, мог. 1	»	»
14	Майтан	Огр. 23А, мог. 3	»	Ткачев А.А., 1986
15	Майтан	Огр. 23Б, могила	»	»
16	Майтан	Огр. 23Д, мог. 1	»	»
17	Майтан	Огр. 24	»	»
18	Майтан	Огр. 27А, мог. 1	»	Ткачев А.А., 1987
19	Майтан	Кург. 29В, мог. 1	»	»
20	Майтан	Огр. 34, мог. 1	»	Ткачев А.А., 1985
21	Майтан	Огр. 36А, мог. 2	»	»
22	Майтан	Огр. 36А, мог. 2	»	»
23	Майтан	Огр. 40, мог. 2	»	Ткачев А.А., 1984
24	Майтан	Огр. 40, мог. 6	»	»
25	Майтан	Огр. 50Б, мог. 1	»	Ткачев А.А., 1987
26	Майтан	Огр. 50В, могила	»	»
27	Ташик	Огр. 5	»	Евдокимов В.В., 1984
28	Нуркен	Раск. II, мог. 6	Карагандинская, Каркаралинский	Евдокимов В.В., 1979
29	Ащи-Озек	Огр. 1, погр. 1	»	Евдокимов В.В., 1981
30	Ащи-Озек	Огр. 5	»	»
31	Бозенген	Кург. 8, мог. 1 (?)	»	Евдокимов В.В., 1979
32	Аллымса	Кург. 2, мог. 2	»	»
33	Аллымса	Кург. 4, мог. 1	»	Ткачев А.А., 1981
34	Енбек-Суйгуш	Раск. 1, огр. 3	»	Евдокимов В.В., 1982
35	Енбек-Суйгуш	Раск. 3, огр. 3	»	»
36	Шоиндыколь	Погр. 6	Павлодарская, Баянаульский	Варфоломеев В.В., Рудковский И.В., 1982
37	Шоиндыколь	Погр. 7	»	»
38	Шоиндыколь	Огр. 2, погр. 2	»	»
39	Шоиндыколь	Огр. 3, погр. 3	»	»
40	пос. Кент	Раск. 5, погребение	Карагандинская, Каркаралинский	Ломан В.Г., 1986
41	Донгал	Огр. 18, погр. 18	»	Варфоломеев В.В., 1983
42	Донгал	Огр. 23, погр. 23	»	»
43	Красные Горы	Огр. 1	Карагандинская, близ г. Темиртау	Ткачев А.А., 1983
44	пос. Икпень I	Мог. 8	Карагандинская, Нуринский	Ткачев А.А., 1987
45	Кенес	Кург. 3, раск. 1, яма 3	Северо-Казахстанская, Сергеевский	Зданович Г.Б., 1975
46	Лисаковский	Раск. II, огр. 3	Кустанайская, близ г. Лисаковска	Усманова Э.Р., 1987
47	Лисаковский	Раск. V, кург. 1, мог. яма 1	»	Усманова Э.Р., 1986
48	Лисаковский	Раск. XI, огр. 1, мог. 1	»	Усманова Э.Р., 1989
49	Лисаковский	Раск. XI, огр. 1, мог. яма 2	»	»
50	Кожихово	Кург. 1, скелет 1	Восточно-Казахстанская, Глубоковский	Арсланова Ф.Х., 1984
51	Кожихово	Кург. 1, скелет 2	»	»

Продолжение табл. 1

№	Признаки по Мартину и др.				1	1b	8	8:1	17	17:1	17:8	20	20:1
	Инв. № ТГУ	Пол	Возраст	Культура									
1	4330	♀	Ок. 18	Петровская	167?	166?	—	—	130?	77,8?	—	—	—
2	4331	♀	25–30	»	186	185	130	69,9	135	72,6	103,8	113	60,8
3	4332	♀	20–30	»	179	181	139?	77,7?	135?	75,4?	97,1?	115	64,2
4	4333	♀	18–20	»	180	177	131	72,8	134	74,4	102,3	112	62,2
5	4372	♀	Ок. 18	»	172	171	134	77,9	138	80,2	103,0	120	69,8
6	4334	♀	Ок. 20	Алакульская	199	195	145?	72,9?	138	69,3	95,2?	117?	58,8?
7	4335	♀	50–60	»	188	185	147??	78,2?	—	—	—	—	—
8	4337	♀	Ок. 18	»	174	174	144?	82,8?	—	—	—	—	—
9	4336	♀	Ок. 18	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	4338	♀	Ок. 50	»	172	171	144	83,7	122	70,9	84,7	109?	63,4?
11	4339	♀	20–25	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	4340	♀	18–20	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	4341	♀	20–25	»	185	182	141	76,2	—	—	—	116	62,7
14	4342	♀	25–30	»	167	167	—	—	—	—	—	—	—
15	4343	♀	Ок. 35	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	4344	♀	Ок. 20	»	176	176	132	75,0	141	80,1	106,8	118	67,0
17	4345	♀	Ок. 25	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	4346	♀	18–20	»	180	179	150?	83,3?	—	—	—	—	—
19	4347	♀	18–20	»	183	181	139?	76,0?	141	77,0	101,4?	120	65,6
20	4348	♀	35–40	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	4349	♀	20–30	»	176	174	138?	78,4?	—	—	—	115	65,3
22	4350	♀	30–35	»	182	180	133	73,1	134	73,6	100,8	114	62,6
23	4351	♀	20–25	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	4352	♀	Ок. 30	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	4353	♂?	Ок. 18	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана

Попытка ревизии опубликованных палеоантропологических материалов в соответствии с более современными археологическими представлениями позволила выявить смешанный характер андроновской серии Северо-Восточного Казахстана в культурно-хронологическом отношении. Выяснилось, что наряду с андроновскими (алакульскими и федоровскими) в серию были включены черепа, датирующиеся от неолита до, по крайней мере, раннего железного века, а также с неопределенной датировкой [Солодовников, 2001].

Проведенное авторами данной работы дополнительное уточнение культурно-хронологической принадлежности ранее опубликованных материалов дает возможность включить часть из них в краниологические серии археологических культур эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана и рассматривать ранее опубликованные и новые материалы суммарно. Малочисленность черепов из отдельных могильников не позволяет сформировать отдельные серии. Поэтому мы ограничились суммированием четырех серий по археологическим культурам: петровская², алакульская, федоровская и эпохи поздней бронзы (саргаринско-алексеевская).

Петровскую серию составляют целиком новые материалы (преимущественно женские черепа) из могильников с территории Северного и Центрального Казахстана. В алакульскую группу помимо впервые представленных материалов включены черепа из могильников Нурманбет [Исмагулов, 1963] и Кокдамбек [Гинзбург, 1963] в Павлодарской области, Былкылдак I в Карагандинской [Гинзбург, 1956а] и Чаглинка II в Акмолинской [Исмагулов, 1963]. В территориальном и половом отношении полученная серия алакульской культуры распределена более равномерно, чем петровская. Некоторая часть впервые публикуемых алакульских черепов происходит из археологических комплексов, в значительной степени смешанных с федоровскими культурными элементами. Именно по материалам Центрального Казахстана прослеживается многообразие черт взаимодействия алакульской и федоровской культур, вплоть до появления синкретичных и смешанных типов [Кузьмина, 1994, с. 47; Ткачев, 1991, 2002]. Федоровская серия также сбалансирована по полам и довольно равномерно охватывает районы Северного, Центрального и Восточного Казахстана вплоть до крайних восточных его территорий. В федоровскую группу из ранее опубликованных материалов включены черепа из могильников Дандыбай [Дебеч, 1948], Айшрак (Атасу) [Гинзбург, 1956а], Канаттас (огр. 11, мог. 2) и Бельасар (огр. 60, вост. пристр.) [Исмагулов, 1963] в Центральном Казахстане; Буйрукколь, Обалы, Боровое [Гинзбург, 1956б] и Калачевский [Гинзбург, 1963] в Северном; Сарыколь [Гинзбург, 1952], Караозек [Исмагулов, 1963] и Малая Красноярка (погр. 1 на поселении) [Гинзбург, 1956а, № 4 в табл. 1] в Восточном Казахстане. Серия эпохи поздней бронзы состоит из краниологических материалов, происходящих из погребений с преобладанием автохтонного (саргаринско-алексеевского) культурного компонента населения эпохи поздней бронзы Казахстана. Это преимущественно женские черепа, а из опубликованных другими исследователями в саргаринско-алексеевскую серию включены краниологические материалы из могилы 1 могильника Малая Красноярка [Гинзбург, 1956а] и погребения 21 Алексеевского могильника на Тоболе³ [Герасимов, 1949]. Последний череп ранее включался в западно-казахстанскую андроновскую серию [Алексеев, 1967], однако Алексеевский могильник территориально относится к Северному Казахстану и находится в значительном удалении от могильников Актюбинской области и прилегающих районов Оренбургской, черепа из которых составляют западно-казахстанскую андроновскую серию (см., например, карту в работе О. Исмагулова [1963, с. 156]). Без сомнения, в дальнейшем не исключено уточнение культурно-хронологической принадлежности отдельных погребений, из которых происходят черепа, вошедшие в данные суммарные серии культур бронзового века Казахстана, а также перегруппировка имеющихся материалов вслед за возможной дифференциацией культурных типов.

Ощутимым пробелом по-прежнему является отсутствие палеоантропологических материалов бегазы-дандыбаевской культуры. Относимые ранее к этой культуре черепа [Дремов, 1997, прим. 22] либо датируются более поздним временем (впускное кочевническое погребение в ограде 7 могиль-

² Памятники, сходные с петровскими Северного Казахстана, в Центральном Казахстане выделяются А.А. Ткачевым [2002] в нуртайскую культуру.

³ Автором раскопок погребение 21 Алексеевского могильника было отнесено к числу андроновских [Кривцова-Гракова, 1947, с. 66], что и понятно, поскольку самостоятельная культура поздней бронзы тогда еще не выделялась. По черепу из данного погребения М.М. Герасимовым была сделана известная скульптурная реконструкция «андоновской» женщины [Там же, рис. 8]. В настоящее же время очевидно, что по особенностям погребального обряда оно относится к финалу эпохи бронзы [Варфоломеев, 2013].

ника Канаттас) [Исмагулов, 1963], либо не имеют четкой датировки, как череп из Моинты в Коунрадском районе [Гинзбург, 1956а]. На последней находке следует остановиться особо. Ранее уже отмечалось его морфологическое своеобразие и сходство с черепом из Чубартау в бывшей Семипалатинской области [Исмагулов, 1963], также считающимся принадлежащим к эпохе бронзы [Солодовников, 2009]. Объединяет эти два женских черепа небольшая длина и малая высота мозговой коробки, ее выраженная брахикрания, абсолютно и относительно высокий лицевой отдел с заметной его горизонтальной уплощенностью и несильно выступающий нос. Эти признаки придают данным черепам монголоидные особенности, что отличает их от европеоидов бронзового века евразийских степей и сближает с южно-сибирской расой, к которой принадлежит и современное население Казахстана. Поскольку археологический контекст также дает широкие возможности для интерпретации (отметим, что череп из Чубартау был найден антропологом О. Исмагуловым при раскопках близкого к современности казахского кладбища), представляется целесообразным исключить эти материалы из дальнейшего рассмотрения.

Таблица 2

Суммарные серии черепов археологических культур эпохи бронзы Центрального, Северного и Восточного Казахстана (мужские и женские черепа суммарно)

Признак		Петровская		Алакульская		Федоровская		Саргаринско-алексеевская	
		<i>n</i>	<i>M</i>	<i>n</i>	<i>M</i>	<i>n</i>	<i>M</i>	<i>n</i>	<i>M</i>
1	Продольный диаметр	6	187,1	24	185,9	17	183,1	7	190,2
8	Поперечный диаметр	5	140,1	22	142,5	17	143,1	6	141,8
8:1	Черепной указатель	5	74,0	22	76,8	17	78,2	6	74,5
17	Высотный диаметр	6	141,1	14	138,3	9	140,9	5	135,8
17:1	Высотно-продольный указатель	6	75,5	14	74,7	9	76,8	5	71,2
17:8	Высотно-поперечный указатель	5	101,5	14	97,6	9	98,4	5	96,7
5	Длина основания черепа	4	110,5	14	105,6	8	104,4	5	108,8
9	Наименьшая ширина лба	4	97,6	24	98,2	18	98,8	5	95,2
32	Угол профиля лба	4	80,0	16	80,8	12	84,4	3	78,0
40	Длина основания лица	4	103,7	12	101,0	6	97,1	4	103,2
40:5	Указатель выступа лица	4	93,9	12	95,8	6	93,4	4	93,4
45	Скуловой диаметр	5	133,4	15	137,6	10	137,8	5	136,7
48	Верхняя высота лица	5	76,1	20	71,8	15	68,0	5	72,8
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	5	54,0	14	52,1	8	48,1	5	53,7
48:45	Верхний лицевой указатель	4	56,6	12	52,0	10	49,4	4	52,9
72	Общий лицевой угол	4	86,3	11	84,3	10	86,1	3	87,0
77	Назюмалярный угол	4	135,9	22	138,5	13	139,1	5	137,7
∠Zm'	Зигомаксиллярный угол	1	119,3	14	125,0	9	127,8	3	124,1
51	Ширина орбиты от mf.	5	44,0	18	43,9	11	43,8	4	44,3
51a	Ширина орбиты от d.	4	41,5	17	40,7	14	40,9	5	41,8
52	Высота орбиты	4	33,4	20	32,3	15	32,0	5	34,1
52:51	Орбитный указатель от mf.	4	74,9	18	73,7	11	73,8	4	78,0
52:51a	Орбитный указатель от d.	4	80,5	17	79,3	14	78,3	5	81,5
55	Высота носа	5	53,9	18	53,3	15	49,8	5	53,9
54	Ширина носа	6	25,2	16	24,7	13	25,3	5	26,1
54:55	Носовой указатель	5	47,3	14	46,9	13	50,3	5	48,6
75(1)	Угол выступа носа	3	33,0	10	30,1	10	31,1	4	32,3
SC	Симотическая ширина	4	8,83	14	8,93	10	9,10	3	9,17
SS	Симотическая высота	4	6,25	13	5,55	11	5,36	3	4,83
SS:SC	Симотический указатель	4	70,9	13	63,5	10	61,3	3	53,2
DC	Дакриальная ширина	2	22,60	13	22,40	12	21,58	3	22,63
DS	Дакриальная высота	2	15,00	10	13,97	10	13,15	3	14,90
DS:DC	Дакриальный указатель	2	66,4	10	65,8	10	60,8	3	66,5

Поскольку сохранность многих черепов в каждой из полученных серий культур эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана неполная, а численность по половым группам наиболее ранней и поздней из них очень малая, измерения мужских черепов в разнокультурных сериях были суммированы с измерительными данными по женским, приведенным к «мужским» с помощью средних коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебеч, 1964, табл. 12–13]. По средним краниометрическим показателям население эпохи бронзы Казахстана характеризуется в целом европеоидными чертами (табл. 2). Объединяет все четыре серии рез-

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана

кая горизонтальная профилировка лицевого отдела, его ортогнатность, большой угол выступа носовых костей к линии общего лицевого профиля, среднеширокие и очень высокие переносье и носовые кости в месте их наибольшего сужения. При этом наиболее выражены европеоидные особенности в петровской серии. Объединяющими характеристиками в строении мозгового и лицевого отделов серий эпохи бронзы Казахстана также являются средняя ширина долихо-мезокранной и акрокранной мозговой коробки, среднеширокие или широкие лоб и лицо, широкие и относительно низкие орбиты, среднеширокий нос. При этом варьируется длина мозговой коробки, угол профиля лба, высота лица, носа и орбит и связанные с ними указатели. На фоне остальных трех групп выделяется федоровская серия, характеризующаяся средней длиной выражено мезокранной мозговой коробки с наиболее широкой вертикально поставленной лобной костью, абсолютно и относительно низкими лицом, наиболее низкими орбитами и носовым отделом. По этим параметрам она образует комплекс, соответствующий андроновскому варианту протоевропейского типа [Дебец, 1948], характерному для населения федоровской культуры [Алексеев, 1961; Дремов, 1997; и др.]. Сходство петровской, алакульской и саргаринско-алексеевской серий, по всей вероятности, объясняется преобладанием другого морфологического варианта древних европеоидов — с длинной долихокранной мозговой коробкой, средненаклонным лбом, средними размерами и пропорциями лицевого отдела с тенденцией к лептопрозопии. Алакульская серия при несомненном сходстве с петровской и саргаринской по ряду признаков отклоняется в направлении федоровской группы, что, по-видимому, является отражением на палеоантропологических материалах процесса взаимодействия алакульских и федоровских коллективов, а также особенностью данной серии черепов алакульской культуры.

Таблица 3

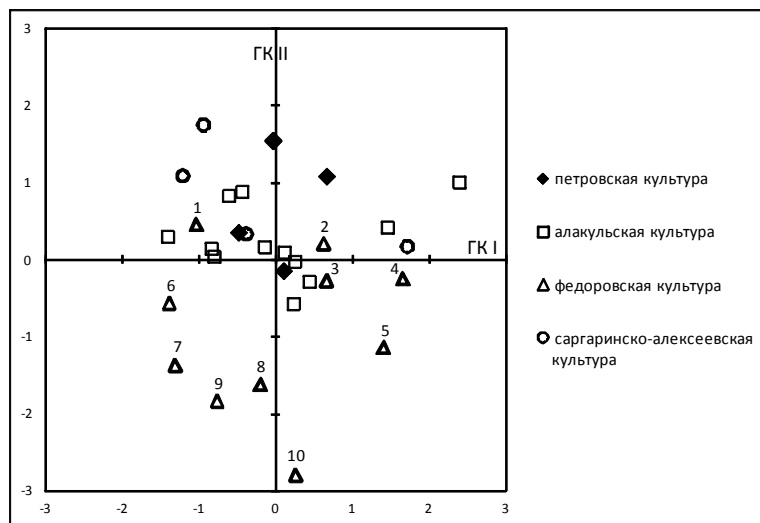
Факторные нагрузки первых двух главных компонент (ГК I–II) объединенной серии мужских и женских (в пересчете на «мужские») черепов культур эпохи бронзы Центрального, Северного и Восточного Казахстана

Признак		I	II
1	Продольный диаметр	-0,281	0,536
8	Поперечный диаметр	-0,635	-0,482
17	Высотный диаметр	-0,161	-0,210
9	Наименьшая ширина лба	-0,578	-0,295
32	Угол профиля лба от п.	-0,073	-0,851
45	Скуловой диаметр	-0,787	-0,213
48	Верхняя высота лица	-0,690	0,519
72	Общий лицевой угол	-0,438	-0,249
77	Назональный угол	-0,310	-0,259
$\angle Zm'$	Зигмаксиллярный угол	-0,421	-0,439
51	Ширина орбиты от mf.	-0,727	0,144
52	Высота орбиты	-0,625	0,452
55	Высота носа	-0,672	0,527
54	Ширина носа	-0,393	-0,186
75 (1)	Угол выступа носа	-0,001	-0,367
SS:SC	Симотический указатель	0,355	0,179
λ	Собственные числа	4,060	2,714
P, %	Доля в общей дисперсии	25,375	16,964

Морфологические отличия федоровского населения Северного, Центрального и Восточного Казахстана от населения других культурных образований демонстрируют результаты внутригруппового анализа главных компонент объединенной выборки черепов бронзового века этой территории. В него включены краниологические материалы подходящей сохранности (мужские и пересчитанные на «мужские» женские черепа)⁴. Если первая главная компонента отражает индивидуальную вариабельность черепов по тотальным размерам мозгового и лицевого отделов, являясь, по сути, «фактором размера» (табл. 3), то вторая главная компонента отделяет большинство федоровских черепов от остальной совокупности материалов бронзового века Казахстана (рис. 1). Добавим, что если из анализа исключить черепа из смешанных алакульско-федоровских комплексов, то это разделение было бы более явным. Отметим также, что из фе-

⁴ В случае отсутствия не более четырех используемых в анализе признаков на черепе использовались средние значения данной совокупности.

доровских материалов трансгрессию по второй главной компоненте с массивом черепов других археологических культур обеспечивают федоровские черепа преимущественно из районов Центрального Казахстана и/или в основном женского пола (рис. 1).

Рис. 1. Положение мужских и женских (в пересчете на «мужские») черепов культур эпохи бронзы Центрального, Северного и Восточного Казахстана в пространстве первой и второй главных компонент: 1 — Кожახово, кург. 1, ск. 1 ♀; 2 — Алпымс, кург. 3, мог. 1 ♀; 3 — Шоиндыколь, погр. 6 ♂; 4 — Енбек-Суйгуш, раск. 3, огр. 3 ♀; 5 — пос. Малая Красноярка, погр. 1 ♀; 6 — Калачевский, огр. 11 ♀; 7 — Обалы, огр. 7 ♂; 8 — Дандыбай, кург. 2, мог. 2 ♂; 9 — Боровое, мог. 5 ♀; 10 — Караозек, огр. 2 ♂

Таблица 4

Привлекаемые для сравнения мужские серии черепов эпохи бронзы

1	Елунинская культура [Солодовников, Тур, 2003]	37	Балановский могильник, фатьяновская культура [Акимова, 1963]
2	Самусьское время восточных районов Верхнего Приобья [Дрёмов, 1997; Солодовников, 2006, табл. 9]	38	Абашевская культура Волго-Уралья, суммарно (Ольгаши, Абашево, Тауш-Касы, Чуракаево, Съезжее, погр. 8, 9) [Дебец, 1948; Акимова, 1955, 1968; Шевченко, 1980; Хохлов, 2010б]
3	Аймырлыг, культура окуневского типа Тувы [Гохман, 1980]	39	Пепкинский курган, абашевская культура [Шевченко, 1986]
4	Каракольская культура [Тур, Солодовников, 2005]	40	Бабинская культура (КМК) Украины [Круц, 1984]
5	Окуневская культура [Громов, 1997]	41	Лолинская культура [Казарницкий, 2012]
6	Сопка II, кротовская культура [Дрёмов, 1997]	42	Криволюкский культурный тип [Хохлов, Мимоход, 2008]
7	Гумугоу, ранняя и развитая бронза Восточного Туркестана [Хань, 1986]	43	Синташтинская культура Приуралья [Китов, 2011]
8	Андроновская культура Барабинской лесостепи, суммарно [Дрёмов, 1973; Чикишева, Поздняков, 2003]	44	Синташтинская культура Поволжья, суммарно (Потаповка I, без инокультурных черепов [Отрощенко, 1998], Утевка VI) [Яблонский, Хохлов, 1994; Хохлов, 2010а]
9	Еловка II, андроновская культура Томского Приобья [Дрёмов, 1997], с учетом коррекции датировок [Матющенко, 2004]	45	Синташтинская культура Зауралья [Китов, 2011]
10	Андроновская культура Кузнецкой котловины [Дрёмов, 1997; Чикишева, Поздняков, 2003]	46	Петровская культура Южного Урала [Китов, 2011]
11	Андроновская культура Среднего Енисея [Дрёмов, 1997]	47	Андроновская культура Западного Казахстана [Алексеев, 1967]
12	Андроновская культура лесостепного Алтая [Киришин, Солодовников, 2010]	48	Алакульская культура Южного Урала [Китов, 2011]
13	Андроновская культура лесостепного Алтая, «протоевропейский» морфологический компонент, суммарно [Киришин, Солодовников, 2010, табл. 5]	49	Срубно-алакульский культурный тип Южного Урала [Китов, 2011]
14	Андроновская культура лесостепного Алтая, «средиземноморский» морфологический компонент, суммарно [Киришин, Солодовников, 2010, табл. 5]	50	Старо-Ябалаклинский могильник, срубная культура Башкирии [Шевченко, Юсупов, 1991]
15	Ермак IV, алакульская культура Омского Прииртышья [Дрёмов, 1997]	51	Срубная культура Башкирии, сборная серия [Шевченко, Юсупов, 1991]
16	Черноозерье I, андронидная культура [Дрёмов, 1997]	52	Спиридоновка II, раннесрубная культура лесостепного Поволжья [Хохлов, 2010а]
17	Еловка II, еловская культура [Дрёмов, 1997], с учетом коррекции датировок [Матющенко, 2004]	53	Хрящевка, раннесрубная культура лесостепного Поволжья [Шевченко, 1986]
18	Еловка I, поздняя бронза Томского Приобья, суммарно [Дрёмов, 1997]	54	Лузановка, срубная культура лесостепного Поволжья [Шевченко, 1986]
19	Черкаскульская культура [Дрёмов, 1997]	55	Срубная культура лесостепного Поволжья, сборная серия [Шевченко, 1986]

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана

Окончание т а б л . 4

20	Ново-Шадрино VII, пахомовская культура [Солодовников, Рыкун, 2011]	56	Срубная культура Саратовской области [Шевченко, 1986]
21	Старый Сад, «культура эпохи поздней бронзы» Барабинской лесостепи [Чижишева, 2000]	57	Срубная культура Волгоградско-Астраханской области [Шевченко, 1986]
22	Верхнее Прииртышье, поздняя бронза [Солодовников, 2009]	58	Срубная культура Азово-Каспийского междуморья [Казарницкий, 2012, табл. 44]
23	Преображенка III, ирменская культура Барабинской лесостепи [Молодин, Чижишева, 1988]	59	Перекопка, срубная культура Подонья [Балабанова, Перерва, 2012]
24	Ирменская культура Барнаульско-Новосибир. Приобья и Большереченского района, суммарно [Дрёмов, 1997]	60	Срубная культура Украины [Круц, 1984]
25	Ирменская культура Кузнецкой котловины, Журавлево 1 и 4 [Бобров и др., 1993]	61	Белозерская культура Украины, суммарно [Зіневич, Круц, 1968; Круц, 1984; Литвинова, Поруцкий, 1987]
26	Ирменская культура Кузнецкой котловины, р. Иня, сборная серия [Дрёмов, 1997]	62	Алтын-Депе, древнеземледельческая культура юга Средней Азии [Кияткина, 1987]
27	Карасукская культура южных районов Минусинской котловины, суммарно [Громов, 1995]	63	Пархай II, развитая и поздняя бронза (периоды ЮЗТ III–I суммарно), древнеземледельческая культура юга Средней Азии [Громов, 2004]
28	Карасукская культура Минусинской котловины [Рыкушина, 2007]	64	Сапаллитепе, древнеземледельческая культура юга Средней Азии [Алексеев, Гохман, 1984]
29	Полтавкинская культура [Шевченко, 1986]	65	Джаркутан, древнеземледельческая культура юга Средней Азии [Алексеев, Гохман, 1984]
30	Катакомбная культура Нижнего Поволжья, суммарно [Шевченко, 1986, табл. 25]	66	Бешкентская скотоводческая культура юга Средней Азии, суммарно (Ранний Тулхар и Бешкентский мор.) ⁵ [Кияткина, 1968, 1987]
31	Катакомбная культура Волго-Донского междуречья [Балабанова, 2010]	67	Тигровая Балка и Макони-Мор, вахшская скотоводческая культура юга Средней Азии [Алексеев, Гохман, 1984]
32	Катакомбная культура Калмыкии, суммарно [Казарницкий, 2012]	68	Кокча 3, тазабагыбская культура Приаралья [Яблонский, 1986]
33	Катакомбная культура левобережья Дона, суммарно [Вуич, 1958; Шевченко, 1986, табл. 25]	69	Лчашен, эпоха бронзы Закавказья [Алексеев, 1974]
34	Катакомбная культура правобережья Дона, суммарно [Фишштейн, 1974; Шевченко, 1986, табл. 25]	70	Севан, эпоха бронзы Закавказья [Алексеев, 1974]
35	Катакомбная культура Украины [Круц, 1984]	71	Неркин Геташен, эпоха бронзы Закавказья [Мкртчян и др., 1997]
36	Фатьяновская культура [Денисова, 1975]	72	Гинчи, эпоха бронзы Кавказа [Алексеев, 1974]

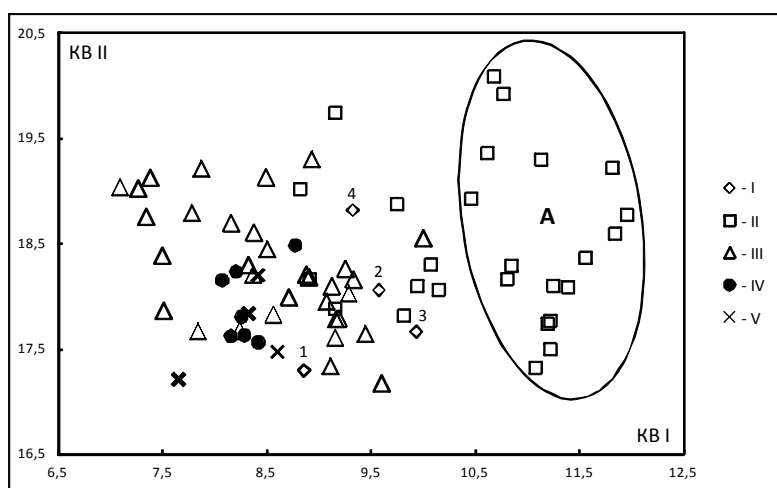
Некоторую антропологическую чужеродность федоровского населения Северного, Центрального и Восточного Казахстана на фоне относительного морфологического единства населения других культурных образований этой территории подтверждают результаты межгруппового анализа, в который включены краниологические материалы эпохи бронзы с территории Евразии (мужские серии), часть из которых получена суммированием опубликованных измерений черепов (табл. 4). Проведенный канонический анализ (рис. 2) позволяет исключить из детального сравнения с казахстанскими сериями группы с территории Западной Сибири, в которых наблюдается ослабление европеоидных особенностей в результате воздействия автохтонного расового компонента (часть серий эпохи доандроновской бронзы, северные андроновцы, серии андронидных культур, карасукские и большинство ирменских), а также крайне долихолептоморфные серии населения посткатакомбных культурных образований Восточной Европы (бабинская (КМК), лолинская культуры, криволукский тип), срубной культуры из могильника Перекопка и белозерской культуры Украины, по-видимому не имеющего непосредственного отношения к расогенезу населения Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Не имея здесь возможности обозначить положение привлекаемых для сравнения краниологических серий (табл. 4) на графике, заметим, что петровская и позднебронзовая казахстанские серии по комплексу наиболее важных расоводиагностирующих признаков⁶ наибольшее сходство обнаруживают с локализованными западнее европеоидными группами эпохи средней и поздней бронзы с территории Восточной Европы, Южного Урала и Западного Казахстана (рис. 3). Федоровцы Северного, Центрального и Восточного Казахстана морфологически сходны с группами восточного ареала андроновской общности: единокультурными сериями Среднего Енисея [Дрёмов, 1997] и Кузнецкой котловины [Чижишева, Поздняков, 2003], а также алакульской из могильника Ермак IV [Дрёмов, 1997]. Однако наибольшее, доходящее до идентичности сходство федоровцев Казахстана наблюдается с серией⁷, представляющей протоевропейский компонент в составе андроновцев лесостепного Алтая⁷ [Кирюшин, Солодовников, 2010]. Последняя

⁵ Мужские и женские черепа суммарно.

⁶ 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, $\angle Zm'$, SC, SS, 32, 72, 75(1).

⁷ В данном варианте анализа (рис. 3–5) вместо суммарной серии андроновской культуры лесостепного Алтая используются серии, представляющие «протоевропейский» и «средиземноморский» морфологические компоненты в составе алтайских андроновцев [Солодовников, 2006; Кирюшин, Солодовников, 2010].

краниологическая серия может служить своеобразным «эталоном» андроновского морфологического варианта протоевропейского антропологического типа, а федоровская казахстанская в этом отношении с ней очень сходна. Алакульская группа занимает промежуточное положение между анализируемыми петровской и саргаринско-алексеевской, с одной стороны, и федоровской, с другой, что отражает, по-видимому, ее метисный характер. Примечательно также, что серия, представляющая умеренно узколицый долихокранный морфологический компонент в составе алтайских андроновцев [Там же] вместе с европеоидными группами доандроновской бронзы Сибири (елунинская культура лесостепного Алтая и могильник Аймырлыг в Туве) тяготеют к сериям Кавказа и Средней Азии и наиболее долихо-лептоморфным восточно-европейским. В то же время даже петровская и позднебронзовая анализируемые группы не обнаруживают такого тяготения. Это позволило исключить из дальнейшего анализа серии доандроновской бронзы с территории Сибири, кавказские и среднеазиатские группы, а также не уступающие им в отношении выраженности долихо-лептоморфного комплекса фатьяновскую и балаоновскую серии.

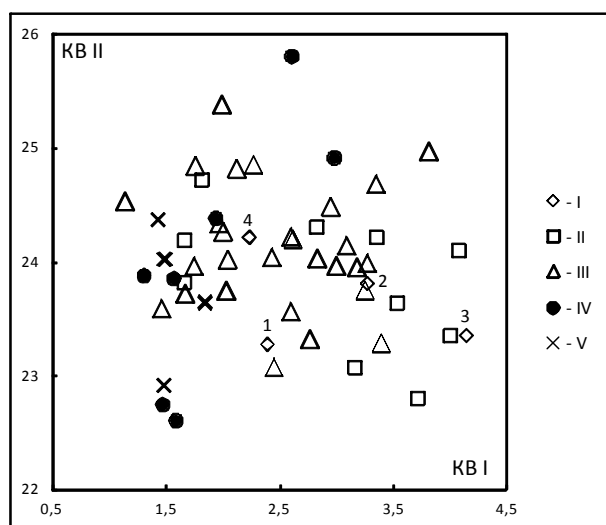

Рис. 2. Положение европеоидных и смешанных европеоидно-монголоидных (А) серий эпохи бронзы Центрального, Северного и Восточного Казахстана — I; Сибири и Центральной Азии — II; Восточной Европы и Южного Урала — III; Средней Азии — IV и Кавказа — V в пространстве первого и второго канонических векторов: Здесь и далее: 1 — петровская культура; 2 — алакульская культура; 3 — федоровская культура; 4 — саргаринско-алексеевская культура

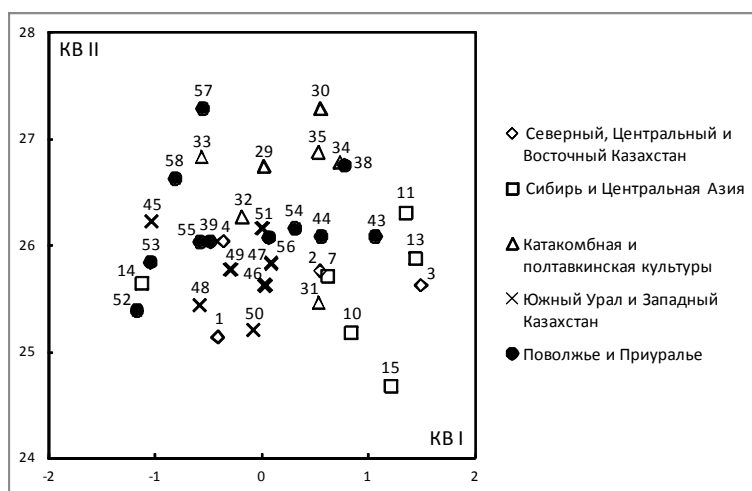
При изменении масштаба сравнения, с привлечением лишь краниологических материалов из прилегающих к Казахстану степей и лесостепей Евразии, по результатам канонического анализа достаточно четко определяется население, наиболее тесно связанное в расово-генетическом отношении с населением эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана (рис. 4). Причем наибольшее сходство определяется не столько в связи с культурной принадлежностью, сколько в связи с географической локализацией. Федоровская казахстанская группа не меняет характера морфологических связей, несомненно принадлежа к кругу европеоидного населения восточных областей андроновской общности. Петровская и саргаринско-алексеевская наиболее тесные связи проявляют с большинством серий Южного Урала и Западного Казахстана, особенно алакульской и срубно-алакульской Урала [Китов, 2011]. Не велики различия также с выборками срубной культуры Башкирии, алакульской Западного Казахстана и петровской Южного Урала. Среди поволжско-приуральских групп с казахстанской саргаринско-алексеевской серией наиболее сходны серии абашевской культуры из Пепкинского кургана и срубной лесостепного Поволжья, а с алакульской Центрального, Северного и Восточного Казахстана — синташтинской саратовского Заволжья и срубной из Лузановки. Остальные группы Поволжья и Приуралья (срубные, покровские и сборная абашевская) не обнаруживают столь тесных связей, а серия синташтинцев Приуралья в свою очередь тяготеет к восточным группам. Из всех выборок недеформированных черепов катакомбной и полтавкинской культур с анализируемыми казахстанскими сериями и морфологически близкими им урало-поволжскими наиболее сходна суммарная серия катакомбников Калмыкии (восточно-маньчская культура) [Ка-

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана

зарницкий, 2012]. Катакомбная серия Волго-Донского междуречья [Балабанова, 2010] также тяготеет к волго-уральским и казахстанским группам.

Рис. 3. Положение европеоидных серий эпохи бронзы Центрального, Северного и Восточного Казахстана — I; Сибири и Центральной Азии — II; Восточной Европы и Южного Урала — III; Средней Азии — IV и Кавказа — V в пространстве первого и второго канонических векторов: 1 — петровская культура; 2 — алакульская культура; 3 — федоровская культура; 4 — саргаринско-алексеевская культура

Рис. 4. Положение серий эпохи развитой и поздней бронзы степей и лесостепей центральных районов Евразии в пространстве первого и второго канонических векторов: 1 — петровская культура; 2 — алакульская культура; 3 — федоровская культура; 4 — саргаринско-алексеевская культура. Нумерация остальных серий — см. табл. 4

Результаты кластеризации таксономических расстояний Махалонобиса (Ward's method) подтверждают реальность антропологических различий населения восточных районов андроновской общности с популяциями бронзового века Восточной Европы и Казахстана. Выделяется два основных кластера (рис. 5). Федоровская казахстанская серия объединяется с единокультурными сериями юга Западной Сибири, алакульской Прииртышья, эпохи бронзы из Восточного Туркестана. Среди европейских краниологических материалов к ним присоединяются лишь наиболее гиперморфная из катакомбных серий (правобережья Дона) и приуральская синташтинская. В состав последней входят черепа из могильника Буланово I, часть которых демонстрирует отчетливые урало-западносибирские расовые особенности [Хохлов, Китов, 2009]. Краниологические серии петровской, алакульской и саргаринско-алексеевской культуры Казах-

стана объединяются с остальными восточно-европейскими и южно-уральскими группами. При общей для большинства сравниваемых серий резкой выраженности европеоидных особенностей их общими морфологическими характеристиками являются в целом длинная долихо-мезокранная мозговая коробка со средненаклонным лбом, средняя абсолютная и относительная высота лицевого отдела, в противоположность характерной для восточных европеоидных групп (и присоединяющихся к ним восточно-европейских) тенденцией к брахи-зуриформии и более вертикальной постановке лобной кости. На дендрограмме (рис. 5) петровская казахстанская серия непосредственно объединяется с единокультурной Южного Урала и покровской из Спиридоновки II, алакульская — с уральской срубно-алакульской, а саргаринская — с алакульской Южного Урала и срубной лесостепного Поволжья.

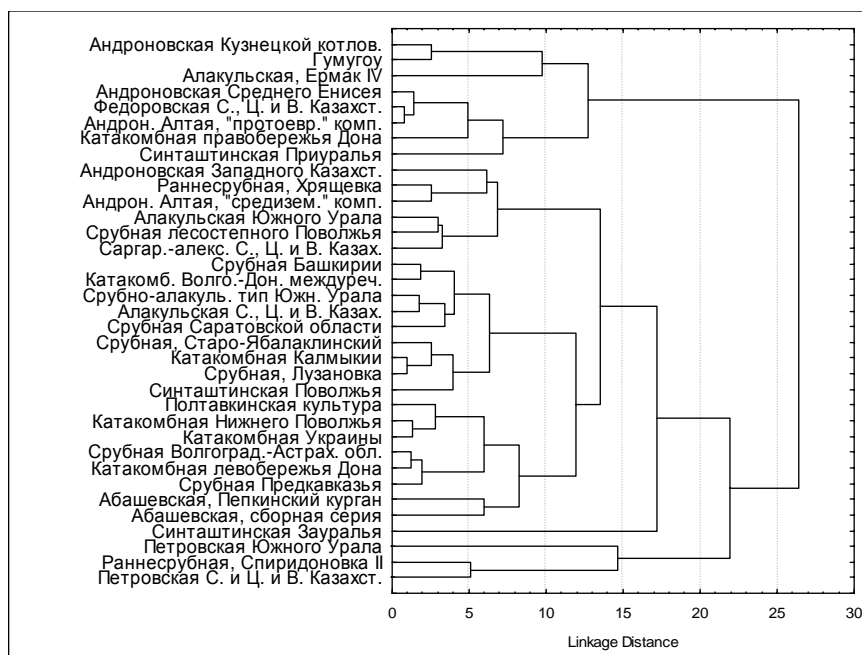

Рис. 5. Результаты кластеризации расстояний Махаланобиса (D^2) между краниологическими сериями эпохи развитой и поздней бронзы степей и лесостепей центральных районов Евразии

Таким образом, исследование краниологических материалов эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Обнаруживается расово-генетическая преемственность и европеоидная принадлежность населения Казахстана в эпоху бронзы.
2. Выявляется исходно западное (южно-уральское или восточно-европейское) происхождение населения большинства культурных образований эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана.
3. Подтверждается реальность антропологических различий населения алакульской и федоровской культур Казахстана [Дремов, 1997] и отсутствие антропологической связи носителей этих культурных комплексов по принципу «предок — потомок». Однако имеющиеся краниологические материалы дают возможность предполагать их смешение на территории Центрального Казахстана.
4. Имеющиеся материалы свидетельствуют о ведущей роли миграционных процессов в появлении федоровской культуры на территории Центрального и Северного Казахстана. Поскольку в настоящее время отсутствуют антропологические серии раннебронзового времени Северного, Центрального и Восточного Казахстана, говорить об этих регионах как о месте формирования характеризующего федоровцев андроновского варианта протоевропейского типа преждевременно.
5. Формирование населения поздней бронзы Казахстана происходило не на федоровской, а, по-видимому, главным образом на алакульской основе при возможном новом притоке западных групп.

- Акимова М.С.* Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. М., 1955. С. 78–92.
- Акимова М.С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О.Н. Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: АН СССР, 1963. С. 322–362.
- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
- Алексеев В.П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропол. сб. III. М.: АН СССР, 1961. С. 107–206. (ТИЭ; Т. 71).
- Алексеев В.П.* Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа: (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 318 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Балабанова М.А.* Катакомбная культура Волго-Донского междуречья по антропологическим данным // Археология Нижнего Поволжья: Проблемы, поиски, открытия: Материалы III Междунар. Нижневолж. археол. конф. Астрахань, 2010. С. 42–50.
- Балабанова М.А., Перерва Е.В.* Антропологические исследования курганных захоронений // Курганы бронзового века в излучине Дона: (Опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград: Волгогр. филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. С. 77–115.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 158 с.
- Варфоломеев В.В.* Бегазы-дандыбаевские (саргаринско-алексеевские) погребения из могильников Лисаковский I и Алексеевский // Памятники Лисаковской округи: Археологические сюжеты. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 262–263.
- Вуич Л.Г.* Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // Труды Волго-Донской археол. экспедиции. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 1. С. 417–425. (МИА; № 62).
- Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана // КСИЭ. 1952. Том 14. С. 84–90.
- Гинзбург В.В.* Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. 1956а. Т. 1: Археология. С. 159–171.
- Гинзбург В.В.* Древнее население восточных и центральных районов Казахстана // Антропол. сб. I. М.: АН СССР, 1956б. С. 238–298. (ТИЭ; Т. 33).
- Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // СМАЭ. 1963. Т. 21. С. 297–337.
- Гохман И.И.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопр. антропологии. 1961. Вып. 8. С. 88–98.
- Гохман И.И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 5–34. (СМАЭ; Т. 36).
- Громов А.В.* Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. М.: МАЭ РАН, 1995. Вып. 1. С. 130–150.
- Громов А.В.* Палеоантропология населения Южной Сибири эпохи бронзы по данным краниоскопии // Вестн. антропологии. 1996. Вып. 2. С. 147–155.
- Громов А.В.* Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сб.. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: ПетроРИФ, 1997а. С. 294–300.
- Громов А.В.* Происхождение и связи населения окуневской культуры // Там же. 1997б. С. 301–345.
- Громов А.В.* Древнее население долины реки Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию И.И. Гохмана. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 8–20.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: АН СССР, 1948. 392 с. (ТИЭ; Т. 4).
- Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 403 с.
- Дремов В.А.* Черепа эпохи бронзы из могильников Обь-Иртышского междуречья // Вопр. археологии Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1973. С. 102–106.
- Дремов В.А.* Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск: ИИФиф, 1990. Вып. 2. С. 56–61.
- Дремов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: ТГУ, 1997. 264 с.
- Зіневич Г.П., Круц С.І.* Антропологічна характеристика давнього населення території України (за матеріалами експедицій 1961–1963 рр.). Київ: Наук. думка, 1968. 103 с. (На укр. яз.)

- Зубова А.В.* Одонтологические данные по проблеме происхождения алакульской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 143–153.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А.* Население андроновской культурно-исторической общности по одонтологическим данным // Культура как система в историческом контексте: Опыт Зап.-сиб. археол.-этногр. совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2010. С. 413–416.
- Исмагулов О.* Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. 1963. Т. 18. С. 163–173.
- Казарницкий А.А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н.* Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнографии и антропология Евразии. № 4 (44). 2010. С. 122–142.
- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
- Кияткина Т.П.* Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // А.М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: АН СССР, 1968. С. 168–182. (МИА; № 145).
- Кияткина Т.П.* Палеоантропология западных районов Центральной Азии в эпоху бронзы. Душанбе: Дониш, 1987. 124 с.
- Краниологическая* коллекция кабинета антропологии ТГУ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.if.tsu.ru/kranion/books_a.htm.
- Кривоцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Археол. сб. М.: ГИМ, 1947. С. 59–172. (Тр. ГИМ; Вып. 17).
- Круц С.И.* Палеоантропологические исследования степного Приднепровья: (Эпоха бронзы). Киев: Наук. думка, 1984. 208 с.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Литвинова Л.В., Поруцкий А.Г.* Антропологический материал из захоронений белозерского времени // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наук. думка, 1987. С. 126–130.
- Матющенко В.И.* Еловский археологический комплекс. Часть вторая: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.
- Мкртчян Р.А., Пилипосян А.С., Паликян А.К.* Коллективное погребение эпохи средней бронзы Неркин Геташена: (Социокультурная характеристика) // Вестн. обществ. наук НАНРА. Ереван, 1997. № 1 (594). С. 130–141.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.* Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 125–206.
- Отрощенко В.В.* О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. 1998. № 1. С. 43–53.
- Рыкушина Г.В.* Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый сад, 2007. 198 с.
- Солодовников К.Н.* Краниологическая серия андроновцев Северо-Восточного Казахстана // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы ХLI РАЭСК. Барнаул, 2001. С. 231–237.
- Солодовников К.Н.* Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2006. № 6. С. 127–147 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a6/127-147-solodovnikov.pdf.
- Солодовников К.Н.* Связи населения казахстанских степей и Алтайского региона в эпоху бронзы по данным палеоантропологии // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения-2008. Караганда, 2009. С. 158–164.
- Солодовников К.Н., Рыкун М.П.* Материалы к антропологии пахомовской культуры эпохи бронзы Западной Сибири // Вестн. антропологии. М.: ИЭА РАН, 2011. Вып. 19. С. 112–129.
- Солодовников К.Н., Тур С.С.* Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: АлтГУ, 2003. С. 142–176.
- Ткачев А.А.* Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 26 с.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Тур С.С., Солодовников К.Н.* Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 35–47.
- Фирштейн Б.В.* Материалы к антропологии населения эпохи бронзы Нижнего Подонья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974. С. 98–123.

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана

Хань Каньсинь. Антропологическое изучение могильника Гумугоу на р. Кончедарья, Синьцзян // Каогу сюэбао. 1986. № 3. С. 361–384. (На кит. яз.).

Хохлов А.А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим-Синташта: Древнее наследие Южного Урала. Челябинск: ЧелГУ, 2010а. Ч. 2. С. 112–132.

Хохлов А.А. Раритетные палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья // Изв. Сам. НЦ РАН. Самара: Сам. НЦ, 2010б. Т. 12, № 6. С. 248–251.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестн. ЧелГУ. 2009. История. Вып. 30, № 6 (144). С. 5–7.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестн. антропологии. М.: Проект-Ф, 2008. Вып. 16. С. 44–70.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы: (Интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 131–147.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 132–148.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика черкаскульской культуры и вопросы ее расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 163–183.

Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Шевченко А.В., Юсупов Р.М. Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // В.С. Горбунов, Ю.А. Морозов. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1991. С. 101–115.

Яблонский Л.Т. Проблемы этногенеза древнего населения севера Средней Азии в эпоху бронзы // А.В. Виноградов, М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. Древнейшее население низовий Амударьи. М.: Наука, 1986. С. 153–193.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенов. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СамГУ, 1994. С. 186–205.

*Барнаул, Алтайский государственный университет
solodk@list.ru

**Национальный исследовательский Томский государственный университет
m_rykun@mail.ru

***Сарыаркинский археологический институт
при Карагандинском государственном университете
lvq7@yandex.ru

Subject to investigation being craniological materials of the Bronze Age from the territory of Central, North and East Kazakhstan obtained from collections of the Anthropological office from the Tomsk State University. The authors undertook a revision of paleoanthropological materials of the Bronze Age from the said regions, published by other researchers, in accordance with modern archaeological notions, which allowed to summarize both the earlier published materials and the new ones. The authors summarized four craniological series of archaeological cultures of the Bronze Age from Kazakhstan: the Petrovka, Alakul, Fyodorovo, and Sargarin-Alekseyevo ones. Following their craniometric characteristics, those demonstrate the expressed Caucasian features. The crania series of the Petrovka, Alakul and Sargarin cultures tend to manifest features of dolichocranial moderately hypermorphic ancient Caucasian type, notable for an average size and average proportions of a facial part, being initially of west origin. In the racial-and-genetic respect, it is connected with populations from cultural entities of the Middle and Late Bronze Age from East Europe (the catacomb, Abashevo, Sintashta, Pokrovka, and log cultural entities, as well as the west distribution regions of the Alakul culture, and sites of the log-Alakul type). The population of Kazakhstan Fyodorovo culture being notable for features of the Andronovo variant of the proto-European type, typical for the population of east distribution regions of the Andronovo cultural and historical entity. Certain heterogeneity of the Fyodorovo population from Kazakhstan against the background of a relative anthropological similarity of the populations from the other cultural entities testifies to its foreign character with regard to the investigated region. At this, basing on the craniological materials, one could establish mixing of the population of the Alakul and Fyodorovo cultures on the territory of Kazakhstan.

Bronze Age, Kazakhstan, the Andronovo cultural community, paleoanthropology, craniometry, origin, racial genesis.

ЭТНОЛОГИЯ

РИТУАЛЬНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ ВЕРХНЕПАРЕНЬСКИХ КОРЯКОВ КАК АТРИБУТ ШАМАНСКОГО ОБЛАЧЕНИЯ

Л.Н. Хаховская

Впервые описан такой элемент шаманской одежды коряков, как перевязь. Выявлено существование ритуальных перевязей в различных сегментах корякской духовной культуры. Сделано предположение о заимствовании шаманской перевязи коряками в результате культурных взаимодействий с эвенками.

Коряки, эвены, шаманская одежда, ритуальная перевязь, натруска, антропоморфный амулет.

Введение

Последние десятилетия отмечены возрастанием интереса ученых и общественности к феноменам традиционных религий, в том числе шаманизму как системе мировоззрения и практической деятельности. Шаманизм коренных малочисленных народов, в том числе северо-восточных палеоазиатов (коряков и чукчей), изучен недостаточно. Восполнить лагуну такими этнографическими методами, как наблюдение и опрос, в настоящее время крайне затруднительно: это почти утраченное культурное наследие. Реальной путеводной нитью в реконструкции палеоазиатской формы шаманизма становится исследование шаманского костюма, в деталях которого могут быть отражены межэтнические и межкультурные влияния, особенности статуса и действий шамана в конкретном этническом сообществе. В данной работе речь пойдет о верхнепареньской группе коряков¹. В ходе полевых исследований, проводимых среди них в последние годы², выявляются вещи, в прошлом принадлежавшие шаманам, а ныне хранимые как реликвии.

Историография шаманского облачения коряков скудна и противоречива, что отражает состояние изученности этой сферы ритуальной жизни. В.И. Иохельсон приобрел кухлянку и головную повязку как вещи алыторского шамана, но, отметив совпадение кухлянки с ритуальной одеждой, сделал вывод об отсутствии шаманского костюма у коряков [Jochelson, 1905, p. 48]. В дальнейшем исследователи либо повторяли данный тезис [Прокофьева, 1971, с. 58; История..., 1993, с. 116 Народы..., 2010, с. 352], либо, напротив, сообщали о шаманских атрибутах коряков: Н.Ф. Прыткова писала о шапках [1976, с. 68]; В.В. Горбачева привела изображения верхней одежды и шапки [2004, с. 66, 67; На грани..., 2006, с. 161]; описание двух шапок и пояса сделано нами [Хаховская, Павлов, 2002; Хаховская, 2012а].

Вопрос о шаманском костюме³ коряков является поэтому непростым с точки зрения как его состава, так и черт, отличающих эти вещи от одежды нешаманской. Определить полный набор шаманского облачения коряков в настоящее время затруднительно, для этого необходимы дополнительные полевые, музейные и архивные исследования, в том числе изучение и атрибуция отдельных вещей и деталей. Современные исследования выявляют существование в корякской

¹ Под верхнепареньской группой подразумевается западная группа оленных коряков, осваивавших бассейн р. Парень, верхние притоки р. Омолон, левобережье р. Гижига, культурно близкая корякам Камчатки [Гурвич, 1980, с. 113]. В настоящее время представители этой группы проживают в с. Верхний Парень и п. Эвенск Северо-Эвенского р-на Магаданской обл.

² Исследования проводились автором при поддержке грантов РГНФ (проекты РГНФ № 11-01-18096е «Современное северное село: трансформации в этническом природопользовании»; № 12-01-18041е «Организация жизнедеятельности современных кочевых сообществ Северо-Востока России»). Также я привлекаю полевые данные археолога, ведущего научного сотрудника Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ) И.Е. Воробья, за возможность использовать которые, а также за консультации и обсуждение материала выражаю ему глубокую благодарность.

³ Строгого определения категории «шаманский костюм» в литературе не содержится; из историографического контекста видно, что данным термином авторы обозначают максимально полный комплект вещей, в которые облачался шаман, при этом набор вещей культурно варьируется [Прокофьева, 1971]. В данной работе подразумевается именно такое определение этого термина.

Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения

культуре чересплечных ремней — перевязей, которые, возможно, были маркерами шаманского облачения. Рассмотрению этого вопроса посвящена данная статья.

Вплоть до недавнего времени данные о корякских обрядовых чересплечных ремнях исчерпывались сведениями о существовании таковых в погребальной одежде [Горбачева, 2004, с. 84, 89]. Тем неожиданной стало обретение перевязи, которую, в числе других сакральных предметов, передал Игорю Евгеньевичу Воробью летом 2012 г. верхнепареньский коряк, ныне проживающий в п. Эвенск, Владимир Александрович Айван (1956 г.р.). По словам владельца, ранее вещи являлись собственностью корячки Куччаны, также принадлежавшей к верхнепареньцам. Нерядовое значение перевязи раскрылось при расспросе В.А. Айвана: надевалась она поверх верхней одежды во время «праздников»⁴. Других сведений получить не удалось. Такая ситуация становится обычной: сегодняшние владельцы ритуальных предметов, люди среднего возраста, как правило, не делали их, а получили из вторых-третьих рук, не всегда они наблюдали и обстоятельства их использования, поэтому их знания об этом сегменте этнической духовной жизни неполные. Исследователи, таким образом, оказываются перед необходимостью атрибутировать и интерпретировать культурные явления не напрямую, через расспросы и наблюдения, а опосредованным, сравнительным путем, опираясь на аналогии.

Поставленная в работе цель — описание данной перевязи и определение ее места в культуре коряков — обусловила задачи и методы исследования: выявление у коряков перевязей ритуального назначения; поиск аналогичных предметов в культурах сопредельных северных этносов; атрибутирование рассматриваемого предмета и возможная интерпретация его происхождения. В круг источников вошли опубликованные сведения, а также вещи, с которыми я работала в музейных фондах, и зафиксированные в ходе собственной полевой работы артефакты. Пояснения по предметам (место и время бытования, изготовления; владельцы; время поступления в тот или иной музей), а также информация о сопутствующих вещах даются в ходе изложения в соответствующих сносках.

Материал, изложенный в основной части, разделен на три позиции:

- 1) описание рассматриваемой перевязи;
  - 2) описание ритуальных перевязей (или их модификаций), выявленных у верхнепареньских коряков;
  - 3) описание «опосредующей» вещественной среды.
- В заключении на основании изложенного сделаны выводы.

Основная часть

1) Перевязь корячки Куччаны. Изделие сложное, состоит из ремня, пришитой к его концам антропоморфной розетки и четырех подвесок, пришитых к розетке (рис. 1). Ремень цельный (длина 111 см, ширина ~ 1 см), выкроен из плотной кожи морского животного (предположительно лахтак). Концы ремня не замкнуты, с лицевой стороны поверх них (на длину ~ 2 см) наложены и пришиты концы «рук» антропоморфной фигуры. По всей длине ремня имеются остатки крепежных сухожильных нитей — следы пришивания к одежде.

Розетка (7×7 см) состоит из основы и нашитого бисера. Основа цельная, из кожи морского животного с частично сохранившимся волосом, в виде фигуры человека: голова изображена коротким вертикальным трапециевидным выступом со слабым расширением кверху, руки — двусторонними горизонтальными прямоугольными выступами. Туловище прямое, между ног имеется вертикальный прямоугольный вырез по центру фигурки от нижнего ее конца на высоту 3 см.

Лицевой стороной является мездровая поверхность, полностью (кроме лица) зашита низками бисера: на руках и верхней части туловища низки расположены в горизонтальной ориентации, а нижнюю часть туловища и ноги охватывают в виде дуги. В низках использован разноцветный (белый, черный, голубой, синий) бисер, чередование зерен бессистемное. На лице бисером вышиты глаза, нос и рот.

В нижней части розетки имеются четыре подвески. Две, пришитые к концам обеих ног, одинаковы — это тонкие кожаные ремешки с низкой из двух бусин и монеты⁵ (на левой подвеске монета утрачена). Оставшиеся подвески одна поверх другой вшиты между ног фигурки. Нижняя

⁴ В данном контексте праздником названы события, выходящие за рамки повседневности, без какой-либо их подразумеваемой классификации.

⁵ Номинал 15 коп., год выпуска 1946-й; крепится ремешком сквозь пробитое круглое отверстие.

подвеска — сложенный вдвое кожаный ремень, продетый через звено металлической цепочки, концы ее свисают свободно. Верхняя подвеска — разрезанная вдоль надвое кожаная полоса, на каждый из образовавшихся ремешков нанизана крупная бусина и привязано металлическое изделие (на левом ремешке это обломок подвески, на правом — мелкая уплощенная антропоморфная фигурка: человечек с круглой головкой-ушком, короткими горизонтальными подтреугольными ручками и расширяющимся книзу туловищем, переходящим в массивные расставленные ноги). Возможно, фигура изображает человека в одежде (женщина в керкере?).

Рис. 1. Перевязь корякская, деталь облачения шамана. Фото И.Е. Воробья

Рис. 2. Кухлянка корякская шаманская. Вид спереди. Владелица С.А. Инылив. Фото И.Е. Воробья, 16.09.2012, п. Эвенск

Такие особенности описанной перевязи, как способ ношения (пришивание к одежде) и наличие антропоморфной розетки со сложной системой подвесок, среди которых имеется и антропоморфная фигурка (своего рода «картинка в картинке», или «нисходящая» сакральность — если розетка придана перевязи, то подвеска придана розетке), говорят о ее несомненном ритуальном предназначении. Рассмотрим, в каком культурном контексте может быть интерпретирована данная вещь.

2) Ритуальные перевязи в культуре коряков. Утилитарные перевязи у коряков, судя по опубликованным данным, имели ограниченное хождение⁶. Такой же вывод можно сделать на основании проделанной полевой и музейной работы: в коллекциях и частном владении ритуальные перевязи имеются, а каких-либо других чересплечных ремней пока не выявлено. Ритуальные перевязи достаточно четко классифицируются на четыре группы, характеристика которых дается путем перечисления и краткого описания входящих в них конкретных предметов⁷.

Группа 1. Перевязи и их рудименты на шаманской одежде. В группу входит верхняя плечевая одежда, достоверно атрибутированная в качестве шаманской; таких вещей на сегодня выявлено четыре, все в частном владении. Основанием для определения является информация, полученная от владелиц вещей — корячек, проживающих в с. Верхний Парень Северо-Эвенского р-на Магаданской обл. По их сведениям, эта одежда (и прилагающиеся к ней атрибуты) была изготовлена специально для шаманского камлания. Наличие других деталей облачения шамана является подтверждением именно этого сакрального статуса рассматриваемых предметов. Не останавливаясь подробно на описании, укажу на черты этих предметов, не характерные для обычной корякской одежды.

⁶ В литературе, насколько мне известно, имеется лишь одно упоминание: на основании сообщений информантов о героическом прошлом («преданий») В.И. Иохельсон пишет о корякских плечевых ремнях, с левой стороны которых подвешивались ножны с «большим ножом», служившим оружием в единоборствах [1997, с. 100].

⁷ Эти предметы вводятся в историографию впервые, в дальнейшем я намереваюсь описать их более подробно в монографическом издании.

Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения

Первая шаманская кухлянка⁸ сшита из светлого оленьего меха ворсом наружу, перевязь нашта через правое плечо, на левом боку к ней подвешен большой медный колокольчик. Под правым рукавом на длинном ремешке прикреплен металлический шаркунец — полый сферический бубенчик с крестообразной прорезью в нижней части и ушком в верхней. Бросающейся в глаза особенностью⁹ данной одежды является длинный вертикальный разрез от груди до края подола (рис. 2). Сзади к подолу пришит «хвост» — элемент, характерный для погребальной одежды коряков (рис. 3).

Рис. 3. Кухлянка корякская шаманская. Вид сзади. Владелица С.А. Инылив. Фото И.Е. Воробья, 16.09.2012, п. Эвенск

Рис. 4. Кухлянка корякская шаманская. Вид спереди. Владелица В.М. Коялхут. Фото Л.Н. Хаховской, 19.08.2011, с. Верхний Парень

Следующая шаманская кухлянка¹⁰ интересна тем, что демонстрирует зеркальное удвоение перевязи, которая проходит по обоим плечам. Перевязи снабжены подвесками: на левом боку — бисерная розетка и медный шаркунец; на правом — низка бусин с медной плоской бляхой на конце (рис. 4). Эта кухлянка (как и две следующие) сшита ворсом внутрь, мездровая поверхность окрашена в оранжевый цвет. Предмет имеет яркие особенности, несвойственные повседневному костюму, которые, возможно, характеризуют шаманскую одежду верхнепареньской группы коряков: X-образное оформление ворота спереди и сзади; вертикальный разрез на подоле, пришитый пояс с накладными пуговицами.

Модификация перевязи представлена и на следующей кухлянке¹¹: она проходит вокруг проймы левого рукава; на длинном ремешке, унизанном бусинами, к ней подвешен медный колокольчик (рис. 5). На передке ниже ворота имеется изображения человека из кожи.

⁸ Владелица Светлана Анатольевна Инылив (1963 г.р.). В настоящее время костюм (к кухлянке прилагается шапка-венек с железными рогами и четырехпалые перчатки) временно находится в экспозиции в краеведческом музее п. Эвенск. Это шаманское облачение получено С.А. Инылив от корячки Тынны Тумухай (год рождения не установлен), с которой они работали в одной оленеводческой бригаде совхоза «Пареньский». Предназначалось для камланий ее мужа, Захара Тумухая. Предметы изготовлены предположительно в 1960–1970-х гг., в местах кочевания оленеводческой бригады (Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.).

⁹ Разрез, в качестве одного из различий между шаманской и повседневной корякской одеждой, на этом изделии представлен особенно наглядно.

¹⁰ Владелица Валентина Миллёвна Коялхут (1940 г.р.). К этой кухлянке прилагается шапка и связка амулетов. Являлась принадлежностью шаманского облачения покойного мужа владелицы, Петра Вачавнаут, верхнепареньского коряка. Изготовлена в местах кочевания оленеводческой бригады (Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.), время изготовления не установлено, предположительно 1960–1970-е гг.

¹¹ Владелица С.А. Инылив. Предмет получен от свекрови владелицы, корячки Ульяны Явьёковны Инылив (1938 г.р.), которая сшила его для своего второго мужа, Константина Инылива. Кухлянка предназначена для надевания во время домашних камланий, использовалась в 1960–1980-х гг., в местах кочевания оленеводческих бригад совхоза «Парень-

Наконец, на последнем предмете из этой группы¹² перевязи нет, но имеются размещенные на правом боку три подвески, которые я рассматриваю как остатки (рудименты) перевязи, сместившиеся до уровня пояса и пришитые к нему (рис. 6, 8). Основания для этого предположения можно видеть, во-первых, в «подмышечной» подвеске первого костюма, которая не связана непосредственно с перевязью, но, скорее всего, является ее «следом». Во-вторых, данные подвески примечательны сами по себе — это деревянная скульптурка собаки и две мягкие «куколки», одна из которых в своем очень реалистичном наряде имеет перевязь (см. ниже). Другими словами, если перевязи и нет на самом костюме, то она наблюдается в виде своеобразной символической отсылки по нисходящей линии именно этой вещественной сакральности.

Рис. 5. Кухлянка корякская шаманская. Вид спереди. Владелица С.А. Инылив. Фото Л.Н. Хаховской, 22.09.2010, п. Эвенск

Рис. 6. Кухлянка корякская шаманская. Вид спереди. Владелица С.А. Инылив. Фото Л.Н. Хаховской, 21.09.2010, п. Эвенск

Таким образом, можно предположить, что пришивная перевязь является атрибутом шаманской плечевой одежды верхнепареньских коряков. В качестве других деталей, характеризующих эту одежду, допустимо рассматривать вертикальный разрез переда, X- и V-образное или, реже, округлое оформление ворота, пришивной же поясной ремень, отсутствие нагрудника и капюшона. Уже в первом приближении эти черты говорят о влиянии на корякскую шаманскую одежду тунгусского гардероба, о чем в свое время упоминал и В.И. Иохельсон [Jochelson, 1905, p. 48]. Важно отметить, что пришивание как бы знаменует столь тесную связь перевязи и вещи, что это влечет за собой «выключение» одежды с перевязью из утилитарной сферы: она теперь служит не практическим, а символическим целям. Поэтому вещи с такими ремнями входят в круг шаманской одежды, а также обрядовой (группа 2), и, кроме того, перевязь переносится на ритуальные человеческие фигурки (группа 3).

На описанной шаманской одежде перевязь представлена в нескольких модификациях, что, возможно, свидетельствует о вариативности символики самого этого предмета, однако данных для каких-либо предположений недостаточно. Пока же ритуальное значение перевязи коряков-верхнепареньцев видится в том, что она служит носителем артефактов, которым придается охранительное или сверхъестественное значение (куколки, колокольчик и др.). Наличие этих предметов на ритуальной одежде дает возможность предположить в них «следы» перевязи. Далее, в таком сегменте духовной жизни, как погребальный ритуал, роль перевязи в качестве «носителя» обретает весьма яркое выражение (группа 4).

Группа 2. Перевязи и их рудименты на нешаманской ритуальной одежде. Перевязь в ее «выключенном» из обыденности виде (т.е. пришитая к одежде) имеется на ритуальной корякской женской кухлянке-гагагле¹³. Она представляет собой тонкий кожаный ремешок, проходя-

ский». К кухлянке прилагается шапка из шкуры морды животного, с глазами-розетками, розеткой-рожками и мягкими ушками-«колбасками» (об этих атрибутах см. [Хаховская, 2012а, с. 125, 125; рис. на обложке, с. 3]).

¹² Владелица та же. Кухлянка, вместе с другими шаманскими вещами (две шапки, очки в футляре, рукавица в виде медвежьей лапы), получена ею от Тынны Тумухай. Костюм также принадлежал Захару Тумухаю (см. выше).

¹³ Хранится в основном фонде МОКМ (инв. № КП-30700). В музей поступила в 2002 г., сшила ее корячка Ирина Гергольтаговна Кечгелхут (1936 г.р.) в 1970-е гг., во время проживания в с. Верхний Парень. Сдатчица Анастасия Васильевна Апока, жительница г. Магадана. Сдатчицей предмет охарактеризован как «кухлянка обрядовая девичья, с оберегом-талисманом, корякская». Время использования предположительно 1970–1990-е гг.

Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения

щий по правому плечу. На левом боку к ней прикреплен стальной вертлюг и низка из нескольких крупных бусин. Здесь же к гагагле на кожаном ремешке пришит колокольчик и мелкие подвески. Изделие сшито ворсом внутрь, лицевая поверхность окрашена в оранжевый цвет. К элементам, сближающим данную одежду с шаманскими костюмами, относятся отсутствие капюшона и нагрудника, V-образный вырез ворота (на передне и на спинке).

Рис. 7. Корякская женская гагагла для игры в бубен. Вид сзади. Владелица О.М. Пойтыле. Фото Л.Н. Хаховской. 12.08.2011, с. Верхний Парень

Рис. 8. Антропоморфная фигурка, пришитая к поясу шаманской кухлянки (см. рис. 6). Вид сзади

Другим зафиксированным предметом этой группы является женская гагагла, которую надевали во время игры в бубен (рис. 7)¹⁴. На этой одежде перевязи нет, однако имеется подвешенный к левой подмышке на кожаном ремешке шаркунец¹⁵. Учитывая высказанное выше мнение о роли перевязи как места крепления сакральных предметов, можно предположить в этой подвеске рудимент чересплечного ритуального ремня. Более того, в качестве гипотетической возможности линию рудиментов перевязей можно проследить до антропоморфных амулетов коряков (обычно в виде сучков-развилки, иногда розеток, куколок), которые в охранительных целях пришивались к верхней одежде. Как правило, размещали их под левым рукавом, но почему именно там, современные информанты ответить уже не могут; иногда приводят явно вторичные соображения («ближе к сердцу»)¹⁶. Однако это предположение нуждается в подкреплении.

Группа 3. Перевязи на антропоморфных фигурках. Очень интересным фактом оказалось то, что перевязи обнаружались на одежде мягких «куколок». Следует отметить, что эта одежда является довольно детально проработанной, чем, вероятно, и вызвано воспроизведение рассматриваемого сакрального предмета. Таких куколок две: одна пришита к кухлянке шамана (см. выше), другая служит женским охранителем.

Шаманский «человечек» снабжен верхней плечевой одеждой, которая имеет разрез на передне от пояса до подола, две встречные складки на спинке (с таким же расположением), а также поясной и чересплечный ремни (последний проходит по левому плечу) (рис. 8). Весьма примечательно, что под одеждой к низу туловища фигурки спереди пришит за верхний край прямоугольный лоскут меха — эта деталь, несомненно, является имитацией тунгусского (эвенского) передника.

Женский оберег¹⁷ имеет вид куколки, наряженной в кухлянку с капюшоном, поверх кухлянки через правое плечо проходит широкая кожаная перевязь с бисерным узором (рис. 9).

¹⁴ См. также: [Хаховская, 2012б, с. 182, фото 7].

¹⁵ Владелица — жительница с. Верхний Парень, корячка Ольга Майничаговна Пойтыле (урожденная Кутнаут) (1940 г.р., родилась в с. Манилы Корякского округа).

¹⁶ Информант Екатерина Николаевна Иковава (1958 г.р.), интервью от 21.11.2012.

¹⁷ Владелица В.М. Коялхут (1940 г.р., уроженка с. Верхний Парень). Данный оберег хранился у владелицы в меховой сумке, вместе с тремя другими сакральными фигурками в керкерах и кухлянках (к одной из них прикреплена ритуальная связка, другая хранилась в футляре). К сожалению, по объективным причинам не удалось выяснить обстоятельства изготовления и использования данных предметов.

Рис. 9. Женский амулет в виде куколки в куклянке с перевязью. Владелица В.М. Коялхут. Фото Л.Н. Хаховской, 19.08.2011, с. Верхний Парень

Рис. 10. Перевязь в качестве детали погребальной одежды. Фото Л.Н. Хаховской, 28.08.2011, с. Верхний Парень

Сакральный статус куколок подчеркивает приуроченность корякских перевязей именно к ритуальной сфере, а наличие «передничка» подтверждает влияние на эту сферу контактной эвенской культуры.

Группа 4. Перевязь покойника. В настоящее время представлена одним зафиксированным предметом: эту перевязь мы наблюдали в погребальном облачении корячки Ульяны Явьековны Инылив (1938 г.р.), умершей 25.08.2011 и кремированной тремя днями позже. Перевязь представляла собой длинный узкий ремень из лахтачьей кожи, проходивший через левое плечо, закрепленный на груди узлом (рис. 10). Это была последняя вещь, надетая на покойную в день кремации. После выноса тела из дома и укладывания на прицеп трактора к данной перевязи привязали предметы из сопроводительного инвентаря (кружка, ложка, табакерка, мешочки и др.), в таком состоянии тело было предано огню.

Выяснилось, что перевязь не была приготовлена заранее, в числе прочей одежды, а изготовлена непосредственно перед погребением. По сведению информанта¹⁸, у коряков погребальные перевязи характерны для обоих полов, здесь нет гендерной избирательности, а их присутствие в похоронной одежде обусловлено лишь неимением ездовых оленей, сопровождающих покойного в потусторонний мир. То есть, если умерший идет на тот свет пешком, то тогда и нужна перевязь; если же едет на оленях, то готовят погребальную нарту, на нарте сзади имеется дуга, предметы подвешивают к ней и надобность в перевязи отпадает.

Согласно сведениям В.В. Горбачевой, к корякским детским похоронным перевязям подвешивали некоторый похоронный инвентарь, к чересплечным ремням взрослых — ремешок с узелками [2004, с. 84, 89]. Установленные мной обстоятельства также подчеркивают функцию перевязи именно как вещи «транспортной» и, кроме того, выявляют ее заместительную функцию. При этом важно, что в похоронном костюме и мужчин, и женщин обязательно имеется поясной ремень, однако не он используется для такой вынужденной переноски, а именно перевязь — предмет, который в погребальной одежде коряков выглядит как элемент традиционный, но ситуация использования которого связана с испытываемыми ограничениями (отсутствие ездовых оленей).

3) «Опосредующая» вещественная среда. Для представления целостной этнокультурной картины по рассматриваемому артефакту приведем общие сведения о перевязях народов Сибири и Дальнего Востока.

¹⁸ С.А. Инылив, интервью от 18.08.2011.

Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения

Е.Д. Прокофьева, автор наиболее полного исследования шаманских костюмов народов Сибири, отмечает наличие «чересплечника», униженного гусиными клювами, у ненецких шаманов [1971, с. 12, рис. 2], а также, возможно, у саамов. Других указаний на существование шаманских перевязей в литературе нами не выявлено. Нагрудная перевязь как украшение (в виде ленты, расшитой бусинами и бисером), согласно данным Е.А. Михайловой, встречалась у васюганских хантов и забайкальских бурят, причем у последних она являлась женским украшением, на котором носили медальон (ладанку) *гуу* [2005, с. 86, 89]. Исследователь подчеркивает отсутствие генетической связи между ними [Там же, с. 89].

Перевязи утилитарного назначения представлены в угро-самодийско-кетской и эвенкийской среде, это так называемые натруски — мужские плечевые пояса с принадлежностями для ружейной охоты [Ермолова, 2005, с. 218, 219, 225]. По мнению Н.В. Ермоловой, чересплечные натруски, генезис которых она видит в русских ружейных ремнях, были особенно широко распространены среди эвенкийских мужчин и настолько значимы для данной охотничьей культуры, что эта деталь стала элементом мужской праздничной и обрядовой одежды [Там же, с. 219, 231, 232]. Таким образом, в перевязях северных аборигенов воплощена, с одной стороны, отличительная гендерность (фемининная у бурят, маскулинная у других северных этносов), с другой — функциональная вариативность (утилитарная, праздничная, (пред)ритуальная, шаманская).

Что касается эвенов, культура которых особенно значима в свете их соседствования с коряками, то сведения об отсутствии у них охотничьих перевязей [Там же, с. 235] не вполне точные. Об этом свидетельствуют предметы из фондов региональных музеев: например, эвенские натруски имеются в этнографических коллекциях МОКМ¹⁹ и СВКНИИ ДВО РАН²⁰. Таким образом, утилитарность и «маскулинность» перевязей распространяется и на эвенскую культуру.

Другое дело, что перевязь вплоть до недавнего времени не была известна как элемент шаманского облачения аборигенов Крайнего Северо-Востока. Впервые эта деталь костюма шамана, полученная от рассохинских эвенов, опубликована в нашей работе [Хаховская, 2011, с. 98, рис. 3]. Однако в то время эта вещь не рассматривалась как перевязь из-за отсутствия оснований. Позднее, в результате бесед с информантами, уточнение о ее использовании именно как перевязи внесла С.А. Ярышева [2012]. Основные сведения сообщил рассохинский эвен Василий Николаевич Хабаровский (1918 г.р.), с которым она беседовала 06.04.2011.

Перевязь рассохинцев представляет собой узкий ремень (длина 125 см) из кожи морского животного, на котором были укреплены 6 антропоморфных фигурок из кожи и ткани и круглая выпуклая бляха из белого металла²¹. В.Н. Хабаровский сообщил также, что шаман надевал перевязь перед камланием, через правое плечо, размещая на груди «куколки», которые являлись материальным воплощением духов-помощников. Очень важны его сведения о том, что перевязь изготовлена на Гижигинском побережье, куда вплоть до начала коллективизации (первая половина 1930-х гг.) совершала перекочевки эта группа эвенов. Данная территория была зоной контактов эвенов с коряками, от последних эвены и приобретали шкуры морских животных.

Таким образом, два обстоятельства (наличие контактов и шаманский статус рассохинского плечевого ремня) делают данный предмет опорным звеном в предположении об инокультурном происхождении рассматриваемой корякской перевязи.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие у коряков верхнепареньской группы перевязей на вещах, относящихся к различающимся ритуальным сферам, а то обстоятельство, что все перевязи с антропоморфными артефактами оказались элементами шаманского облачения, позволяет атрибутировать рассматриваемый предмет в качестве детали шаманской верхней плечевой одежды.

¹⁹ В МОКМ хранятся три чересплечных охотничьих ремня с принадлежностями (инв. № 476, 517, 610). Данные предметы бытовали у эвенов Охотского побережья в первой половине XX в., поступили в музей в 1950–1960-х гг.

²⁰ В музее СВКНИИ ДВО РАН хранится одна натруска (инв. номера нет); бытовала предположительно у эвенов Билибинского р-на ЧАО, время и место изготовления не установлены. Поступила в музей в начале 2000-х гг. от гл. науч. сотр. лаборатории истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН М.А. Диковой.

²¹ Согласно сведениям В.Н. Хабаровского, часть «куколок» на ремне отсутствует, а бляха привешена случайно, на основании чего С.А. Ярышева отсоединила бляху от перевязи.

Вместе с тем из изложенных материалов видно, что коряжки-верхнепареньцы с их достаточно широким кругом ритуальных перевязей и одновременным отсутствием утилитарных чересплечных ремней стоят особняком среди коренных северных народов.

Такое их положение, по моему мнению, объясняется трансформацией цепочек вещных заимствований в рамках внутри- и межэтнических коммуникаций. В общем виде эту схему заимствований можно представить в виде двух взаимосвязанных векторов развития. Инициальным являлся межэтнический транзит утилитарной вещи, который достаточно отчетливо прослеживается в морфологических и пространственных координатах — от русских ружейных ремней-перевязей к чересплечным охотничьим натрускам долган, кетов, нганасан, эвенков [Ермолова, 2005, с. 230–232] и, как показано, эвенков Охотского побережья, а может быть, и Чукотки. Здесь, однако, утилитарная линия обрывается: в культурах северо-восточных палеоазиатов натруски не выявлены.

Далее, опираясь на выдвинутое Н.В. Ермоловой положение о расширении сферы функционирования перевязей в эвенкийской культуре от охотничьих плечевых поясов к детали праздничной (обрядовой) мужской одежды, я делаю предположение о вступлении в действие механизма внутриэтнической «разработки» заимствованной вещи: в некоторых культурах перевязь обретает самостоятельный неутилитарный импульс развития, что убедительно показано для эвенков и частично кетов [Ермолова, 2005, с. 219, 231, 232]. Исходя из этого и у эвенков Охотского побережья чересплечная натруска могла трансформироваться в вещь ритуального предназначения, в данном случае в шаманскую перевязь с антропоморфными фигурами, воплощающими духов-помощников.

Генезис же перевязи коряжков верхнепареньской группы можно представить как межэтническое заимствование, прошедшее более тонкий фильтр, поскольку коряжки восприняли от контактного этноса (эвенков Охотского побережья) перевязь лишь в ее ритуальной ипостаси. Данная избирательность, предположительно, высвечивает прежде всего путь индивидуализации духовных специалистов: в роли субъекта заимствования видится шаман, который является фигурой креативной — он сам и создатель традиционных устоев, и их хранитель. Побудительным мотивом могло послужить стремление получить внешнюю, видимую отличительность, которая выражала формирующуюся профессиональную автономизацию. Вместе с тем социальное устройство коряжского общества таково, что наметившаяся автономизация в полной мере осуществиться не могла, а потому внутриэтнической разработки не избежала и шаманская перевязь — постепенно шло размыкание узкоспециализированных рамок и освоение перевязи как новационного элемента погребальной и празднично-ритуальной одежды. Примечательно, что обратного движения перевязи от ритуальной к утилитарной сфере не отмечено — возможно, такого рода «секуляризация» в традиционных культурах затруднена.

В целом рассмотренная тема позволяет показать яркий вещественный комплекс шаманства верхнепареньских коряжков и очертить круг распространения перевязей в их ритуальной деятельности. Рассматривая шаманские перевязи коряжков не изолированно, а во взаимосвязи с культурными событиями на сопредельных территориях, можно увидеть выраженное иноэтническое влияние, результатом которого стал своеобразный «расцвет» ритуальных перевязей в коряжской культуре, причем именно западной их группы, находившейся в наиболее тесном контакте с соседним этносом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горбачева В.В.* Обряды и праздники коряжков. СПб.: Наука, 2004. 152 с.
- Гурвич И.С.* Коряжки Северо-Эвенского района Магаданской области // ПИИЭ 1978 г. М.: Наука, 1980. С. 111–119.
- Ермолова Н.В.* Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 170–301.
- Иохельсон В.И.* Коряжки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. 237 с.
- История* и культура коряжков. СПб.: Наука, 1993. 236 с.
- Михайлова Е.А.* Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.
- На грани миров: Шаманизм народов Сибири: (Из собрания Российского этнографического музея): Альбом.* М.: Художник и книга, 2006. 296 с.
- Народы Северо-Востока Сибири.* М.: Наука, 2010. 773 с.

Ритуальная перевязь верхнепареньских коряков как атрибут шаманского облачения

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 5–100. (СМАЭ; Вып. 27).

Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 5–88.

Хаховская Л.Н., Павлов П.П. Ритуальные предметы в музейной коллекции СВКНИИ // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 280–288.

Хаховская Л.Н. Эвенские амулеты из коллекции Сеймчанского районного краеведческого музея // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2011. № 3. С. 96–102.

Хаховская Л.Н. Пояс и шапочка коряцкого шамана // Вестн. ДВО РАН. 2012а. № 4. С. 119–125.

Хаховская Л.Н. Современное этническое природопользование в северном селе // Вестн. РГНФ. 2012б. № 3 (68). С. 173–185.

Ярышева С.А. Сакральные предметы эвенов-оленьеводов // VII Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 80-летию промышленного освоения Колымы и 100-летию открытия морского торгового пути в Восточную Арктику. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2012. С. 172–174.

Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; N. Y., 1905. Vol. VI. Part 1. P. 1–382.

*Магадан, Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН
hahovskaya@neisri.ru*

The article gives the first description of such an element of Koryak shaman vestment as a sling. Subject to discovery being the existence of ritual slings in different segments of Koryak spiritual culture. The author supposes that Koryaks could borrow a shaman sling resulting from cultural contacts with Evens.

Koryaks, Evens, shaman vestment, ritual sling, «natruska» (a sling used for carrying hunting accessories), anthropomorphic amulet.

ИСТОРИЯ ЮГАНСКИХ ХАНТОВ НА р. ДЕМЬЯНКЕ В 1970–2000-е гг.: СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

В.Н. Адаев

Рассматривается процесс формирования новой территориальной группы хантов. Проанализированы события 1970–2000-х гг., происходившие с юганскими хантами-переселенцами в бассейне р. Демьянки Уватского района. В результате исследования были установлены родословные основных переселенцев, охарактеризованы особенности сформировавшейся локальной этнической группы и основные критерии, определившие представление переселенцев о демьянской территории как о новой родине.

Юганские ханты, бассейн Демьянки, миграция, культурная адаптация, идентичность, локальная этническая группа.

История переселения группы хантов бассейна р. Бол. Юган на территорию соседней р. Демьянки интересна как хронологически недавний опыт освоения обско-угорским населением соседней, относительно свободной территории. Материалы исследования позволяют детально рассмотреть адаптационные механизмы на разных этапах истории освоения новых земель, увидеть живой процесс обретения новой родины. Мной уже были представлены в отдельной работе [Адаев, 2013б] начальные этапы освоения юганскими хантами-переселенцами территории бассейна р. Демьянки: 1) хозяйственное освоение (до конца 1930-х гг.); 2) активное переселение (1940–1960-е гг.). В настоящем исследовании будет уделено внимание последующим этапам адаптации хантыйского населения вплоть до настоящего времени.

Главный интерес представляет итог этой адаптации — появление новой территориальной группы хантов. В задачи исследования входит:

- установление фамилий переселенцев, мест их происхождения и дальнейшей судьбы на Демьянке (с 1970-х гг. до настоящего времени);
- характеристика особенностей сформировавшейся территориальной группы и основных критериев, определивших представление переселенцев о демьянской территории как о новой родине.

Этап массового оттока населения с Демьянки (1970–1980-е гг.)

Полезно указать некоторые дополнительные источники, кроме наших полевых материалов¹, которые представляют информацию о жизни юганских хантов на Демьянке в данный период истории. Это отчет биологической экспедиции, организованной осенью 1979 г. сотрудниками Государственного заповедника «Малая Сосьва» и Тюменского управления промыслово-охотничьего хозяйства. Участниками экспедиции был пройден район верховьев Демьянки (200 км) с притоками Бол. и Мал. Урна, Тегус. Отмечены встречи в верховьях Демьянки с представителями конкретных хантыйских семей — Усановых, Тайлаковых и Лянтинных, представлена информация об их хозяйстве и поселениях [Обследование..., 1980, л. 1, 29]. В августе — июле 1984 г. состоялась демьянская этнографическая экспедиция А.В. Головнева (в ней участвовали 4 студента, включая Е.В. Перевалову). Участники поездки посетили пп. Калемьяга, Ярсино, Лянтино, Усть-Урна. В экспедиционном отчете содержится разнообразная информация по истории и культуре юганских хантов на Демьянке, в том числе материалы по социальным отношениям, мировоззрению и хозяйственной деятельности [Отчет об экспедициях...].

По последним уточненным подсчетам, к середине 1960-х гг. на территории Демьянки относительно постоянно проживало около 150–180 юганцев (более конкретные цифры представить

¹ Полевые материалы [Сводные материалы...] были собраны в этнографических экспедициях: в Уватский район Тюменской области (2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2005а, 2006, 2007, 2007а, 2011), Усть-Ишимский, Тевризский (2005, 2010, 2011) и Тарский (2012) районы Омской области. В разное время участниками этих экспедиций были коллеги М.И. Байдуж, А.А. Богордаева, С.Ю. Крупин, Н.А. Лискевич, А.Х. Машарипова и Р.Х. Рахимов.

История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг. ...

сложно, так как население в большинстве продолжало официально числиться приписанным к селениям Бол. Югана и сохраняло довольно высокую мобильность). Примерно треть из них (Кончины, Каюковы, Ярсомовы², Купландеевы) находилась в бассейне р. Кеум (крупный правый приток Демьянки). Около 50 чел. (семьи Ярсиных, Сапоркиных, Купландеевых, Немчиновых, Усановых и Кыколевых) проживали на участке среднего течения Демьянки (от р. Трамбал до р. Имгыт). В верховьях Демьянки, а также по ее притокам Урна, Тегус, Ардянка и другим находилось более 60 чел. (Усановы, Тайлаковы, Лянтины, Кончины, Немчиновы и др.).

Рис. Юганские ханты на Демьянке, 1960–1970-е гг.

Наибольшей подвижностью отличалось население верховьев Демьянки, так как эта группа находилась ближе к своим юганским селениям (до 70–100 км) и располагала самым многочисленным на Демьянке поголовьем домашних оленей. Мобильной была и группа юганцев, проживавшая на Кеуме: у них также были в достаточном количестве транспортные олени, а территория проживания примыкала к верховьям Салыма (некоторые семьи, например Каюковы, довольно интенсивно перемещались между бассейнами Салыма и Кеума). Совершенно другая ситуация была в среднем течении Демьянки, этот район удален от юганских селений на расстояние до нескольких сотен километров, местные природные условия не позволяли содержать много оленей, поэтому жившие там ханты держали небольшое поголовье либо вообще были безоленными.

Немаловажно также отметить, что каждая из трех перечисленных групп юганских хантов тяготела к своим административным центрам. В низовьях Демьянки таким центром был п. Лумкой (магазин, школа, медицинский пункт, метеостанция), в среднем течении — п. Калемьяга (магазин, пункт приема пушнины, начальная школа), в верховьях — до 1940-х гг. действовала фактория в п. Бабиково, а после ее закрытия местные жители выезжали за товарами и продуктами в пп. Калемьяга, Тайлаково (Бол. Юган), сс. Усть-Ишим и Тевриз (Омское Прииртышье). Таким образом, район верховьев Демьянки здесь вновь выделяется особыми условиями, способствовавшими увеличению мобильности населения.

Среди факторов, предопределивших последующий отток юганских хантов с Демьянки, были следующие:

- 1) государственная кампания по укрупнению поселений;
- 2) административно-территориальные и административно-хозяйственные изменения, коснувшиеся демьянской территории и ее населения;
- 3) угасание демьянского оленеводства.

Во время государственной кампании по укрупнению поселков, в 1960–1980-е гг., по Демьянке закрывались школы, магазины и другие учреждения и организации. В Лумкое это происходило в

² Семьи Когончиных и Ярсомовых на Демьянке нередко именовались также Кончинами и Ярсиными. Здесь и далее представлены именно те варианты фамилий, которые использовались на конкретных участках реки в конкретное время.

конце 1960-х гг., в Калемьяге — в 1971 г (школа) и в 1986 г. (магазин). Практически сразу начался отток русского населения с реки: сначала в низовья, а потом на Иртыш. К началу 1980-х гг. со своих угодий выехало значительное большинство. В 1970–1980-х гг. стали покидать Демьянку и многие юганские ханты, возвращавшиеся в Сургутский район ХМАО.

Оказали воздействие на отток населения и административные директивы. Еще с XIX в. значительная часть верхнего и среднего течения Демьянки (принималось во внимание, что это были промысловые угодья юганских хантов) составляла единое целое с территорией Сургутского округа. Это положение сохранялось и в советское время, пока в 1959 г. восточная часть бассейна Демьянки не была передана от Самаровского района Ханты-Мансийского округа к Уватскому району. Спустя несколько десятилетий последовали еще более ощутимые изменения для жизни демьянского населения. Около 1976 г. все демьянские промысловики были поставлены перед жестким выбором: перейти в штат госпромхоза с. Уват либо прекратить промысловую деятельность на территории Уватского района.

Процесс исчезновения на Демьянке оленеводства, начавшийся в 1960-е гг., был представлен в предыдущей работе [Адаев, 2013а]. Последние стада оленей держали Каюковы на Кеуме — 20–30 голов до начала 1970-х гг.; С.И. Сапоркин в среднем течении Демьянки — 6–8 голов до начала 1970-х гг.; в верховьях реки: М.Е. Тайлаков — около 10 голов до начала 1970-х гг., сестры М.А. и А.А. Усановы — несколько голов до середины 1980-х гг. Среди главных причин исчезновения оленеводства ханты называли распространение использования снегоходов, а также появление на Демьянке больших стад диких оленей, за которыми пришли волчьи стаи. Условия содержания оленей на Демьянке и до этого были довольно сложными (олени часто возвращались на Юган), а с появлением альтернативы оленьему транспорту юганцы в считанные десятилетия отказались от хлопотного и трудоемкого содержания животных. Параллельно угасание оленеводства произошло и на самом Югане — все это в целом заметно сократило интенсивность контактов двух речных бассейнов.

Таким образом, в 1970-е гг., когда для юганцев роль Демьянки как места укрытия в периоды высокой социальной напряженности перестала быть такой важной, сложились специфические условия, подталкивавшие их к возвращению на родину. Одновременно исчезновение транспортного оленеводства (и на Демьянке, и на Бол. Югане) существенно снизило их пространственную мобильность. Вопрос окончательного выбора места жительства встал перед юганскими переселенцами как никогда остро.

Итогом всех перечисленных обстоятельств стало то, что в 1970–1980-е гг. на Юган выехали многие представители семей Каюковых, Когончиных, Купландеевых, Лянтинных, Немчиновых, Сапоркиных, Тайлаковых, Усановых и Ярсомовых. В целом Демьянку покинуло около половины хантыйских переселенцев. Нередко на Юган выезжала лишь часть семьи (например, родители с несколькими детьми), а часть оставалась на прежнем месте. Впрочем, и в судьбы оставшихся представителей отдельных фамилий вмешивались разные обстоятельства случайного характера, прерывавшие их историю на Демьянке (отсутствие детей, какой-либо конфликт, несчастный случай и т.д.). В итоге окончательно исчезла юганская группа, проживавшая по р. Кеум, значительно сократилось число жителей среднего течения Демьянки (из крупных семейств там остались только Усановы и Ярсинь), и лишь юганцы, населявшие верховья реки, понесли наименьшие численные сокращения (устойчивую группу здесь составили представители семей Лянтинных, Тайлаковых и Усановых).

Этап стабилизации состава группы (1990-е гг. — наше время)

Немного о дополнительных источниках по данному периоду истории юганских хантов на Демьянке. В 1999, 2000 и 2006 гг. состоялись этнографические экспедиции на Демьянку сотрудников ИПОС СО РАН (среди участников: А.А. Богордаева, Н.А. Лискевич (Повод), Е.Г. Чумак). Исследователями были собраны разнообразные этнографические данные, часть которых нашла отражение в публикациях [Богордаева, 2000; Богордаева, Повод, 2002, 2005]. В 2005–2006 гг. на Демьянке проводили исследования сотрудники сургутского научного центра «Барсова Гора» (С.А. Мызников, А.А. Рудь, А.С. Сопочина): во время археолого-этнографической экспедиции было целиком пройдено течение Демьянки, а также совершен зимний выезд в селения верховьев реки. Собран богатый материал по топонимическим объектам и духовной культуре юганских переселенцев (см. [Рудь, Шатунов, 2007]).

История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг. ...

Происхождение и судьбы семейных групп юганских хантов на Демьянке

№	Имя переселенца	Место происхождения	Места проживания на Демьянке	Современные потомки на Демьянке
1	Когончин Иван <i>Данилович</i> (ок. 1901 г.р.) и его сын Когончин Лисак Иванович (ок. 1940 г.р.)	ю. Когончины	Сезонно по р. Кеум (1950–1970-е гг.)	Дети и внуки Л.И. Когончина (Когончины) в п. Усть-Урна
2	Когончин (Кончин) Александр (19?? г.р.) и его сыновья Кончины Лазарь (ок. 1935 г.р.), Данила (ок. 1937 г.р.), Егор (ок. 1939 г.р.), Антон (ок. 1941 г.р.) Александровичи	ю. <i>Когончины</i> или р. <i>Салым</i>	р. Кеум (1940–1990-е гг.)	Нет
3	Когончин (Кончин) Алексей (19?? г.р.) и его сын Петр Алексеевич (19?? г.р.)	ю. <i>Когончины</i> или р. <i>Салым</i>	р. Кеум (1940–1960-е гг.)	Нет
4	Каюков Герасим <i>Ефимович</i> (18?? г.р.) и его сыновья Каюковы Антон (ок. 1941 г.р.), Лазарь (ок. 1943 г.р.), <i>Данила</i> Герасимовичи (19?? г.р.)	ю. <i>Каюковы</i> или р. <i>Салым</i>	р. Кеум (1940–1970-е гг.), п. Казак (с 1970-х гг.)	Дочь и внуки Л.Г. Каюкова (Истрашкины, Усановы) в п. Казак
5	Ярсомов Михаил <i>Леонтьевич</i> (ок. 1881 г.р.) и его дети	ю. Ярсомовы	р. Кеум (1940–60-е гг.)	Нет
6	Ярсомов Игнатий Дмитриевич (ок. 1909 г.р.)	ю. Ярсомовы	Окрестности п. Ярсина (1960–1970-е гг.)	Нет
7	Ярсомов Ефим (Ефрем) Павлович (ок. 1896 г.р.) и его сын Ярсин (Ярсомов) Иван Ефремович (ок. 1922 г.р.)	ю. Ярсомовы	п. Ярсина (с 1940-х гг.)	Дети, внуки и правнуки И.Е. Ярсина (Ярсина) в пп. Ярсина, Итки-ега
8	Сапоркин Иван Сидорович (ок. 1883 г.р.) и его сын Сапоркин Сидор Иванович (ок. 1916 г.р.)	ю. Сапоркины	п. Куньяк, ю. Сапоркины (1940–1960-е гг.)	По Демьянке нет, но дочь и внук С.И. Сапоркина (Сабаркины) проживают в с. Демьянское
9	Купландеев Александр <i>Андреевич</i> (ок. 1903 г.р.) и его дети	ю. Купландеевы	р. Кеум (1940–1960-е гг.)	Нет
10	Купландеев Николай Кириллович (ок. 1903 г.р.) и его дети	ю. Купландеевы	р. Кеум, оз. Тунгусское (1940–1960-е гг.)	Нет
11	Купландеев Петр Кириллович (ок. 1918 г.р.)	ю. Купландеевы	р. Кеум, п. Калемьяга (1940–1960-е гг.)	Нет
12	Усанов Федор Романович (ок. 1880 г.р.) и его дочь Усанова Наталья Федоровна (1932 г.р.)	ю. Усановы	Окрестности п. Калемьяга (с 1950-х гг.)	Внуки и правнуки Н.Ф. Усановой (Усановы) в п. Тямка; дочь и внуки Н.Ф. Усановой (Кукис) в п. Демьянка
13	Усанов Егор Наумович (ок. 1916 г.р.)	ю. Усановы	Окрестности п. Калемьяга (1950–1970-е гг.)	Нет
14	Усанов Василий Наумович (ок. 1881 г.р.) и его сыновья Усановы Александр (1926 г.р.), Федул (1930 г.р.), Сергей (1935 г.р.) и Егор (1936 г.р.) Васильевичи	ю. Усановы	Верховья р. Демьянки, рр. Урна, Бол. Казак, Ершовка (с 1940-х гг.)	Дети, внуки и правнуки А.В. и Ф.В. Усановых (Усановы, Ярсина, Лянтины, Истрашкины) в пп. Казак, Усть-Урна, Рогаис, Лянтино, Ярсина, Тямка
15	Усанов Тихон Павлович (ок. 1881 г.р.)	ю. Усановы	Верховья р. Демьянки, оз. Васькино (1940–1960-е гг.)	Нет
16	Кыколев Семен Данилович (ок. 1911 г.р.)	ю. Кыколевы	р. Тямка, среднее течение Демьянки (1940-е гг.)	Дочь, внуки и правнуки (Семеновы, Усановы, Ярсина, Лянтины) в пп. Ярсина и Лянтино
17	Тайлаков Ефрем Петрович (ок. 1872 г.р.) и его сыновья Тайлаковы Михаил (ок. 1905 г.р.), Гордей (ок. 1913 г.р.) и Иван (ок. 1916 г.р.) Ефремовичи	ю. Тайлаковы	Верховья р. Демьянки, оз. Белое, р. Ардянка (с 1940-х гг.)	Дети, внуки и правнуки И.Е. Тайлакова (Тайлаковы, Когончины) в п. Усть-Урна
18	Когончин (Кончин) Петр Алексеевич (ок. 1898 г.р.) и его сыновья Когончины (Кончины) <i>Алексей</i> (ок. 1920 г.р.), Ефим (ок. 1925 г.р.), Андрей (ок. 1930 г.р.), Артем (ок. 1935 г.р.) Петровичи	ю. Тайлаковы	Верховья р. Демьянки выше впадения р. Ершовки (1940–1960-е гг.)	Нет
19	Лянтин Федор Александрович (ок. 1904 г.р.) и его сыновья Лянтины Николай (1933 г.р.), Александр (1934 г.р.) и Яков (1936 г.р.) Федоровичи	ю. Тайлаковы	р. Тегус, р. Мал. Ершовая, р. Таморга, п. Лянтино (с 1940-х гг.)	Дети, внуки и правнуки Н.Ф. и А.Ф. Лянтиных (Лянтины, Ярсина) в пп. Лянтино, Итки-ега
20	Немчинов Спиридон Ефимович (ок. 1878 г.р.) и его сыновья Немчиновы Василий (ок. 1927 г.р.) и Николай (ок. 1929 г.р.) Спиридоновичи	ю. Ларломкины	п. Немчиново (1940–1960-е гг.)	Нет
21	Немчинов Константин (ок. 1902 г.р.)	ю. Ларломкины	Верховья Демьянки (1940–1960-е гг.)	Нет

После массового оттока юганских хантов в 1970–1980-х гг. на Демьянке осталась наиболее устойчиво привязанная к этой территории часть населения. Важно, что значительный ее процент уже составляли ханты, родившиеся на Демьянке либо привезенные туда в раннем детском возрасте (последние представители старшего поколения, которые помнили былую жизнь в юганских селениях, умерли в начале 2000-х гг.). Тем не менее контакты с юганскими жителями сохранялись: поддерживались брачные связи, жители верховьев Демьянки выезжали на Юган для участия в религиозных церемониях, дети из демьянских селений обучались в школе-интернате на Бол. Югане.

Юганцы долгое время оставались единственной этнической группой на Демьянке, упорно сохранявшей эндогамность, но в последние десятилетия и они начали включаться в круг местных межэтнических брачно-семейных связей. Вплоть до 1980-х гг. фиксировались лишь редкие неудачные попытки русских образовать семейные пары с хантыйками, к настоящему времени таких пар на Демьянке уже пять, четыре из них постоянно проживают в хантыйских поселениях. Численность юганцев на Демьянке продолжала падать до 1990-х гг. — в это время ушли из жизни невыехавшие на Юган пожилые бездетные пары, произошли трагические события в крупном семействе Когончиных, проживавшем на Кеуме, в результате которых они тоже покинули демьянскую территорию. По сравнению с 1960–1970 гг. значительно снизилась рождаемость в хантыйских семьях. Показательно, что с 1990–2000 гг. более половины семей имели не более 1–2 детей, высокий процент составляли незамужние женщины детородного возраста (матери-одиночки, вдовы), кроме того, часть женщин покидала Демьянку после вступления в брак с юганскими хантами. К настоящему времени численность юганских хантов на Демьянке остается относительно стабильной и составляет около 50 чел.

Сопоставление полевых материалов с архивными данными позволяет выявить имена юганцев, населявших Демьянку с 1940-х гг. до настоящего времени, их происхождение из конкретных поселений и семей Бол. Югана, и их последующие судьбы. Итоговый сводный материал представлен в табл. (использованы данные: [ГАХМАО, ф. 96, оп. 2, д. 5, л. 19–42 об.; Сводные материалы...; Список охотников...]). Переселенцы указаны в порядке следования их изначальных поселков проживания на Бол. Югане от низовьев к верховьям реки. Курсивом обозначены предполагаемые данные.

По аналогии с территориальной группой юганцев, осевшей на р. Салым и получившей название новосалымских хантов (см. [Федорова, 2012, с. 163]), юганские ханты Демьянки могут именоваться новодемьянской локальной группой. Группа имеет ряд особенностей: малочисленность, неразрывная связь с Бол. Юганом, отсутствие поселковых святылищ, при этом она представляет единственное хантыйское население бассейна реки. Представители группы не имеют особого самоназвания и продолжают именовать себя *яун-ях* (юганским народом). Тем не менее новодемьянские ханты давно освоились на новой территории, связывают свое будущее именно с ней и демонстрируют хозяйскую позицию в отношении демьянских угодий. Одним из важнейших оснований для юганских переселенцев считать Демьянку своей родиной стала сакрализация осваиваемой территории. Причем культурная адаптация к новой территории, духовное освоение пространства предстают здесь живым, сиюминутным процессом (тема рассмотрена в специальной публикации: [Адаев, 2013б]). Немаловажно и то, что населением Уватского района (и тем более приезжим) они воспринимаются не иначе как коренные демьянские обитатели, законные хозяева этой земли.

Данной локальной группе вряд ли когда-либо удастся стать полностью самостоятельной (отдельной от юганских сородичей) — непреодолимыми препятствиями на этом пути остаются низкая численность и устойчивая связь с Бол. Юганом. Сохраняющаяся значительная эндогамия группы обусловлена прежде всего высоким консерватизмом культуры и строгостью традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАХМАО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 5.
Обследование бобровых угодий бассейна р. Демьянки: Рукоп. отчета. Советский, 1980 // Архив Государственного заповедника «Малая Сосьва». 42 л.
Отчет об экспедициях к хантам рр. Демьянка, Бол. Юган за 1984 и 1988 гг. // Науч. архив ТГИАМЗ. Д. 1440. 44 л.
Сводные материалы полевых сборов по Уватскому району, 2000–2012 гг. / В.Н. Адаев.
Список охотников колхоза им. Кирова, 1955 г. района // Фонды Угутского краеведческого музея им. П.С. Бахлыкова. Инв. № 935.

Литература

- Адаев В.Н. Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестн. НГУ. 2013а. № 3. (В печати).
Адаев В.Н. Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: Хозяйственное освоение и заселение новой территории // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 67–75.

История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг. ...

Богордаева А.А. Ханты р. Демьянки в конце XX века (по материалам полевых исследований 1999 года) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 57–61.

Богордаева А.А., Повод Н.А. Традиционное природопользование коренного населения Уватского района в условиях современного нефтегазового освоения // Ежегодн. Тюм. обл. краевед. музея: 2001. Тюмень, 2002. С. 257–268.

Богордаева А.А., Повод Н.А. Традиционные поселения юганской группы хантов на р. Демьянке (по материалам полевых исследований 1999–2000 гг. в Уватском районе Тюменской области) // Космос Севера. Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 2005. Вып. 4. С. 220–229.

Рудь А.А., Шатунов Н.В. Об этнографических экспедициях центра «Барсова Гора» в 2004–2006 гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИТУ, 2007. Вып. 4. С. 110–117.

Федорова Е.Г. Об одном из стойбищ восточных хантов начала постсоветского периода // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 163–169.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The article considers development of a new territorial Khanty group. Subject to analysis being historical events of 1970–2000 occurring with migrating Ugan Khanty at the Demyanka basin in Uvat District. The investigation resulted in determining family trees of the main migrants, describing characteristic features of the developed local ethnic group and basic criteria which determined the migrants' notion of the Demyanka territory as of their new motherland.

Ugan Khanty, the Demyanka basin, migration, cultural adaptation, identity, local ethnic group.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОВОМ У КОМИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

М.И. Байдуж*, Н.А. Лискевич**, А.Х. Машарипова**

На основе полевых материалов 2000-х гг. рассматриваются традиционные представления коми юга Западной Сибири о домовом — его облике, функциях, качествах, способностях, практиках выстраивания взаимоотношений с ним при переходе в новый дом, покупке скота и проведении окказиальных ритуалов.

Коми, домовый, домовая змея, ритуал, охрана дома.

Домовой как дух-хозяин домашнего пространства — один из самых популярных мифологических персонажей, сохраняющий актуальность в современных представлениях. Этот образ, с одной стороны, имеет традиционные черты, а с другой — происходит переосмысление многих его характеристик, возникают новые (или воспринимаются такими) функции и описания персонажа, инициированные зачастую средствами массовой информации и расширением коммуникаций. Образы мифологических существ, связанных с жилым пространством, их генезис, трансформация, качества и способности, функции и проявления подробно рассмотрены в фундаментальных трудах, посвященных прежде всего русскому фольклору (напр.: [Виноградова, 2000, с. 271–288; Власова, 1995; Криничная, 2004, с. 26–246; Левкиевская, 2000, с. 276–318; Померанцева, 1975, с. 92–117]), систематизированы указатели мифологических персонажей [Айвазян, 1975], в том числе на сибирском материале [Гордеева; Зиновьев, 1985, с. 62–76], публикуются мифологические рассказы, структурированные по «персонажному» принципу (напр.: [Мифологические рассказы и легенды..., 1996; Мифологические рассказы..., 2009]).

В мировоззрении коми-зырян распространена вера в сверхъестественные существа. Одним из наиболее почитаемых персонажей является домовый — *керка олыся*. *Керка* — 'дом', *олысь* 'жилец || живущий' [Безносикова и др., 2000, с. 268, 457]. Домовой как дух-хозяин дома и, в ряде случаев, всех хозяйственных построек и двора тесно связан с представлениями об иррациональной охране подворья и семьи, потому, возможно, он и остается актуальным персонажем быличек и мифологических представлений коми Западной Сибири: «Но в домовых же верили, и сейчас ведь верят» (Уляшева А.С.). Цель нашего исследования заключается в попытке рассмотреть некоторые особенности образа домового в традиционных верованиях коми на основе полевых данных, собранных в 2000-х гг. среди локальных групп коми, проживающих на юге Тюменской и в Омской области. Для сбора материала использовался в основном метод структурированного интервьюирования, позволяющий впоследствии переходить к неформальным доверительным беседам. При составлении программы исследования мы ориентировались на работы по изучению мифологических персонажей в традиционном мировоззрении коми [Белицер, 1958, с. 320–321; Конаков, 1996, с. 90–111], а также указанные выше труды. На духовную культуру коми (зырян), основной территорией проживания которых является Европейский Север, большое воздействие оказало длительное взаимодействие с русскими, распространение православия [Жеребцов, 1982, с. 117–153].

Современное коми (коми-зырянское) население юга Западной Сибири ведет происхождение от переселенцев из Коми края, прибывавших в Сибирь с первой трети XIX в. Ими были освоены территории, пригодные для земледелия, — современные Заводоуковский, Юргинский, Ярковский, Ялуторовский районы Тюменской области. Коми поселения на территории Нижнего Приоболжья основаны переселенцами из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии, в меньшей степени — Архангельской и Вятской губерний [Лискевич, Машарипова, 2012; Повод, 2008а, б]. Переселение на территорию современной Омской области (Среднее Прииртышье) относится к 1870-м гг., здесь оседали также в основном выходцы из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, их потомки проживают в Горьковском, Калачинском,

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Семейные обычаи и обряды в культуре коми юга Западной Сибири».

Оконешниковском, Тарском районах Омской области [Бараксанов и др., 1987; Повод, 2008а, б]. Переселенческие процессы у коми продолжались до середины 1920-х гг., в последующем связи с родиной были прерваны. В ходе адаптации к новым условиям в этнической культуре переселенцев произошли изменения, но ядро комплекса верований, связанных с жилым пространством и семейным благополучием, оказалось более устойчивым.

Домовой у коми осознается как хозяин дома и пользуется особым почитанием, к нему всегда обращаются со словами: «Дедушко, дедушка-батюшка, батюшка-домовой, суседушко-батюшка/суседушко-матушка, дедушка-суседушка, соседушка-ботанушка², соседушка-букамушка/буканушко³, хозяин, хозяин-батюшка/хозяюшка-матушка», хотя некоторые коми помнят об употреблении в бытовой речи названий домового на родном языке — *Керка пытшкам* (Уляшева Ю.Ф.), где *пытшкам* — 'в себе', т.е. «внутри дома/у меня в доме» [Безносикова и др., 2000, с. 551, 552].

Строительство и обживание дома было ритуализированным процессом, требующим строгого регламента действий от выбора места и леса для постройки до перехода в новое жилье (подробнее об этом: [Конаков, 1996, с. 90–100]). Выполнение положенных ритуалов служило залогом благополучной жизни семьи, крепкого хозяйства. Неподходящим для строительства считалось место пожара — «на пепелище не строили», в результате неудачного выбора в доме начинало «казаться» (Уляшева Ю.Ф.). Под углы дома (*в оклад*) клали овечью шерсть (под правый угол), щепотку соли, немного хлеба, деньги (во все углы) — «чтобы в богатстве жить», также подклады в виде денег (3 коп., 5 коп.) и разноцветной шерсти помещали под матицу; для задабривания домового (*суседко*) угощение опускали и в подполье (Кононова А.Г., Кутькин П.Т., Подласова Е.К., Уляшева Ю.Ф.). Особые обереги изготавливали и при возведении печи; так, Ю.Ф. Уляшева рассказывала, что при демонтаже старой русской печи (*пач*), которую в начале XX в. делал ее дед Уляшев Николай Фомич, нашли возле пода, где выпекали хлеб, маленький кирпичик, на котором был выдавлен крест [Ермакова, Повод, 2006, с. 184] (рис. 1). Большую роль играло расположение матицы в доме, ее обязательно клали повдоль, направленной к входу, в противном случае «в доме будет нечисть водиться» (Кутькин П.Т., Нелюбина А.Ф.).

Для перехода в новый дом получали благословение старших родственников: «Свекровка благословила» (Киселева О.Ф.); «Мать при уходе благословила: *Иди, и живи*» (Уляшева Ю.Ф.). В определенные периоды нельзя было заселяться в новый дом, к примеру с 14 октября до 8 ноября, со дня Покрова Пресвятой Богородицы (*Покров-субѳт*) до дня Собора Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных (*Митрий-субѳт*) (Кононова А.Г.).

Переход обычно осуществлялся в несколько этапов. В новый дом зазывали домового, у коми были распространены различные ритуалы его приглашения [Конаков, 1996, с. 100]. Говорили: «Суседушко-батюшко, суседушко-букамушка, пошли с нами» (Шешукова М.М.); «Соседушко-ботанушко, переезжай с нами» (Уляшева П.Н.). «Когда переезжают на новое место жительства, то хозяйка уходит из дома последняя, кидает старую обувь со словами: “Мы поехали, а ты на этом догоняй” (Юдина Р.Е.). При этом в новом доме заранее оставляли угощение: «Вот, например, когда в новый дом переселяются, да, верят, что там живет домовая, Хозяином его называют, домового. И вот прежде, чем зайти, там, значит, в уголочек, у вас, наверное, тоже, и где-то у других народов тоже это есть, да? Что, там, в уголок кладут там, хлеб, например, там, или молока наливают. Это домовому, например. Вот, что задобрить Хозяина, вот они и это самое, вот это вот и делают. Они говорят, что есть он вот. Хозяином его называют» (Уляшева А.С.).

До переноса домашнего скарба в новый дом нужно было принести и оставить на ночь хлеб (или квашню), икону, корыто (*вор*), в котором стирали, и запустить кошку (*кань*) — «на счастье» (Моторина Р.Д., Королева В.И., Юдина Р.Е.). У М.М. Шешуковой перед новосельем их семьи мать заранее утащила в новый дом и оставила на всю ночь *корыто, кошку и квашёнку*. В современной интерпретации корыто может заменяться стиральной машиной: «Внучка переезжала — кошку и стиральную машину заносила» (Кононова А.Г.). Ю.Ф. Уляшева рассказывала, что при уходе из родительского дома в другой взяла в одну руку икону, в другую — булку хлеба.

² Батамушко, Ботамушка, Ботамушко-Боданушко, Ботамушко-Дедушко, Ботамушко-Соседушко, Ботанушка, Ботанушко — домового [Словарь говоров..., 2001, с. 72–73]; домового, «коновой хозяйин»; дворовой, «приглядывающий» за скотиной, сходен в своих характеристиках с домовым, а более — с дворовым, который обитает в крестьянском дворе и связан со скотом (в первую очередь — с лошадьми) [Власова, 1995, с. 52].

³ Буканушко — сказочное страшилище, которым пугают детей, фантастическое существо в доме; домового; нечистая сила; пугало для детей [Власова, 1995, с. 64]. Буканушко — то же, что Батамушко [Словарь говоров..., 2001, с. 206].

Заходя в новый дом, всегда говорили: «Хозяин-батюшка, да хозяйюшка-матушка, прими меня и люби меня» (Уляшева Ю.Ф.).

В современной интерпретации значимость хлеба и корыта при новоселье объяснялась тем, что они связаны с пищей и одеждой/тканью: «чтобы вещи были и хлеб» (Подкопаева Н.Ф.). По мнению Е.Е. Левкиевской, хлеб, как главная пища человека, обладает апотропеическими свойствами, это один из сильнейших и универсальных оберегов, охранительные свойства имели также мука и тесто [2002, с. 166–168].

Кошка являлась существом, связанным с домовым, и если у них «совпадала масть» — в доме было благополучие [Голубкова, 2009, с. 192–193]. П.С. Ефименко отмечал, что среди русских Архангельской губернии кошку запускали при новоселье для домового со словами: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор» [1878, с. 157]. Особое отношение к кошке актуально и в настоящее время: «В каждом доме должна быть кошка. Есть поверье, что кошка охраняет дом и дружит с домовым» (Распутина Е.Д.). Кошку нельзя убивать, кошка подходящего цвета приносит счастье, самыми подходящими для дома считаются трехшерстные кошки, т.е. имеющие больше возможностей «угодить» домовому (Кононова А.Г.).

Ритуал задабривания домового проводился и при переходе в новую семью после замужества. «Когда замуж выходила, меня мама учила: когда в дом мужа придешь, переступая через порог три раза тихонько скажи: *Прими да люби, пои да корми, дедушка-суседушка*. В подпол нужно было хлебушка корку отнести» (Уляшева Ю.Ф.).

Следующим этапом перевозили вещи (*шмотки*), потом перегоняли скот (Шешукова М.М.). При переводе скотины также были ритуалы, их знали и обычно проводили представители старшего поколения (Киселева О.Ф.). Обеспечение сохранности и прироста скота закладывалось еще при возведении хозяйственных построек. Когда делали сруб стайки, то в передний угол («правый, где солнце всходит») клали шерсть и хлеб, пили водку, «чтобы домовый скотину любил, чтобы овечек было полным-полно» (Кононова А.Г., Уляшева Ю.Ф.).

Перед тем как завести корову, отрезали кусочек хлеба и клали в уголок под крышу «где есть дырочка посредине», при этом говорили: «Суседушко-матушко, я тебе гостинца привезу. Как хлеб будешь уважать, так и моих скотин, так и меня» (Уляшева Ю.Ф.). Хлеб для домового могли класть в старое непригодное ведро с пожеланием: «Батюшка-домовой, люби мою скотину». Рассказывали про случай, когда «семья переехала, а ведра для хлеба оставили на старом месте и на новом месте ведер в стае не повесили, в тот же год весь скот пал, кто заболел, кто потерялся. Ведра для хлеба надо повесить в каждой стае, в каждом строении, где находятся животные» (Кононова А.Г.). Скот «представляли» домовому: «...Хозяйюшка-батюшка, Хозяйюшка-матушка, прими эту скотинушку, люби эту скотинушку» (Уляшева Ю.Ф.). Такой ритуал проводился и при покупке нового скота (Подласова Е.К.). Чтобы скотина не терялась и приходила на новое место, нужно было заставить животных перешагнуть через веревку, на которой их привели, а также покормить из котла, в котором готовили пищу семье (Игнатов Н.Г.).

Домовой представлялся неотъемлемой частью дома и шире — всего усадебного комплекса: «Домовой повсюду, весь двор охраняет» (Кононова А.Г.); «Домовой один во всем доме» (Уляшева Ю.Ф.); «Он один охраняет и скотину и дом» (Игнатов Н.Г.). Также информанты упоминают, что домовых может быть и два: «...видела двух домовых — большого и маленького», «...двое домовиков было, один маленький. В доме Кутькина Михаила — там, кажется, два ходит в разное время» (Подласова Е.К.). Локализация и функции домовых в этом случае могли различаться. Основным местом обитания домового считается часть дома за печкой либо в подполье (*гольце*) (рис. 2): «Живет он, может быть, в подполье» (Уляшева Ю.Ф.); «Я не знаю как там это, маленько рассказывали, что вот у нас же раньше печка была, а за печкой было такой лаз, чтобы в подпол лазить, и...это...и...ну сильно я не хорошо не помню. Все как будто теленочек или кто, так — топ-топ-топ, и туда... в ту дверь... за картошкой лазили, туда и как будто, туда он спрятался» (Шапалова Н.М.); «Двое приходят — маленький и большой — через окошко в подполье» (Подласова Е.К.). У ижемской группы коми, проживающей в более северных районах, местом обитания домового мог быть и чердак: «на вышке, под крышей она живет» (Конева Т.В.), «как ночь, начинает по крыше бегать» [Титов, 2009, с. 191].

Иногда выделялся домовый, проживающий за пределами дома, в хозяйственных постройках: в стайке или на конюшне (рис. 3). «Домовой живет в доме. Но есть домовый, который в стайке живет. Стаичный. Дед иной раз говорил, что у лошадей все сплетется, что не распутать, только состричь. Он как-то видел, что на лошади сидит стаичный старичок и плетет лошади гриву»

Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири

(Подласова Е.К). «В стайке живет суседушко» (Уляшева Ю.Ф.). В соответствии с этим подарки и угощения для домового оставляли в укромных местах как в доме, так и в постройках для скота. Доминирование образа домового у современных коми в отдельных случаях проявляется в объединении его с *банницей*, которая обычно воспринималась отдельным персонажем: «В бане, когда 2 человека вымоется уже, то после себя (третья уже получается) нужно воды в тазу и мыло оставить и сказать: “Мойся, Банщик-Домовой” (Пасеко А.Ф.).

Рис. 1. Кирпич-оберег, найденный в русской печи возле пода, с. Староалександровка Яркового района Тюменской области, 2003 г.

Рис. 2. Голбец возле русской печи, д. Бельховка Юргинского района Тюменской области, 2007 г.

В большинстве рассказов домовый имеет человеческий облик, представлен в образе старичка, маленького роста, с белой (седой) бородой, одетого в рубаху и лапти: «Домовой небольшого роста, седой старичок с бородой» (Подласова Е.К.); «Мать видела возле своей постели однажды маленького старичка с длинной бородой, и одет он был в белую рубаху и белые штаны» (Распутина Е.Д.); «Домового видела в поле, когда телят посла, телята улеглись, и я прилегла, вдруг слышу, как ко мне кто-то подходит, остановился около меня, смотрю, передо мной маленький мужичок в лаптях, портах и перевязанный полотенцем» (Ефремова П.Н). Черный цвет домового считался плохим предзнаменованием — «это не к добру, к беде» (Подласова Е.К.).

У коми сохранились представления о связи домового и змеи/ужа: «Однажды еще в том доме видела змею, у нее на шее красный галстук. Спустя 15 лет увидела такую же змею около дома, только уже толстую, и говорю ей: *Ты меня искал, скотину мою караулил, благославляю тебя, иди*. Если галстук на шее — эта змея считается домовая. Он меня искал 15 лет, в этом доме первый раз его видела» (Уляшева Ю.Ф.). Ужей нельзя было убивать, в противном случае могло произойти несчастье: «Знаю случай, когда мужчина, убивший ужа, повредил себе руку. Прочих змей можно убивать» (Кононова А.). «Говорили, что нельзя на подворье змею убивать, что-нибудь будет плохо» (Подкопаева Н.Ф.). Представления о дворовой змее, ее табуировании и почитании широко распространены у славян, в том числе русских европейского Севера (напр.: [Власова, 1995, с. 122, 127, 153; Гура, 1997, с. 307–319; Криничная, 2004, с. 120–123; Левкиевская, 2000, с. 297–300]). По данным А.В. Гуры, змея — это дворовой или домовый дух и ее нельзя убивать [1997, с. 307]; образ змеи как домашнего покровителя тесно связан с образом предка; у змеи, особенно у ужа, обнаруживаются черты мифического покровителя скота, что опять-таки объединяет ее с образом домового [Там же, с. 316].

В представлениях коми домовый может быть как добрым, так и злым. «Если соседке не нравится скотина, то она мокрая, худая. Если домовый косу сплел, то ее уже не распутать, только срезают» (Шешукова М.М.). Ю.Ф. Уляшева жаловалась, что в родительском доме овечки не живут, и при родителях не жили — «рождается мало, и приплод не держится». Это объяснялось тем, что для дома выбрано «нехорошее» место, «домовой скотину не любит». Бывает, что скотину по-разному любит — черную любит, белую нет (Подласова Е.К.). Если домовый добрый, то он ухаживает за скотиной. «Раньше, чтобы домовый был добрым и не сердился, для него стряпали, и стряпню относили в стайку, при этом говорили: *Дедушко, ешь*» (Уляшева З.П.).

Если покупали скотину, то обязательно представляли ее домовому: «Когда приводишь скотину в новую стайку, или только купленный скот, то нужно кусочек хлеба отрезать и положить его в уголок под крышу со словами: *Суседушка — батюшка, я тебе гостинца принесла, как хлеб будешь принимать, так и моих, и скотину и меня принимай*» (Уляшева Ю.Ф.). «Если скотину купят, то говорят: *Суседушка-букамушка, вот тебе хлебушка, люби мою скотинушку. И несли в хлев, клали в ясли или толкали в стайке в угол гостинцы*» (Шешукова М.М).

Помимо угощения домового хлебом («стряпнёй»), в помещении для животных всегда должны находиться ветки вербы с вербного воскресенья (Подкопаева Н.Ф.). В определенные дни проводились особые ритуалы для обеспечения плодовитости скота. Так, на Новый год «надо положить около переднего угла, где икона стоит, на стол 0,5 водки, хлеба, булки, соли в банке; утром поесть самому и скотине дать» (Уляшева Ю.Ф.). «Перед Пасхой на четверг (раньше говорили — Страшный четверг) в среду клали хлеб с солью вечером, а утром угощали скотину, овец. Хлеб в среду оставляли на столе пред божницей. Если скотина заболает — этим лечили. Соль в воду размешивали, хлеба — 0,5 булки. Хлеб весь не отдавали, оставляли на лечение» (Подласова Е.К.). «Хлеб к иконе клали в среду страстной недели, а в страстной четверг кормили этим хлебом животных, для их сохранности, немного хлеба оставляли, чтобы покормить животных перед тем, как первый раз после зимовки выгнать их на пастбище. Соль клали к иконе только в страстной четверг» (Кононова А.Г.). Сама А.Г. Кононова укладывала к иконе две булки хлеба из старой муки для скотины, несколько кусков белого хлеба для себя и около 1 кг соли. Затем зажигала свечи и читала три раза молитву, которую сложила сама. В день св. Власия (11 февраля), который считается покровителем домашних животных [Власова, 1995, с. 28], также нужно было отнести в стайку хлеб и соль (Подласова Е.К.).

Рис. 3. Стайка — постройка для скота, с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области, 2005 г.

Рис. 4. Выпечка хлеба, д. Бол. Тихвино Ялуторовского района Тюменской области, 2006 г.

В случае покупки или продажи скота надо было взять с собой немного навоза из стайки и с ним идти на торг (Подласова Е.К.). Обычай у русских, когда навоз или землю берут со двора прежнего владельца, А.Ф. Журавлев объясняет желанием сохранить плодовитость скота, предотвратить его «тоску» [1994, с. 71]. В данном случае, когда навоз берут в своем хозяйстве, вероятно, проявляется попытка обеспечить успех сделки иррациональной помощью дома/домового.

Основная функция домового — охрана дома. Перед уходом из дома к нему обращаются с просьбой: «Господи, благослови, Хозяюшко-батюшка, храни мой дом» (Уляшева Ю.Ф.). Если уезжают на некоторое время, то, присаживаясь на дорожку, произносят: «Господи, благослови, хозяйин-батюшка, храни мой дом» (Уляшева Ю.Ф.). «Куда уезжаю — домовому наказ даю, а возвращаюсь, говорю: *Здравствуй, изба, дом родной!*» (Пасеко А.Ф.).

В случае длительного отъезда существовала традиция «забирать» с собой домового, но сейчас такое не практикуется. «Нет сейчас такого. Да... я вот лично забываю, там много слов-то и не надо говорить. Говорят, что надо бы, надо бы забирать, а потом возвращаться, из дома... но, у меня не получается, потому что я всегда волнуюсь. Не хочется из дома уезжать, а приходится. Ой, со слезами уезжаю каждый год» (Подкопаева Н.Ф.).

Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири

Домовой «показывался» редко, чаще проявлял себя различными звуками — топотом, скрипом дверей и пр.: «...как будто теленочек или кто, так — топ-топ-топ» (Уляшева А.С.); «...как мышка пробежит ночью... говоришь: “Что опять уже бегаешь?”» (Игнатова Н.Г.); «...кажется, что кто-то дома ходит и хлопает дверьми, дверь дергает, но никого не видно. Надо перекреститься и идти дальше» (Уляшева Ю.Ф.); «...одной женщине слышались в доме голоса на зырянском, татарском и русском языках. <...> Один раз через огород к Ф-м прибежала — домовый напугал» (Кононова А.Г.).

Домовой разбрасывал вещи, «...тетка у меня говорит, что у нее там домовая живет, что-то у нее там передвигает, не передвигает... я не знаю... какие-то там вещи раскидывает» (Распутин Ф.Д.). «У одних людей домовая муку сеял по дому» (Распутина Е.Д.). «Ну, в домового верю! Видеть вживую не видел, но результаты его проказничеств наблюдал. У нас периодически пропадают столовые приборы! То ложек нет, то вилки исчезнут. Доходило до того, что в доме оставалось всего 2–3 ложки или вилки, всей семьей искали, но найти не могли, а потом они сами по себе оказывались на своем законном месте» (Истомин Г.Г.).

В доме, возведенном на «плохом» месте, отмечались более зримые «полтергейстные» проявления. В с. Имшегал в детском саду, построенном, по местной легенде, на месте изготовления гробов для «черкесов» (спецпоселенцев), постоянно происходили «нехорошие вещи»: «Вот там ночью, говорит, там ночью и кто-то ходит, и дверь закрывается-открывается, там жутко ночью. Особенно когда перед покойником в деревне. <...> Там все время какое-то движение! То чашки кто-то переставляет вот это вот. На этом месте» (Уляшева А.С., Шаповалова Н.М.).

По рассказам, домовый мог входить в прямой контакт с обитателями дома: «Если домовому не оставить покушать, то он ночью *давить* будет, т.е. не сможешь долго проснуться, телом тяжело шевелить» (Распутина Е.Д.). Считалось, что в этом случае он мог предсказать будущее: «Была примета: если домовый трогал ночью, то надо было спросить, “к добру или худу”, и он отвечал» (Уляшева З.П.); «Домовой давил мою сестру, она его спросила, к добру или к худу. Если ответит *бrrr* — к добру, если *дуу* — к худу (Смирнова В.Н.); «...взял меня мягкими руками за нос, я спросила: *к добру или к худу*, он ответил: *к худу*» (Уляшева П.Н.).

«Говорят, что если домовый не залюбил хозяина или хозяйку, то домового надо угощать, класть хлеб свежий в подпол или угол какой» (Подкопаева Н.Ф.). «Если в доме не ладно, посуда бьется, мебель ходит, то это домовый сердится, тогда его нужно задобрить» (Игнатова Н.Г.). «Если в доме не ладно, то в подполье нужно хлеб отнести, чтоб соседку покормить» (Шешукова М.М.). «Старые люди говорили, что домового надо угощать, класть хлеб и соль к иконе. Когда клали хлеб, перед иконой говорили: «Дедушка-батюшка, дом спасай и меня спасай» (Кононова А.Г.). «Любовь» домового могла проявляться в скатывании волос, появлении *колтунов*. Колтуны от домового нельзя срезать, говорят, что заболеешь» (Уляшева Ю.Ф.). Домовой мог помочь при бессоннице: «При бессоннице нужно домового просить сон» (Распутина Е.Д.). Обращение к домовому с просьбой дать сон ребенку отмечено в заговорных текстах русских Усть-Цильмы: *дедко-соседко, спасти уложи, дедко-соседко, глазки закрой...* [Дети и детство..., 2008, с. 73].

Обращение к домовому, его патронажная и апотропеические функции отражают связь с предками. Это проявляется и в обычае приглашать домового и одновременно всех мертвых родственников покушать при выпечке свежего хлеба (Никулина А.Ф.) (рис. 4). Особое почитание домового проявилось в контаминации образов в рассказе Ю.Ф. Уляшевой: «В этом доме (родительском) 2–3 года кто-то ходит, дверь дергает. Домовой... Говорят, что это Бог открывает. Молитву прочитаешь — все пройдет. Дедушка молился, отец все знал. А я: Господи, благослови. Все равно не боюсь. Это не кто-нибудь, а Бог».

Таким образом, современные представления о домовом у коми юга Западной Сибири сохраняют основной пласт традиционных верований, в том числе достаточно архаичные элементы. Домовой предстает существом, отражающим одухотворение дома, его основные функции — покровительство, охрана, предсказания, при этом превалирует патронажная функция. Основное время его проявления — ночь, хотя предполагается круглосуточная забота о доме и в отсутствии хозяев. Наличие домового — обязательное условие подготовки дома к новоселью. Обряды перевода «соседушки» проводятся и настоящее время, хотя традиционные атрибуты ритуала зачастую заменяются современными аналогами. Большинство меморатов включает сюжеты о необходимости задабривания домового при выстраивании отношений с ним, главными «гостинцами» служат хлеб, соль, шерсть, деньги и, вероятно, как более позднее веяние, водка (спиртное). У коми, главным занятием которых было сельское хозяйство, благополучие семьи зависело

от наличия скота. Поэтому в этикетке взаимоотношений с домовым ритуалы для обеспечения его любви «к скотинушке» были более сложными и строже выполнялись. В современной жизни падает роль животноводства, домашний скот есть далеко не у всех. Это ведет к изменению усадебного комплекса и, как следствие, к угасанию представлений о «стаичном». Главный акцент рассказов переносится на действия домового в доме, которые проявляются как «шалости».

В целом на исследуемой территории выделяются локальные различия в образе и характеристиках домового, а также в его имени. Эти локальные варианты сложились в силу различных способов взаимодействия коми с иноэтничным населением, с одной стороны. С другой стороны, на эти процессы разделения образа персонажа на диалектные формы оказывает влияние связь коми с городской инфраструктурой и масштабы, а также виды вовлеченности коми в медийную, современную культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айвазян С. (при участии О. Якимовой). Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–182.

Бараксанов Г.Г., Конаков Н.Д., Рочев Ю.Г. Омские коми: Докл. на заседании Президиума Коми филиала АН СССР 18 июня 1987 г. Сыктывкар, 1987. 24 с

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор // Коми-русский словарь / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. // ТИЭ. Нов. сер. Т. 45. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 395 с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.

Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984 гг.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm>.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования).

Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. ун-та, 2008. 200 с.

Ермакова Е.Е., Повод Н.А. Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 183–194.

Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Народная словесность // Тр. этнографического отдела император. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 5. М., 1878. 276 с.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.

Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 62–76.

Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар, 1996. 132 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. Проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель: АСТ, 2000, 528 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Лискевич Н.А. Машарипова А.Х. Формирование и расселение групп коми на территории Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX — начале XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2012. № 2 (17). С. 113–119.

Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с.

Повод Н.А. К вопросу о влиянии структуры расселения на этнические процессы мигрантов (на примере коми Западной Сибири) // Акад. вестн. № 1. Тюмень: Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2008а. С. 127–132.

Повод Н.А. Особенности освоения территории Нижнего Приоболья коми переселенцами в XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008б. № 9. С. 141–148.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.

Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири

Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 252 с.

Титов А.С. Представления о сверхъестественном в традиционной культуре коми Северного Зауралья: (По итогам экспедиции в Шурышкарский р-н ЯНАО в 2009 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 191–192.

Список информантов:

Ефремова П.Н., 1935 г.р., коми, м.р. и м.ж. д. Ивановское Тарского р-на Омской обл.
Игнатова Н.Г., коми, 1941 г.р., с. Имшегал Тарского р-на Омской обл.
Истомин Г.Г., коми (по отцу), 1983 г.р., м.р. и м.ж. г. Тюмень.
Каткова Л.Е., коми, 1936 г.р., м.р. и м.ж. д. Спасская Калачинского р-на Омской обл.
Киселева О.Ф., 1927 г.р., м.р. и м.ж. с. Кибер-Спасское Калачинского р-на Омской обл.
Конева Т.В., коми, 1925 г.р., м.р. и м.ж. с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Кононова А.Г., коми, 1921 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской области
Королева В.И., 1928, русская, м.р. с. Балаганы Аромашевского р-на, м.ж. с. Малое Трошино Юргинского р-на Тюменской обл.
Кутькин П.Т., коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Моторина Р.Д., коми, 1933, м.р. и м.ж. д. Большое Тихвино Юргинского р-на Тюменской обл.
Нелюбина А.Ф., 1926 г.р., м.р. и м.ж. с. Ивановка Ялуторовского р-на Тюменской обл.
Никулина А.Ф. 1916 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Пасеко А.Ф., коми, м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Подкопаева Н.Ф., 1931 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Подласова Е.К., коми, 1924 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Распутин Ф.Д., коми, м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Распутин Е.Д., коми, 1932 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Смирнова В.Н., коми, 1936 г.р., м.р. и м.ж. с. Кибер-Спасское Калачинского р-на Омской обл.
Уляшева А.С., коми, с. Имшегал Тарского р-на Омской обл.
Уляшева З.П., коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Уляшева Ю.Ф., коми, 1926 г.р., с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Шаповалова Н.М., коми, с. Имшегал Тарского р-на Омской обл.
Шешукова М.М., коми, 1935 г.р., м.р. и м.ж. д. Бол. Тихвино Ялуторовского р-на Тюменской обл.
Юдина Р.Е., коми, 1940 г.р., м.р. и м.ж. с. Имшегал Тарский р-на Омской обл.

*Тюменский областной краеведческий музей
ostasheva_m@mail.ru

**Тюмень, ИПОС СО РАН
povod_n@mail.ru, esenewka@mail.ru

Basing on field materials of 2000s, the authors consider traditional notions on a domovoi with Komi from the south of West Siberia — his look, functions, qualities, practices of building relationships with a domovoi when moving into a new house, buying cattle, and conducting occasional rites.

Komi, domovoi, house-snake, rite, house protection.

ПОВОЛЖСКИЕ ТАТАРЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Г.Т. Бакиева, Ю.Н. Квашнин

Исследованы причины переселения поволжских татар в Тобольскую губернию в XVII — начале XX в., показаны места их расселения, динамика численности, особенности этнокультурного развития и взаимодействия с сибирскими татарами. Выявлено, что потомки поволжских татар, переселившихся сюда в XVII — начале XIX в., были ассимилированы сибирскими татарами, а переселенцы начала XX в. сумели сохранить память о родине предков, свою идентичность, особенности языка, бытовой культуры, брачные связи.

Поволжские татары, переселение, Тобольская губерния, сибирские татары, этнокультурные процессы, взаимодействие, адаптация, ассимиляция, диаспора.

Миграционные процессы, происходившие на всем протяжении исторического развития Российского государства, затрагивали в той или иной мере почти все народы, проживавшие на ее территории. Следствием этих процессов было открытие и освоение новых земель, мирные контакты и военные столкновения с коренным населением, чересполосное расселение, частичная ассимиляция и аккультурация народов, формирование диаспор.

Одним из исторических феноменов можно без преувеличения назвать расселение по территории России поволжских татар. Кроме собственно Республики Татарстан многочисленные группы татарского населения проживают на территории Среднего и Нижнего Поволжья в Республиках Башкортостан, Чувашия, Мордовия, Марий Эл, а также в Нижегородской, Пензенской, Ульяновской, Самарской, Саратовской и Астраханской областях. В Приуралье татары расселены преимущественно в Оренбургской, Челябинской, Свердловской областях и Пермском крае [Всероссийская перепись..., 2002].

Известно, что именно в Среднем Поволжье поволжские татары сформировались как этническая общность [Давлетшин, 1990, с. 3, 11; Народы..., 1994, с. 321; Татары, 2001, с. 42]. За пределы данной территории татары расселялись в разное время. Это было связано с различными историческими процессами, происходившими в стране (расширение пределов Московского государства и Российской империи, освоение Сибири и Дальнего Востока). В настоящее время на географической карте России и картах бывших республик Советского Союза трудно найти место, где не проживал хотя бы один представитель этого народа.

Предметом нашего исследования является переселение поволжских татар в Тюменский, Ялуторовский и Тобольский округа Тобольской губернии, происходившее волнообразно в разные исторические периоды с XVII и до начала XX в. Используя сведения архивных источников и полевые материалы этнографических исследований, мы попытаемся показать причины их переселения, места расселения, динамику численности, особенности этнокультурного развития и взаимодействия с коренными сибирскими татарами.

Среди российских ученых не сложилось единого мнения по поводу этногенеза и ранних этапов этнической истории сибирских татар и роли поволжских татар в сложении этого народа. К примеру, в работах известных этнографов Ф.Т. Валеева и Н.А. Томилова освещены некоторые проблемы взаимодействия поволжских и сибирских татар. Затрагивая вопросы, связанные с переселением в Западную Сибирь татар из Казанской, Симбирской, Уфимской губерний в XV–XIX вв., эти авторы оценивают степень языкового и культурного влияния поволжских татар на сибирских как значительную [Валеев, 1993, с. 36–38; Томилов, 1992, с. 88–95; 1993, с. 97–98; 1994, с. 225, 229, 239–240; 1997, с. 32].

О слиянии сибирских татар с поволжскими переселенцами пишет в одной из своих работ и антрополог Г.А. Аксянова [2011, с. 129]. Однако в наших совместных с ней исследованиях имеются другие выводы. В частности, там говорится следующее: «Опираясь на данные этнографического опроса, а также на записи генеалогических линий и популяционного антропологического

Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития

обследования взрослого населения, можно утверждать, что современные тоболо-иртышские татары не являются ни этнически, ни антропологически гомогенной группой в составе сибирских татар. Факты не позволяют говорить, что коренные сибирские татары полностью смешались с пришлыми бухарцами и поволжскими татарами, хотя группы эти и представляют теперь части единой популяции» [Аксянова, Квашнин, 2003, с. 161].

Наличие разных компонентов в составе поволжских и сибирских татар подтверждают и генетики. На основе своих исследований они утверждают, что «как по частотам отдельных генов, так и по величинам генетических расстояний сибирские татары наиболее близки к манси и хантам Западной Сибири, но значительно отличаются от народов Приуралья. Несколько более высокие величины генетических расстояний между сибирскими татарами и народами Средней Азии, а также русскими отражают более поздние этапы их этногенеза» [Шнейдер и др., 2009, с. 167].

В нескольких работах омских ученых С.Н. Корусенко и Н.В. Кулешовой были выявлены причины переселения поволжских татар в Западную Сибирь и определены места их расселения в конце XVIII — начале XX в. на территории барабинских (современная территория Новосибирской области) и курдакско-саргатских (современная территория юго-востока Тюменской и северо-запада Омской области) татар. По их данным, численность переселенцев из Поволжья, проживавших среди местных сибирских татар в указанный период, была невелика, менее 3 % [Корусенко С.Н., 1995; Кулешова, 1995; Корусенко С.Н., Кулешова, 1999].

Из этого следует, что поволжские переселенцы не могли повлиять на язык и культуру коренных жителей, а, скорее всего, сами были ассимилированы сибирскими татарами. Это подтверждается и нашими полевыми исследованиями в некоторых сибирско-татарских селах Тобольского и Вагайского районов Тюменской области. Там проживает небольшое количество потомков поволжских татар, которые сохранили память о том, что их предки прибыли сюда из Казанской губернии примерно в первой половине XIX в. На сегодняшний день они осознают себя сибирскими татарами и говорят на местном говоре сибирско-татарского языка [ГМА, 2000, 2004].

Этноязыковые процессы у сибирских татар рассматривает в одной из своих работ М.А. Корусенко. Материалы его полевых исследований показывают, что среди сибирских татар и потомков бухарских и поволжских переселенцев большую роль в общении имеют русский и сибирско-татарский разговорные языки. Языком письменной речи является поволжско-татарский, который они изучали в школе. Кроме того, в исследованной группе населения проявляется желание людей из числа интеллигенции создавать письменность на собственном сибирско-татарском языке [Корусенко М.А., 1995].

Проблемы языка и письменности для сибирских татар уже долгое время остаются нерешенными. В конце 1990-х гг. наши информанты в с. Уленкуль Большереченского района Омской области [ГМА, 1997] и студенты русско-татарского отделения филологического факультета Тобольского педагогического института, изучавшие поволжско-татарский язык, говорили, что учить его было так же сложно, как иностранный¹. Выпускники школ с преподаванием поволжско-татарского языка в быту его не используют, в семьях говорят на сибирско-татарском и русском.

Пропаганда языка и культуры поволжских татар проводится в Западной Сибири на протяжении многих лет посредством культурной экспансии, а также транслируется некоторыми средствами массовой информации². Это зачастую вводит сибирских татар в заблуждение, и они начинают искренне верить в то, что язык поволжских татар «красивее», «изысканнее», а сами они «культурнее» сибирских [ГМА, 2000, 2001, 2004].

Татарское население расселено по территории Западной Сибири не равномерно. К примеру, в Тюменской области, согласно переписи населения 2010 г., численность татар составила 239 995 чел³, в Омской области их насчитывалось всего 41 870 чел., в Новосибирской — 24 158, а в Томской — 17 029 чел. Итого — 323 052 чел. В советских переписях населения, как показы-

¹ Г.Т. Бакиева в 1995–1999 гг. работала старшим преподавателем на русско-татарском отделении филологического факультета Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева, читала курс «История сибирских татар».

² На всей территории проживания сибирских татар от Тюмени до Томска регулярно проводят концерты различные певцы и музыкальные коллективы из Татарстана. На Сибирь вещают казанские радио- и телеканалы. В Тюмени издается газета «Янарыш» на поволжско-татарском языке.

³ В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, входящих в состав Тюменской области, проживает довольно много поволжско-приуральских татар, переселенцев второй половины XX в. Они работают в основном на предприятиях нефтегазового комплекса. Несмотря на это численность коренных сибирских татар в целом по области значительно превышает численность поволжско-приуральских [ГМА, 1995, 2003].

вает Н.А. Томилов, начиная с 1926 г. доля поволжских татар в Западной Сибири среди всего татарского населения не превышала 25 % [1997, с. 31–32]. Исходя из этого можно предположить, что на сегодня соотношение **сибирских** и **поволжских** татар в четырех областях вместе взятых выглядит как **242 289** на **80 763** чел.⁴

В XIX и начале XX в. поволжские татары переселялись в Западную Сибирь на слабозаселенные и неосвоенные земли. Многие из них, минуя уже занятые территории в Тюменском, Ялуторовском и Тобольском округах Тобольской губернии, поселялись в Тарском округе и дальше, среди барабинских и томских татар. Численность поволжских татар на востоке Западной Сибири была больше, чем на западе, поэтому их культурное влияние на сибирских татар было немного выше [Корусенко С.Н., Томилов, 2011, с. 181]. Однако, судя по данным разных исследователей, как указывалось выше, полного слияния сибирских татар с поволжскими в единый этнос не произошло.

Немало трудов по истории и этнографии татар опубликовано в последние годы исследователями из Академии наук Республики Татарстан. Однако проблемы, связанные с переселением поволжских татар в Сибирь, их адаптацией в иных природных и социокультурных условиях, освещены в них крайне фрагментарно и зачастую тенденциозно. К примеру, по мнению Д.М. Исхакова, в XVIII — начале XX в. происходила общенациональная консолидация волго-уральских, астраханских и сибирских татар в единую татарскую нацию. При этом, как утверждает автор, «ведущее положение в составе этой нации в силу своей многочисленности, а также социально-экономической и культурной продвинутости заняли татары Волго-Уральского региона. Поэтому их целесообразно считать ядром татарской нации»⁵ [Исхаков, Измайлов, 2000, с. 11; Этнография..., 2004, с. 13–14; и др.].

Развитие этнической истории сибирских татар в интерпретации Д.М. Исхакова поддерживает и Г.Л. Файзрахманов, который пишет, что, «имея древние общетюркские корни, поволжско-приуральские, астраханские и сибирские татары образовали многокомпонентный татарский этнос. Родина этого этноса — необъятные просторы Евразии, включающие Сибирь и Волго-Уральский регион» [2007, с. 391].

По нашему мнению, позиция, занятая некоторыми учеными из Академии наук Республики Татарстан, вызывает много вопросов. Их попытки свести в единое целое народы, называемые татарами, но отличающиеся по этногенетическим и этнокультурным признакам, крайне неубедительны, так как не подтверждаются конкретными научными фактами.

К большому сожалению, не внесла ясность в решение проблемы взаимодействия поволжских и сибирских татар и фундаментальная работа «Татары», вышедшая в Москве в 2001 г. В подготовке этого издания принимали участие только казанские исследователи. Туда были включены все основные положения по этнической истории татар из большинства опубликованных трудов Д.М. Исхакова и работ некоторых исследователей, разделяющих его точку зрения [Татары, 2001]. Мнения ученых из других научных центров не были учтены.

К группам поволжских татар, проживающих в разных краях и областях за пределами республик Поволжья и Приуралья, можно применить термин «диаспора», как его описывает современная энциклопедия по географии⁶. Хотя у разных исследователей имеются иные подходы к его трактовке. К примеру, В.А. Тишков, посвятивший понятию «диаспора» целую главу в одной из своих монографий, считает его применительно к народам России не четким, расплывчатым [2003, с. 435–491]. Д.М. Исхаков причисляет к внутрироссийской татарской диаспоре сибирских татар, высказывая при этом сожаление, что после выделения в материалах Всероссийской переписи населения в отдельную графу их «вряд ли... можно будет рассматривать как диаспорную часть татарской нации» [2000]. Интересно, что в одной из работ Н.А. Томилова говорится о

⁴ По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. сибирскими татарами назвали себя всего 6779 чел. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm). Известны факты, когда, к примеру, в Тобольске переписчикам запрещалось делить татар на поволжских и сибирских.

⁵ Р.К. Уразманова в предисловии к коллективной монографии «Татары» назвала Республику Татарстан, без кавычек и оговорок, эпицентром Татарской нации (см.: [Татары, 2001, с. 9]).

⁶ Диаспора — значительная часть этноса или группы этносов, расселившаяся в результате миграции вне страны или территории своего происхождения, а в тех странах, где имеются национально-территориальные образования, как, напр., в России, — вне этих образований. Впоследствии диаспора увеличивается как за счет дальнейшего миграционного притока, так и за счет естественного прироста на новом месте. Крупные по численности диаспоры в современной России образуют чеченцы и татары, а по доле населения, проживающего за пределами своих респ., выделяются также мордва, марийцы и чуваша [География, 2006].

Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития

сибирских татар как о диаспоре, состоящей из трех разрозненных групп, живущих дисперсно среди преобладающего русского и русскоязычного населения [1997, с. 30–47].

Мы считаем, что называть сибирских татар диаспорой неправомерно, так как они являются автохтонным населением, живущим, согласно определению, *в стране своего происхождения*, в отличие от переселенцев из Поволжья и Приуралья.

* * *

Процесс переселения поволжских татар в Тобольскую губернию, можно условно разделить на несколько этапов: 1-й этап — XVII в.; 2-й этап — XVIII–XIX вв. и 3-й этап — 1906–1920-е гг. При этом следует иметь в виду, что переселения поволжских татар в Сибирь продолжались и позднее 1920-х гг., но носили эпизодический характер.

Говоря о первом этапе переселений, необходимо отметить, что этот процесс не был постоянным и повсеместным. Изначально казанские татары селились только в двух уездах Тобольской губернии — Тобольском и Тюменском, и их число было небольшим. В конце XVII в. татары из Поволжья числились в 10 юртах Тобольского уезда, всего их насчитывалось 80 чел. В Тюменском уезде казанские татары (4 чел.) отмечены лишь в юртах Матмасовских [Томилов, 1992, с. 90–91].

На рубеже XVIII–XIX вв. численность поволжских татар в Тобольской губернии постепенно возрастала. В 1782 г. их было 254 чел. мужского пола [РГАДА, ф. 248, оп. 53, д. 4342, л. 466 об.; РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 146 об.], а в 1816 г. — 376 чел. [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 427, л. 1–57; д. 804, л. 1–185]. В 1816 г. Казанская волость Томского округа насчитывала 107 татар-переселенцев, в том числе 59 мужчин и 48 женщин [ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 10, л. 5–13].

Поволжские татары селились чаще всего в населенных пунктах среди местных сибирских татар. В 1811 г. казанские татары числились в 24 сибирско-татарских селениях Тобольского округа, а также в г. Тобольске. Всего их насчитывалось здесь 350 чел. [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 289, л. 265–275 об.]. Татарами из Поволжья в Тобольском уезде было образовано лишь одно селение — Косайкуль (офиц. юрты Ново-Аптуллинские). На протяжении XVIII — первой четверти XX в. юрты Ново-Аптуллинские оставались крупным населенным пунктом, где проживали потомки поволжских переселенцев.

Более интенсивный процесс переселения поволжско-приуральских татар в Западную Сибирь наблюдался во второй половине XIX в. По данным С.Н. Корусенко и Н.А. Томилова, к концу XIX в. среди тоболо-иртышских татар поволжские татары-переселенцы составляли 14,2 % (8074 чел.), среди томских татар — 36,2 % (2400 чел.), среди барабинских — 23,5 % (1364 чел.) [2011, с. 181].

Динамику численности поволжских татар на протяжении XIX в. можно проследить по данным Тобольского уезда. Так, в 1839 г. здесь числилось 709 поволжских татар (385 муж. и 324 жен.) [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 217 об.], в 1879 г. — 1390 чел. (748 муж., 642 жен.) [Там же, ф. 686, оп. 1, д. 36, л. 1085], а в конце XIX в. — 1539 чел. (845 муж., 694 жен.) [Бакиева, 2003, с. 21].

В конце XIX — начале XX в. в Тобольском уезде татары-переселенцы из Поволжья проживали в юртах Будалинских, Салинских, Кильмамбетских, Носовских, Иртышатских, Саусканских, Исеневских, Игеевских, Пушнятских, Заостровных, Ново-Аптуллинских, Мавлютских, Медяньских, Подъемских, Агитских, Сулеймановских, Курмановских, Бегишевских, Иштаманских, Сузгунских и в городе Тобольске [Там же, ф. 417, оп. 1, д. 401].

Интересно, что только в Тобольском уезде в начале XIX в. поволжские татары были приписаны к особой волости Оброчных Чувальщиков, которая просуществовала до административной реформы 1910 г. В Тюменском и Ялуторовском уездах пришлое поволжско-татарское население в особую волость административно не выделялось.

В Тюменском уезде выходцы из Поволжья проживали в основном в Кашегальской волости (юрты Калачинские, Казаровские, Якушинские, Чикчинские, Есаульские), в Ялуторовском уезде — почти во всех селениях Авазбакеевской волости. В конце XIX в. в Тюменском уезде числилось 897 поволжских татар (479 муж. и 418 жен.) [Бакиева, 2003, с. 20–21].

Название «оброчные чувальщики», применявшееся официальными властями к поволжским татарам, происходит от тюркского слова *чувал* (сиб.-тат. *цувал*) — очаг с прямым дымоходом. Безземельных татар-переселенцев местные татары брали к себе на работу только за «чувал», т.е. за пищу и жилье. Выходцы из Поволжья платили не ясак, а казенный оброк — «полтинный платеж». В документах того времени они записывались «казанцами», «оброчными казанцами»,

«казанскими татарами», «татарами из Казани». Действительно, основную часть составляли татары, выходцы из Казанской губернии, хотя встречались и мишари, переселявшиеся из Симбирской и Нижегородской губерний [Валеев, 1993, с. 37–38; Томилов, 1992, с. 93].

Главной причиной переселений татар из Поволжья в Сибирь было безземелье на их родине. Попадали они сюда и в качестве ссыльных за те или иные преступления [Валеев, 1993, с. 37, 39]. Об этом свидетельствуют и наши полевые материалы. Например, информанты из с. Уленкуль Большереченского района Омской области рассказали, что в их селе первый поволжский татарин поселился в начале XX в. Его сослали из Казанской губернии за неповиновение властям [ПМА, 1997]. Информанты из юрт Вершинских Вагайского района Тюменской области отметили, что несколько семей поволжских татар оказались здесь в XIX в. в наказание за то, что у себя на родине жгли пашни своих зажиточных соседей. Ныне проживающие здесь семьи Гилачевых, Аминовых, Калиевых относятся к выходцам из Поволжья. Местные сибирские татары называли поволжских — *югэ царьклар* (лапотники) или *лусильщик* (посельщики) [ПМА, 2004].

В некоторых селениях коренные жители совсем не пускали поволжских татар в свой аул, в других — разрешали селиться, но на конце селения. Таким образом в сибирско-татарских аулах образовывались казанские концы (сиб.-тат. *казан цук*) (например, юрты Бегишевские, Сеитовские и др.). В некоторых селениях местные татары разрешали казанским татарам хоронить своих сородичей, но только в конце кладбища [ПМА, 2000].

В сибирско-татарских сельских общинах существовал обычай, согласно которому вновь прибывшие на поселение должны были получить разрешение общины⁷. В некоторых случаях община назначала прибывшему определенную плату за право поселения и пользования сельскохозяйственными угодьями [ПМА, 1999].

Переселенцы из районов Поволжья и Приуралья первое время старались не вступать в браки с местными коренными татарами. Тем более что многие из них переезжали в Сибирь вместе с семьями. С течением времени и со сменой поколений брачные связи стали возникать. Однако они не носили массового характера, брачных партнеров старались находить в своей этнической среде. В тех населенных пунктах, где выходцев из Поволжья было мало, происходили процессы ассимиляции, потомки переселенцев утрачивали родной язык и переходили на сибирско-татарский. Это касается в основном переселенцев XVII–XVIII и начала XIX в. [ПМА, 2000].

Особая ситуация сложилась лишь в юртах Ново-Аптуллинских Тобольского района, где практически все население — потомки поволжских татар. Здесь вплоть до 70-х гг. XX в. представители старшего поколения запрещали молодежи вступать в браки с сибирскими татарами. Несмотря на то, что в нескольких километрах от юрт располагались селения сибирских татар — Цумык (ю. Черторойские; с 1957 г. — д. Ново-Уфимка), Цокцын (ю. Балахлейские), Уткарма (ю. Уткарминские) и др., контакты с их населением были минимальными. К местным сибирским татарам выходцы из Поволжья относились настороженно и смотрели на них свысока. Сибирских татар считали «другими», «ненастоящими». До сих пор у жителей юрт Ново-Аптуллинских сохраняется язык, антропологический тип, некоторые элементы культуры, присущие поволжским татарам. При этом своей родиной сегодняшние потомки выходцев из Поволжья называют Сибирь, а малой родиной — свою деревню. По словам информантов, контакты со своей исторической родиной — Татарстаном практически никто из них не поддерживает (рис. 1, 2) [ПМА, 2011].

В начале XX в. процесс переселения поволжских татар в Зауралье возобновился с новой силой. Этому способствовала столыпинская аграрная реформа, с одной стороны, и малоземелье, с другой, толкавшее крестьян целыми семьями покидать родные места. В 1906 г. более 20 семей поволжских татар поселились в д. Кулики Ялуторовского округа, где издавна проживали сибирские татары. Из *Казанской* губернии переселились Нигзановы, Фатхуллины, Махмутовы, Гумеровы, Гимрановы, Валитовы, Насыровы, Якубовы; из *Симбирской* — семьи Магжановых, Бикбулатовых, Билаловых, Салямовых, Идрисовых, Пермьякиных, Ельмеевых; из *Уфимской* — Гариповы, Хайруллины, Мурсалимовы, Хусаиновы, Вагаповы. Переселенцев из Уфимской губернии называли в деревне *чакмаклар* (*чакмаки*), по наименованию селения, откуда они приехали, — Бол. Чекмак [Магжанов, 2008, с. 5].

⁷ Это относилось ко всем прибывавшим из других общин, а не только к казанским татарам.

Рис. 1. Абитдинова Ф.А., потомок поволжских татар-переселенцев (д. Новоуфимка, Аромашевский р-н, Тюменская обл.). 2012 г. Фото Г.Т. Бакиевой

Рис. 2. Уразметова Р.Р. и Утеева Р.Т., потомки поволжских татар-переселенцев (д. Новоаптулла, Аромашевский р-н, Тюменская обл.). 2012 г. Фото Г.Т. Бакиевой

В Ялуторовском округе татары из Поволжья поселились также в сибирско-татарских деревнях — Авазбакеево, Аслана, Красный Яр, Нижний и Верхний Ингал, Сабанцы, Аксарай, Ново-Атьялово и юрты Сингульские [ПМА, 2010].

В Тюменском округе в 1906–1911 гг. поволжские татары обосновались в юртах Чикча, Есаулово, Якуши и др. В основном селились там, где уже жили выходцы из Поволжья, более ранние переселенцы. Например, в сибирско-татарскую деревню Ялуспы (ю. Якушинские) из Поволжья переехали братья Ахметшины — Мубаракши, Билал, Закир, Миннигали. В 1921 г. в д. Есаулово из Казанской губернии переехали 7 семей, среди которых были Фатхетдинов Шакир с тремя братьями, трое братьев Зиганшиных [ПМА, 2010].

Переселенцы из Поволжья в начале XX в. обосновались также в Нижне-Тавдинском районе (до 1923 г. территория Тюменского уезда). Некоторые из них поселились в деревнях сибирских татар — Урманбаш (д. Ахманка) и ю. Киндерские. В большинстве же случаев основали собственные селения, такие как Казанка, Камай, Уфимка, Камышинка, Муллин, Усман [ПМА, 2012].

Каким образом основывались деревни, какие имена носили первые переселенцы и как происходило освоение новых земель, можно рассмотреть на примере д. Казанки⁸. Первоначально в эти края отправилась группа людей из 9 чел. — Гилязетдин Хуснуллин, Хабибулла Гаффаров, Калимулла Бикмуллин, Юсуф Мухамметшин, Вали Фаткуллин, Шайхаттар Зиганшин, Даулатша Мухаммадиев, Нургали Гильманов, Гайнулла Гибатуллин — выходцы из деревень Чури-Бураш и Танай-Турай Казанской губернии. Тюменская комиссия по распределению переселенцев предложила им так называемый «Второй участок» в лесу на территории бывшего Велижанского, ныне Нижнетавдинского, района. Там уже стояло несколько домиков, построенных переселенцами из Вятской губернии, коми-зырянами. Спустя некоторое время они привезли свои семьи, а позднее прибыли сюда и другие группы переселенцев из деревень Апастовского, Мамдышского, Кукморского и других районов Поволжья. Несмотря на то, что первоначально между татарами-переселенцами и зырянами сложились добрососедские отношения, постепенно из-за религиозных и хозяйственных различий возникали отдельные разногласия и трения. Кульминацией конфликта стал спор из-за названия деревни. Зыряне настаивали на названии «Вятка», а татары — на названии «Казань». В итоге победили татары, за деревней закрепилось официальное наименование Казанка, а сами татары стали именовать свою деревню просто *Второй*. Победенные зыряне покинули это место, продав свои дома. Не сложились контакты у татар-переселенцев и с коренными сибирскими татарами, несмотря на некоторое этнокультурное сходство и общность религии двух народов. Видимо, на их непростые взаимоотношения

⁸ Выражаем искреннюю благодарность Бибинур Нигматжановне Сабировой, 1937 г.р., уроженке д. Казанки Нижнетавдинского района Тюменской области, за предоставленные материалы из личного архива.

повлияло то, что многие сибирские татары отказали переселенцам из Поволжья в поселении в их деревнях. Очень редкими были браки переселенцев с сибирскими татарами.

На новом месте татары-переселенцы не получили обещанных властями посевных площадей. Подъемные выдавали малыми частями, растягивая на долгие месяцы, людям приходилось ждать выдачи их неделями в Тюмени, проедая денег больше, чем получали. Крестьяне вырубали леса, корчевали пни, расчищали для посева землю. Каждая семья разрабатывала свои пашни, и это закреплялось в названии пашенных угодий по именам владельцев, которые до сих пор живут в памяти людей. К 1914 г. было вспахано в общей сложности 150 га пашни. Татары-крестьяне использовали в земледелии сохи, бороны, косы и серпы. После посевных работ местные жители занимались заготовкой в лесу дров, зимой вывозили для продажи в Тюмень, а на вырученные деньги покупали крупный рогатый скот, лошадей. Среди крестьян выделялись мастера по строительству, валянию валенок, обработке кожи, укладке печей, изготовлению саней, телег, тарантасов. Женщины пряли, ткали, шили. Среди них были свои целители, повивальные бабки. Первоначально население деревни быстро увеличивалось, в основном за счет продолжавшегося переселения семей из Поволжья. К 1912 г. количество дворов достигло здесь 70.

В 1921 г. в Казанке на пожертвования жителей села была построена большая двухэтажная мечеть. Из г. Зеленодольска Казанской губернии был приглашен указной муллы Тимерша хазрат. При мечети построили отдельное помещение для школы-медресе; мальчиков обучал сам хазрат, а девочек его жена — абыстай и дочь. По словам старожилов, *«деревня жила дружной общиной, во главе которой стояли уважаемые аксакалы. В этой деревне за всю ее историю не было ни одного случая, чтобы были брошены дети и отправлены в дома-интернаты старики, ни одного случая правонарушения детьми и подростками, не говоря о взрослых»*. Сегодня Казанка переживает нелегкие времена. В результате перестроечных реформ и ликвидации совхоза многие жители деревни разъехались в поисках работы. Закрыты школа, клуб, медпункт и сельская библиотека. На сегодняшний день в деревне проживает 111 чел.

В перестроечные годы в Нижне-Тавдинском районе перестали существовать деревни, основанные поволжскими татарами: Камай, Муллин, Усман, Камышинка. В Уфимке осталось только несколько домов. Более благоприятная ситуация сложилась в д. Киндери, где переселенцы — поволжские татары поселились среди коренных сибирских татар.

В Тобольском уезде выходцы из Поволжья селились в основном среди коренных сибирских татар, но в некоторых случаях основывали собственные селения. Так, в 1911 г. мишарями была образована д. Аккуль (совр. д. Дулепино, Яркоковский р-н Тюменской обл.). Все они были выходцами из д. Нижней Каменки Чистопольского уезда Казанской губернии. Первые переселенцы, по словам информантов, — Юнус Ревазов, Гильман Гильманов, Хасан Хасанов, Лутигулла Гайнуллин и Мустафа Зайнуллин. По рассказам нынешних жителей Дулепино, сначала для устройства поселения выбрали место в 6 км от нынешнего. Там первые переселенцы построили небольшие избы, но, прожив только одну зиму, оставили его, чтобы поселиться на берегу живописного озера — Аккуль (букв. Белое озеро). Название этому озеру и деревне возле него дали основатели поселения. Откуда произошло официальное название Дулепино, информанты ответить не смогли. Впоследствии, в начале 1920-х гг., во время голода в Поволжье, в Дулепино прибыли еще несколько семей, в основном родственники и односельчане первых поселенцев. Сегодня здесь проживают немногим более 30 чел., потомков переселенцев из Казанской губернии. Старейшие жители деревни — Гайсин Асадулла Гатауллинович (1925 г.р.) и Тагиров Минзакир Сахабутдинович (1931 г.р.) (рис. 3, 4) [ПМА, 2012].

Многие семьи поволжских татар, спасаясь от голода в Поволжье, оказались в 1920–1921 гг. в д. Алга Тобольского уезда. Раньше, в 1915 г., сюда переселились из Татарии братья Нигматуллины — Латфулла, Сафиулла, Шарифулла, а в 1916–1917 гг. прибыли еще несколько семей — Гайнуллины, Даминовы, Кашафитдиновы [ПМА, 2012].

В те же годы в юртах Черторойских Ялutorовского уезда (совр. Аромашевский р-н Тюменской обл.) поселились семьи поволжских татар Давлетшиных, Абдуллиных, Ахметзяновых, Фатхутдиновых, Раимгуловых, Рамазановых, Хусаиновых [ПМА, 2012].

Опрос информантов, потомков выходцев из Поволжья начала XX в., показал, что они сохраняют этническое самосознание. При этом, по их словам, потомки переселенцев полностью утратили связь с исторической родиной — Татарстаном. Говорят они на своем поволжско-татарском языке, стараются вступать в браки в своей этнической среде. Например, в д. Дулепино первый брак поволжского татарина с сибирской татаркой был заключен лишь в 1961 г.,

Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития

когда поженились мишар Тагиров Миншакир Сахабутдинович и сибирская татарка Теляева Аниса Мухаметвалиевна из г. Тобольска. Этот случай представляет скорее исключение, поскольку и в более поздний период браки с сибирскими татарами, по словам информантов, были очень редким явлением [ПМА, 2012].

Рис. 3. Тагиров М.С., потомок мишарей-переселенцев (д. Дулепино, Ярковский р-н, Тюменская обл.). 2012 г. Фото Г.Т. Бакиевой

Рис. 4. Потомки мишарей-переселенцев (д. Дулепино, Ярковский р-н, Тюменская обл.). 2012 г. Фото Г.Т. Бакиевой

Переселенцы старались сохранять контакты с поволжскими татарами, которые проживали в других населенных пунктах. Например, устойчивые связи образовали жители д. Дулепино с жителями д. Алга. Это было не случайно, поскольку первые поселенцы этих юрт были выходцами из одних селений Казанской губернии. Дулепинцы также поддерживали контакты с жителями д. Красный Яр Ялуторовского уезда, где большинство населения также составляли поволжские татары [ПМА, 2012].

Обобщая вышесказанное, выделим еще раз основные моменты. Поволжские татары, переселившиеся в Тюменский, Ялуторовский и Тобольский округа Тобольской губернии в XVII–XVIII и начале XIX в. были практически полностью ассимилированы местным сибирско-татарским населением в процессе постепенных брачных, культурных и языковых контактов. Более поздние переселенцы из Поволжья (1906–1920-е гг.), в условиях оторванности от основного массива своего этноса, успешно адаптировались к новым природным, этнокультурным и социально-экономическим условиям проживания в Западной Сибири, сумели сохранить этническое самосознание, язык, некоторые особенности культуры.

Проблемы межэтнического взаимодействия поволжских и сибирских татар в исторический период требуют дальнейшего исследования. Для этого необходимо продолжать изучение вопросов расселения и адаптации поволжских татар среди локальных групп сибирских татар как на территории современной Тюменской, так и Омской, Новосибирской, Томской и пограничных с ними областей. Особый интерес для исследования представляют механизмы сохранения этнокультурных особенностей и взаимовлияния сибирских татар и поволжских переселенцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аксянова Г.А. Этнодемография Западной Сибири в конце XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 128–142.
- Аксянова Г.А., Квашнин Ю.Н. Проблемы метисации у тоболо-иртышских татар // Наука о человеке и общество: Итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 24–36.
- Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар. М.: Тюмень, 2003. 260 с.
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_04_03_1.htm.
- География: Энцикл. / Гл. ред. А.П. Горкин. М.: Росмэн-Пресс, 2006. 624 с.
- Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: Духовная культура: (Домонгольский период, X — нач. XIII в.). Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. 192 с.

Исхаков Д.М. Внутрirosсийская татарская диаспора и ее роль в федерализации России. 2000 // Казанская региональная образовательная сеть [Электрон. ресурс]. Режим доступа: // http://www.kros.ru/_1000/diaspora.1.php.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. Казань: Иман, 2000. 136 с.

Корусенко М.А. Этноязыковые процессы у татарского населения тоболо-иртышского междуречья // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 140–145.

Корусенко С.Н. Этнографический аспект изучения V–X ревизий и первой всероссийской переписи населения 1897 г. (на примере курдакско-саргатских татар) // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск. Изд-во ТГУ, 1995. С. 51–58.

Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. Новосибирск: Наука, 1999. 312 с. (Культура народов России; Т. 5).

Корусенко С.Н., Томилов Н.А. Татары Сибири в XVIII — начале XX в.: Расселение, численность и социальная структура // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 177–185.

Кулешова Н.В. О пофамильном составе тугумов барабинских татар (на примере аулов Осинцево и Тебисс Новосибирской области) // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 59–63.

Маажанов Р. Деревенька моя — Кулики. Тюмень: Вектор Бук, 2008. 132 с.

Народы России: Энцикл. / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.

Татары // Народы и культуры / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001. 583 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 543 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 271 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 222 с.

Томилов Н.А. Сибирские татары // Народы Сибири и Севера России в XIX в. М.: КМЦ ИЭА РАН, 1994. С. 215–271.

Томилов Н.А. Сибирские татары: Опыт проживания в диаспоре // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 30–47.

Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: С древнейших времен до начала XX века. Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. 432 с.

Шнейдер Ю.В., Шильникова И.Н., Жукова О.В. Популяционно-генетическое исследование сибирских татар и проблемы их этногенеза // Материалы VIII Конгр. этнографов и антропологов России. Оренбург, 2009. С. 166–167.

Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. 287 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
gulsifa-bakieva@yandex.ru
ukwa@yandex.ru

The authors investigate migration reasons of the Low Volga Tartars to Tobolsk province in XVII — early XX c., showing places of their resettlement, population dynamics, particulars of ethnocultural development and interaction with Siberian Tartars. It is discovered that the descendants of the Low Volga Tartars who migrated here in XVII — early XIX c., were assimilated by Siberian Tartars, while the migrants of early XX c. managed to preserve memory about their ancestral homeland, as well as their identity, language features, domestic culture, and marital ties.

The Low Volga Tartars, migration, Tobolsk province, Siberian Tartars, ethnocultural processes, interaction, adaptation, assimilation, diaspora.

КОВЕР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЛИКА И СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТУРКМЕНСКОГО КОВРА XVI — НАЧАЛА XX в.

Е.Г. Царева

Статья посвящена проблемам идентификации ворсовых изделий Туркменистана XVI — начала XX в. Автор расширяет атрибуционные возможности традиционно привлекаемых показателей (узел, племенная орнаментика) и предлагает использовать ряд ранее не рассматривавшихся в данном аспекте структурных и художественных особенностей узелкового ткачества региона, сложившихся за тысячелетия формирования феномена туркменского ковра в устойчивые общие и частные территориальные, временные и племенные маркеры.

Ворсовое ковроделие, туркмены, атрибуция, орнаментальные и структурные особенности, идентификационные признаки

На протяжении XVI–XX вв. ворсовое ткачество¹ представляло наиболее развитый и распространенный вид художественного творчества туркмен и являлось неотъемлемой частью быта народа и показателем его этнической принадлежности. Яркое, самобытное и легко узнаваемое явление евразийской текстильной цивилизации, туркменские ковры демонстрируют огромное разнообразие цветовых, орнаментальных и структурных отличий. Эти отличия привлекли внимание исследователей феномена уже на ранних этапах его изучения и тогда же получили ряд объяснений. Главными причинами были названы племенные и временные особенности ковров, при этом в качестве исходных атрибутирующих маркеров использовалась орнаментика, что позволило А.А. Боголюбову, С.М. Дудину и А. Фелькерзаму выделить группы изделий, соотносимых с племенами салор, сарык, теке, иомуд, чоудор, арабачи, эрсари, кызыл-аяк [Боголюбов, 1908; Фелькерзам, 1914; Дудин, 1928]². Наиболее четко идентифицировались постилочные, т.е. использующиеся для застилания пола ковры *халы* прямоугольной формы, обязательную часть декора центрального поля которых составляют племенные медальоны *гэль*. Эта идея была блестяще развита В.Г. Мошковой, автора энциклопедического для данной темы труда «Ковры народов Средней Азии» [1946, 1970]³.

С углублением знаний о предмете стало очевидно, что существующая система не отражает всего разнообразия туркменского ковра. Наиболее слабо атрибутированными оказались амударьинские и иомудские изделия, и их стали с осторожностью называть амударьинской и иомудской группами. Вызывали вопросы и цветовые пристрастия разных племен, и выраженные, но неясные закономерности в выборе ткачами мотивов для украшения предметов малых форм: *торб*, *чувалов*, *попон асмалдык* и пр.⁴

С 1970-х гг. появляются разработки, опирающиеся на структурные особенности артефактов⁵. Исследования были начаты Дж. Томпсоном и С. Азади, определившими технические параметры изделий племени салор (S-группа) и выявившими *салор-гэль* [Bogolyubov, 1973, p. 36, etc.; Tsareva, 1984b]. Важным исследованием в указанном направлении стала монография [Rautenstengel, Azadi, 1990], выделившая группы *игл-I, II, III* из массы ранее относимых к иому-

¹ О ворсовом ткачестве см. [Царева, 2009б].

² Основаниями для атрибуций послужили данные, собранные А.А. Боголюбовым и С.М. Дудиным в Туркменистане *in situ*; а также сведения, полученные ими и другими любителями туркменских ковров от бухарских и туркменских купцов.

³ Созданная В.Г. Мошковой классификация включала «живые», т.е. опознаваемые ткачами как племенные, *гэли* вышеназванных племен. Не атрибутированными остались такие эмблемы, как *мары*-, *темирджин*-, *ваззык*-, *дыр-нак*-, *онурга-гэль* и группа обозначаемых общетуркменским термином медальонов *чувал-гэль*.

⁴ О видах туркменских ковровых изделий: [Мошкова, 1970, с. 26–29].

⁵ См.: [Царева, 1993, 2008; Azadi, 1975; Jourdan, 1989; Konig, 1980, 1981; McCoy, Boucher, 1973, 1975; O'Bannon, 1974; Pinner, 1981, 1991, 1993; Pinner and Eiland, 1999; Pinner and Franses, 1980; Thompson, 1983; Tsareva/Tzareva, 1978, 1984a, b, 1985, 2008, 2011b; Turkmen Tribal Carpets..., 1980; Wie Blumen..., 1993].

дам *халы* с «орлиными»/игл *гёлями*⁶. Несмотря на успехи, количество вопросовросло и стало очевидно, что круг атрибуционных признаков нуждается в расширении. Поискам и выявлению таких маркеров и посвящена предлагаемая статья.

История сложения феномена⁷

На территории Туркменистана материальные свидетельства существования ворсового ткачества фиксируются периодом бронзы, однако орнаментальная составляющая прослеживается с позднего неолита, со времени заселения южной прикопетдагской полосы пришедшими с юга и запада земледельцами. Судя по находкам пряслиц на городище Джейтун (VII — середина III тыс. до н.э.), среди их занятий было ткачество [Массон, 1971, табл. XXXIX, 5–9]. В это же время появляется орнаментированная керамика — главный источник наших знаний о духовном мире древних. Как показывает анализ декора ворсовых изделий, практически все джейтунские сюжеты, особо — мотивы струй и точек-капель воды, — вошли в орнаментальный запас ковроделия Южного Туркменистана и Средней Амударьи. В период энеолита и ранней бронзы на керамике Южного Туркменистана появляются «ландшафтные» сюжеты, использовавшиеся местными и амударьинскими ткачами вплоть до XX в., а также анималистические и космогонические мотивы, также сохранившиеся в изобразительной традиции Средней Амударьи и Южного Туркменистана [Царева, 2006, рис. 2–9]. Начавшиеся в энеолите процессы наметили тенденции, завершившиеся образованием южно-туркменистанской (далее — ЮТ), среднеамударьинской (САД) и арало-каспийской (АК) ковродельческих зон⁸.

В конце III тыс. до н.э. на территории юго-восточного Туркменистана и прилегающих с юга и востока землях, в одно время с цивилизацией Инда в Пакистане и Древнеавилонским царством в Междуречье, формируется культура, названная В.И. Сарияниди Бактрийско-маргианским археологическим комплексом (БМАК) [Антонова, 2009]. Для нашей темы особо важны находки с комплекса Гонур-депе, старая дельта Мургаба [Сарияниди, 2002; Sarianidi, 2007]. Памятники БМАК, особо — печати, демонстрируют зооморфные образы змеи, жука и др., ставшие неотъемлемой частью «коврового bestiaria» САД [Царева, 2004; 2006, с. 31–33]. Отметим также вошедшие в ковровую орнаментику изображения птиц с распахнутыми крыльями, в том числе двуглавых [Царева, 2012б], и прямую клетку с мотивом *накши хишт* («рисунок из кирпичей») [Царева, 2010б, с. 56; Tsareva, 2011a, fig. 9].

Из сказанного очевидно, что мотивы периода энеолита и бронзы ЮТ сохранились в зоне их первичного формирования и на САД, куда были принесены в процессе движения земледельцев ЮТ на восток [Сарияниди, 1977, с. 156–159]. Фиксация подобных рисунков на ковровых изделиях является важным признаком при идентификации неопознанных по месту производства изделий, в частности ковриков с мотивом *накши хишт* ЮТ племен салорской конфедерации.

На территории БМАК обнаружены первые, хотя и косвенные указания на существование в регионе ворсового ковроделия — это композитные каменные и серебряные фигурки, «одетые» в длинноворсовые юбки и накидки шумерского типа. Появление в ЮТ ворсового ткачества связывают с приходом сюда первых известных нам ковроделов, мигрантов из Месопотамии [Царева, 2012а]. Другие близкие по времени свидетельства — бронзовые клинки, выявленные раскопками в долине р. Сумбар и идентифицируемые как ковровые ножи [Хлопин, 2002, табл. 121, 5, 6].

В VI–IV вв. до н.э. часть Туркменистана входит в империю Ахеменидов. Явное воздействие ахеменидского искусства на ткачество региона не выявлено, хотя именно ахеменидским временем датируются первые ворсовые изделия с каймовым обрамлением. Эталонным образцом рамочной композиции служит выполненный в ахеменидском каноне пазырыкский ковер, сакского периода [Руденко, 1953, табл. СХV], художественные особенности которого признаны типичными для ковродельческой традиции ряда стран Евразии, в том числе Туркменистана.

⁶ *Игл-I* и *игл-III* используют асимметричный открытый влево узел, *игл-II* — асимметричный открытый вправо. Объяснение разделению типов I и II на две группы не дано.

⁷ Здесь и далее приводятся только те данные из истории Туркменистана, которые соотносятся с процессами сложения и функционирования института ковроделия в регионе.

⁸ Предложенные сокращения являются вынужденной мерой, направленной на уменьшение объема текста. Выделяемая автором зона САД совпадает с Лебапским велаятом современного Туркменистана; ЮТ включает Ахальский и Марыйский велаяты; АК — Балканский и Дашогузский велаяты, а также относящиеся к современному Казахстану и Узбекистану территории обитания чоудоров и других племен бывшей чоудорской конфедерации. Подчеркнем, что ковродельческие зоны не всегда совпадают с географическим делением. Так, хотя формально юго-запад страны относится к ЮТ, ворсовое ткачество местного населения тяготеет к АК группе.

Включение региона в IV в. до н.э. в империю Александра Македонского и затем в Бактрийское, Парфянское и Кушанское царства [Пилипко, 1994] создало предпосылки для сложения здесь эллинистического художественного стиля. Большое воздействие на местную культуру, включая ковроделие, оказали саки. Среди них были и потомки пазырыкцев, вытесненных сюн-нуцами с Алтая в конце I тыс. до н.э. и принявших активное участие в создании Кушанской империи⁹. Именно в данный период началось активное заселение зоны САД, обусловленное появлением здесь водоподъемного колеса [Царева, 2010а].

Кушанским временем фиксируется появление на юго-востоке современного Туркменистана — северного Афганистана ковроделия бактрийского типа, признанного одним из прямых предков туркменского ворсового ткачества и представленного значительным числом вещевых памятников [Царева, 2006, с. 21–27; 2009а; 2012а, 246–247; Tsareva, 2011а]. В части техники выявляется общность структур бактрийских и туркменских ковров (см. ниже), а в части художественных особенностей — эллинистические сюжеты в местной иконографии, среди которых назовем «меандр с виноградным листом» (*овадан гыра*) и стрельчатую арку. В коврах она стала элементом рисунка сакральных для туркмен занавесей *энси* и панелей с мотивом *дарваза* и амударьинских молитвенных ковров *сафф* и *седжаде* [Царева, 2006, рис. 10, 12, 14, 34, 35]. Уникальный пример общности мотивов амударьинских и бактрийско-кушанских ворсовых изделий — рисунок ковра на каменном рельефе II в. н.э. [Yaldiz, 2006, fig. 55] и его аналоги на чувалах САД с ленточными композициями [Tsareva, 2011b, fig. 132, 133].

Приход в регион в VIII в. арабов положил начало распространению здесь ислама и исламской культуры. В ковровый глоссарий туркмен входят термины *эле́м* (от ар. *'алам* 'знамя') для торцовых панелей *халы*, *энси* и *чувалов* [Azadi, 1983]; и *йайле* (от ар. *'а'ила* 'семья') для П-образной внешней каймы *энси* [Tsareva, 2003, p. 166]. Возможно, с приходом арабов в орнаментике САД закрепился и древневосточный мотив *накши хишт*.

Новый этап наступил с появлением в Средней Азии тюрков, инфильтрация которых в регион началась достаточно рано, однако приобрела массовый характер с приходом огузов, сыгравших важную роль в формировании туркмен как этноса. Огромное значение при этом имело принятие частью населения тюркского языка; с присутствием огузов связывают и появление самого этнонима «туркмен» [Агаджанов, 1969; Каррыев и др., 1954; Карпов, 1945]. Ковроделие восприняло тюркский племенной стиль и символику при сохранении ранним населением региона значимых изобразительных сюжетов предшествовавших эпох.

Тюркизация продолжилась при сельджуках [Агаджанов, 1991; Крадин, 2007; Марков, 1976; Хазанов, 2002], создателях особого художественного стиля, в ковроделии фиксируемого гербовыми композициями *гёлевого* типа, 8-угольной «сельджукской» розеткой и закреплением птичьих сюжетов, как двуглавых, с распахнутыми крыльями, так и парциальных, в составе *гёлей* (возможно, результат слияния с сакской традицией [Царева, 2012б]). Предположительно тюркским наследием является мотив «родового женского древа», соотносимый с образами древних женских изображений, богини Умай и «древа жизни» [Царев, 2010]. Важные данные к теме сельджукского наследия дают сохранившиеся в мечетях Конии ковры XIII–XV вв. и их изображения в европейской живописи. Декор некоторых, особенно с *гёлевой* структурой¹⁰, близок к туркменским ковровым композициям и, видимо, представляет стандарты тюрко-огузской системы декора.

В 1092 г. Сельджукская империя распалась. «Родовое древо тюрков» [Абуль-гази, 1996] говорит о вражде между туркменскими *илями* и об их рассеивании по территориям, сохраненным, как доменами, племенами, пережившими монгольскую катастрофу XIII в. Лежащая в руинах, обезлюдившая страна испытала новые волны миграций (кипчаки, монголы, иные тюркские племена, китайцы, индийцы, иранцы, арабы, позднее — узбеки), сопровождавшихся объединением части коренного и пришлого населения в территориально-племенные конфедерации, в том числе в салорский и чоудорский союзы [Каррыев и др., 1954; Бартольд, 1963]. В части ковроделия монгольский период не принес значительных новшеств. Редкое заимствование — характерная для *асмалдыков* и *торб* САД 3-частная композиция [Tsareva, 2011b, fig. 120, 121], прототип которой мы видим на ковриках второй половины XIII в., изображенных на иллюстрациях к «Возвращению госпожи Вен Чи» [Gantzhorn, 1998, 142–154]. Важными для развития коммерче-

⁹ Сводная библиография: [Акишев, Кушаев, 1963]; о культуре саков: [Артамонов, 1973; Chugunov et al., 2006; Malloy, Mair, 2000].

¹⁰ Сравните декор ковра XIII–XIV в. из мавзолея с гробницей султана Адааддина Кейкубата, Кония [Gantzhorn, 1998, il. 117] и *гёли* на салорской *торбе* из собрания П. Хоффмайстера [Tsareva, 2011b, fig. 3].

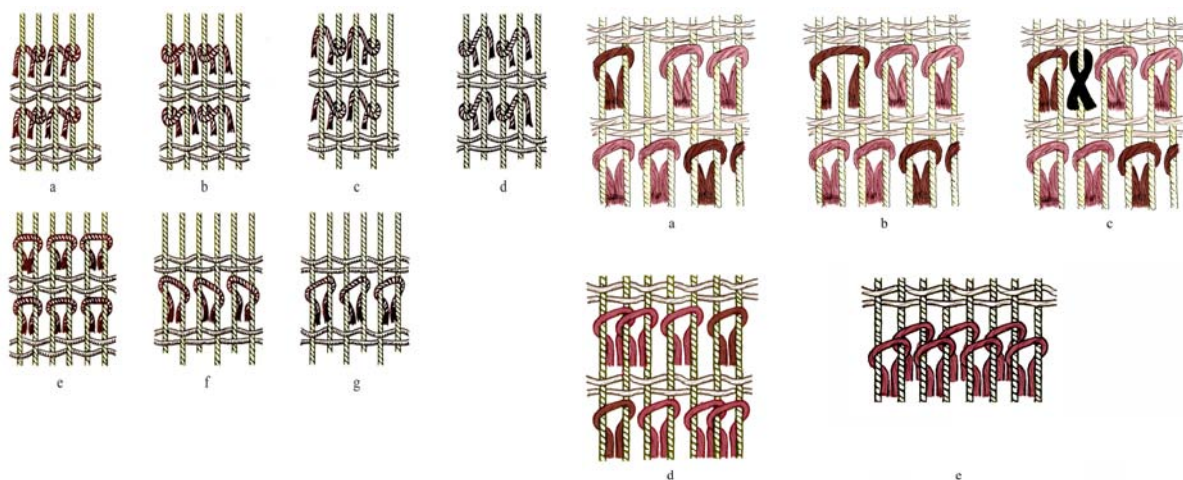
ского ковроделия факторами стали увеличение производимых в стране объемов шерсти (результат процесса номадизации) и установление охвативших всю империю торговых путей.

Послемонгольский период рассматривается как время сложения близкой к современной структуры туркменского социума и его культурных особенностей. Несмотря на лакуарность материала, можно говорить и о принятии туркменским ковроделием XIV–XV вв. близкого к современному облика [Царева, 2008]. Его главной особенностью становится индивидуально-племенной характер таких знаковых предметов, как *халы*, дверные занавеси *энси* и свадебные попоны *асмалдык*. Другие изделия демонстрируют большее разнообразие. В том числе в зонах ЮТ и САД¹¹ по-прежнему применяются ранние аграрные, антропоморфные, зооморфные, мифологические мотивы (отметим композицию «Сенмурв с собаками» [Царева, 2006, с. 53–54]).

Одновременно с орнаментикой формировались и свойственные изделиям АК, ЮТ, САД зон колористические решения. Так, для АК ковров характерны глубокие красно-пурпурные тона; ковроделы ЮТ использовали варианты звучных, чистых оттенков вишнево-красного (кроме поздних «черных пенде»); мягкой, теплой была цветовая гамма ковров САД. Изучение темы позволило сделать предположение о закреплении названных доминант на уровне территориального признака, обусловленного качествами почвы и воды этих зон: сильно засоленной на территориях АК; «самой легкой и сладкой в Хорасане» амударьинской [Материалы..., 1939, с. 177] и наиболее чистой в оазисах ЮТ. Названные тона сохранялись племенами при изменении мест обитания, что объясняет, в частности, пестроту цветовой гаммы изделий САД, активно заселявшейся в XVII — первой половине XIX в. мигрантами с юга и запада [Винников, 1962].

Структурные особенности туркменского ковра XVI — начала XX в.

Как сказано выше, сегодня практика ворсового ткачества возводится к бронзовому веку. Процесс формирования техники был долгим, исходные варианты послужили основой для разработки нескольких устойчивых способов вязки. Одной из особенностей центрально-азиатской традиции стала множественность способов узловязания, включающих все практикуемые сегодня в Евразии типы и некоторые сугубо местные приемы.

Рис. 1. Регулярные узлы:
 а — as открытый влево; б — as открытый вправо;
 с — as открытый влево, с депрессией;
 д — as открытый вправо, с депрессией; е — sy;
 ф, г — sy, с депрессией

Рис. 2. Способы получения приема смещения при su-вязке:
 а — пропуск нити основы; б — введение узла на трех нитях;
 с — введение узла/петли на одной нити;
 д — одиночный зацеп; е — сплошной зацеп

Структурная особенность ворсового ткачества — использование как декоробразующего элемента узелков (либо петель), крепящихся к нитям основы и фиксируемых прогонами утка (рис. 1–3). Помимо классических асимметричных (as), открытых влево и вправо, и симметричных (sy), туркмены практиковали большое число иррегулярных узлов и приемов ткачества, применяемых как в as, так и в sy структурах. К иррегулярным относятся узлы на одной, трех и более нитях основы и кросс-узлы (рис. 2), пэкинг/раскинг (однотонные либо разноокрашенные)

¹¹ О ковроделии САД: [Мошкова, 1970; Царева, 2004, 2006; Konig, 1980, 1981; Tsareva, 1985].

Ковер как исторический источник: к истории формирования художественного облика...

(рис. 3, b) и др. Как иррегулярные приемы определяются эксцентричная вязка и смещение/offset (рис. 2, 3).

Sy-техника вязки использовалась сарыками, огурджами, игдырами, всеми изготовителями *иоламов* и некоторыми анонимными прикаспийскими группами¹². При sy-вязке применялся прием смещения, служивший для получения «живописных» цветочных мотивов и каймовых меандров и для придания ткани прочности [Tsareva, 2008].

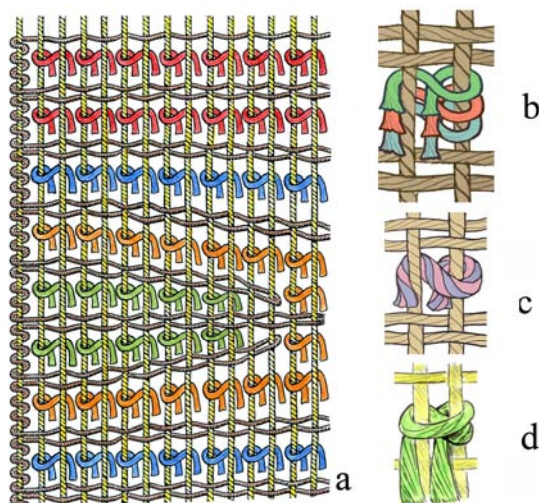

Рис. 3. Эксцентричная вязка (a), тройной пэкинг (b), прием сучения нитей разных цветов (c), кросс-узел (d)

Остальные туркмены использовали *as* узлы двух типов: салоры, емрели, чоудоры практиковали открытый влево узел; теке, эрсари, иомуды — открытый вправо. Различия внутри дефиниций касаются угла депрессии: у салоров и мервских текинцев она могла превышать 45 градусов, благодаря чему с изнанки образовывался рубчик; в работах других *as*-групп депрессия не выявлена либо незначительна. Оптимальным способом достижения высоких художественных результатов является салорская вязка, позволяющая выполнять рисунки любой сложности. Для тех же целей текинцы применяли высокую плотность (до 10 000 узлов и более на 1 дм²) и смещение. У ткачих САД, особенно южной зоны, были популярны пэкинг и эксцентричная вязка.

Сопоставление выявленных типов узлов с историческими реалиями обнаружило некоторые ранее не описанные закономерности. Первое: среди туркмен *as* открытый влево «иранский» узел использовали аборигенные для региона оламы и племена огузского происхождения: салоры, емрели, арабачи. Второе: *su* «тюркский» узел практиковали сарыки, анонимные прикаспийские группы; а также каракалпаки и население Кавказа и Малой Азии. Третье: ткачи более поздних формирований: теке, иомуды, эрсари — восприняли *as* открытый вправо узел, в рассматриваемый период применяемый в Евразии только туркменами.

Одновременно характерную для туркменского ковроделия многовариантность используемых материалов и структур нитей можно рассматривать как территориальные особенности. Так, жители АК зоны (кроме иомудов) делали уток из верблюжьей шерсти, шелка, иногда хлопка, в то время как ковроделы ЮТ и САД применяли их в ворсе. Особый маркер — материал основы, которым может быть овечья (ЮТ племена) и козья шерсть (САД), хлопок (АК зона). Впервые заявленное автором в 1993 г. [Царева, 1993, с. 22–23] данное направление требует большого статистического материала для разработки. В качестве предварительного можно высказать предположение, что более архаичной и стабильной является практика изготовления не ворса, а основы и утка, определяемая территориальными традициями, связанными с наличием в хозяйствах производителей тех или иных материалов, что, в свою очередь, зависит от принятого племенем типа хозяйствования.

¹² Новейшие данные об узловязании разных племен и *иоламов*: [Tsareva, 2011b]; особо о сарыках: [Tsareva, 1978; 2008]; салорах: [Tsareva, 1984b].

Гёли постилочных халы туркмен

Раздел рассматривает такую ранее не разрабатывавшуюся другими авторами тему, как художественные особенности *гёлей* как маркеров территориальной и конфедерационной принадлежности изготовителей. Для наглядности рассматриваются такие наиболее «чистые» варианты, как постилочные *халы* салоров и чоудоров (рис. 4).

Рис. 4. Салор-гэль (а) и чоудор-гэль (b)

Как сказано выше, особо важным открытием в области атрибуции анонимных племенных эмблем стала идентификация *салор-гёля*. О сложности таких изысканий говорит длительность процесса выявления данного медальона. Так, если соотнесенность *эртмен-гёля* с продукцией чоудоров, *гюлли-гёля* — с эрсаринцами, *теке-гёля* — с текинцами была установлена уже в XIX в., то идентификация *салор-гёля* заняла около ста лет. Основная причина, видимо,— редкость салорских *халы*, предположительно вызванная утратой племенем практики их производства уже в первой трети XIX в., и, возможно, отсутствие у салоров института товарного ковроделия. Как результат, салорские постилочные ковры были мало либо вовсе неизвестны торговцам коврами, данные которых были основным источником знаний о предмете вплоть до XX в.¹³

Уже простое сравнение *салор-* и *чоудор/эртмен-гёля* (рис. 4) показывает отличия их формы, заполняющего *гэль* рисунка, его расцветивания, расположения медальонов на центральном поле. Так, *эртмен* имеет ромбовидную форму со ступенчатыми контурами и «двуглавыми» навершиями на верхнем и нижнем углах. Ромбы вписаны в повторяющую их очертания сетку. Еще одна особенность — характерное для ирано-кавказской традиции плоскостное расцветивание медальона. По очертаниям и манере расцветивания он близок к каспийским *капса-*, *игл-*, *С-гёлям* и розетке *адлар/атцвагорг* Южного Кавказа, что позволяет говорить об их общности как носителей традиций циркумкаспийской зоны¹⁴.

Принципиально отличается по структуре фестончатая розетка *салор-гэль*, с 4-частным вертикально-горизонтальным делением и характерным для Средней Азии диагональным расцветиванием плоскости. В отличие от включенных в сетку *эртмен-гёлей*, организованные в горизонтально-вертикальные ряды *салор-гёли* как бы плывут по полю ковра, создавая эффект движения и свободы [Tsareva, 1984a, fig. 3, 115]. Данная форма и принцип организации медальонов использовались и другими племенами бывшей салорской конфедерации: сарыками, теке, эрсари,— что должно рассматриваться как результат четкой разработанной системы.

Истоки сформировавших столь разные *гёли* традиций неясны, хотя очевидно, что оба они, равно как и представленные на малоазиатских коврах XIII–XV вв. и египетской вышивке IX в.

¹³ В среднеазиатских музеях салорских ковров нет; в России — в собрании Государственного Эрмитажа [Tsareva, 1984a, fig. 3] и Российского этнографического музея [Царева, 2011, рис. 59].

¹⁴ Изображения *капса-* и *С-гэль*: [Tsareva, 1984a, fig. 70, 66]; *игл-гэль*: [Tsareva, 2011b, fig. 87]; *адлар/атцвагорг*: [Tsareva, 2000, cat. 113b].

медальоны [Great Carpets..., 1996, p. 27], восходят к единому архетипу. То же относится к прототипам розеток типа «малый гольбейн» [Gantzhorn, 1998, p. 170; Erdmann, 1970, p. 53] и др. На туркменской почве прикаспийский *эртмен* оказался ближе к исходному варианту, а *салор-гёль* приобрел более округлую форму.

Возникает вопрос о территории формирования *салор-гёля* и его дериваций *сары-*, *гюлли-* и *теке-гёль*. Важным маркером при этом является фон центрального поля *халы* всех названных групп, светлых оттенков вишнево-красного цвета, типичных, как сказано выше, для изделий ЮТ. Анализ ворсовой продукции племени позволил предположить, что *салор-гёль* был разработан в ЮТ, где оно обосновалось не позднее XV в. (хорасанские салоры). Данное предположение объясняет и такие вышеназванные особенности салорского ковроделия, как *ас* открытый влево узел с большой депрессией, достаточно светлую цветовую гамму и уходящую корнями в энеолитическое прошлое ЮТ орнаментику мелких ковровых изделий (мотивы *ак су*, *накши хишт*, *чарх палак* и др.).

Если проследить практику использования *гёлей* в *халы* племен салорского союза, то мы получим несколько неожиданные результаты. А именно: самые ранние ковры с *салор-гёлями* есть собственно салорские. Ковры с *теке-* и *сары-гёлем* появляются лишь в начале XVIII в., т.е. уже на территории ЮТ. Более ранние текинские постилочные ковры не известны; а сарыкские XVI–XVII вв. несут не *сары-гёль*, а 8-угольные розетки *онурга/темирджин-гёль* и имеют характерную для АК зоны пурпурную тональность [Pinner, Eiland, 1999, pl. 5]. При этом *онурга* используется также другими туркменскими и северокавказскими ковроделами [Tsareva, 2000, cat. 111], что не позволяет идентифицировать его как сарыкский, но может указывать на присутствие в этногенезе данного племени компонента, общего для населения тюркоязычного ареала Евразии.

Особая группа — ковры с «орлиными»/*угл-гёлями* (англ. eagle — «орел»), долгое время атрибутировавшиеся как иомудские [Боголюбов, 1908, табл. 13, 14; Дудин, 1928, табл. II, 42; Мошкова, 1970, табл. LIX]. Выделенные в 1980-е гг. в отдельный тип, с тремя подтипами: *угл-I, II, III* [Rautenstengel, Azadi 1990], они, тем не менее, остались анонимными. Ниже предлагается попытка идентификации подтипа *угл-I*.

Первичное отнесение *угл-I* к АК зоне не вызывает сомнения: об этом говорит форма *гёлей* и пурпурные тона центрального поля *халы*. Глубина цвета указывает на применение при крашении шерсти проточной воды, что в условиях АК зоны локализует район производства территорией ирано-туркменского пограничья. Показательно использование ткачихами покупной овечьей и верблюжьей шерсти сучения Z3S¹⁵ и крашенного кошениль шелка: применение дорогой привозной армянской кошенили и иранской (?) пряжи свидетельствует о торговых связях производителей с Южным Кавказом и предположительно с Ираном. Об ирано-кавказском векторе торговых связей группы говорит и ареал бытования — Иран, Кавказ, Турция. О преимущественно коммерческом характере производства группы *угл-I* свидетельствует недопустимая для стабильной племенной традиции вариативность декора *халы* и крайняя ограниченность видов продукции (*халы*, несколько *торб*, три *иолама*).

Из сказанного очевидно, что создавшее ковры *угл-I* племя было богатым, частично земледельческим (изобилие шелка), при развитом овцеводстве, верблюдоводстве и коммерческом ковроделии. Еще один важный фактор — возраст изделий, датированных XIV–XVIII вв.¹⁶ Это означает, что их производители создали свою систему ткачества не позднее XIII в., активно работали предположительно до начала XVIII, но позже утратили ремесло, наиболее вероятно, в результате обеднения и/или переселения. Одновременно *ас* открытый влево узел предполагает огузское происхождение изготовителей. Возникает вопрос: известно ли нам большое и богатое туркменское племя, с огузскими корнями, проживавшее в юго-западной части АК зоны Туркменистана до XVIII в.? Население должно было быть аграрным, частично — скотоводческим и иметь развитые торговые контакты с южными соседями.

Как показали исторические данные, такое племя существовало. Это были емрели (эймур) — племя огузского происхождения, проживавшее на Балханах, затем в Юго-Западном Туркменистане и северном Иране (окрестности Астрабада) [Бартольд, 1968]. В начале XVIII в. они были

¹⁵ Z3S — структура пряжи, составленной тремя элементарными Z-прядеными и S-сучеными нитями.

¹⁶ Материалы симпозиума по датированию туркменских ковров, Лиесталь, Швейцария, 2002 г., частично опубликованные [Царева, 2008].

вытеснены текинцами и иомудами в Ахал, а затем и далее и в начале XIX в. переселились в Хорезм. Повторим, что предложенная идентификация относится только к группе *игл-I* [Tsageva 2011b, p. 87—91]. Аналогичная атрибуция была ранее предложена Дж. Томпсоном для всей группы *игл* [Turkmen Tribal Carpets..., 1980, p. 134–144], что представляется неверным в силу принципиальных отличий в структурах *игл-I*, *II* и *III*. Подчеркнем, что предложенные атрибуции были получены независимыми путями.

Заключение

Таким образом, мы проследили этапы процесса формирования феномена туркменского ворсового ковра и выявили некоторые его особенности, сложившиеся за тысячи лет развития в устойчивые общие и частные территориальные, временные и племенные идентификационные признаки. Такими показателями являются все, без исключения, составляющие ворсовых артефактов, а именно: вид узла и применяемые приемы иррегулярности вязки; цветовая гамма; тип *гёля* и орнаментика мелких изделий; материалы ковроделия. Рассматриваемые в комплексе и в сочетании с историческими реалиями жизни туркмен названные признаки показывают, что характерные для туркменских узелковых изделий художественные и структурные отличия обусловлены сложной системой факторов, в комплексе работающих как атрибуционные маркеры, позволяющие уточнить, а иногда и определить происхождение рассматриваемых предметов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абуль-Гази-Багадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. М.; Ташкент; Бишкек: Туркестан, 1996. 186 с.
- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Илым, 1969. 295 с.
- Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 320 с.
- Антонова Е.В.* К проблеме формирования бактрийско-маргианского археологического комплекса // КСИА. 2009. Вып. 233. С. 202–223.
- Артамонов М.И.* Сокровища саков // Памятники древнего искусства. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В.В. Бартольд. Соч. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. 1. 760 с.
- Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. Т. 5. 759 с.
- Боголюбов А.А.* Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А.А. Боголюбовым, вып. 1–2. Текст на рус. и фр. яз. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. 66 с.
- Винников Я.Р.* Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Ашхабад, 1962. Т. 6. Сер. этногр. С. 1–110.
- Дудин С.М.* Ковровые изделия Средней Азии // СМАЭ. 1928. Т. 7. С. 71–167.
- Карпов Г.И.* Туркмены-огузы: (Материалы к этногенезу туркменского народа) // Изв. Туркм. филиала АН СССР. Ашхабад, 1945. № 1. С. 3–9.
- Каррыев А., Мошкова В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю.* Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. / Под. ред. А.Ю. Якубовского. Ашхабад: АН ТуркмССР, 1954. 405 с.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 321 с.
- Массон В.М.* Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180. 207 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники // Тр. Ин-та Востоковедения — XXIX. / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
- Мошкова В.Г.* Племенные гёли в туркменских коврах // СЭ. 1946. № 1. С. 145–162.
- Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX века. Ташкент: Фан, 1970. 256 с.
- Пилипко В.Н.* История Туркменистана в античный период: (Краткий очерк). Ашхабад: Ылым, 1994. 76 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 172 с.
- Сарианиди В.И.* Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ashgabat: Turkmen-dowlethabarlary, 2002. 360 с.

Ковер как исторический источник: к истории формирования художественного облика...

- Фелькерзам А.Е.* Старинные ковры Средней Азии // Старые годы. СПб.: П.П. Вейнеръ, 1914. Окт. — дек. С. 57–113.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб: Петерб. Востоковедение, 2002.
- Царев Н.В.* Образ матери-прародительницы на войлочных изделиях кочевнических народов Степи // Вестн. молодых ученых: Культурология и искусствоведение, 7'05. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2010. С. 33–39.
- Царева Е.Г.* Традиционное ткачество туркмен как этнографический источник: Дис. ... канд. ист. наук в форме науч. докл. СПб., 1993. 24 с.
- Царева Е.Г.* Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации. Тр. Маргианской археол. экспедиции: Сб. статей к 75-летию В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 202–224.
- Царева Е.Г.* Ворсовое ткачество Средней Амударьи в контексте евразийской традиции // И.Ю. Котин, М.А. Родионов, Е.Г. Царева. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 7–98.
- Царева Е.Г.* К вопросу о датировании ранних туркменских ковров (салоры, сарыки, население Средней Амударьи) // Тр. Маргианской археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 234–244.
- Царева Е.Г.* Ворсовые ковры с сюжетом льва и тигра в центрально-азиатских тканях кушанского времени // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2009а. С. 75–86.
- Царева Е.Г.* Ковер ворсовый // Большая Российская Энциклопедия: В 30 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009б. Т. 14.
- Царева Е.Г.* Ворсовое ткачество населения Средней Амударьи как форма адаптации к географическим и историческим особенностям региона // Тр. Междунар. конф. «Человек: его биологическая и социальная история», посвященной 80-летию акад/ РАН В.П. Алексеева Одинцово, 2010а. С. 230–234.
- Царева Е.Г.* Древнейшие сюжеты на современных гладкотканых ковровых изделиях арабов Центральной Азии // Радловский сб. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010б. С. 55–58.
- Царева Е.Г.* Ковры в собрании Российского этнографического музея. СПб.: РЭМ, 2011. 60 с. [Электрон. ресурс].
- Царева Е.Г.* Филикли: К истории узелкового ткачества в Центральной Азии (по материалам Месопотамии и Туркменистана) // Тр. Маргианской археол. экспедиции. Т. 4: Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012а. С. 240–249.
- Царева Е.Г.* Образы птиц на туркменских коврах XVI–XIX веков // Сб. ОЮЮЗА МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН. 2012б. С. 111–136.
- Azadi S.* Turkoman Carpets and the Ethnographic Significance of Their Ornaments. Fishguard: The Crosby Press, 1975. 125 p.
- Azadi S.* Alam (elem): Some Aspects of Turkoman 'Additional End Borders' // Hali. L., 1983. Vol. 5, No. 3. P. 261–267.
- Bogolyubov A.A.* Carpets of Central Asia L.: The Crosby Press, 1973. 387 p.
- Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der Goldschatz von Arzan. Ein Furstengrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe. Munchen: Schirmer/Mosel, 2006. 143 p.
- Erdmann K.* Seven Hundred Years of Oriental Carpets. L.: Faber and Faber Ltd, 1970. 238 p.
- Gantzhorn V.* Oriental Carpets. Their Iconology and Iconography from Earliest Times to the 18th Century. Koln: TASCHEN, 1998. 532 p.
- Great Carpets of the World /* Intr. by Y. Mikhaeloff. N. Y.: The Vendome Press, 1996. 379 p.
- Jourdan U. von.* Orientteppiche, Battenberg Antiquitaten-Katalogue. B. 4: Turkmenische Teppiche. Munchen, 1989. 328 p.
- Konig H.* Some Ideas on the Designs of Ersari Rugs and Their Origin // Hali. L.: Hali Publications Ltd, 1980. Vol. 2, No. 4. P. 275–282.
- Konig H.* Ersari Rugs — Names and Attributions // Hali. L.: Hali Publications Ltd, 1981. Vol. 4, No. 2. P. 135–142.
- Mallory J.P., Mair V.H.* The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. L.: Thames & Hudson Ltd, 2000. 352 p.
- McCoy J.H., Boucher J.W.* Tribal Rugs from Turkmenistan. Christmas Exhibition of the International Hajji Baba Society, Inc. Washington D.C.: Washington Hajji Baba Society, 1973. 100 p.
- McCoy J.H., Boucher J.W.* The Ersari and Their Weavings. Christmas Exhibition of the International Hajji Baba Society, Inc. Washington D.C.: Washington Hajji Baba Society, 1975. P. 98.
- O'Bannon G.W.* The Turkoman Carpet. L.: Duckworth, 1974. 311 p.
- Pinner R. A.* Beshir Carpets of the Bukhara Emirate — A Review // Hali. 1981. Vol. 3, No. 4. P. 294–304.
- Pinner R.* Salor Ensis // Hali. Issue 60, December 1991. P. 86–96.
- Pinner R.* The Rickmers Collection. Turkoman Rugs in the Ethnographic Museum Berlin. Berlin, 1993. 87 p.

Е.Г. Царева

- Pinner R., Eiland M.L.Jr.* Between the Black Desert and the Red. Turkmen Carpets from Wiedersperg Collection. San Francisco, 1999. 144 p.
- Pinner R., Franses M.* Some Interesting Tekke Products and their Designs // Turkoman Studies I. Aspects of the weaving and decorative arts of Central Asia. L., 1980. P. 102–163.
- Rautenstengel A. & V., Azadi S.U.* Studien zur Teppich-Kultur der Turkmen. Hauptteppiche mit 'Adler' — und Dyrnak-göl Verschiedener turkmenischer Gruppen — Vergleich ihrer Struktur und ihres Erscheinungsbildes. Gök-lan-Turkmenen und ihre Teppiche. Hamburg; Hilden: Annette Rautenstengel, 1990. 187 p.
- Sarianidi V.* Gonur-Depe. Turkmenistan. City of Kings and Gods. Ashgabad: Miras. 2006. 327 p.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur-depe. Second ed. Athens: Kapon editions. 2007. 340 p.
- Thompson J.* Carpet Magic. L., 1983. 160 p.
- Tzareva E.* Saryk tent bags in the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR // Hali. L.: Hali Publications Ltd., 1978. Vol. 1, No. 3. P. 277–281.
- Tzareva E.* Rugs and Carpets from Central Asia. The Russian Collections. Leningrad; L.: Aurora Art Publishers: Penguin Books, 1984a. 224 p.
- Tsareva E.* Salor Carpets // Hali. Vol. 6, No. 2. L.: Hali Publications Ltd., 1984b. P. 126–135.
- Tsareva E.* The Dudin Collections: Selected Masterpieces. Ersari tent bags // Hali. L.: Hali Publications Ltd., 1985. Vol. 7, No 3. P. 14–24, 67–68.
- Tsareva E.* Carpet weaving // The Caucasian Peoples. Exhibition, Antwerp: Anne de Hingh, 2000. P. 233–262.
- Tsareva E.* Decorative Door Cover // A World of Carpets and Textiles Washington D.C., 2003: ICOC. P. 166–167.
- Tsareva E.* Early Symmetrically Woven Turkmen Carpets: Notes on the Structure and History of the Formation of the Technique // The Journ. of Dar al-Athar al-Islamiyyah. Kuwait: DAI, 2008. Issue 25. P. 15–27.
- Tsareva E.* The Compartment Group of the Middle Amu Darya Pile Rugs and the Baktrian Carpet Making Tradition // Oriental Carpet and Textile Studies VII. Selected Papers from ICOC X, Washington 2003 & ICOC XI, Istanbul 2007. Bungalow: International Conference on Oriental Carpers, 2011a. P. 183–190.
- Tsareva E.* Turkmen Carpets. The Hoffmeister Collection. Masterpieces of the Steppe Art from 16th to 19th Centuries. Arnoldsche Art Publisher. Stuttgart: Arnoldsche Art Publishers, 2011b. 192 p.
- Turkmen Tribal Carpets and Traditions.* Washington D.C.: Garamind Pridemark Press, 1980. 239 p.
- Wie Blumen in der Wüste.* Die Kultur der turkmenischen Nomadenstamme Zentralasiens. Hamburg: Verlag Paul Hartung, 1993. 215 p.
- Yaldiz M.* Die Rezeption von Textilmotiven in der indischen Kunst und ihr Einfluss auf die Malerei Xinjiangs // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2006. P. 81–99.

*Санкт-Петербург, МАЭ РАН
tsar@kunstkamera.ru*

The article is devoted to problems of identification regarding pile weavings of XVI — early XX century from Turkmenistan. The author extends an attribution potential of traditionally attracted indices (types of knots and ornamentation) and suggests considering a number of structural and artistic features of the regional knotted weaving shaped over thousands years of development of a Turkmen carpet phenomenon into sustainable common and specific territorial, temporal, and tribal markers which have been never considered in this aspect before.

Pile carpet weaving, Turkmen, attribution, ornamental and structural peculiarities, identification indices.

РЕЛИГИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: ВОСПОМИНАНИЯ ТЮМЕНСКИХ ХРИСТИАН О 1980-х гг.

В.П. Ключева

Статья посвящена анализу религиозной жизни в 1980-е гг. Основными источниками послужили воспоминания непосредственных участников событий — верующих разных деноминаций: православных, баптистов и пятидесятников. Эти годы стали переломными в жизни страны, что косвенно отражено в воспоминаниях верующих. Делается вывод о важности источников личного происхождения, которые дополняют другие данные для получения объективной картины прошлого.

Воспоминания, свобода вероисповедания, религиозная община, религиозные обряды, христиане, баптисты, пятидесятники, православные.

Последнее советское десятилетие (1980-е гг.) — очень интересный период в жизни страны. Если в первой его половине продолжалась борьба с религиозными пережитками и происходила замена религиозных обрядов советскими, то во второй, с началом перестройки, складываются новые отношения Советского государства и верующих. С 1985 г. в стране было зарегистрировано 2000 религиозных объединений, они получили возможность построить культовые здания [Одинцов, 1989, с. 69]. Кульминацией этого процесса стало торжественное празднование 1000-летия крещения Руси в 1988 г. Более того, некоторые исследователи считают, что «в конце 1980-х — 1990 годах КПСС и советское правительство постепенно реформировали политику в отношении религии и атеизма. Отношения государства и церковью практически нормализовались» [Марин, 2010, с. 84]¹.

Современная историография религиозной жизни в СССР изучаемому периоду уделяет много внимания, при этом зачастую 1985 г. (как начало перестройки) выступает своеобразным рубежом, которым заканчивается или начинается хронология проблемы (см., напр.: [Белякова, 2008, 2011; Хвостова, 2009; Сеелев, 2011; Кобзев, 2012]). Также следует отметить особенность многих работ, посвященных этому периоду, — введение в научный оборот официальных документов, сложившихся в ходе государственно-конфессионального взаимодействия (см., напр.: [Хвостова, 2011; Молодов, 2011]). Однако в последние годы все чаще привлекаются источники личного происхождения (воспоминания и интервью верующих или официальных лиц, курировавших религиозные вопросы). Примером подобного подхода могут служить статьи Г. Хвостовой [2010], Р. Поплавского [2011], Н. Беляковой [2012]. На наш взгляд, этот подход имеет большие перспективы. Изучение религиозной жизни в СССР до сих пор строится преимущественно на статистических материалах, отчетах КГБ и уполномоченных по делам религий, т.е. официальных данных, отложившихся в местных и центральных архивах. Однако таким образом можно изучить, прежде всего, внешнюю сторону религиозной жизни. Тогда как воспоминания непосредственных участников событий позволяют нам увидеть, как фактически выстраивались коммуникации между атеистическим (нерелигиозным) обществом и людьми с религиозным мировоззрением.

В предлагаемой статье основными источниками для анализа стали интервью с христианами (пятидесятниками, баптистами, православными), в советское время проживавшими в Тюмени и Ялуторовске. Интервью неформализованные, информанты сами выбирали фокус рассказа о своей жизни — жизни верующего человека в советский период. Также нами использованы интервью пятидесятника, в интересующий нас период жившего в Петропавловске (бывш. Казахская ССР) и опубликованные воспоминания православного епископа Евтихия (И.Т. Курочкина). При цитировании интервью ссылка на информантов делается следующим образом: в скобках в тексте указываются инициалы, место проведения и дата интервью. В списке информантов указаны инициалы (в связи с тем, что некоторые интервью были даны на условиях анонимно-

¹ Автор процитированной статьи в свою очередь опирается на книгу Г.С. Иваненко «Новые религиозные объединения: поиски, противоречия, надежды» (М.: Знание, 1991. 62 с.).

сти), пол, деноминационная принадлежность и статус в церковной иерархии на настоящее время: священнослужитель или прихожанин.

Для создания объективной картины, кроме интервью, нами использованы отчеты уполномоченного по делам религий по Тюменской области и материалы работы комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культурах.

Во всех собранных интервью присутствует несколько одинаковых сюжетов, раскрытых с разной степенью подробности. Приводились количество верующих и их социальная характеристика; описывалось совершение культовых практик (прежде всего, крещения); рассказывалось о взаимоотношениях в школе и способах отстаивания своего права на свободу вероисповедания. Вокруг этих сюжетов и выстроен текст статьи.

В 1980-е гг. в религиозном отношении Тюменская область представляла собой типичный провинциальный регион СССР. Так, в первой половине десятилетия в области были зарегистрированы семь православных приходов Омско-Тюменской епархии Русской православной церкви (в Тюмени, Тобольске и Ишиме по два, в Ялуторовске — один), две мечети (в Тюмени и Тобольске), одна община евангельских христиан-баптистов (в Тюмени). Кроме них, были и не регистрирующиеся группы верующих: «в районах и городах области действуют малочисленные группы баптистов, пятидесятников, АСД (адвентистов седьмого дня. — В.К.), иеговистов, меннонитов, бет-брудеров» [ГБУТО ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 1657, л. 16, 20]. К 1990 г. по области официально числилось 12 религиозных объединений, к вышеуказанным добавились тюменские адвентисты и ишимские баптисты [Там же, л. 113].

Вот как выглядел религиозный ландшафт региона, по мнению чиновников. Наиболее заметными в области были православные. Людей, выросших в православной традиции или имеющих верующих родственников, было больше, чем тех, кто относился к другой религиозной традиции. Хотя активных прихожан было немного. Об этом свидетельствуют сохранившиеся данные по областному центру. Согласно отчету уполномоченного по делам религий, в начале 1980-х гг. примерная численность православных, входящих на воскресные литургии в Знаменский собор и Всехсвятскую церковь, составляла всего 40–50 чел. Праздничные службы проходили при большем скоплении народа, на них присутствовало до 1,5 тыс. чел. [Там же, д. 1686, л. 29–30]. К сожалению, судить об изменении численности православных верующих в конце 80-х гг. по официальным сведениям мы не можем из-за фрагментарности данных.

Численность протестантов в области была значительно ниже, чем тех, кто придерживался православных традиций. При небольшом количестве членов общины их численность не так сильно колебалась в дни праздничных и обычных богослужений. Например, в тюменской общине евангельских христиан-баптистов, объединившей горожан и жителей ближайших населенных пунктов, в 1984 г. на молитвенные собрания могло собираться до 90 чел. При этом часть верующих приезжала из ближайших населенных пунктов: Ялуторовска, п. Боровое, Винзили, д. Иска и др. [Там же, д. 1714, л. 43]. В этот же период разрозненные группы пятидесятников в Тюмени объединяли до 20 чел. В Ялуторовске в их общину в начале 80-х гг. входило около 10 чел.

А вот так вспоминают о количестве своих единоверцев сами верующие. Они редко упоминают точные цифры, зачастую оперируя описательными понятиями. Так, по словам православного священника, с конца 1970-х гг. «Церковь (имеется в виду Знаменский собор. — В.К.) была полная, невзирая на идеологию» (В.Г., Тюмень, октябрь 2011). По его словам, количество участвующих в религиозных обрядах резко возросло в самом конце 80-х гг. (после 1988 г.). Девушка, пришедшая в баптистскую общину в 1981 г., рассказывает о своих впечатлениях: «Вот... и я пошла в церковь. Пришла. Здесь было очень много бабушек... и немного дедушек. Молодежи практически никого не было. Вот это вот окружение, которое было... Ну, меньше десятка даже человек» (Г.Г., Тюмень, июнь 2010). И позднее, в 1987 г., тюменская община не была многочисленной: «фактически церковь евангельских христиан-баптистов на Демьяна Бедного в плане членства состояла из Иванова (А.Ф. Иванов, пресвитер общины. — В.К.), детей и родственников, а также несколько старых членов церкви, которые сохранили свои связи чуть ли, там, не с довоенных времен. Молодежи было очень мало. Чрезвычайно мало» (Н.И., Тюмень, сентябрь 2011). На рубеже 80–90-х гг. у баптистов, так же как и у православных, заметен рост численности: «На маломальские праздники уже всё было битком, то есть, сто человек было в домике однозначно. А любые праздники с приглашением гостей, это уже, там, во дворе лавочки ставили» (Е.К., Тюмень, октябрь 2011).

Религия в последнее советское десятилетие: воспоминания тюменских христиан о 1980-х гг.

Нам не удалось выяснить, какой была тюменская пятидесятническая община в 1980-х гг. Но можно предположить, что она отличалась от ялуторовской общины незначительно. *«Здесь ячейка небольшая из бабушек стареньких и мы туда примкнули. <...> Когда мы вошли (в состав общины. — В.К.), человек 10 было»* (Г.Ш., Ялуторовск, сентябрь 2007). Есть сведения, что на рубеже 1980–1990-х гг. в Ялуторовске было около 40 пятидесятников, а в Тюмени на молитвенные собрания приходило около 60 чел. (Е.Ш., Ялуторовск, сентябрь 2007).

Важным для всех верующих является возможность совместного отправления религиозных обрядов. И все 1980-е гг. государство жестко контролировало различные проявления религиозности. Одним из способов контроля был учет совершенных обрядов, прежде всего крещения, венчания и отпевания. Зарегистрированные общины должны были предоставлять соответствующие сведения органам власти. Для выяснения имен участников обрядов городская комиссия содействия контролю за соблюдением законодательства о культах должна была составлять списки по специальной форме: «1. Сколько в разрезе каждого религиозного объединения за год совершено крещений. Эти данные предоставляются списком по следующей форме: список окрещенных: ФИО, год рождения, ФИО отца и матери, место их жительства и работы, номера паспортов. 2. Сколько совершено венчаний. В списке венчавшихся должно быть: ФИО, года их рождения, место работы и жительства, номера паспортов. 3. Общее количество выполненных треб каждым приходом, в том числе исповеданий, причастий, очных и заочных отпеваний, поминаний, молебн[ов], соборований» [Там же, д. 1580, л. 43]. О том, как собиралась отчетность, вспоминал еп. Евтихий (Курочкин), в то время служивший в Ишиме: «Списки с этими данными староста прихода ежемесячно обязан (!) был носить в местные органы власти. Ну, а какие были последствия для “несознательных граждан”? Лишали работы, выгоняли из институтов, снимали с очереди на получение квартиры, шельмовали в прессе, и т.д., и т.п.» [Евтихий, 2006, с. 86]. Но религиозные организации старались разными путями обходить обязательность составления списков. Председатель тюменской комиссии констатировала, что поименный учет участников обрядов был затруднен «отсутствием в паспортах штампа о месте работы², а также разрешением церквям предоставлять только номер и серию паспорта» [ГБУТО ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 1686, л. 4].

Мы можем сравнить, как в советское время проводились крещения у баптистов и пятидесятников. В рассказах участников событий заметна разница в поведении между членами зарегистрированной общины (баптисты) и верующей из нерегистрированной церкви (пятидесятники).

Наша информантка — баптистка, принявшая крещение в 1985 г., описывает его так: *«Ну, во-первых, тогда мы стремились к крещению, чтобы происходило на природе, на реке, то есть, под открытым небом. <...> Второе, значит, всегда во время крещения, вот, насколько я помню, всегда было наставление-проповедь. Пение какое-то, и потом пресвитер входил в воду, по очереди каждый крещаемый заходил, и он крестил нас “во имя Отца, Сына, и Святого Духа” полным погружением. Потом мы уже выходили из воды, вот после этого у нас было тоже коротенькое богослужение, и тут же преподавалась вечеря. То есть вечеря преподавалась у нас прямо на берегу»* (Г.Г., Тюмень, июнь 2010).

Традиционным местом крещения у баптистов в 80-е гг. было озеро Кривое в Гилевской роще, на окраине Тюмени: *«В Гилевской роще есть озеро Кривое. И вот на этом озере мы принимали крещение. И я помню, что просили место для крещения где-нибудь в городе, то есть, чтобы это, ну, более так публично было, да. Было такое время, нам сказали: “Вот, где-нибудь подальше, за лесом, чтоб вас никто не видел, чтоб вас никто не слышал”»* (Г.Г., Тюмень, июнь 2010). В архиве тюменской церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное возрождение» сохранилось заявление в горисполком заявление общины в горисполком с просьбой выделить один из тюменских водоемов для крещения трех человек. Заявление датировано 1972 г. [Поплавский, 2010, с. 19].

Ее подруга, крестившаяся на год раньше, объясняла выбор места возможностью контроля над действиями верующих

«А где вам преподносили (крещение. — В.К.), тоже в Гилевской?»

Да, тоже в Гилевской.

То есть это было традиционное место, да?

---

² По Положению «О паспортной системе в СССР» (1974 г.) в бланке паспорта были удалены некоторые ранее обязательные отметки, в том числе сведения о приеме на работу и увольнении. Замена паспортов проводилась с 1976 по 1981 г.

Ну да, это было место хорошее для осмотра тех, кто за нами наблюдали. Потому что всегда рыбаки на той стороне были, с биноклями... вот, ну... наблюдали, как бы, за нами. А нас в принципе никогда это не смущало» (И.Р., Тюмень, июнь 2010).

В рассказе ялуторовской пятидесятницы присутствует чувство опасности/страха, характерное для верующих из нерегистрированных общин, которым приходилось скрывать свою религиозную принадлежность. Она крестилась в 1987 г.

«И я попросила: Гавриил Ксенофонтович, брат Гаврюша, мы его так звали (Г.К. Сердитых — руководитель общины пятидесятников в Ялуторовске в 1970–1980-е гг. — В.К.), я говорю: “Преподайте мне водное крещение”. Он говорит: “Так они же следят”. А они действительно следили из всех углов, прямо настолько было все точно, кто к нам приезжал, в какое время, пофамильно все это было фиксировано... Ну и мы, в 4 утра, мама, я, тетя Шура и брат Гавриил ушли туда. <...> Потихонечку мне преподали водное крещение. Зашли мы в этот дом по Степана Скворцова, вечером приняли, я в 6 утра уже была дома, как будто ничего не было, я нигде не была. Тайно это было.

А где это было?

Это было за линией, приток Тобола, укромненькое место» (Г.Ш., Ялуторовск, сентябрь 2007).

О том, как совершались крещения у православных, наши информанты не вспоминали. Возможно, это связано с тем, что порядок обряда остался почти без изменений.

Пик популярности исполнения обрядов пришелся на 1988 г. — год 1000-летия крещения Руси. Вот как об этом вспоминает тюменский священник:

«И молодежь приходила, и крестились, и венчались, кому это надо. То есть, и взрослые венчались, то есть, поближе уже сюда, к нашим годам. Значит, отец Яков (Трофимюк Яков Федорович, в те годы настоятель Знаменского собора в Тюмени.— В.К.), покойничек, значит, у него было триста крещений. Это как раз был период тысячелетия крещения Руси...

То есть восемьдесят восьмой год?

...В один день триста крещений, а у меня, значит, была двадцать одна пара венчаний. В один день! Вот у нас семь пар было венцов, мы семь пар выставляли, потом эти кончались, следующие семь заходили, следующие семь заходили. Вот так вот я венчал» (В.Г., Тюмень, октябрь 2011).

Ялуторовский священник, будущий епископ Евтихий (Курочкин), массовые крещения оценивал неоднозначно: «Приезд нового архиепископа Феодосия³ совпал со всплеском религиозности среди народа — совершенно неожиданного, спонтанного. <...> Но тут начались перегибы и с церковной стороны. Новый архиерей стал устраивать крещение людей сотнями, совершенно без исповедания веры крещаемыми, богослужения на открытом воздухе, в присутствии множества посторонних людей. Трудно было молиться в такой обстановке популизма» [Евтихий, 2006, с. 85].

Согласно отчетам, в Тюмени в 1989 г. состоялось 5813 православных крещений, у баптистов — 3 крещения [ГБУТО ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 1961а, л. 76].

Наши собеседники упоминали о школьных проблемах религиозных детей. Этот сюжет распространен потому, что школьное детство некоторых из них приходилось на 80-е гг., а другие были родителями школьников. Вплоть до конца 80-х гг. в школах проводилась обязательная работа с верующими родителями. Но, как свидетельствуют отчеты, безуспешно: «по многодетным семьям Ивановых (ЕХБ) и Цубер (лютеране)⁴: проверены условия жизни детей, установлена связь со школами, проведены беседы с матерями. Бесполезно. Фанатики. Школам следует усилить работу с детьми (не путем голого отрицания, а путем вовлечения детей в школьную жизнь)» [Там же, д. 1686, л. 22]. В свою очередь, родителям приходилось отвечать за религиозные взгляды детей: «*Мои дети, которые уверовали, они еще школьниками были, они еще попадали под этот обстрел. И нас вызывали, и в школу вызывали, и по делам несовершеннолетних вызывали*». Этот пример интересен еще и тем, что у информантки-пятидесятницы был неверующий муж, защищавший убеждения жены: «*И когда его (мужа. — В.К.) вызывали в комиссию по делам несовершеннолетних, он говорил: “Вы мне скажите, что плохого в этом, что несет вот эта религия моим детям? Ничего плохого, только хорошее. Почему я должен*

³ Феодосий, с 1986 по 1990 г. архиеп. Омский и Тюменский, приехал в епархию в 1987 г.

⁴ Ошибка: семья Цубер была баптистской, входила в нерегистрированную общину СЦ ЕХБ.

запрещать?» Ему говорили: пусть тогда ваша жена ходит, а детей не трогает» (Г.Ш., Ялуторовск, сентябрь 2007).

В школьных стенах религиозному мировоззрению было не место. «В процессе внеклассовой и внешкольной работы на тематических вечерах, утренниках, сборах, беседах и т.д. учащиеся обучаются атеистическим знаниям, вырабатывают материалистические убеждения» [Там же, д. 1657, л. 110]. С детьми верующих учителя проводили беседы и составляли характеристики. Так, например, про детей пресвитера общины евангельских христиан-баптистов было написано: «замкнуты, школе не удастся привлечь их к общественной жизни школы, малоразвиты, учатся посредственно» [Там же, л. 5]. Вряд ли характеристика отражала действительную ситуацию. Одноклассник младшего сына пресвитера говорил, что «...его в школе как хулигана знают. Потом уже оказалось, что он хулиган-то не по своей воле. То есть, их дразнят — они начинают огрызаться, начинают... А Бог здоровьем-то не обидел, он одному шлепнет, другому шлепнет — его в детскую комнату милиции: ах ты, такой-сякой! Как потом-то выяснилось» (Е.К., Тюмень, октябрь 2011).

Что понимается под «привлечением к общественной жизни», в документах не поясняется. Верующие ученики не стремились (возможно, им не разрешали родители) участвовать в жизни школы. В официальных документах это выглядело таким образом: «В беседах с ребятами, Витя и Юра, ученики 6-го класса, рассказывают, что все баптисты — братья и сестра, в пионеры не вступают, так как это не положено. <...> Часто дети не посещают политинформации, классные часы. Отец это объясняет тем, что в классе ведется антирелигиозная пропаганда» [Там же, д. 1657, л. 28]. Тогда как сами верующие рассказывают об этом так: «Когда у меня были дети первые, пионеры подходили, я пришел и прямо сказал: “мы верующие, моих детей не касайтесь, если что-то, то со мной решайте”. И их не трогали» (Вл.Г., Тюмень, май 2008).

Некоторые из них не были пионерами и позднее отказывались вступать в комсомол. «Мои убеждения уже были твердые. Поняла, куда я иду, я поняла, что я хочу. И я сказала, что комсомолкой я точно не буду. Ну и коммунисткой, тем более» (Г.Г., Тюмень, июнь 2010).

Взгляд на религию в системе школьного образования в последнее советское десятилетие кардинально изменился. В первой половине верующим школьникам было сложно учиться. Они ощущали давление и несправедливость со стороны учителей: «В школе узнали о том, что я верующая, то, соответственно, мне по каким-то предметам стали оценки снижать. В аттестате мне вместо четверки по математике поставили тройку (это единственная тройка у меня в аттестате). Нам написали характеристику о том, что мы... как тогда говорили-то?... “морально неустойчивые”» (Г.Г., Тюмень, июнь 2010). Поэтому существует мнение, что в советские годы была негласная установка препятствовать получению образования верующими. «И потом я поняла, что верующим людям нельзя было иметь высшее образование, потому что искусственно делался образ вот этого вот темного человека» (И.Р., Тюмень, июнь 2010). Однако такая обстановка в школе, наоборот, отталкивала детей, заставляя их ценить благожелательные взаимоотношения внутри религиозной общины: «Это как-то против меня делали, то есть настраивали против меня ребят, нас сталкивали. Как-то это было все нечисто. Там подоврут, там подоврут. И я просто видела здесь (в церкви. — В.К.) искренность людей» (И.Р., Тюмень, июнь 2010).

В конце 80-х гг. учителя стали открыто интересоваться религией и не скрывали этого. Они приглашали религиозных лидеров в школу для общения с учениками «Она (классный руководитель. — В.К.) привела чувака. <...> Он порассказывал нам про христианство. Ну, это была не проповедь, это была, скорее, беседа, и потом через некоторое время Ч. предложила еще сходить в молитвенный дом, который на Демьяна Бедного» (М.А., Тюмень, сентябрь 2011).

Возможно, к такому поступку учителя подтолкнули встречи священников и студентов, проводившиеся в Тюменском университете. «Я ни за что не забуду одну из первых встреч со священнослужителями на биологическом факультете, которую проводил Замятин Николай Яковлевич, естественно. И там присутствовал священник русской православной церкви отец Валерий (Гордеев) <...> и Томайлы Иван Федорович, это пастор церкви христиан-адвентистов седьмого дня. И вот эта встреча была на биологическом факультете. Народу набилось!» (Н.И., Тюмень, сентябрь 2011).

Подобные встречи проводились и в других вузах области. «Были публичные встречи со студентами ТюмГУ и Ишимского пединститута. С ишимцами попытались создать что-то вроде постоянного семинара “Тема Библии в классической литературе”. Конечно, этой темы удер-

жаться мы не могли, а сразу вышли на современное положение. Однако этот семинар в пединституте запретили» [Евтихий, 2006, с. 87].

Не следует воспринимать верующих только как пассивных граждан, которые старались лишний раз не вступать в споры с государством и обществом. Даже в начале 80-х гг. были попытки высказаться в свою защиту. Например, пятидесятники из Петропавловска в ответ на газетную статью отказались участвовать в выборах: «*Приходят переписчики, я говорю: "Мы голосовать не будем". А в то время не голосовать невозможно было. Как? Почему? Я говорю: "Ну, вот такую клевету написали, и мы обращались к власти и они никаких мер не предпринимали, а зачем нам такая власть?" <...> Некоторые, может, голосовали, кого-то напугали, ну а мы — нет*» (Вл.Г., Тюмень, май 2008). После начала перестройки верующие стали смело защищать свои права. Так, в конце 80-х гг. «тобольский дьякон Сергей Бурдин дал интервью «Тюменскому комсомольцу», в котором без обиняков рассказал о вмешательстве государства в церковные дела и о том, что КГБ «фильтрует» церковное руководство». До этого интервью сам Евтихий, тогда еще ишимский священник, «составил список с нарушениями Конституции в антирелигиозной деятельности государства и письмо отвез лично в Москву в комитет по делам религии и атеизма при ЦК КПСС» [Евтихий, 2006, с. 86]. Однако официального ответа на свое обращение он не получил.

Последнее советское десятилетие было переломным в жизни страны, и это косвенно подтверждается в воспоминаниях верующих. В своих рассказах они сравнивают начало и конец периода, упоминая в качестве важной даты празднование 1000-летия крещения Руси, когда становится понятно, что религиозная жизнь уже не является маргинальной, запретной, гонимой. В конце 1980-х — начале 90-х гг. отмечается религиозное многообразие. «*Это был такой период времени, когда могли американцы приехать, на улице Республики открыть двери машин, раздавать литературу, что-то там танцевать, плясать, бегать. Тут же бегают параллельно из Белого братства, тут же где-то кришнаиты: "Харе Кришна!" Это вообще такой разношерстный, разноплановый момент был*» (Н.И., Тюмень, сентябрь, 2011). Поэтому в воспоминаниях много подробностей о начале 1990-х гг., тогда как 1980-м гг., к сожалению, уделяется меньше внимания.

Необходимо также остановиться на важности воспоминаний как источников для реконструкции каких-то событий. Мы должны учитывать, что воспоминание «хотя и подобно событию прошлого, но не идентично ему» [Вульф, 2010, с. 39]. Но если фактология может быть воссоздана по официальным данным, то почувствовать эпоху без воспоминаний очевидцев невозможно. Только через них можно воссоздать жизнь людей во всех подробностях. Именно эмоциональные описания позволяют почувствовать дух времени, и понять их поведенческие приоритеты и логику действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: Проблема регистрации // Российская история. 2008. № 4. С. 124–130.
- Белякова Н.А. Взаимоотношения между государственной властью и общинами ЕХБ в 1970–80-е гг.: Спор о границах легальности религиозной активности // 105 лет легализации русского баптизма. М.: Информ-Принт, 2011. С. 208–219.
- Белякова Н. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 284–314.
- Вульф К. Производство социального: Ритуал, эмоции, воспоминания // Журн. социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 23–49.
- Евтихий (И.Т. Курочкин). На стезе церковного служения // Коркина слобода. 2006. Вып. 8. С. 70–96.
- Кобзев А. Организация татарами-мусульманами новых религиозных объединений в 1980-х — начале 1990-х гг. // Власть. 2012. № 11. С. 126–129.
- Марин Е.Б. Политика российских партий и движений в вопросах религии и свободы совести: (Конец 1980 — середина 2000-х годов) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 84–89.
- Молодов О.Б. Власть и баптисты на Европейском Севере в 1960–1980-е годы // 105 лет легализации русского баптизма. М.: Информ-Принт, 2011. С. 219–222.

Религия в последнее советское десятилетие: воспоминания тюменских христиан о 1980-х гг.

Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: От конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 29–71.

Поплавский (Коробко) Р.О. Закрашивая «белые пятна» истории: Источниковедческий анализ документов 1970-х годов из архива тюменской Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» // Исторический Ежегодник-2010. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 17–26.

Поплавский Р.О. Церковные расколы в истории протестантских общин г. Тюмени (XX–XXI вв.) // Вестн. Кемеров. ун-та. 2011. № 4. С. 43–48.

Сеелев И.В. Развитие религиозных организаций в Среднем Поволжье в 1985–1991 гг. // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева: Науч.-теор. журн. Сер. Гуманитар. науки и образование. Вып. 8. Тольятти, 2011. С. 179–186.

Хвостова Г.И. Деятельность комиссий содействия исполкомам по соблюдению законодательства о культурах в Волгоградской области (1977–1990) // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 475–483.

Хвостова Г. Использование социалистической обрядности для преодоления религиозности населения // Неприкосновенный запас. 2010. № 5 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/hv10.html>.

Хвостова Г.И. Волгоградские баптисты в 1970–1980-е годы. Благая весть в изоляции // 105 лет легализации русского баптизма. М.: Информ-Принт, 2011. С. 223–227.

Список информантов:

В.Г., муж., православный, священник.

Вл.Г., муж., пятидесятник, епископ.

Г.Г., жен., баптистка, прихожанка.

М.А., муж., бывший православный, сейчас атеист.

Н.И., муж., бывший баптист, сейчас православный.

Е.К., муж., бывший баптист, сейчас «новый» пятидесятник.

Г.Ш., жен., пятидесятница, прихожанка.

Е.Ш., муж., пятидесятник, пастор.

И.Р., жен., баптистка, прихожанка.

Тюмень, ИПОС СО РАН,
vormpk@gmail.com

Article is devoted to the analysis of religious life in the 1980th. Memoirs of direct participants of events — believing different denominations were the main sources: Orthodox, Baptists and Pentecostals. These years became critical in country life that is indirectly reflected in memoirs of believers. The conclusion about importance of sources of a personal origin which supplement other data for receiving an objective picture of the past is drawn.

Memoirs, freedom of worship, religious community, religious practices, Christians, Baptists, Pentecostals, Orthodox.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ НА ЮГЕ СРЕДНЕРУССКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ В ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ (IX–X вв.)¹

Н.Е. Рябогина*, А.В. Борисов**, С.Н. Иванов*, О.Г. Занина**, Н.М. Савицкий***

Работа посвящена реконструкции палеоэкологических условий на границе Хазарского каганата и славянского мира в конце I тыс. н.э. Представлены новые материалы комплексных естественно-научных исследований одного из ключевых памятников салтово-маяцкой археологической культуры в восточно-европейской лесостепи — Маяцкого городища. Сопряженный анализ результатов почвенно-стратиграфических, палинологических, микробиоморфных и геохимических исследований отложений рва показал, что в период возникновения городища в первой трети IX в. природные условия были теплее и суше современных. Однако финал существования городища, совпадающий с упадком Хазарского каганата в середине X в., связан с лучшими условиями увлажнения и, возможно, похолоданием.

Климат, субатлантический период, палеоэкология хазарского времени, Маяцкое городище, стратиграфия рва, палинологический, микробиоморфный и геохимический анализ.

Введение

На настоящем этапе развития науки невозможно осмысление исторического процесса вне рассмотрения палеоэкологических условий его протекания. Информация о природных условиях существенно дополняет, а в ряде случаев открывает новые страницы в истории крупных социумов древности и средневековья. Особый интерес представляет реконструкция палеоэкологии тех исторических общностей, для которых уже есть достаточно надежные и точные абсолютные датировки. В конце I тыс. происходили крупные геополитические события, связанные с финальным этапом господства Хазарского каганата в степи и лесостепи Восточной Европы. Это время давно привлекает внимание историков и археологов, но до сих пор не имеет четкой палеоэкологической атрибуции. Естественно-научные исследования в привязке к конкретным памятникам Хазарии дают хорошие шансы реконструировать природный фон IX–X вв. н.э. с высоким разрешением и акцентом на известные исторические события. В качестве объекта выбран ключевой памятник салтово-маяцкой археологической культуры — Маяцкое городище.

Предварительный обзор данных о состоянии природной среды дал только общую информацию, так как специалисты естественно-научных дисциплин стремятся охватить максимально широкий временной интервал и восстановить в целом тренд развития природной среды в голоцене. Как правило, исследователи отмечают тенденцию к похолоданию и увеличению увлажнения климата для большей части субатлантического периода (SA), но предполагается, что климат в этот период был вполне сопоставим с современным. Подобные выводы не всегда приемлемы для археологии, так как в итоге исторические периоды оказываются необоснованно однородными в палеоэкологическом плане. Детализации природных условий субатлантического времени уделено недостаточно внимания, поэтому собранные данные разрознены и часто противоречивы.

Иллюстрируя общую картину климатических изменений на границе леса и степи Н.А. Хотинский выделил в конце SA-1 около 1600 л.н. этап сокращения нормы осадков при температурном режиме, близком к современному. Однако в дальнейшем он отмечал синхронное возрастание среднегодовых температур и осадков около 1000–1100 л.н., которое сменилось аридизацией и похолоданием в конце SA-2 и продолжалось практически весь поздний субатлантический период [Хотинский, 1986].

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ грант 11-06-12016-офи-м-2011 «Ирано-тюркский condominium в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I-го тысячелетия и фактор византийско-хазарского противостояния руссам».

Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)

В эпоху средневековья выделяется средневековый климатический оптимум (время викингов, около IX–XIII вв.) и малый ледниковый период (с XIV по XIX в. с максимумом в XVII в.), природные условия которых изучены более детально. Рост атмосферной увлажненности в Европе во время малого климатического оптимума, согласно физической модели климата, начался с VIII в. и продолжался до X–XII вв. н.э. [Полтараус, Кислов, 1986], а согласно исследованиям хроник и летописей, этот период продлился до XIII в. [Борисенков, Пасецкий, 1983, 1988]. Однако проявление и интенсивность этих климатических фаз было неравномерным в разных регионах. Так, во время викингов на севере Европы температуры зимнего и летнего периодов были на два градуса выше современных. В то же время на юге Европы, например на Украине, их положительные отличия от современных не превышали 0,5 °С. Осадков было больше, чем в настоящее время, на северо-западе — на 75 мм/год, на юго-востоке — на 25–50 мм/год. Но уже южнее 52–52° с.ш. различия в климате не фиксируются. А в Волго-Донском регионе период малого климатического оптимума характеризуется как довольно аридный [Климанов, 1990; Климанов и др., 1995].

В евразийских степях, по имеющимся естественно-научным и историческим данным, выделяются аридный (V–XI вв. н.э.) и гумидный (XII–XIV вв. н.э.) климатические периоды. Однако во многом это подразделение основано на изучении северных лесных областей Среднерусской возвышенности, для которых развитие климатической ситуации реконструировано более полно [Сычева, Чичагова, 1999; Климанов, 1990; Климанов, Никифорова, 1982; Климанов, Елина, 1984; Климанов и др., 1995; Попова, 1999]. Сведений о климатической ситуации в эпоху раннего средневековья в сухо- и пустынно-степной зонах довольно мало и они неоднозначны. Отмечено, что почвы, погребенные под курганами раннего средневековья на территории Приволжской возвышенности, были в целом близки к современным [Демкин, 1992, с. 275]. В другом случае в погребенных почвах этого времени зафиксированы признаки более аридных условий почвообразования [Борисов и др., 2006, с. 421]. Аридные условия почвообразования, схожие с современными, были характерны для всего Нижнего Поволжья в раннем средневековье (VIII–IX вв.) [Якимов и др., 2007, с. 195].

Обобщая палеопочвенные данные для лесостепной зоны Русской равнины, А.Л. Александровский [Александровский, Александровская, 2005, с. 187] констатирует увлажнение климата 1800–1200 л.н. и наступление леса на степь, последовавший малый климатический оптимум 1200–800 л.н. сопровождался аридизацией климата, проградацией почв лесостепи.

Палинологические данные также не позволяют обрисовать однозначную палеоэкологическую картину в лесостепной и степной зонах центра Восточно-Европейской равнины. Так, в бассейне Дона на протяжении I тыс. н.э. реконструируется довольно монотонная природная обстановка, незначительно отличающаяся от современной [Спиридонова, 1991; Кременецкий, 1991]. Аналогично охарактеризован весь субатлантический период в бассейне Нижнего Дона: основной его чертой было восстановление в ландшафте позиций байрачных и пойменных дубовых лесов, а также березово-сосновых перелесков на фоне климатических условий, близких современным [Борисова, 2013]. В низовьях Волги, напротив, выделяется фаза похолодания и аридизации климата около 1500–900 л.н., разделенная фазой некоторого потепления и увлажнения между 1300 и 1100 л.н. [Болиховская, 1990]. На юге Приволжской возвышенности в конце SA-1 (IX–XIII вв.) значительно сокращаются площади широколиственных лесов и увеличивается доля типчаковых и полынно-злаковых степей, возможно частично за счет антропогенного влияния [Благовещенская, 2009]. Западнее, на территории Северско-Донецкого региона, после продолжительной холодной фазы зафиксировано потепление в середине VIII в., сменившееся незначительным похолоданием и ростом атмосферной увлажненности в начале XII в. [Безусько, Климанов, 1987].

Что касается палеоклиматических реконструкций на основе изучения собственно памятников салтово-маяцкой культуры, то здесь литературных сведений еще меньше. В частности, В.В. Колода и С.А. Горбаненко, опираясь на палеопочвенные данные, указывают, что в период возникновения городища Мохнач (Харьковская обл., VIII–X вв.) окружающая территория в бассейне Северного Донца была покрыта лесом, даже в более значительной степени, чем в скифское время [Свистун, Чендев, 2003, с. 130]. Преобладание лесов в VIII–X вв. реконструировано на Северском Донце в районе Верхнесалтовского городища [Голеусов и др., 2002]. В этот же период отмечается экспансия лесов и непрерывный почвообразовательный процесс в балках [Сычева, Чичагова, 1999, с. 112]. Пограничное положение в тот период занимало Донецкое горо-

дище роменской культуры VII–X вв. (Харьковская обл.) — восточнее его преобладали степные ландшафты, с запада подходил лес [Колода и др., 2004, с. 166]. В то же время погребенные под курганом роменской культуры палеопочвы формировались в относительно теплых климатических условиях по сравнению с современными [Чендев, 2008, с. 62], а палеочернозем, погребенный под каменным развалом стен Колтуновского городища на р. Тихой Сосне, отличался от современного меньшей мощностью, окисленностью и другими признаками более засушливых условий почвообразования [Чендев, Сарапулкин, 2008, с. 141–142; Чендев, 2010].

Таким образом, эпоха раннего средневековья в лесостепной и степной зонах протекала в условиях неоднократных и частых смен температурного режима и увлажненности, так называемых микроплювиалов и микроаридов, характерных для субатлантического периода. В этой связи особенно важным представляется выбор носителя палеоэкологической информации.

Объекты исследований

В нашем исследовании в качестве носителя информации о природных условиях времени салтово-маяцкой культуры были выбраны отложения рва Маяцкого городища. Памятник расположен у с. Дивногорье Воронежской области при впадении р. Тихой Сосны в Дон (рис. 1, 1, 2).

Городище приурочено к северо-западной границе территории Хазарского каганата. Здесь в долине р. Тихой Сосны в первой трети IX в. возникает несколько крупных крепостей, которые резко отличались от всех фортификационных сооружений, существовавших ранее в бассейне Дона. Эти объекты долгое время вызывали неизменный интерес исследователей и многочисленные попытки объяснить этот исторический феномен [Афанасьев, 2012]. Для этих крепостей характерны строгие геометрические формы и нетрадиционный для данных мест выбор строительного материала — обработанных каменных блоков, сырцового и обожженного кирпича.

Возведение крепостных стен такой формы, отсутствие заглубленного фундамента, использование деревянных лежней соответствует римско-византийской традиции организации обороны, а внешние размеры памятников, толщина стен, параметрические характеристики блоков и кирпичей — византийской системе линейных мер. Известно как минимум шесть памятников этого типа, приуроченных к стыку славянских, угорских земель и территории Хазарского каганата. Нести службу в этих крепостях предстояло конфедератам Хазарского каганата — аланам Северного Кавказа; антропологический материал с поселений, прилегающих к крепостям, свидетельствует о преобладании аланских этнических групп с единичными включениями хазар [Афанасьев и др., 2012].

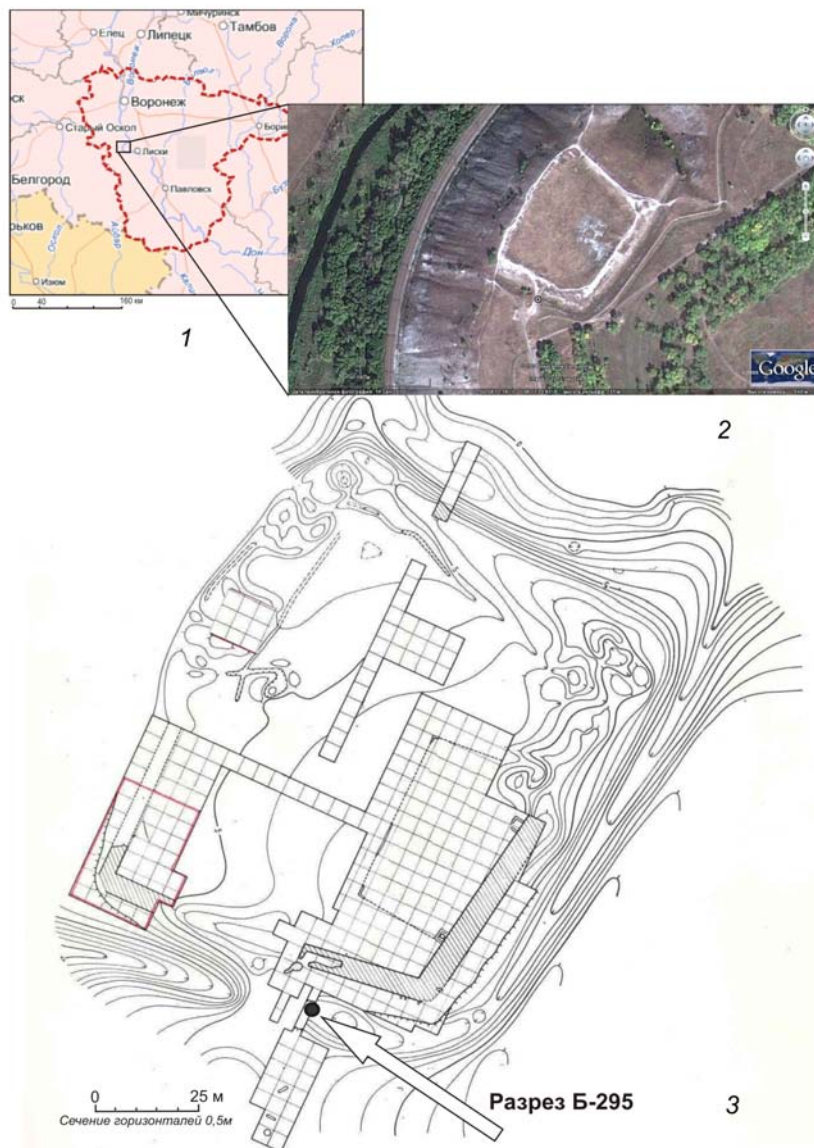
На основании анализа археологического материала высказано предположение, что создание в первой трети IX в. оборонительной линии вдоль Тихой Сосны осуществлялось византийскими архитекторами по распоряжению императора по заказу центральной власти Хазарского каганата и явились результатом сложных взаимоотношений между каганатом, Византией, Русью и арабским халифатом [Афанасьев и др., 2012]. Маяцкое и всю линию городищ с практически однотипными крепостями рассматривают и как линию обороны от нападения со стороны славянского мира [Афанасьев, 1987], и в качестве опорных пунктов на границе, места сбора дани, которые также выполняли функции стоянок торговых караванов [Плетнева, 1999].

В настоящее время нет однозначных сведений о палеоэкологическом фоне описываемых событий, поэтому целью данной работы является реконструкция природных условий возникновения и функционирования этого во многом загадочного исторического образования.

Почвенно-грунтовые отложения рва Маяцкого городища выбраны в качестве объекта для реконструкции палеоэкологических условий неслучайно. Заполнение рвов обладает рядом важных преимуществ: ров создается одновременно с возведением стен и началом функционирования поселения, следовательно, отложения на его дне будут синхронны времени основания поселения. Финал существования поселения, как правило, маркируется слоем развала стен, так как с момента запустения резко активизируется процесс разрушения последних. В этой связи предполагается, что в отложениях рва между дном и слоем разрушения стен будет находиться стратифицированная почвенно-грунтовая толща, хронологически соответствующая времени существования поселения. С учетом того, что для крупных средневековых городищ время возникновения и разрушения известно, полученная колонка будет весьма точно и детально раскрывать динамику палеоэкологических условий периода существования памятника. Исследование отложений рвов с помощью методов почвоведения, палинологии, геохимии, а также микробиоморфного анализа дает возможность получить целостное представление о

Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)

климате региона, характере растительности, а также об особенностях хозяйственной деятельности населения на протяжении узкого хроноинтервала.

Рис. 1. Расположение Маяцкого городища (1), космоснимок памятника (2), общая схема раскопов 1975–1982 гг. (3). Место заложения разреза рва Б-295 показано стрелкой

В физико-географическом плане район исследования располагается на границе Среднерусской провинции типичной лесостепи и Окско-Донской провинции и включает ландшафты лесостепной зоны и ее южно-лесостепной подзоны [Эколого-географические районы..., 1996]. Почвообразующие породы представлены мелоподобными известняками верхнемелового периода. В почвенном покрове широко распространены обыкновенные черноземы различной степени эродированности и дерново-карбонатные почвы. Растительный покров целинных участков представлен разнотравно-типчакково-ковыльными ассоциациями с отдельными массивами нагорных дубрав.

Во время полевого сезона 2011 г. был заложен разрез (Б-295) в заполнении рва Маяцкого городища (рис. 1, 3). Разрез был приурочен к раскопу 1977 г. и оказался полностью вписан в его заполнение, а фронтальная стенка разреза располагалась на границе ненарушенного заполнения рва и заполнения раскопа. По фронтальной стенке была проведена зачистка заполнения

рва на глубину 30–40 см. Таким образом, удалось практически полностью избежать нарушения культурного слоя памятника, входящего в Дивногорский природный историко-археологический заповедник.

Методы исследований

Спорово-пыльцевой анализ. Химическая обработка образцов проведена по стандартной сепарационной методике Гричука с последующим ацетализмом, для нижних образцов (№ 1–4) была повторно выполнена химическая обработка по методике Фаегри — Иверсена. Для определения концентрации пыльцы и спор, а также расчета скорости аккумуляции осадка использовали таблетки с калиброванными маркерами (*Lycopodium clavatum*). Определение и подсчет палиноморф проводили на препаратах с глицерином при увеличении в 400 и 1000 раз.

Микробиоморфный анализ. Образец грунта массой 30 г, взятый методом квартования, кипятили в 10 % HCl, освобождали от ила отмучиванием и затем обогащали в тяжелой жидкости. Просмотр препаратов, определение и подсчет микробиоморф (фитолиты, кутикулярные слепки, споры, пыльца, спикулы губок, панцири диатомовых водорослей и т.д.) проводили на препаратах с глицерином на микроскопе Carl Zeiss при увеличении в 100, 400 раз с применением фазового контраста.

Геохимические анализы. В образцах определяли валовое содержание ряда химических элементов с помощью рентген-флуоресцентного анализатора МАКС-GV. На основании полученных данных рассчитаны геохимические коэффициенты выветривания, биологической активности и однородности слагающего материала [Бушинский, 1963; Nesbitt, Yong, 1982; Vlag et al., 2004; Retallack, 2001, 2003].

Стратиграфия заполнения рва. Глубина разреза составила 250 см. Морфолого-генетическое строение профиля заполнения рва в месте заложения разреза имеет следующий вид (описание слоев снизу вверх, за условный нуль принята поверхность современной почвы) (рис. 2).

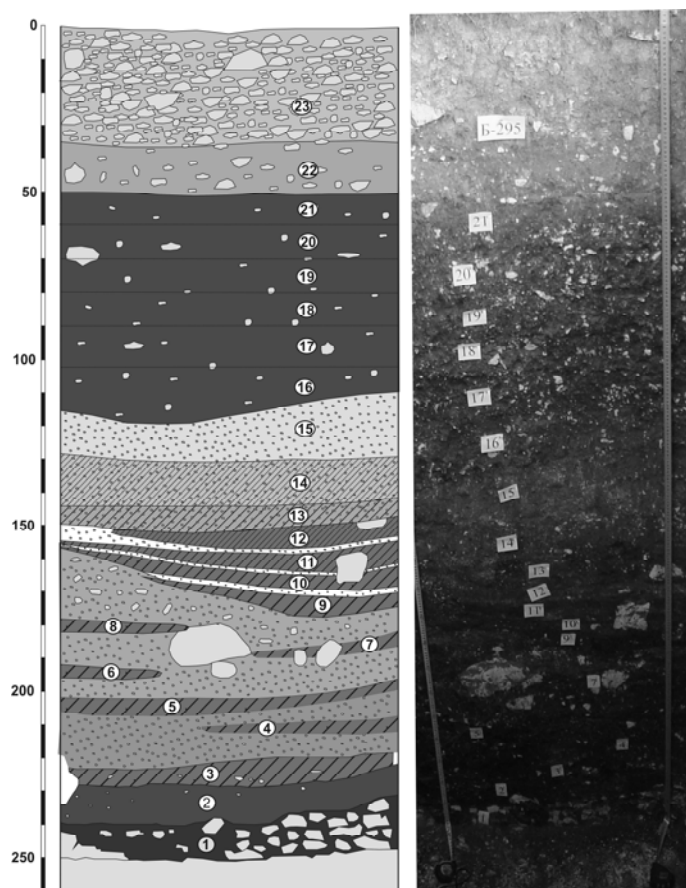

Рис. 2. Стратиграфия отложений рва Маяцкого городища (разрез Б-295)

Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)

В нижней части заполнения рва выделяется слой, в котором преобладают крупные фрагменты мела размером до 10–15 см, представляющие собой остатки строительных блоков, из которых были сооружены стены (слой строительного мусора). Пространство между камнями заполнено темноцветной легкосуглинистой почвой. Этот слой соответствует первому этапу функционирования укрепления.

Выше залегает две почвы (слои 2 и 3), сформировавшиеся в условиях теплого и сухого климата с очень незначительной скоростью эрозионных процессов.

Поверх слоя 3 залегает мощная толща наноса эрозионно-солифлюкционной природы. Материал представлен слабо переработанной почвообразованием смесью гумусированного суглинка эрозионной природы и фрагментами мела разного размера. Во время формирования этого слоя интенсивность поступления материала была достаточно высокой, и поступающий материал не успевал перерабатываться почвообразованием. За время формирования этого слоя имело место несколько периодов стабилизации природных условий, во время которых формировались почвенные прослойки на глубине 208–212 см (слой 4) и 202–207 см (слой 5).

Поверх слоя 5 залегает еще один слой эрозионно-солифлюкционного наноса, в котором выделяются тонкие прослойки слабовыраженных первичных почв 6, 7 и 8. Материал слабо отсортирован, встречаются камни размером до 30 см и обильно фрагменты мела до 5–10 см. По всей видимости, именно в этот период началось разрушение стен городища. Если предполагать, что активное разрушение стен происходит после того, как жители городища покидают его, можно считать, что именно в этот период Маяцкое городище опустело. Вышележащие прослойки почв (слои 9–12) связаны с некоторым ослаблением эрозионно-солифлюкционных процессов и этапами почвообразования на фоне довольно благоприятных условий.

Формирование мощной толщи мелового щебня (слои 13–15) следует связывать, вероятнее всего, с более поздними периодами похолодания и увлажнения, возможно с малым ледниковым периодом. Начиная со слоя 13 резко возрастает встречаемость фрагментов мела разного размера, что указывает на усиление физического выветривания и разрушения остатков стен городища. Так, слой 15 сложен практически одним меловым делювием, почвообразование в этот период было весьма замедленно. Степень проработанности почвообразованием заметно снижается, материал менее отсортирован. В вышележащих слоях наблюдается дальнейшее уменьшение проработанности материала почвообразованием и возрастание интенсивности физического выветривания.

Выше слоя 15 залегает мощная толща недифференцированного на генетические горизонты материала, глубоко и равномерно проработанного почвообразованием. Границы между слоями на рисунке имеют условный характер. На фоне этих слоев резко выделяется слой 22, представленный преимущественно крупными обломками меловых блоков. Предположительно этот слой мог сформироваться при разборе стен городища на строительные материалы в новое и новейшее время.

С поверхности залегает слабо задернованный слой заполнения раскопа 1977 г., перекрывающий прилегающий к раскопу участок почвы. Таким образом, в период функционирования городища сформировались слои с первого по пятый (рис. 2).

Результаты палинологического анализа

Во всех исследованных пробах преобладает пыльца травянистых растений (NAP от 65 до 94 %) (рис. 3), что свидетельствует о формировании отложений рва в окружении открытых ландшафтов. Исключением является только образец поверхностной пробы, в котором встречено около 46 % пыльцы деревьев (AP), в основном сосны (41 %), продуцируемой в настоящее время участками сосновых лесов и насаждений. Сохранность пыльцы и спор неудовлетворительная, концентрация микрофоссилий меняется в широких пределах. При ее минимальных значениях осадки накапливались достаточно быстро или сформированы с большим участием минерального материала в осенне-весенний сезон. Увеличение концентрации палиноморф ассоциируется с более длительным и медленным периодом накопления прослоек при меньших объемах поступления минерального материала (здернованная поверхность вала).

Из отложений на дне рва (слой 1) выделен спектр, преимущественно содержащий пыльцу трав (65 %), в основном цикориевых, полыней и астровых, при значительном участии лугового разнотравья — представителей семейств бобовых, лютиковых, гвоздичных, гречишных, зонтичных и крестоцветных. Среди идентифицированных таксонов обилен типичный сорняк суходоль-

ных пастбищ — чертополох (*Carduus*), реже отмечаются сорняки рудеральной группы бодяк (*Cirsium*), крапива (*Urtica*) и лебеда; единично — дудник (*Angelica*). Примечательно, что пыльца злаков и маревых встречается редко, а представители типичной степной растительности (мордовник *Echinops*) единичны, что указывает на приуроченность местности к полосе разнотравных степей с участием полыни на сухих водоразделах, без признаков засоления. Среди пыльцы злаков около половины (1,6 %) принадлежит культурным формам (Cereale), сохранность не позволяет определить их точнее, однако это не пшеница. Доля пыльцы деревьев и кустарников составила 19 %, основным доминантом является пыльца березы (14 %) при единичном участии ольхи, лещины, сосны, дуба липы и вяза. Вероятно, классические дубравы во время формирования отложений около городища отсутствовали, возможно, в связи с вырубками их место заняли березняки с участием широколиственных пород. Примесь сосны маловероятна, ее пыльца скорее всего занесена ветром. Участие споровых растений, представленных зелеными мхами (15 %), вероятно, связано с локальным переувлажнением рва и не характеризует особенности растительного покрова в целом.

Отложения слоя 2 содержат спорово-пыльцевой спектр, в наибольшей мере соответствующий времени функционирования городища. По соотношению основных компонентов он очень похож на слой 1, но при значительно большей общей концентрации всех групп пыльцы и спор, что согласуется с почвенно-стратиграфическими выводами и указывает на длительное постепенное накопление осадка. В палиноспектре доминирует пыльца трав (76 %), это в основном представители цикориевых, нескольких видов полыней и астровых при значительном участии лугового разнотравья (бобовые, лютиковые и пр.). Пыльцы растений, свидетельствующих об обводнении рва (околоводные, погруженоводные) не обнаружено. Доля пыльцы деревьев и кустарников составила около 10 %, основным доминантом является пыльца березы (7 %) при единичном участии ольхи и вяза. В этом слое не встречено пыльцы дуба и липы. Вероятно, рядом с городищем дубравы отсутствовали. Предположительно леса были сведены еще до строительства городища, а их место заняли вторичные березняки. Климатические условия были существенно теплее и суше, чем сейчас на этой территории: об этом говорит и почти полное отсутствие пыльцы сосны, в изобилии встречающейся в поверхностном спектре, и большее участие ксерофитных полынных группировок в составе слоя 2.

Кроме пыльцы, характеризующей особенности фоновых природных условий, отмечено участие пыльцы антропогенных индикаторов: встречается типичный сорняк суходольных пастбищ — чертополох (*Carduus*), иногда подорожник (*Plantago*); в числе сорняков рудеральной группы только лебеда и марь, всплеск обилия пыльцы цикориевых также отчасти связан с сорным произрастанием некоторых видов этого подсемейства. Обнаружено несколько пыльцевых зерен, принадлежащих культурным злакам. Определенный интерес представляет микровключение, идентифицированное как личинка стронгелят² (паразита лошадей, КРС и МРС).

Отличает спектр из слоя 3 значительное сокращение доли пыльцы полыни на фоне небольшого увеличения доли пыльцы березы, появления примеси лещины, сосны, дуба, липы, вяза и даже пихты. Основой состава лугово-степных участков были разнообразные представители семейства астровых и цикориевых при участии бобовых и злаковых. Сохранилось участие рудеральных сорняков (крапива и бодяк), часто расселяющихся в местах нарушения почвенного покрова и земляных работ, а чертополох почти исчезает — возможно, на фоне мезофитизации травянистого покрова или при сокращении выпаса. В целом этот палиноспектр указывает на намечившееся улучшение условий увлажнения.

Эта тенденция сохраняется и позднее — во время формирования осадков слоев 4–6, в которых очень мало пыльцы полыни, нет представителей маревых, однако появляются споры папоротников и сфагновых мхов. В составе пыльцы древесных пород чаще отмечается ольха, лещина, но нет липы. В слое 5, несмотря на большую мощность, концентрация пыльцы очень низкая: он сформировался быстро и при значительном поступлении минерального материала. Вероятно, эрозионно-солифлюкционная толща наносов, в которой и были выделены эти прослойки, формировалась в едином климатическом интервале, характеризующемся увеличением увлажнения при прежней теплообеспеченности.

Таким образом, результаты палинологического анализа заполнения рва свидетельствуют, что во время возникновения укрепленного Маяцкого городища в регионе климатические усло-

² Палеопаразитологический анализ проведен канд. биол. наук А.Н. Сибен (ВНИИВЭА СО Россельхозакадемии).

Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)

вия были существенно теплее и суше, чем современные. Их нельзя отнести к экстремально аридным, периодически имели место кратковременные колебания увлажненности сезонной продолжительности или в течение нескольких лет. В начале функционирования городища зональная растительность соответствовала южной лесостепной с разнотравными лугами и небольшими участками березово-дубовых лесов. Широкое распространение получили полыни и другие представители засухоустойчивой флоры. Вероятно, значительная часть дубовых и липовых лесов была сведена еще до строительства городища, на их месте появились вторичные березняки. Сокращение площади дубовых лесов, связанное с активным строительством, по всей видимости, продолжалось и позже.

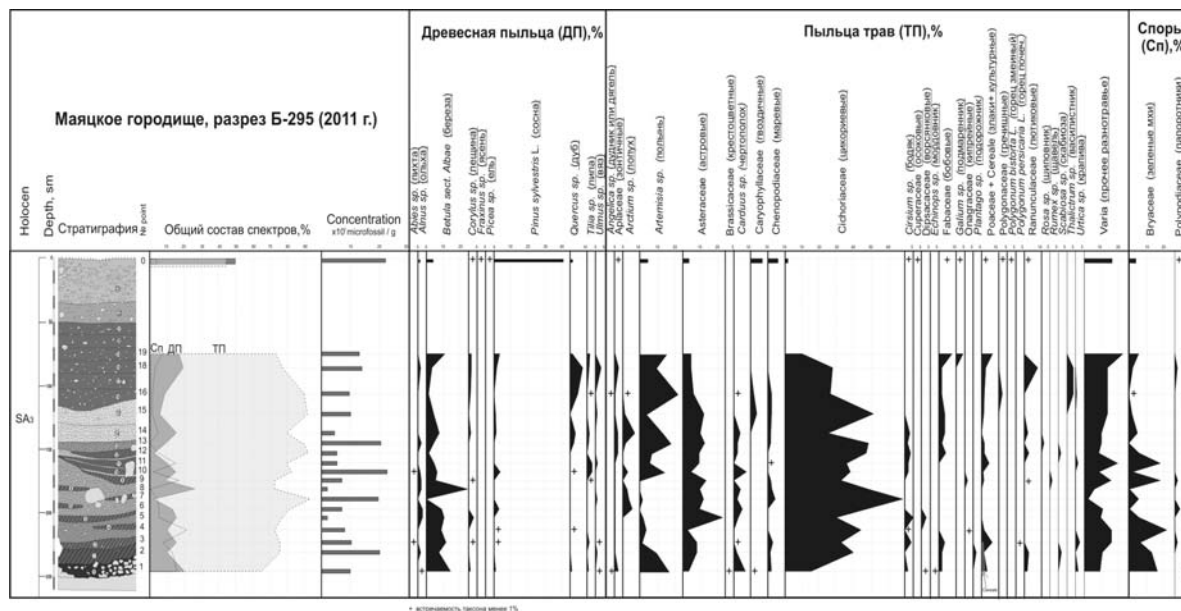

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений рва Маяцкого городища (разрез Б-295)

Однако период сухого и жаркого климата не был продолжительным, и по отложениям следующего этапа (слой 3–4) отмечается начало оптимизации природных условий ввиду улучшения увлажнения. Показательно увеличение площади березовых лесов с участием широколиственных и хвойных пород на фоне сокращения участия полыни в луговых сообществах. Таким образом, в финале существования городища климатические условия отличались заметным повышением атмосферной увлажненности, что и привело к резкой активизации эрозионных процессов. Пыльцевые данные указывают на начавшийся процесс мезофитизации травянистого покрова, а скачкообразные колебания концентрации пыльцы отражают увеличение поверхностного стока с задернованной поверхности вала.

Антропогенное влияние на экосистему региона во время существования в Подонье салтовомаяцкой культуры нельзя назвать чрезмерным, что, очевидно, связано с малочисленностью населения в этот период. Влияние человека на растительный покров проявилось в вырубке широколиственных пород леса и умеренной пастбищной нагрузке, не приводящей к перевыпасу и депрессии лугов. Интересно, что в нижней части заполнения рва обнаружена личинка круглых червей, паразитирующих на овцах, крупном рогатом скоте и лошадях. Во всех палиноспектрах, связанных с существованием городища, обнаружена пыльца типичных пастбищных и пионерно-мусорных сорняков. В нижних слоях заполнения рвов городищ установлено единичное присутствие пыльцы культурных злаков, что указывает на существование земледелия в хозяйстве местного населения. Однако возделываемые поля, вероятно, находились в отдалении от городища, так как подобной пыльцы встречается крайне мало и нет сорняков сегетальной (пашенной) группы.

Результаты микробиоморфного анализа

Данные анализа микропалеофоссилий (рис. 4) позволяют выстроить следующий эволюционный ряд развития фитоценозов в окрестностях разреза. На первом этапе функционирования городища растительность была очень угнетена вследствие нарушения почвы и постоянного

привноса материала. Поверхность рва определенно не обрабатывалась водой, илом, глиной и не была затоплена.

На следующем этапе (слой 2) выделен фитолитный спектр, соответствующий верхним горизонтам хорошо развитой гумусированной почвы и лугово-степной растительности. Поверхность задерновалась, осадок поступал постепенно, вся толща успевала прорабатываться процессами почвообразования. Этап накопления слоя 3 характеризуется нарушением почвенного покрова и/или запустением территории.

Микробиоморфный спектр слоя 4 отражает развитие высокорослой луговой растительности с небольшим участием степной флоры. Это соответствует этапу «расцвета» лугов и улучшения условий увлажнения, косвенно подтверждает это также максимум раковинных амеб, отмеченный в этом же слое. Доминирование луговой растительности продолжается и в слоях 5–6, несмотря на признаки локальных пожаров. Позднее зарастание рва продолжалось на фоне аридизации климата. Выявленные выше изменения состава фитолитных спектров обусловлены преимущественно привносом материала от разрушающихся стен и его трансформацией, а не флуктуациями климата.

Губки отмечены только в нижних слоях, распределены по профилю неравномерно, достигая наибольших значений в слое 13. Многие губки имеют центральный канал, заполненный илом, что говорит о переотложении с солифлюкционными потоками. Это позволяет предположить, что имело место не только периодическое переувлажнение поверхности, но и переотложение с водными потоками. Этот вывод хорошо согласуется с почвенно-стратиграфическими данными об увеличении поступления эрозионного материала при значительном увеличении увлажнения в слое 13.

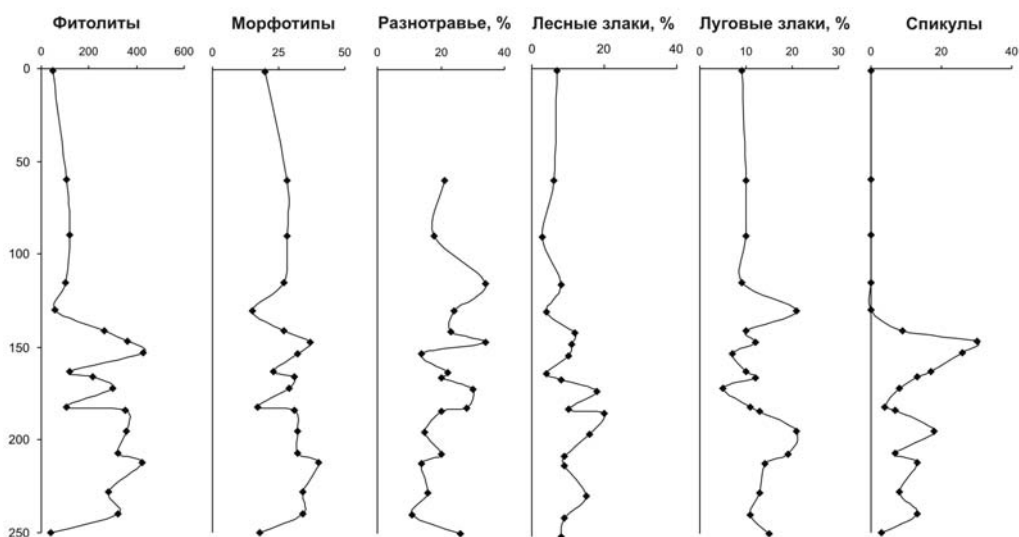

Рис. 4. Профильное распределение микробиоморф в заполнении рва Маяцкого городища (разрез Б-295)

Во всех образцах встречено значительное количество углей, что позволяет предположить эпизодические палы растительности на исследуемой территории. Антропогенная нагрузка и хозяйственное использование территории с помощью микробиоморфного метода не выявлены.

Результаты геохимического анализа

На основе содержания макро- и микроэлементов рассчитаны следующие геохимические коэффициенты (рис. 5), отражающие определенные почвенные процессы:

— $(Al_2O_3 / (Al_2O_3 + CaO + Na_2O + K_2O)) \cdot 100$ — коэффициент CIA — отражает соотношение первичных и вторичных минералов и является одним из показателей динамики климата. Увеличение значений этого коэффициента указывает на возрастание активности почвообразования и, следовательно, на оптимизацию природных условий;

— TiO_2 / Al_2O_3 — коэффициент однородности. Позволяет оценить степень однородности слагающего материала и выявить периоды поступления постороннего грунта с иными характе-

Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)

ристиками. Резкое варьирование этого показателя может указывать на периоды возрастания эрозионной активности и привноса эрозионного материала;

— $Al_2O_3/(CaO + Na_2O + K_2O + MgO)$ — коэффициент выветривания. Позволяет судить об интенсивности выветривания почвенно-грунтового материала в различные периоды. Возрастание значений коэффициента выветривания может свидетельствовать об усилении континентальности климата, возрастании значений экстремальных температур;

— Ba/Sr — коэффициент выщелачивания. Позволяет устанавливать интенсивность процессов выщелачивания в почве. Возрастание значений этого показателя может свидетельствовать об увеличении промывания почвенно-грунтовой толщи или об уменьшении скорости формирования слоя;

— $(CaO + MgO)/Al_2O_3$ — коэффициент окарбонирования. Позволяет судить о поступлении и выносе из почвы карбонатов, что, в свою очередь, связано с особенностями промачивания почвы и нормой осадков.

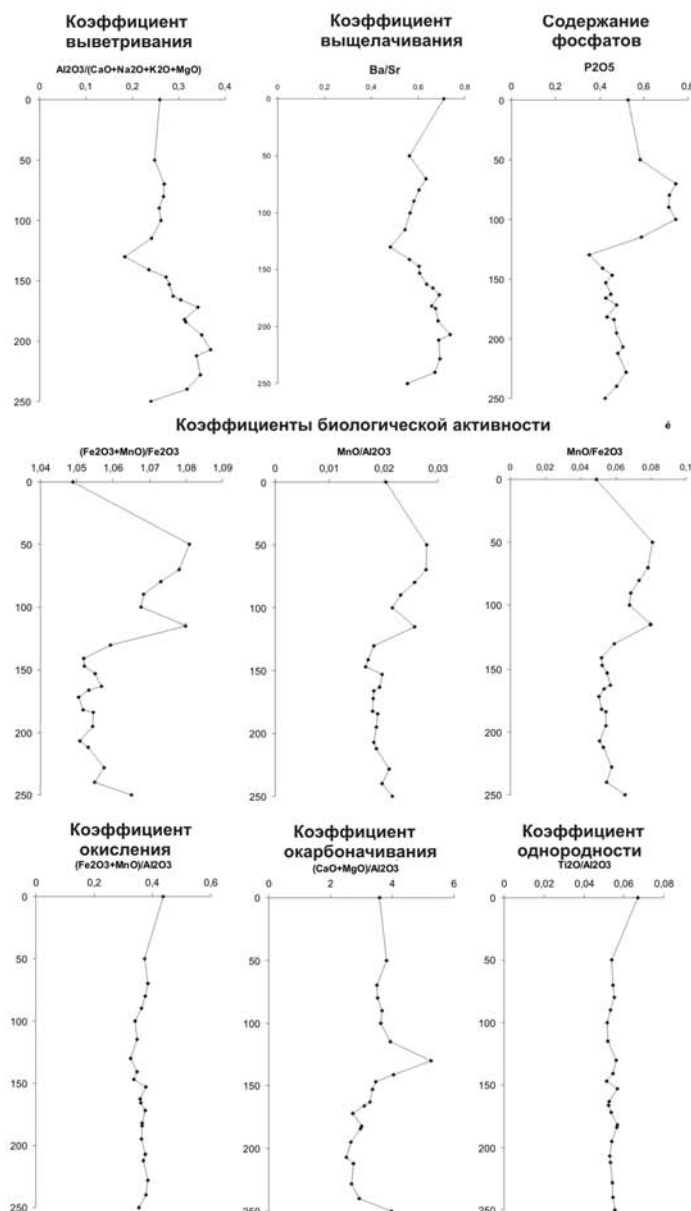

Рис. 5. Профильные изменения некоторых геохимических коэффициентов в заполнении рва Маяцкого городища (разрез Б-295)

— $(\text{Fe}_2\text{O}_3 + \text{MnO})/\text{Al}_2\text{O}_3$ — коэффициент окисления. Позволяет судить о развитии окислительно-восстановительных процессов в почве;

— $\text{MnO}/\text{Al}_2\text{O}_3$, $\text{MnO}/\text{Fe}_2\text{O}_3$, $(\text{Fe}_2\text{O}_3 + \text{MnO})/\text{Fe}_2\text{O}_3$ — коэффициенты биологической активности. Отражают интенсивность преобразования минеральной части почвы в результате биологических процессов. Наибольших значений этот показатель достигает в зрелых почвах и уменьшается по мере возрастания поступления материала литогенной природы.

Кроме того, результаты микроэлементного анализа позволяют оценить накопление в почве отдельных элементов биогенной или техногенной природы.

Содержание фосфатов — универсальный показатель, отражающий интенсивность антропогенного воздействия на почвы. В разрезе Б-295 их содержание изменяется незначительно (рис. 6). В нижних горизонтах погребенной почвы содержание фосфатов составляет 0,4–0,5 %, что соответствует фоновым значениям. Это означает, что дополнительного поступления органики в ров не происходило. Некоторое увеличение содержания фосфатов отмечено лишь в слоях 16–20, но связано уже с современными почвенными процессами.

Можно уверенно говорить, что степень антропогенного влияния на почвы рва во время существования городища была незначительной и его функционирование не оказывало заметного прессинга на прилегающую территорию.

Коэффициент выветривания свидетельствует о резком увеличении поступлении выветрелого материала после формирования слоя 12 с максимумом в слоях 14 и 15, т.е. после того, как городище опустело. В этот же период резко падает коэффициент выщелачивания, что связано прежде всего с резким увеличением скорости накопления минерального материала.

Максимальные значения коэффициента окисления характерны для слоя 15. В этот период скорость поступления в ров мелового делювия была максимальной.

Коэффициенты биологической активности отражают наиболее благоприятные условия для почвообразования, имевшие место при формировании слоев 1 и 2, синхронном времени существования городища. На протяжении последующего периода отмечается снижение значений коэффициентов биологической активности и некоторое их возрастание лишь в слое 16. Этот слой, вероятно, сформировался при довольно теплом климате с несколько меньшей по сравнению с предшествующим периодом нормой осадков, что создало благоприятные условия для развития почвообразовательного процесса.

В целом результаты геохимических анализов подтверждают выводы, полученные ранее с помощью морфологических наблюдений и спорово-пыльцевого и биоморфного анализа.

Заключение

На основе результатов исследований можно заключить, что в период возникновения Маяцкого городища природные условия были более теплыми и сухими, чем в настоящее время. Полученные данные указывают на приуроченность местности в первой трети IX в. к полосе луговых степей, а не южных лесостепей, как в настоящее время. Судя по активности поступления эрозионного материала в ров и постепенному расширению площади лесов, период функционирования памятника совпал с поэтапной оптимизацией природных условий. В итоге в финале существования Маяцкого городища в середине X в. отмечается улучшение увлажненности, возможно как ввиду увеличения нормы осадков, так и на фоне похолодания и уменьшения коэффициента увлажнения. Примечательно, что именно во второй половине X — начале XI в. дербентская регрессия Каспия (с V до XII в.) прерывалась кратковременным подъемом уровня воды из-за увеличившегося стока [Варушенко и др., 1980]. Сложно сказать, сыграл ли этот климатический импульс определенную роль в прекращении использования городища, но, безусловно, такие изменения климатических условий не могли не сказаться на хозяйственной деятельности населения.

Не получено данных, свидетельствующих о поступлении в ров бытового мусора, навоза, иных органических и минеральных субстратов, связанных с бытовой и производственной деятельностью человека. Кроме того, на территории, прилегающей ко рву, не было культурного слоя, материал которого мог бы поступать в ров. По всей видимости, назначение городища не было связано с активной хозяйственной деятельностью внутри его и в непосредственной близости от стен и исключало постоянное обитание большого числа жителей.

Антропогенная нагрузка на прилегающую к памятнику территорию выражалась в сведении лесов, в первую очередь — дубов, на этапе создания городища. Вполне логичным следствием

Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.)

выпаса скота стало появление в составе степной растительности типичных пастбищных сорняков, на более поздних этапах существования городища пастбищная нагрузка сокращается. Установлено, что прилегающие к памятнику территории подвергались распашке (для аланского населения земледелие традиционно считается основным занятием). Однако масштабы земледельческой активности реконструировать сложно: либо она была невелика, либо поля находились на достаточно большом удалении от Маяцкого городища.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александровский А.Л., Александровская Е.И.* Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.
- Афанасьев Г.Е.* Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сб. Воронеж: Науч. кн., 2012. Вып. 3. С. 93–122.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.: (Аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. М.: Наука, 1987. Вып. 2. 200 с.
- Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Борисов А.В.* Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тысячелетия и фактор византийско-хазарского противостояния руссам // Мегаструктура евразийского мира: Основные этапы формирования. М.: ТАУС, 2012. С. 77–83.
- Безусько Л.Г., Климанов В.А.* Клімат і рослинність рівнинної частини західної УРСР у пізньо-післяльодовиків'я // Україн. ботан. журн. 1987. 43, № 3. С. 54–58.
- Болховская Н.С.* Палеоиндикация изменения ландшафтов Нижнего Поволжья за последние 10 тысяч лет // Каспийское море: Вопросы геологии и геоморфологии. М.: Наука, 1990. С. 52–68.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 528 с.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 240с.
- Борисов А.В., Демкин В.А., Ельцов М.В.* Палочеченные исследования курганных могильников Ольховка-1 и Гусевка-2 в в Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2006. Вып. 3. С. 399–422.
- Борисова О.К.* Изменения растительности и климата в зоне степей Европейской части России в голоцене // Динамика современных экосистем в голоцене. Казань: Отечество, 2013. С. 110–113.
- Благовещенская Н.В.* История растительности центральной части Приволжской возвышенности в голоцене: Автореф. ... дис. д-ра биол. наук. 2009. 48 с.
- Бушинский Г.И.* Титан в осадочном процессе // Литология и полезные ископаемые. М.: Наука, 1963. № 2.
- Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К.* Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене — голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980. С. 79–90.
- Голеусов П.А., Колода В.В., Лисецкий Ф.Н., Чендеев Ю.Г.* Почвы земляных археологических памятников лесостепной зоны и реконструкция по ним изменений природной среды и почвообразования // Восточноевропейский археол. журн. 2002. 1 (14) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/010102/goleusov_koloda_lisetsky_chehdeyev.htm.
- Демкин В.А.* Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье: Дис. ... д-ра биол. наук. 1992. Пушино. 492 с.
- Климанов В.А.* Количественные характеристики климата на равнинных территориях СССР в позднеледниковье и голоцене // Четвертичный период: Методы исследования, стратиграфия и экология. Таллин: Изд-во АН Эстонии, 1990. С. 67–68.
- Климанов В.А., Елина Г.А.* Изменения климата на северо-западе Русской равнины в голоцене // Докл. АН СССР. М.: Наука, 1984. Е 242. № 4. С. 1164–1167.
- Климанов В.А., Никифорова Л.Д.* Изменение климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Докл. АН СССР. М.: Наука, 1982. Т. 267. № 1. С. 164–167.
- Климанов В.А., Хотинский В.А., Благовещенская Н.Б.* Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Изв. РАН. Сер. геогр. М.: Наука, 1995. № 1. С. 89–96.
- Колода В.В., Лисецкий Ф.Н., Чендеев Ю.Г.* Почвы археологических памятников лесостепной зоны и реконструкция по ним изменений природной среды и почвообразования // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. 2004. Вып. 6. С. 163–167.
- Кременецкий К.В.* Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М.: Изд-во ИГ АН СССР, 1991. 193 с.
- Полтараус Б.В., Кислов А.В.* Климатология: (Палеоклиматология и теория климата). М.: Изд-во МГУ, 1986. 144 с.
- Попова В.В.* Структура многолетних колебаний атмосферных процессов на Русской равнине // Изв. РАН. Сер. геогр. М.: Наука, 1999. № 3. С. 42–52.
- Плетнева С.А.* «Очерки Хазарской археологии»: Мосты культуры. Иерусалим: Гешарим, 1999. 380 с.

Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // Археологічний літопис Лівобережної України. 2003. № 1. С. 130–135.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.

Сычева С.А., Чичагова О.А. Радиоуглеродная хроностратиграфия голоценовых отложений Среднерусской возвышенности // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода РАН. М.: ГЕОС, 1999. № 63. С. 104–113.

Сычева С.А., Чичагова О.А. Ритмичность почвообразования на среднерусской возвышенности в голоцене // Почвоведение. М.: Наука, 1999. № 8. С. 970–979.

Хотинский Н.А. Взаимоотношение леса и степи по данным изучения палеогеографии голоцена // Эволюция и возраст почв СССР. Пущино: Изд-во ОНТИ, 1986. С. 46–54.

Чендев Ю.Г. Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. М.: ГЕОС, 2008. 212 с.

Чендев Ю.Г. Реконструкция климатических условий периода распространения салтовской культуры на территории центра Восточной Европы. Приложение 2 // В.В. Колода, С.А. Горбаненко. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Изд-во ИА НАН Украины, 2010. С. 163–165.

Чендев Ю.Г., Сарapulкин В.А. Почвенно-археологическое исследование памятника «Колтуновка» // Проблемы природопользования и экологическая ситуация в Европейской России и сопредельных странах. М.: Белгород, 2008. Ч. 2. С. 139–143.

Эколого-географические районы Воронежской области / Под ред. Ф.Н. Милькова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 216 с.

Якимов А.С., Демкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИИ-Природа, 2007. 228 с.

Nesbitt H.W., Yong Y.M. Early Proterozoic climates and plate motions inferred from major element chemistry of lutites // Nature. 1982. Vol. 299. P. 1523–1534.

Retallack G.J. Soil of the Past: an Introduction to Paleopedology. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2001. 600 p.

Retallack G.J. Soil and Global Change in the Carbon Cycle over Geological Time // Treatise on Geochemistry. 2003. P. 591–605.

Vlag P.A., Kruiver P.P., Dekkers M.J. Evaluating climate change by multivariate statistical techniques on magnetic and chemical properties of marine sediments // Paleogeography, Paleoclimatology, Paleocology. 2004. Vol. 212. P. 23–44.

* Тюмень, ИПОС СО РАН

ryabogina@rambler.ru, ivasenic@rambler.ru

** Пущино, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН

a.v.borisovv@gmail.com, oksanochka_zet@mail.ru

*** Воронежский государственный университет
nmsavitskiy@yandex.ru

The article is devoted to reconstruction of paleoecological conditions at the border of Khazar kaganat and Slavic world at the end of the first millennium A.D. Subject to presentation being new materials of integrated natural science investigations regarding Mayatsky fortified settlement — one of the key sites of the Saltovo-Mayatsky archaeological culture in the East European forest-steppe. An integrated analysis of results of soil-and-stratigraphic, palynological, microbiomorphologic and geochemical investigations regarding sediments of the ditch showed that during the beginnings of the fortified settlement in the first third of IX c. the environmental conditions were warmer and drier compared with modern ones. However, the end of existence of the fortified settlement, coinciding with the decline of Khazar kaganat in the middle of X c., was connected with better conditions of humidification and, probably, with a colder spell.

Climate, sub-Atlantic period, paleoecology of Khazar time, Mayatsky fortified settlement, stratigraphy of a ditch, palynological, microbiomorphologic and geochemical analysis.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнография и этническая история», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. Рубрика «Итоги экспедиционных исследований» рассчитана на оперативную публикацию основных, наиболее значительных результатов экспедиций последних лет. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношении редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах.

И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Итоги экспедиционных исследований», «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.). На обороте каждой иллюстра-

ции следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих буквенных литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИНИТИ — Всероссийский институт научной и технической информации
ГАГПИ — Горно-Алтайский государственный педагогический институт
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАХМАО — Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа
ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ АН СССР — Институт географии АН СССР
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КФАН СССР — Казанский филиал АН СССР
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЦ — Научный центр
ОЮЮЗА МАЭ РАН — Отдел Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН
ПИИЭ — Полевые исследования Института этнографии
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВКНИИ ДВО РАН — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТГИАМЗ — Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТюмГНГУ — Тюменский государственный нефтегазовый университет
УрО АН СССР (РАН) — Уральское отделение АН СССР (РАН)
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧГПУ — Челябинский государственный педагогический университет
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (22)

2013

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 10.09.2013. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 23,5. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ № 790

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.